

*Школа Ново. Варко*

# КНИГА

ДЛЯ

## ЧТЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ,  
ОДОБРЕННОЕ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ УЧИЛИЩЪ.

СОСТАВИЛЪ

**І. Паульсонъ.**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

Типография и Литография И. А. Горчакова.

1862.

Каталогъ

*56077*

*7982*  
*М*

*ПРОСМОТРЕНО 1862*

*I*  
*491.7(082)ИД*  
*17.212и*  
*КЧД*

КОНТРОЛЬНЫЙ

*М. В. Давыдов*

КНИГА

ПЕЧАТНИИ И ПРЯЖЕНІЯХЪ УПРАВЛЕНІИ



Одобрено Цензурою: С. Петербургъ. 3 Мая 1861 года.

И. Назаровъ

№ 109541

11047

## ПРЕДИСЛОВІЕ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ.

Хорошій ученикъ обладаетъ слѣдующими качествами :

- 1) Онъ любитъ свой родной языкъ, и потому
- 2) старается научиться правильно и свободно говорить и писать на немъ. Для этого онъ
- 3) внимательно прислушивается къ тому, какъ говорятъ взрослые образованные люди, и прилежно читаетъ все, что написано въ его книгѣ для чтенія;
- 4) старается отчетливо и основательно уразумѣть и усвоить себѣ всѣ представленія, понятія и мысли, выражаемыя на родномъ языкѣ, и
- 5) бываетъ особенно внимателенъ въ классѣ, не пропускаетъ ни одного слова своего наставника, спрашиваетъ о томъ, чего не понялъ, записываетъ объясненное, для памяти, въ тетрадь, и всегда тщательно приготовляетъ заданный ему урокъ.

Таковы качества ученика, который желаетъ изучить свой родной языкъ. Если ты, юный другъ мой, усвоишь себѣ эти качества, то языкоученіе доставитъ тебѣ много удовольствія. А если ты и во всѣхъ другихъ учебныхъ предметахъ будешь такъ же усерденъ и прилеженъ, то вырастешь на радость наставникамъ твоимъ и родителямъ, и со временемъ сдѣлаешься способнымъ, полезнымъ и всѣми уважаемымъ человекомъ. Свѣтла, отрадна будущность твоя, другъ мой, если ты разумно воспользуешься настоящимъ.

## О П Е Ч А Т К И,

которыя слѣдуетъ исправить до употребленія книги.

На стран.	4.	№ 7. слѣдуетъ исключить *		
»	»	78	вм. № 11	должно быть 117.
»	»	97	№ 148 вм. Путникъ	» » Путь.
»	»	207	вм. № 294	» » 295.
»	»	208	вм. № 295	» » 296.
»	»	311	№ 401 вм. Татаръ	» » татаръ.

## ОГЛАВЛЕНИЕ ОБЩЕЕ.

	Стран.
I. Изъ семейнаго быта . . . . .	1— 28
II. Изъ городскаго быта . . . . .	28— 59
III. Изъ сельскаго быта . . . . .	60—137
А. Деревня . . . . .	60— 83
Б. Поле . . . . .	83— 95
В. Дорога . . . . .	95—104
Г. Лугъ . . . . .	104—111
Д. Лѣсъ . . . . .	111—130
Е. Воды . . . . .	131—137
IV. Человѣческій организмъ . . . . .	138—158
V. Животныя, растения и минералы . . . . .	158—209
VI. Мировыя явленія . . . . .	210—243
VII. Отношенія человѣка къ Богу: статьи нравственнаго и религіознаго содержанія . . . . .	244—277
На русскомъ языкѣ . . . . .	244—251
На церковно-славянскомъ языкѣ . . . . .	252—277
VIII. Родина, отечество: очерки изъ отечественной гео- графіи и исторіи . . . . .	278—342
Объясненіе церковно-славянскихъ буквъ, словосокра- щеній и цифръ . . . . .	343—346
<i>Примѣчаніе.</i> Статьи, отмѣченныя въ книгѣ звѣздочкою, назначаются преимуще- ственно для первоначальнаго чтенія, а напечатанныя болѣе мелкимъ шрифтомъ—для различныхъ упражненій въ языкѣ высшаго курса.	

## ОГЛАВЛЕНИЕ ПОДРОБНОЕ, АЛФАВИТНОЕ.

(Статьи въ стихахъ означены здѣсь буквою с.)

	М.М.
Августъ сильный и кузнецъ . . . . .	237
Александръ Невскій. Изъ «Разсказовъ» Водовозова . . . . .	402
Анекдоты о крысахъ. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	247
Арабское судопроизводство . . . . .	48
с. Беззаботность птички. Пушкина . . . . .	256
Бережливость и скупость . . . . .	65
Битва Куликовская . . . . .	405
Битва Ледяная . . . . .	348
с. Богъ не оставляетъ сиротъ. К. Петерсона . . . . .	202
с. Болото. А. Майкова . . . . .	3
Большая собака . . . . .	142
Большой столъ. П. . . . .	410
Борисъ Годуновъ. Изъ «Записокъ Русской Исторіи» . . . . .	427
с. Бородино. Лермонтова . . . . .	291
Бумага. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	324
с. Буря. И. Козлова . . . . .	177

	№№
Бутлерь . . . . .	53
Бѣдность лучше увѣчья . . . . .	236
Бѣдный гнѣдко. Одоевского . . . . .	52
Вазуза и Волга. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аонасьева . . . . .	380
Великодушная дочь . . . . .	344
Великодушный незнакомецъ . . . . .	344
Вѣжливость украшаетъ всякое состояніе . . . . .	81
с. Веселость птички. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	101
е. Весеннія воды. Ѳ. Тютчева . . . . .	317
с. Весеннія пѣсенки. 1. А. Майкова; 2. Изъ Гейне, Михайлова; 3. Плещеева; 4. Изъ «Басенъ и пѣсенъ для дѣтей»; 5. Б. Федорова . . . . .	321
с. Весенняя гроза Ѳ. Тютчева . . . . .	322
Весна. 1 П. 2 с. А. Майкова . . . . .	319
Весна въ Россіи. Карамзина . . . . .	320
с. Вечерь. 1. Изъ «Пѣсенъ и разсказовъ». 2. Изъ «Звѣздочки» 3. Кудряшева . . . . .	310
с. Вечерь въ лѣсу. Никитина . . . . .	171
с. Вечерь на сѣнокосѣ. Никитина . . . . .	160
Виноградъ и плодовые деревья . . . . .	280
Виттингтонъ . . . . .	242
Владиміръ Великій. По Соловьеву . . . . .	393
Владиміръ Мономахъ. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой . . . . .	397
Владиміръ на Клязьмѣ. Изъ «Путев. записокъ» М. Жданова . . . . .	399
с. Внутренность избы. Мея . . . . .	91
Вода. С. Аксакова . . . . .	198
с. Водопадъ и ручей. Крылова . . . . .	200
Волкъ . . . . .	245
с. Волкъ и журавль. Крылова . . . . .	181
с. Волкъ и котъ. Крылова . . . . .	113
с. Волкъ и лисица. Измайлова . . . . .	184
Волкъ, лошадь, собака; лиса и мужикъ. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аонасьева . . . . .	190
Волосатикъ. Изъ Чтеній Гугеля . . . . .	274
Волчьи ягоды. П . . . . .	288
с. Воробьи и овсянка. Измайлова . . . . .	141
с. Ворона и кувшинъ. Измайлова . . . . .	130
с. Ворона и лисица. Крылова . . . . .	179
с. Вороненокъ. Крылова . . . . .	164
Времена года. П . . . . .	316
с. Всенощная въ деревнѣ. И. Аксакова . . . . .	117
Всякій долженъ работать. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	5
с. Вырубка лѣса. П. Некрасова . . . . .	173
Вѣжливость украшаетъ всякое состояніе. П. . . . .	81
Вѣрное средство разбогатѣть. П . . . . .	56
Вѣрность. Изъ Круммахера . . . . .	349
Вѣрочка и коноплянка . . . . .	108
Гвоздика. Изъ Шмита . . . . .	220
Глупому сыну не въ помощь богатство. Изъ «28 пословиць» . . . . .	35
с. Гнѣздо ласточки. Никитина . . . . .	144

	Годуновъ . . . . .	410
с.	Гонецъ. Пушкина . . . . .	423
	Городъ и деревня. Изъ книги «Деревня» . . . . .	88
	Горькій цвѣтокъ. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	218
	Грибы . . . . .	290
	Грузія. Пушкина . . . . .	384
	Грушевое дерево . . . . .	105
	Гряда гвоздики . . . . .	98
	Гусеницы, куколки и ихъ враги. П. . . . .	263
	Гуси . . . . .	251
с.	Два великана. Лермонтова . . . . .	426
	Два друга и медвѣдь . . . . .	196
с.	Два крестьянина и облако. Измайлова . . . . .	136
	Два мороза (сказка). Изъ «Народнаго Чтенія» . . . . .	238
с.	Два мужика. Крылова . . . . .	115
	Два работника . . . . .	47
	Двѣ яблони . . . . .	29
с.	Демьянова уха . . . . .	112
с.	Деревенскій вечеръ. И. Аксакова . . . . .	121
с.	Деревенскій сторожъ. Н. Огарева . . . . .	123
с.	Дерево. Крылова . . . . .	172
	Десять правилъ для жизни. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	37
	Дитя и шелковичный червь. П. . . . .	265
	Для чего нужны деньги. Изъ «Разск. о Богѣ, чел. и природѣ» . . . . .	24
	Добрая слава лучше богатства . . . . .	107
	Доброе сердце . . . . .	16
	Добрый отецъ. Изъ Круммахера . . . . .	347
	Долгіе и короткіе дни. П. . . . .	300
	Долгоруковъ. Яковъ . . . . .	419
	Домашніе совѣтники. П. . . . .	36
	Домикъ Петра Великаго . . . . .	428
	Дорогая травка . . . . .	50
	Драгоценные камни . . . . .	62
	Древесная лягушка. П. . . . .	262
с.	Дремучій лѣсъ. Кольцова . . . . .	167
	Друзья послѣ смерти. Изъ Гердера . . . . .	351
	Дубъ и верба. Изъ Шмита . . . . .	143
	Думы (сказка). Изъ «Народнаго чтенія» . . . . .	178
	Дурная кухарка . . . . .	217
	Дѣтское желаніе . . . . .	138
	Дѣтство Франклина . . . . .	38
	Еванг. Матѳея гл. ѿ, ѳ—ѿ . . . . .	371
	Еванг. Луки гл. ѳ, ст. ѳе—ѿб . . . . .	372
с.	Елка. Свѣчина . . . . .	279
с.	Жаворонокъ. Жуковского . . . . .	174
	Жгучая вода. П. . . . .	293
	Жизнь Петра Великаго въ Сардамі . . . . .	418
	Жуки. П. . . . .	271
с.	Завтра. Б. Федорова . . . . .	10

6.  
115

Загадки на страницахъ:

	1, 4, 6, 8, 11, 12, 13, 31, 33, 42, 61, 62, 64, 65, 71, 79, 86, 89, 92, 93, 95, 96, 99, 101, 112, 115, 133, 134, 137, 138, 140, 141, 143, 152, 160, 173, 176, 177, 178, 184, 188, 190, 191, 199, 201, 204, 207, 211, 213, 214, 222, 224, 225, 229, 230, 233, 234, 238, 240.	
	Загадка мужика. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева . . .	127
с.	Загадочный цвѣтокъ. Изъ дѣтской книги «Золотой Цвѣтокъ»	286
	Задача для смѣтливыхъ дѣтей. Изъ «Звѣздочки» . . .	8
	Замѣчательная собака. Изъ «Звѣздочки» . . .	243
	Зачѣмъ данъ тебѣ вкусъ? Изъ «Разказовъ о Богѣ, чело- вѣкѣ и природѣ» . . .	216
	Зачѣмъ не видалъ? Изъ той же книги . . .	212
	Зачѣмъ не слыхалъ? Изъ той же книги. . .	214
	Заяць. С. Аксакова . . .	246
с.	Звѣзды. Хомякова . . .	313
	Здѣсь удобрено гипсомъ. П. . .	292
	Земля и находящіяся на ней государства. Изъ «Сельскаго Чтенія» . . .	373
с.	Зима. 1. Баратынскаго. 2. 3. и 4. Пушкина . . .	338
с.	Зимнее утро. А. Майкова . . .	342
с.	Зимнее утро въ столицѣ. Пушкина . . .	44
с.	Зимняя дорога. Пушкина . . .	149
с.	Зимняя ночь. Лихачева . . .	343
с.	Зимняя ночь въ деревнѣ. Никитина . . .	122
с.	Змѣя и пѣявица. И. Дмитриева . . .	261
	Золотые орѣхи. П. . .	17
	Иванъ Сусанинъ . . .	415
	Играющіе собаки . . .	2
с.	Имба. Н. Огарева . . .	89
	Извилистыя тропинки. . .	192
	Изобрѣтеніе пороха. Изъ «Звѣздочки» . . .	297
	Искатели меда . . .	268
	Искусство жить долго. . .	225
	Испытаніе. . .	350
	Истинное благочестіе. Изъ «Первоначальнаго учителя» Канту	357
	Истинное добродушіе. П. . .	54
	Исторія дождевой капли. П. . .	330
	Источникъ живой воды . . .	204
	Иова гл. 40—41 . . .	364
	Иоаннъ Грозный. Изъ «Записокъ Русской Исторіи» . . .	407
	Иоаннъ Даниловичъ Калита . . .	403
	Иоаннъ III. Изъ «Русской Исторіи» Бутовскаго . . .	406
с.	Кавказъ. Пушкина . . .	383
	Какъ баба сама себя вылечила. В. Даля . . .	229
	Какъ кошки ловятъ рыбу. С. Аксакова . . .	259
	Какъ образуется снѣгъ . . .	341
	Какъ пишетъ котенокъ. П. . .	9
	Какъ правда теряется. Изъ «Звѣздочки» . . .	87



	№№
Канарейка. Изъ Круммахера . . . . .	14
Капуста. Изъ Шмита . . . . .	102
Картофель. II . . . . .	287
Каспійское море. Марлинскаго . . . . .	385
с. Квартетъ. Крылова . . . . .	72
Кивачъ. А. Грена . . . . .	376
с. Кіевъ. Хомякова . . . . .	388
Клочокъ ваты. II . . . . .	13
Книги Бытія глава $\bar{a}$ . . . . .	360
— — — $\bar{a}z$ . . . . .	361
— — — $\bar{m}a$ . . . . .	362
— — — $\bar{m}k$ . . . . .	363
Князь Пожарскій . . . . .	414
Князь Я. О. Долгоруковъ . . . . .	419
Когда-бъ на дятла не свой носокъ, никто-бъ его въ дуплѣ не нашель. Изъ «28 пословицъ» . . . . .	253
Кола . . . . .	375
с. Колосья. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	140
Кому кукушка кувовала . . . . .	193
с. Косарь. Кольцова . . . . .	161
Костя и жуфъ. II . . . . .	27
с. Коть и поваръ. Крылова . . . . .	41
Кофе . . . . .	285
с. Крестьянинъ и лошадь. Крылова . . . . .	131
с. Крестьянинъ и топоръ. Крылова . . . . .	90
с. Крестьянинъ съ ношею. Хемницера . . . . .	152
с. Крестьянская пирушка. Кольцова . . . . .	114
Крещеніе Руси. Карамзина . . . . .	394
Кротъ. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	248
с. Кто онъ? А. Майкова . . . . .	420
Кузнецъ. Изъ Шмита . . . . .	231
с. Кукушка. Измайлова . . . . .	176
Куликовская битва . . . . .	405
Курица и утята. С. Аксакова . . . . .	252
Къ чему нужно обоняніе? . . . . .	219
с. Ларчикъ. Крылова . . . . .	61
Ласточки. Ишимовой . . . . .	255
с. Ласточки. А. Майкова . . . . .	336
Лебедь. С. Аксакова . . . . .	250
с. Левъ состарѣвшійся. Крылова . . . . .	186
Летучая мышь. II . . . . .	249
Лиса и журавль. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева . . . . .	182
Лиса и тетеревъ. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева . . . . .	183
с. Лисица и виноградъ. Крылова . . . . .	103
с. Лисица и осель. Крылова . . . . .	187
Ложный стыдъ. II . . . . .	22
Лошадь и верблюдъ. Изъ Лессинга . . . . .	241
с. Лошадь и осель. Хемницера . . . . .	155
Луна—образъ человѣческой жизни. II . . . . .	302
Лучшая приправа. II . . . . .	224

	ММ
Лучшее украшеніе матери. П . . . . .	31
с. Лѣтній мужикъ. Кольцова . . . . .	125
Лѣса. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	166
с. Лѣтній вечеръ. Жуковского . . . . .	327
с. Лѣтній дождь. А. Майкова . . . . .	135
Лѣтняя жаря . . . . .	328
с. Любопытный. Крылова . . . . .	48
с. Лягушка и волъ. Крылова . . . . .	162
Магнитъ . . . . .	295
с. Мальчикъ съ пальчикъ . . . . .	99
Мальчикъ, пчела, собака, птица и лошадь . . . . .	5
с. Мартышка и очки. Крылова . . . . .	213
с. Медвѣдь плясунъ. Хемницера . . . . .	185
с. Мельникъ. Крылова . . . . .	145
Мертвая голова . . . . .	266
Мининъ . . . . .	413
Мнимоумершая дѣвица. П . . . . .	234
Много желать, добра не видать. Изъ «28 пословиць» . . . . .	25
Можно ли въ разгоряченномъ состояніи пить холодную воду? П . . . . .	227
с. Мой садикъ. Плещеева . . . . .	97
Молодая муха . . . . .	19
с. Монастырь. И. Козлова . . . . .	356
с. Морозъ. Б. Федорова . . . . .	339
с. Морская тишь. Изъ Гёте, Ѳ. Миллера . . . . .	206
с. Москва. Ѳ. Глинки . . . . .	386
с. Мужикъ и корова. Хемницера . . . . .	150
Мужикъ и зайць. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева . . . . .	126
Мужикъ и царедворецъ. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева . . . . .	76
Муравьи. П . . . . .	272
с. Муха. И. Дмитриева . . . . .	129
Награда по заслугамъ . . . . .	75
Надъ тѣлесными недостатками смѣяться не должно . . . . .	223
Наклонись. П . . . . .	82
Народная пѣсня про покореніе Казани . . . . .	408
с. Наступленіе ночи. Жуковского . . . . .	311
Находчивость русскаго солдата. В. Даля . . . . .	73
с. Начало весны. Пушкина . . . . .	318
Начало Москвы. Карамзина . . . . .	400
Нашествіе татаръ. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой . . . . .	401
Не давши слова крѣпись; а давши слово, держись. Изъ «28 пословиць» . . . . .	67
Не завидуйте богатству. В. Даля . . . . .	226
Не положивъ, не ищи. В. Даля . . . . .	194
Непріятели пчелъ. Изъ «Міра Божія» . . . . .	267
Неумышленное похищеніе . . . . .	215
Неустрашимый мальчикъ. Изъ «Сельскаго чтенія» . . . . .	119
Нечистоплотный крестьянинъ. В. Даля . . . . .	228
с. Нива. 1, А. Майкова. 2, Ю. Жадовской . . . . .	137
Нижній Новгородъ. А. Разина . . . . .	387

	№№
с. Нищіе. Никитина . . . . .	55
Новгородъ . . . . .	409
с. Ночь. 1. Касилича; 2. Никитина . . . . .	312
Облака. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	305
О волосатикѣ. Изъ Чтеній Гугеля . . . . .	274
Одесса . . . . .	425
О землѣ и находящихся на ней государствахъ, особенно русскомъ. Изъ «Сельскаго Чтенія» . . . . .	373
Окунь. Изъ «Міра Божія» . . . . .	258
О ласточкахъ. Ишимовой . . . . .	255
Олегъ. Изъ «Разсказовъ» Водовозова . . . . .	390
Ольга. Изъ той же книги . . . . .	391
О наукахъ. Изъ Чтеній Гугеля . . . . .	273
с. Осель и соловей. Крылова . . . . .	189
с. Осенняя пѣсенка. Пушкина . . . . .	335
с. Осень. 1. Фета; 2. А. Майкова . . . . .	333
с. Осень въ деревнѣ. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	334
с. Осиротѣлая птичка. А. Загоскина . . . . .	175
Ось и чека. В. Даля . . . . .	156
О томъ, какъ странствуютъ деревья. П . . . . .	278
Палицынъ . . . . .	412
Пастушья свирѣль . . . . .	84
Пауки. Изъ Чтеній Гугеля . . . . .	273
с. Пейзажъ. А. Майкова . . . . .	169
Первые русскіе князья. Изъ «Разсказовъ» Водовозова . . . . .	389
Первый русскій гофъ-малеръ . . . . .	71
с. Передъ дождемъ. Н. Некрасова . . . . .	323
Перелетныя птицы . . . . .	254
Переправа черезъ рѣку . . . . .	51
Персики. Изъ Круммахера . . . . .	110
Персіяннинъ и сынъ его. Изъ Чтеній Гугеля . . . . .	83
Петръ Великій подъ судомъ . . . . .	77
Печаль маленькаго садовника . . . . .	281
Печорскій край. Изъ «Чтенія взрослыхъ дѣтей» . . . . .	374
Письма гимназиста къ роднымъ (3 письма). Н. Гоголя . . . . .	12
Подарокъ отъ чистаго сердца . . . . .	2
Подкова. Изъ Шмита . . . . .	154
Подвигъ Ивана Сусанина . . . . .	415
Пожарскій, князь . . . . .	414
Покрытое блюдо . . . . .	68
Полтава . . . . .	422
Померанцевое дерево. П . . . . .	232
Пословицы діететическія . . . . .	235
Пословицы изъ повседневной жизни . . . . .	42
Пословицы изъ ремесленнаго и купеческаго быта . . . . .	70
Пословицы изъ сельскаго быта . . . . .	124
Пословицы и поговорки, заимствованныя изъ царства жи- вотныхъ . . . . .	275
Пословицы и поговорки, имѣющія отношенія къ лѣсу и водѣ . . . . .	208
Пословицы и поговорки, относящіяся съ человѣческому тѣлу . . . . .	222

	№№
Пословицы и поговорки, относящіяся къ явленіямъ природы	346
Пословицы историческія . . . . .	416
Пословицы о добрѣ и худѣ, о правдѣ и лжи . . . . .	85
Пословицы о любви и послушаніи . . . . .	34
Пословицы о нуждѣ и бѣдности . . . . .	58
Пословицы объясненныя . . . . .	25, 35, 67
Пословицы о пользѣ ученія и знанія . . . . .	11
Пословицы о трудолюбіи и праздности . . . . .	7
Пословицы религиозныя . . . . .	358
Похороны на караблѣ. Д. Григоровича . . . . .	207
Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ. Изъ «Разсказовъ» Водовозова . . . . .	398
Правосудіе . . . . .	79
Премудрости Иисуса сына Сирахова . . . . .	368
Примѣты осени. Грекова . . . . .	332
Природа днемъ и ночью. Н. П. Вагнера . . . . .	315
Природа до и послѣ дождя. Демидова . . . . .	168
Природа и жизнь въ деревнѣ. Н. Некрасова . . . . .	120
Присутствіе духа крестьянской дѣвочки. Изъ «Сельскаго Чтенія». . . . .	111
Притча о дубовой бочкѣ. В. Дали . . . . .	104
Притчи I. Христа. Еванг. Матѳ. гл. ѳі . . . . .	359
Притчи Соломоновы . . . . .	367
Причина и дѣйствіе. П. . . . .	233
Пробка. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	283
Пророка Даніила гл. 5 . . . . .	370
Пророка Іеремиі гл. м5 . . . . .	369
Пророки и волшебники. Карамзина . . . . .	396
Прохожіе и собаки. Крылова . . . . .	43
Псаломъ 41 . . . . .	365
Псаломъ 41 . . . . .	366
Птичка. О. Туманскаго . . . . .	257
Пустынникъ и медвѣдь . . . . .	191
Путешествія по міровому пространству. П. . . . .	298
Путь. Кольцова . . . . .	148
Пчела и курица . . . . .	94
Пчела и мухи. Крылова . . . . .	269
Пчела и овца. П . . . . .	95
Пѣснь Баяна. Н. Языкова . . . . .	392
Пѣсня пахаря. Кольцова . . . . .	128
Пѣтухъ, котъ и мышенокъ. И. Дмитриева . . . . .	20
Раздѣленіе дня. П . . . . .	299
Раздѣль. Крылова . . . . .	69
Различіе растенія отъ животнаго. Изъ «Сельскаго Чтенія» . . . . .	277
Разсвѣтъ. Лермонтова . . . . .	307
Разсказъ мышенка о помощи лву. Жуковского . . . . .	188
Резедная бабочка. П . . . . .	264
Роса и иней. П . . . . .	331
Руководьльная пѣсня. Одоевскаго . . . . .	6
Русская зима. Вяземскаго . . . . .	340

	№№
Русская тройка. Н. Гоголя . . . . .	147
с. Русскія рѣки. Ѳ. Миллера . . . . .	424
Ручей. Изъ Круммахера . . . . .	203
с. Рѣчка. Цыганова . . . . .	201
Садовыя деревья . . . . .	30
Самарскія степи. А. Разина . . . . .	382
Самозванецъ . . . . .	411
IX Сапожные гвозди. Изъ Шмита . . . . .	57
Сахаръ . . . . .	284
с. Свинья подъ дубомъ. Крылова . . . . .	96
Священникъ и крестьянинъ . . . . .	133
с. Сельское кладбище. Жуковского . . . . .	118
с. Сельскій вечеръ. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	116
Сказка о лисицѣ и волкѣ. Изъ «Народн. сказ.» Аѳанасьева . . . . .	157
Сказка о шукѣ зубастой. Изъ «Народн. сказ.» Аѳанасьева . . . . .	199
с. Скворецъ и кукушка. Хемницера . . . . .	177
Скоро, да нездорово . . . . .	153
Скука. II . . . . .	23
Слово въ Великій Пятокъ. Иннокентія . . . . .	355
с. Слоны и моська. Крылова . . . . .	49
Смышленная мышка. II . . . . .	18
Смѣлые мальчики. II . . . . .	195
Смѣтливый мужикъ. Изъ «Народн. сказокъ» Аѳанасьева . . . . .	92
Снигирь и мальчикъ . . . . .	345
Собака и волкъ . . . . .	163
с. Собака и лошадь. Крылова . . . . .	93
Сожъ и Днѣпръ. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аѳанасьева . . . . .	381
Солдатъ и падающая звѣзда. II . . . . .	314
Солнечное сіяніе и дождь. II . . . . .	329
Солнце. II . . . . .	301
с. Солнце и мѣсяцъ. Я. Полонскаго . . . . .	303
Солнце, морозъ и вѣтеръ. Изъ «Народн. сказокъ» Аѳанасьева . . . . .	337
с. Соловей и чижъ. Хемницера . . . . .	40
Соляной источникъ. II . . . . .	294
Сонъ и смерть. Изъ Гердера . . . . .	353
Соперничество домашнихъ животныхъ. II . . . . .	240
Сострадательная Наташа . . . . .	26
Спусти лѣто, да въ лѣсъ по малину. Изъ «28 пословицъ» . . . . .	210
Сраженіе на берегахъ р. Вожи . . . . .	404
Старикъ . . . . .	211
с. Старикъ и ребята своевольные. Хемницера . . . . .	205
Старые и молодые люди . . . . .	209
Старый волкъ. Изъ «Подснѣжника» . . . . .	165
Стекло . . . . .	296
Странникъ. II . . . . .	80
Станный рецептъ. II . . . . .	59
Строевая лошадь . . . . .	74
с. Строитель. Хемницера . . . . .	46
с. Стрѣлка часовая. Хемницера . . . . .	45
с. Сумерки . . . . .	309
Сусанинъ . . . . .	415

	№№
Сцена въ типографіи. Измайлова.	60
Съ пользою употребленныя деньги . . . . .	32
Съяніе ржи. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	132
с. Сѣнокосъ. А. Майкова . . . . .	159
Теплокровныя и холоднокровныя животныя . . . . .	239
с. Тишина ночи. Никитина . . . . .	86
Товія. Изъ Круммахера . . . . .	352
Три золотыя рыбки . . . . .	21
с. Тришкинъ кафтанъ. Крылова . . . . .	63
с. Туча. Пушкина . . . . .	325
Угорь и змѣя. . . . .	260
с. Улетѣвшая птичка. Изъ «Звѣздочки» . . . . .	100
Умный червякъ. П. . . . .	304
с. Урожай. Кольцова . . . . .	139
Усталость маятника. Изъ «Чтенія для дѣтей» Класовскаго . . . . .	39
У страха глаза велики. В. Даля . . . . .	197
Утреннія занятія Петра Великаго . . . . .	421
с. Утренняя звѣзда. Жуковскаго . . . . .	306
с. Утренняя пѣсня. Одоевскаго . . . . .	4
с. Утро. 1. Изъ Пѣсень, разсказовъ и басенъ для дѣтей; 2. Никитина; . . . . .	308
Утро на лугу . . . . .	158
Ученіе Петра Великаго . . . . .	417
Финляндія. Батюшкова . . . . .	379
Худой плательщикъ . . . . .	66
с. Цвѣтокъ. Кольцова . . . . .	170
Цвѣты плодовыхъ деревьевъ . . . . .	282
Церковь. Изъ «Сельскаго Чтенія» . . . . .	354
Цикута. П . . . . .	289
с. Цыганенокъ. Д. Ленскаго . . . . .	109
Честность. . . . .	64
Чернильная муха. А. Дараганъ . . . . .	270
Четыре стихіи. Изъ Шмита . . . . .	28
с. Чижъ и ежъ. Крылова . . . . .	180
Чистое небо и тучи. П . . . . .	134
Члены человѣческаго тѣла . . . . .	221
Что знаешь, о томъ не спрашивай. В. Даля . . . . .	151
Что такое растеніе? . . . . .	276
Чувство любви сильнѣе боли. П . . . . .	15
Чудный врачъ. П . . . . .	230
с. Чудское озеро. Н. Языкова. . . . .	378
Швейцарскія собаки на горѣ Сень-Готардъ . . . . .	244
с. Шоссе и обыкновенная дорога П. Агсакова . . . . .	146
Щегленокъ . . . . .	106
Эльтонское озеро . . . . .	377
Эхо. Изъ Шмита . . . . .	326
Ярославъ Первый. Изъ «Русской исторіи» Бутовскаго . . . . .	395

# 1. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

## \* 1. Подарокъ отъ чистаго сердца.

Госпожа Зимина была нездорова и не могла выходить изъ комнаты. Призвавъ пятилѣтняго сына, Володю, она сказала ему: «Володя, возьми эту корзинку съ яблоками и отнеси къ бабушкѣ, потому что сегодня день ея ангела. Поздравь её хорошенько и поцѣлуй ручку; а вотъ это яблоко ты можешь скушать.» Съ этими словами госпожа Зимина подала ему большое, румяное яблоко. Поблагодаривъ мамашу, Володя взялъ корзинку, положилъ своё яблоко въ карманъ, и въ сопровожденіи стараго слуги пошёлъ къ бабушкѣ. — «Поздравляю васъ съ днёмъ ангела, милая бабушка», сказалъ онъ, входя къ ней, и прибавилъ, подавая корзинку: «это отъ маменьки». А потомъ, робко вынимая яблоко изъ кармана, проговорилъ тихо: «а это отъ Володи».

### **Загадка.**

Мать съ дочерью, да мать съ дочерью, да бабушка съ внучкой, много ли ихъ всѣхъ?

## \* 2. Играющія собаки.

Володя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлся на солнышкѣ большой дворовый пёсъ, Полканъ.

Къ Полкану подбѣжала маленькая моська и стала на него кидаться и лаять; хватала его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдала большой и угрюмой собакѣ. «Погоди-ка, вотъ онъ тебѣ задасть!» сказалъ Володя: «проучить онъ тебя!» Но моська не переставала играть, а Полканъ смотрѣлъ на неё очень благосклонно.

— Видишь ли, сказалъ Володѣ отецъ: Полканъ добрѣе тебя! Когда съ тобой начнутъ играть твои маленькіе братья и сестры, то непременно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ обидишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

### \* 3. Большая собака.

Въ гостинницѣ маленькаго городка сидѣлъ человекъ, водившій ручнаго медвѣдя, и ужиналъ; а Мишенька стоялъ на дворѣ, привязанный къ столбу. Въ верхней комнатѣ гостинницы играли въ это время три мальчика; старшему было шесть лѣтъ, а младшему только два года. Имъ не оставили свѣчки, но съ нихъ довольно было свѣту и отъ блѣдныхъ лучей мѣсяца. Въ эту минуту послышались тяжёлые шаги на лѣстницѣ, — шаги не человѣческіе.... Дверь отворилась, и кто же вошёлъ? Мишенька! Огромный, мохнатый Мишенька. Ему одному стало скучно на дворѣ, и онъ случайно нашёлъ дорогу наверхъ.

Дѣти испугались, увидѣвъ страшнаго звѣря, и скорѣе спрятались по угламъ. — Напрасно! Онъ скоро отыскалъ ихъ, обнюхалъ, но не сдѣлалъ имъ никакого вреда. Дѣти ободрились и подумали: это вѣрно большая собака, и начали ласкать её, сначала робко, потомъ посмѣлѣе. Медвѣдь прилѣгъ на полъ, младшій мальчикъ взлѣзъ на него и пряталъ золотые кудри свои въ его теплой шубѣ. Старшій началъ бить въ барабанъ, и тогда-то настало истинное веселье для дѣтей: Мишенька всталъ на заднія лапы, началъ плясать и показывать всё свои штуки; чудно было смотрѣть на него! Потомъ каждый мальчикъ взялъ въ руки по деревянному ружью, медвѣдю дали также одно, и онъ прекрасно держалъ его въ лапахъ. Каковъ былъ товарищъ? Послушный, добрый Миша! и всё вмѣстѣ пустились маршировать: разъ, два! разъ, два!

На лѣстницѣ опять послышались шаги, — вошла маменька малютокъ. Боже мой, какъ она испугалась! Отъ страха остановилась она у дверей, какъ окаменѣлая. Лицо ея покрылось смертною блѣдностію, глаза остановились неподвижно. Но младшій мальчикъ, весело кивнувъ ей головой, закричалъ: «Маменька, посмотри, мы играемъ въ солдаты.» Въ эту минуту вошёлъ и проводникъ медвѣдя.

### \* 4. Утренняя пѣсня.

Встань по утру, не лѣнись! мыломъ вымойся, утрись. Кто растрѣпанъ, не умыть, тотъ собой людей смѣшить.  
Зубы, дѣсны грѣпче три, и снаружи и снутри; чистымъ гребнемъ причешись, да и Богу помолись.



Долго спать тебѣ не въ прокъ, лишь забудешь про урокъ, ты за книжку—повторить, а ужъ начали звонить.

Знай заранее, что взять, времени чтобъ не терять. Въ классъ когда идти велятъ, тутъ ужъ некогда искать.

То забылъ налить чернилъ, то пера не очинилъ, книжку бросилъ безъ пути, а потомъ и не найти.

Но въ порядкѣ что лежитъ, подь руку само бѣжить. Въ классѣ быть, такъ не зѣвать, а стараться понимать.

Кто зѣваетъ, негодяй; ты ему не подражай. Слышишь новое—смекни, да въ тетрадкѣ отчеркни.

Поѣбился, пропустилъ,—смотришь, завтра позабылъ. А написано—прочтешь, лучше въ толкъ себѣ возьмешь.

*Одоевскій.*

### \* 5. Мальчикъ, пчела, собака, птица и лошадь.

Былъ одинъ маленькій мальчикъ; папенька и маменька послали его въ училище. Утро было прекрасно; солнце свѣтило ярко; голосистыя птички весело распѣвали; мальчику не хотѣлось учиться, ему лучше хотѣлось бы поиграть. Онъ былъ еще глупенькій малютка. Оглядываясь вокругъ, онъ увидѣлъ пчёлку, которая летала съ цвѣтка на цвѣтокъ.—«Пчёлка», сказалъ онъ, «поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала пчела, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно собирать мѣдъ.»

Пройдя нѣсколько шаговъ, мальчикъ встрѣтилъ собаку и сказалъ ей: «собачка, поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала собака, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно идти стеречь дворъ моего хозяина, чтобы туда не зашѣлъ воръ.»

Далѣе мальчикъ увидѣлъ птичку, которая таскала носикомъ своимъ клочки сѣна изъ копны.—«Птичка», сказалъ онъ ей, «поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала птичка, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно собрать сѣна, мху, шерсти, чтобъ свить себѣ гнѣздышко.»

Потомъ мальчикъ увидѣлъ лошадь и сказалъ ей: «лошадка, поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала лошадь, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно пахать землю, на которой будутъ сѣять хлѣбъ. Если я не стану пахать, то негдѣ будетъ сѣять хлѣба; а если хлѣбъ не будетъ посѣянъ, то нечего будетъ ѣсть.»—«Никто не хочетъ играть», подумалъ мальчикъ: «видно и мнѣ

не должно лѣниться. Онъ пошёлъ въ училище, учился прилежно, учитель похвалилъ его, и ему было весело.

## 6. Рукодѣльная пѣсня.

Ну, подруженьки, скорѣе! солнце красное взошло; за работу мы дружище! пока время не ушло. Помолись, потрудишься, только знай не лѣнись! Безъ нужды проживешь, да добра наживешь.

Чтобъ добра себѣ прибавить, надо въ жизни работать, все самимъ умѣть исправить, а другимъ не докучать. Что за стыдъ! какъ не знать ни кроить, ни стирать? Я и платье скрою, и рубашку сошью.

У хозяйки все поспѣло, только надо присмотреть, не сидѣть самой безъ дѣла, да и дѣло разумѣть. Что за стыдъ! какъ не знать, что обѣдать подать? Я и хлѣбъ испеку, да кашу сварю.

У плохой хозяйки въ домѣ ходятъ дѣти босикомъ, не въ порядкѣ, не въ приборѣ, все разбросано кругомъ. Всюду соръ, всякій вздоръ, для хозяйки позоръ. Этакъ домъ не сберешь и концовъ не сведешь.

Если любить кто трудиться, вправѣ тотъ и отдохнуть, погулять и порѣзвиться, да и въ книжку заглянуть. Что за стыдъ! какъ не знать ни читать, ни писать? Я и книжку прочту, да и счѣтъ подведу.

Станемъ дружно мы трудиться и другъ другу помогать! Надо многому учиться, чтобы что нибудь да знать. На другихъ погляжу, да свой умъ приложу; и чего не смогу, то я въ книжкѣ найду.

Не страшна работѣ бѣдность! Кто работаетъ, тотъ сытъ; кто къ труду имѣетъ ревность, Богъ того благословитъ. Будемъ шить, будемъ мыть, будемъ деньгу копить! И себѣ сберегу, и роднымъ помогу!

*Одоевскій.*

## Загадка.

Штучка одноручка, носочекъ стальной, а хвостикъ льняной.

## \* 7. Пословицы о трудолюбіи и праздности.

Богъ труды любить. Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ. Трудъ

человѣка кормить, а лѣнь портить. Когда станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться. Лѣнь добра не дѣлаетъ, безъ соли обѣдаетъ. Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ. Праздность есть мать пороковъ. Праздный живетъ, только небо коптитъ. Гулявши много съ молоду, умрешь подъ старость съ голоду. Игра игрою, а дѣло дѣломъ. Дѣлу время, а потѣхи часъ. Маленькое дѣло, лучше большого бездѣля.

### \* 8. Задача для смѣтливыхъ дѣтей.

Два пастушка, Василій и Пётръ, возвращаясь вечеромъ домой, каждый съ своимъ маленькимъ стадомъ, встрѣтились и стали разговаривать. Василій, посмотрѣвъ на овецъ Петра, сказалъ: «знаешь ли, Петруша, что я тебѣ предложу: отдай ты мнѣ одну изъ твоихъ овецъ, такъ у меня будетъ стадо ровно вдвое числомъ противъ твоего.» Пётръ посмотрѣлъ на овецъ, немножко подумалъ и отвѣчалъ: «Нѣтъ, Вася, я же предложу тебѣ лучше и справедливѣе: отдай ты мнѣ одну изъ твоихъ овецъ, такъ у насъ будетъ по ровну: никому не завидно.»

Теперь вопросъ: сколько у каждаго было овецъ?

### \* 9. Какъ пишетъ котёнокъ.

Быль дождливый день, и Ваня долженъ былъ оставаться дома; кромѣ того ему нужно было приготовить къ классу письменный урокъ. Но ему лучше хотѣлось скакать по комнатѣ, шумѣть и щёлкать кнutomъ, чѣмъ заниматься дѣломъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но вотъ его «поди!» и «держи правѣй!» услышала мать, и велѣла ему приняться за работу. Ваня же, не будучи расположенъ писать, началъ плакать и выдумывать различныя отговорки: и чернила густы, и перо брызгаетъ, и нѣтъ больше бумаги, и Богъ вѣсть! какія еще причины мѣшали ему работать. Но всё это не помогло: онъ долженъ былъ сѣсть за письменный столъ, взять бумагу и начать писать. Однако не долго онъ занимался; скоро сталъ онъ зѣвать, задумался и наконецъ—заснулъ. Мать всё это замѣтила, но покачала только головой и оставила его въ покоѣ.

Въ это время съ печки прыгнулъ котёнокъ и сталъ бѣгать по комнатѣ. По стульямъ онъ взобрался и на столъ; тутъ онъ обнюхалъ перо, взялъ его въ зубы и сталъ усердно танцовать

по столу. Но—о Боже! лапочка его попадаетъ въ чернильницу. И этой лапкой онъ выводитъ на бумагѣ Вани самыя замысловатыя фигуры; никакой живописецъ не придумалъ бы такихъ узоровъ. Наконецъ, сдѣлавъ свое дѣло, котёнокъ соскочилъ со стола и пошёлъ чистить запачканную лапку. Спустя нѣсколько времени Ваня просыпается, протираетъ глаза, смотритъ на бумагу и не можетъ надивиться; а потомъ начинаетъ плакать и жаловаться, что кто-то подшутилъ надъ нимъ, запачкавъ чернилами и бумагу его, и руки.

«Напрасно ты жалуешься», сказала ему со смѣхомъ мать: «тебѣ не хотѣлось писать урокъ, такъ за тебя написалъ его котёнокъ.»

#### Загадка.

Сорву косматому голову, выну сердце, дамъ пить, станеть говорить.

#### \* 10. Завтра.

Завтра, завтра, не сегодня! такъ лѣнивцы говорятъ: завтра— всё я дѣлать радъ, хоть въ день праздника Господня! А сегодня отдохну. Завтра свой урокъ начну, завтра не хочу лѣниться, завтра надобно трудиться; нынче лучше поиграть, завтра— трудъ свой докончать. Вотъ сужденіе какое! Для чего же не теперь? Завтра сдѣлаешь другое, нынче это сдѣлай; вѣрь, что на каждый день есть дѣло. Что поспѣло, то созрѣло; что ты сдѣлалъ, то съ концомъ вижу я, и поздравляю. А что сдѣлаешь потомъ, я, дружокъ, еще не знаю. Если кто пойдетъ впередъ, то назадъ идетъ навѣрно; день за днёмъ вся жизнь пройдетъ невозвратно и мгновенно. Быстро каждый часъ летитъ, далѣ, далѣ время мнѣть! То лишь наше, что имѣемъ, и своимъ назвать мы смѣемъ настоящій только часъ; будущій—сокрытъ отъ насъ. Каждымъ часомъ настоящимъ въ жизни пользоваться знай, мигомъ дорожи летящимъ, завтраму не довѣрай!

#### 11. Пословицы о пользѣ ученія и знанія.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ученье красота, а неученье сухота. Ученье атаманъ, а неученье комаръ. Ученье лучше богатства.

Ученье въ счастьи украшаетъ, а при несчастьи утѣшаетъ. Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ. Корень ученья горекъ, да плодъ сладокъ. Повторенье мать ученья. Чему съ молоду не научился, того и подъ старость не будешь знать. Къ мягкому воску печать, а юну челоуѣку ученье. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. За учёнаго двухъ неучёныхъ даютъ. Азбука къ мудрости ступенька. Кто грамотъ гораздъ, тому не пропасть. Наука не бука, она не страшаетъ, а мракъ незнанья отгоняетъ. Не на пользу книги читать, когда только верхки съ нихъ хватать. Знай больше да говори меньше. Много будешь знать, такъ скоро состаришься.

## 12. Письма гимназиста къ роднымъ.

### 1.

Почтеннѣйшіе родители, папенька и маменька!

Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здоровіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здоровія вашего.

Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться вакаціями, чтобы посѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если вы будете въ Полтавѣ сами скоро, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы.

Цѣлуя безцѣнныя ручки ваши, имѣю честь быть съ сыновнимъ моимъ къ вамъ высокопочтеніемъ

вашъ послушный сынъ

Николай Гоголь.

Полтава.

— Мая 1820 г.

### 2.

Дражайшая бабушка!

Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ вамъ, дражайшая бабушка. Покорно васъ благодарю, что вы прислали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю вамъ благополучія и долготнѣй жизни, при чемъ остаюсь

вашъ покорный внукъ

Николай Гоголь.

Полтава.

1820 г.

П. П. Пришлите мнѣ, дражайшая бабушка, погребецъ; я куплю для него приборъ. Обрадуйте папеньку и маменьку, что я успѣлъ въ наукахъ,—то, что въ первомъ классѣ гимназіи, и учитель мною доволенъ. Прошу поцѣловать за меня няню и сестрицъ моихъ.

3.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, другъ мой, за твою приписочку и за воспоминаіе частое обо мнѣ. Я не знаю только, почему ты думаешь, какъ о несбыточной вещи, о нашемъ свиданіи. Вѣрь, милый другъ мой, что мы непременно увидимся съ тобою, и раньше, нежели ты думаешь. Если только я буду имѣть возможность пріѣхать домой къ вамъ на свой счетъ, не доставя вамъ никакихъ издержекъ, то это будетъ мое первое дѣло и долгъ—поблагодарить васъ лично за ваши великодушныя пожертвованія для меня. Не могу тебѣ объяснить, какъ я радъ счастьемъ милой и доброй сестрицы нашей Александры Ѳедоровны. Отъ всей души желаю ей продолженія его на всю жизнь. Она его достойна по своей доброй, кроткой и прекрасной душѣ. Подарокъ твой, моя милая сестрица, носили ли бы его или нѣтъ, я всегда буду носить на себѣ, если тебѣ только вздумается прислать его.

Цѣлую несчетно моихъ прелестныхъ сестрицъ и горю нетерпѣніемъ видѣть ихъ. Бабушкамъ, дѣдушкѣ, всѣмъ родственникамъ, знакомымъ и всѣмъ, кто только помнитъ обо мнѣ, поклонъ.

**Загадки.**

1. Я молча говорю издалека съ тобою; не слышу, не смотрю, но то, что видѣли и слышали,—открою.

2. Бѣлое поле, черное сѣмя; кто его сѣетъ, тотъ и разумѣетъ.

**\* 13. Ключокъ ваты.**

Маленькая Оля сидѣла у окна съ матерью своей и шила халатъ въ подарокъ отцу ко дню его рожденія. Мать, пользуясь этимъ временемъ, чтобы внушить дочери своей то, что важнѣе всякаго рукодѣлья, рассказывала ей о премудрости и благости Божіей, какъ всё созданное Богомъ имѣетъ свою цѣль и ничто на свѣтѣ не пропадаетъ даромъ. Наконецъ халатъ былъ готовъ;

отъ него остался маленькій клочокъ ваты.) Оля не знала, что съ нимъ дѣлать, и такъ какъ она не смѣла оставлять обрѣзковъ въ комнатѣ, то выбросила его за окно, сказавъ при этомъ: «милая маменька, съ этимъ кусочкомъ ваты, я думаю, и Богъ не будетъ знать, что дѣлать, потому что, неправда ли, Богу не нужно ни халатовъ, ни ваточныхъ одѣялъ?» — Конечно, возразила мать; но всё же этотъ клочокъ не пропадѣтъ даромъ. Если мы и не знаемъ, на что онъ пригодится, но онъ непременно къ чему нибудь да послужитъ. — «Но мнѣ бы хотѣлось знать, къ чему именно онъ послужитъ», сказала Оля, посматривая изъ окна.) Вдругъ подулъ вѣтерокъ и понёсъ клочокъ ваты; Оля смотрѣла ему вслѣдъ. Вотъ подлетѣлъ воробей и, кажется, очень обрадовался, увидя клочокъ ваты, — схватилъ его носикомъ и полетѣлъ съ нимъ. Между тѣмъ налетѣло еще нѣсколько воробьевъ съ громкимъ чиликаньемъ; они подоспѣли сзади: каждый щипнулъ себѣ по клочку ваты и полетѣлъ съ нимъ прочь. Забавно было смотрѣть на нихъ.) — «Что же воробьи будутъ дѣлать съ ватой?» спросила Оля. — Они отнесутъ её къ себѣ въ гнездо, чтобъ ихъ малюткамъ было тепло. Не говорила ли я тебѣ, что Богъ знаетъ лучше насъ, на что полезна каждая вещь въ мѣрѣ? Вотъ теперь изъ маленькаго клочка ваты вышло не одно, а много покрывалъ, — конечно не для людей, но вѣдь и птички также созданія Божии.

#### \* 14. Канарейка.

У маленькой Лизы была канарейка, которая пѣла съ утра до вечера и была чрезвычайно красива. Дѣвочка очень любила её и усердно ходила за нею, давала ей сѣмя и зелень, а иногда выпрашивала для ней у матери и кусочекъ сахару, и всякій день ставила ей свѣжую воду.

Но вдругъ птичка начала скучать, и въ одно утро, когда Лиза принесла ей воды, она лежала мертвая въ клѣткѣ.

Малютка подняла громкій, жалобный вопль и горько плакала о любимой птичкѣ. Чтобъ утѣшить её, мать купила другую канарейку, которая была еще красивѣе и такъ же прекрасно пѣла, какъ и та, и посадила её въ прежнюю клѣтку.

Но дѣвочка, какъ скоро увидѣла птичку, ещё болѣе начала плакать. Мать очень удивилась и сказала: «Дитя моё! что же

ты всё плачешь и такъ печалишься? Твои слёзы не воскресятъ умершей птички, и у тебя же есть теперь другая, которая ни- сколько не хуже той!»

— Ахъ, маменька! сказала дитя: я худо обращалась съ ка- нарейкой и не всё для нея дѣлала, что должна была.

«Милая, Лиза», сказала мать, «ты такъ много всегда забо- тилась объ ней.»

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчало дитя; щеце незадолго до ея смерти я не отнесла ей, а съѣла сама кусочекъ сахара, который ты дала мнѣ для нея. Такъ говорило дитя съ смущённымъ сердцемъ.

Мать не смѣялась надъ слезами малютки. Она узнала и по- чтила священный голосъ истины въ сердцѣ дитяти. Глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея, и она сказала: «каково же бу- деть неблагождарному сыну при гробѣ родителей!»

### \* 15. Чувство любви сильнѣе боли.

Мальчикъ, бѣжа черезъ улицу, попалъ подъ колесо роспу- сковь, которое переломило ему ногу. Когда его принесли домой стонущаго, больная мать отъ испугу соскочила съ постели и упала въ обморогъ. Мальчикъ, видя это, тотчасъ приостановилъ свой стонъ и въ продолженіе всего времени, какъ ему вправля- ли и перевязывали ногу, не испустилъ ни одного звука, кото- рый бы обнаружилъ его страданіе. «Да развѣ тебѣ не больно?» спросилъ наконецъ костоправъ. — О, очень! отвѣчалъ мальчикъ шопотомъ; но я не хочу, чтобъ маменька знала объ этомъ: она слишкомъ огорчается.

### \* 16. Доброе сердце.

На канунъ Троицына дня Вася, сынъ богатаго помѣщика, разговаривалъ на дворѣ съ крестьянскимъ мальчикомъ, своимъ ровесникомъ, когда вышедшій слуга позвалъ его обѣдать.

«Хорошаго аппетита!» сказалъ ему мальчикъ: «я васъ подо- жду здѣсь.»

— А ты развѣ не пойдешь обѣдать? спросилъ его Вася.

«У насъ нечего обѣдать!» отвѣчалъ тотъ вздохнувши.

Вася вошелъ въ комнату и, бросившись на шею отцу, ска- заль:



«Папеньга, сколько будетъ стоить платье, которое вы обѣщали купить мнѣ на праздники?»

— Рублей тридцать. А что?

«Да я хотѣлъ... милый папеньга, не разсердитесь только: я хотѣлъ васъ попросить, вмѣсто этого платья, подарить мнѣ тридцать рублей.»

Отецъ согласился; и читатели мои вѣроятно уже догадали, что сдѣлалъ Вася съ этими деньгами.

### \* 17. Золотые орѣхи.

На канунъ Рождества Христова дѣти стояли вокругъ ёлки, зеленѣющія вѣтви которой изукрашены были множествомъ зажженныхъ свѣчъ и разноцвѣтныхъ вещицъ. Маленькой Леночкѣ болѣе всего бросались въ глаза золотые орѣхи, и она стала просить ихъ. «Эти орѣхи только украшаютъ деревцо», сказала мать, «пускай они висятъ. Вотъ тебѣ другіе орѣхи.» Но Леночка начала плакать. «Не хочу я тѣмныхъ орѣховъ», кричала она, «а хочу золотыхъ; у нихъ вѣрно вкуснѣе ядро.» Мать подумала, что нѣтъ лучшаго наказанія для упрямыхъ дѣтей, какъ исполнить ихъ прихоть; поэтому она дала Леночкѣ золотые орѣхи, а прочіе раздала другимъ дѣтямъ. Леночка очень обрадовалась и съ нетерпѣніемъ стала ихъ расколачивать. Но какова же была ея досада, когда она увидѣла, что они всѣ пусты. Всѣ дѣти стали смѣяться надъ нею. «Эти орѣхи», сказалъ отецъ, «повѣшены только для виду, а не для того, чтобъ ихъ кушать. Они сдѣланы изъ пустыхъ чашечекъ орѣховой скорлупы, которыя я склеилъ и позолотилъ.»

### Загадки.

1. Росло, повыросло, изъ куста повылѣзло, по рукамъ пока- тилось, на зубахъ очутилось.

2. Маленько, кругленько, въ серѣдкѣ бѣленько, и горько и сладко и масленисто.

### \* 18. Смышлёная мышка.

Вышла мышка изъ своей щели и увидѣла ловушку. «Ага!»

сказала она, «тутъ стоитъ ловушка! Какіе, право, хитрецы эти люди! Подпирають тяжёлый кирпичъ тремя палочками и къ одной изъ нихъ прицѣпляютъ кусочекъ сала. И это они называютъ мышеловкой. Просто бѣда! еслибъ наша братія была менѣе смышлена. Но мы знаемъ: какъ только дотронешься до сала, бухъ! кирпичъ упадѣтъ и убьѣтъ до смерти. Нѣтъ, нѣтъ, меня на этомъ не проведѣшь!

«Но», продолжала мышка послѣ нѣкотораго молчанія, «понюхать бы, кажется, можно. Отъ этого кирпичъ вѣдь ещё не упадѣтъ. А я очень, очень люблю запахъ сала. Дай, понюхаю немножко!» Она подбѣжала къ ловушкѣ; но едва коснувшись сала, какъ кирпичъ—хлопъ!—упалъ и раздавилъ невоздержную умницу.

**Загадка.**

Подъ поломъ, поломъ—ходить барыня съ коломъ.

### \* 19. Молодая муха.

Молодая муха сидѣла съ матерью на очагѣ, не далеко отъ котелка, въ которомъ кипѣла вода.

Старая муха должна была отлучиться отъ дочери и, улетая, сказала ей, чтобъ она не оставляла своего мѣста.

«А почему, матушка?» спросила любопытная дочь.

— Я боюсь, отвѣчала старая муха, чтобъ ты не подлетѣла къ этому кипящему колодезю (такъ называла она котелокъ съ водою).

«А это почему же?»

— Ты упадѣшь въ него и потонешь.

«Какъ это можетъ случиться?»

— Причины сказать тебѣ не могу; однако я ещё не видала, чтобъ муха, подлетѣвши къ такому колодезю, не упала въ него и не утонула.

Старая муха, сказавши это, полетѣла, куда ей было надобно.

Дочь, оставшись одна, разсуждала сама съ собою: «какъ чудны старики!—Они всего боятся. Для чего мнѣ не позволить себѣ этого невиннаго удовольствія, чтобъ пролетѣть раза два надъ кипящимъ колодеземъ. У меня есть уже столько ума, чтобъ

остерегаться. Что матушка ни говори, однако я отъ скуки полетаю немного надъ колодеземъ. Посмотримъ, какъ-то я упаду!

Лишь только подлетѣла она къ котелку, какъ паръ лишилъ её чувствъ, и она упала въ кипящую воду и—сварилась.

### Загадка.

Надъ нами вверхъ ногами: ходять, не страшатся и никого не боятся.

### 20. Пѣтухъ, котъ и мышёнокъ.

Мышёнокъ, не видавши свѣта, попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней рассказывалъ въ семьѣ своей: «Оставля нашу нору и перебравшись черезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать, какъ молодой мышёнокъ, который хочетъ показать, что онъ ужъ не ребенокъ. Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри, самъ не зналъ. Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ милостивъ былъ собою! Другой: нахаль, крикунъ, теперь лишь будто съ бою; весь въ перьяхъ; у него косматый крючкомъ хвостъ, надъ самымъ лбомъ дрожить наростъ какой-то, огненнаго цвѣта, и будто двѣ руки, служащи для полета; онъ ими такъ махалъ и такъ ужасно горло дралъ, что я хоть и не трусь, а подавай Богъ ноги — скорѣе отъ него съ дороги. Какъ больно! Безъ него я вѣрно бы въ другомъ нашелъ наставника и друга. Въ глазахъ его написана была услуга; какъ тихо шевелить пушистымъ онъ хвостомъ! съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры смиренны, кроткіе, но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня; головка пестрая, и вдоль спины узоры; а уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокородными мышами.» — «А я тебѣ на то скажу», мышёнка мать остановила, «что этотъ доброхотъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ — котъ!» Подъ видомъ кротости онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой же былъ пѣтухъ, миролюбивый житель. Не только отъ него не видимъ мы вреда иль огорченья, но самъ онъ пицей намъ бываетъ иногда. Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитриевъ.

\* 21. Три золотыя рыбки.

1.

Одинъ добрый человекъ имѣлъ у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая. Онъ пустилъ ихъ въ чистый прудокъ и любовался ими, смотря на ихъ свободу.

Часто онъ садился на берегу прудка и бросалъ хлѣбный мякишъ въ воду; тогда прекрасныя рыбки приплывали и ѣли мякишъ. Въ это время онъ имъ всегда говаривалъ: «рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, если хотите жить всегда такъ счастливо, какъ вы теперь живёте: не ходите сквозь рѣшетку изъ этого маленькаго въ большой, смежный съ нимъ прудъ, и не плавайте поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ.»

Но рыбки словъ его не разумѣли. Тогда этотъ добрый человекъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ это какъ нибудь растолкую; и сталъ подлѣ рѣшетки. Какъ скоро которая нибудь изъ нихъ приходила туда и хотѣла проплыть сквозь рѣшетку, то онъ хлопалъ по водѣ палочкой, чтобъ она испугалась и ушла назадъ. То же самое дѣлалъ онъ, когда какая нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чтобъ она опять ушла на дно. Теперь вѣрно онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

2.

Тогда три пригоженькія рыбки слылились вмѣстѣ, и качаютъ головками, и не могутъ понять, для чего этотъ добрый человекъ не хочетъ, чтобъ онѣ сквозь рѣшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали. «Самъ онъ ходитъ поверху», сказала одна изъ нихъ, «для чего же намъ не всплывать иногда кверху?»— «И для чего быть здѣсь взаперти?» сказала другая: «что намъ сдѣлается, если мы на часокъ выйдемъ погулять въ большой прудъ?»— «Конечно это злой человекъ», повторила первая: «онъ насъ не любитъ и не хочетъ, чтобъ мы жили весело.»— «Я на него не поемотрю», примолвила вторая, «и пойду себѣ, погуляю въ большомъ пруду.»— «А я», сказала опять первая, «всплыву между тѣмъ наверхъ и тамъ на солнышкѣ поиграю.»

Но третья золотая рыбка была благоразумнѣе ихъ и такъ

размышляла: «Добрый этотъ человекъ конечно имѣетъ какія нибудь причины намъ то запрещать. По всему видно, что онъ насъ любитъ. Зачѣмъ бы ему приносить намъ такъ часто хлѣбный мякишъ и радоваться, глядя, какъ мы его ѣдимъ? Нѣтъ, онъ конечно не злой человекъ, и я всё то буду дѣлать, что ему угодно, хотя сама и не знаю, для чего онъ этого хочетъ.»

Такимъ образомъ добренькая эта рыбка осталась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили, что сказали. Одна проплыла сквозь рѣшетку въ большой прудъ, а другая всплыла поверхъ воды, играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣялись надъ третьею сестрою своею, что она къ нимъ пристать не хотѣла.

Но что сдѣлалось? Лишь только первая рыбка вошла въ большой прудъ, то бросилась на неё щука и проглотила её. А другую увидѣла чайка, спустилась, схватила её въ когти и понесла клевать.

Осталась только третья, благоразумная рыбка. Добродушный хозяинъ радовался, найдя её столь послушною, и приносилъ ей каждое утро самый лучший кормъ. Такимъ образомъ жила она всегда въ довольствѣ и достигла глубокой старости.

## 22. Ложный стыдъ.

— Здравствуй, Лиза!

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ.

— Почему ты вчера не остановилась, когда я тебя звалъ?

— Ахъ, да вѣдь съ вами шли двѣ женщины.

— Ну такъ что же? развѣ ты сдѣлалась нелюдимкою?

— О, нѣтъ!... Я торопилась.

— Ну, на одну минуту-то ты бы могла остановиться.

— Да... но я несла кувшинъ съ водою, и потому стыдилась.

— Вотъ тебѣ на! Ты смѣшишь. Такъ по твоему стыдно носить воду?

— Да — нести на улицѣ.

— На что же у насъ руки? Работать вовсе не стыдно; а стыдно то, что теперь многія дѣвушки стыдятся работать.

— Но вѣдь носить воду прилично только служанкамъ.

— А развѣ ты не знаешь, гдѣ и какъ встрѣтилъ Авраамъ Ревекку?

— Знаю очень хорошо: онъ встрѣтилъ ее, когда она несла на плечахъ своихъ вѣдра съ водою.

— Да, она несла на плечахъ ведро и, почерпнувъ имъ воды, дала напиться рабамъ Авраама.

— А также и верблюдамъ.

— Вотъ видишь ли! А ея отецъ былъ очень богатый человекъ, которому служили сотни рабовъ; да и сама Ревекка имѣла много рабынь. Кому же, какъ не ей, можно было оставаться праздною и требовать прислуги отъ другихъ?

— Да, вы правы, Иванъ Петровичъ; я не буду больше этого стыдиться.

— И хорошо сдѣлаешь, потому что это *ложный* стыдъ. И онъ можетъ дойти до того, что наконецъ дочь не захочетъ подать стаканъ воды больной матери; вѣдь и это, пожалуй, можетъ показаться неприличнымъ.

### 23. Скука.

Андрей. Что ты вчера дѣлалъ, Коля?

Коля. Я ужасно скучалъ.

Андр. Скучалъ? Но какъ же можно скучать?

Коля. Я былъ совершенно одинъ.

Андр. Значить—ты самъ виноватъ, что тебя мучить скука, когда остаешься одинъ на одинъ съ собой.

Коля. Что же мнѣ дѣлать, чтобы убить время, когда я остаюсь одинъ?

Андр. Зачѣмъ убивать время, драгоценное время? Вмѣстѣ съ временемъ убивается и жизнь. Время поэтому слѣдуетъ не убивать, а употреблять, какъ можно, благоразумнѣе. Жизнь наша и безъ того очень коротка.

Коля. Да, но иногда время тянется слишкомъ медленно.

Андр. Такъ, конечно; но это оттого, что мы не умѣемъ употреблять его на дѣло.

Коля. Но скажи, пожалуйста-ста, что мнѣ дѣлать, когда я одинъ сижу дома и ни къ чему не расположенъ?

Андр. Займись какою нибудь работою.

Коля. Такъ; но если у меня нѣтъ охоты заниматься?

Андр. Все зависитъ отъ начала; начни только, какъ можно, бодрѣе, какъ будто тебѣ непременно нужно сдѣлать известную работу. Сначала конечно она пойдетъ не лучше игры на разстроенномъ инструментѣ. Но это ничего! Не теряй только бод-

рости! Чѣмъ дальше будешь трудиться, тѣмъ легче будетъ казаться тебѣ твоя работа, и тѣмъ успѣшнѣе будетъ она совершаться; время пролетитъ быстро и незамѣтно для тебя, и душа твоя снова просвѣтится и прояснѣетъ.

Коля. Попробую послѣдовать твоему совѣту.

Андр. Скука — это злой духъ, подобный тому, который нѣкогда мучилъ царя Саула. Его можно прогнать только трудомъ и прилежаніемъ.

## 24. Для чего нужны деньги.

Сельскій учитель замѣтилъ въ одномъ уже довольно взросломъ мальчикѣ необыкновенную любовь къ деньгамъ. Этотъ мальчикъ часто говорилъ, что у его родителей много денегъ, и что у него самого столько и столько; онъ часто въ школѣ вынималъ деньги и показывалъ ихъ другимъ; наконецъ молодой скряга началъ то то, то другое продавать и, продавая, обманывать. Видно было, что онъ готовъ былъ продать все за деньги, которыя цѣнилъ выше всего.

Въ одинъ день, когда не было ученья въ школѣ, учитель призвалъ къ себѣ мальчика утромъ и пошелъ съ нимъ гулять по полямъ и лѣсамъ, по холмамъ и долинамъ. Въ полдень сѣли они подъ деревомъ немного отдохнуть. «Я ѣсть хочу», сказалъ мальчикъ. — Здѣсь ничего нѣтъ, отвѣчалъ учитель; пойдѣмъ дальше.

Было около пяти часовъ вечера, когда они подошли къ стоявшей у дороги часовнѣ, у которой сидѣлъ нищій и просилъ милостыни. Старикъ протянулъ свою шляпу, въ которой было нѣсколько кусковъ хлѣба. Учитель, подавая нищему грошъ и посмотрѣвъ на мальчика, спросилъ: «а ты ничего не дашь бѣдному?»

— Я готовъ отдать ему всѣ мои деньги, если онъ дастъ мнѣ кусокъ хлѣба.

При этихъ словахъ бѣднякъ немедленно подалъ ему свою шляпу, говоря: «возьми, если ты голоденъ. Бери, сколько хочешь, я не возьму за это ничего; я знаю, что такое голодъ!» У мальчика навернулись слезы на глазахъ, и какъ ни былъ онъ голоденъ, но отъ стыда не захотѣлъ ѣсть.

Послѣ этого учитель съ своимъ ученикомъ повернулся домой.



Handwritten notes in the left margin, including the word 'Искать' (Search) and some illegible scribbles.

Онъ шелъ нѣсколько времени, не говоря ни слова, наконецъ сказалъ: «Ты теперь видишь, для чего нужны деньги? Что тебѣ пользы въ нихъ, когда онѣ лежатъ въ твоей шкатулкѣ или карманѣ? Вѣдь ты не можешь ихъ ѣсть, когда ты голодень. Сейчасъ ты хотѣлъ было отдать все свои деньги за кусокъ хлѣба. Нищій ихъ не взялъ и, изъ состраданія къ тебѣ, предложилъ тебѣ свой хлѣбъ даромъ. Можешь ли ты послѣ этого быть жестокосердымъ къ бѣднымъ и терпящимъ нужду? Голодь причиняетъ страшную муку. Тебѣ часто представляется случаи, когда ты можешь избавить людей отъ голода, если не будешь скупъ.— Скупъ тотъ, кто не пользуется тѣмъ, что онъ имѣетъ, но постоянно старается умножать свое имущество, жадничаетъ, все хочетъ взять одному себѣ. Скупые люди противны Богу и людямъ.»

Мальчикъ былъ тронутъ и хотѣлъ было все свои деньги отдать учителю, съ тѣмъ чтобы онъ употребилъ ихъ на доброе дѣло; но учитель не взялъ денегъ и сказалъ: «нѣтъ ты самъ употреби ихъ на добро, и смотри всегда на деньги, какъ на средство дѣлать добро».

## 25. Много желать, добра не видать.

Если вы привыкнете къ простой жизни, то не узнаете самой мучительной болѣзни: неумѣренности въ желаніяхъ. Если вы знаете, что вамъ не много надобно, чтобы быть сытыми, что все получается молитвою и терпѣніемъ, то вѣрно не измучитесь надъ пустыми и избыточными желаніями. Желайте только того, что вамъ полезно,—а много желать, добра не видать, говорить пословица.

## 26. Сострадательная Наташа.

МАТЬ. Куда ты дѣвала свои деньги?

НАТАША. Я ихъ отдала, маменька.

МАТЬ. Кому?

НАТАША. Одному шалуни мальчику.

МАТЬ. Небось для того, чтобы онъ не шалилъ впередъ?

НАТАША. Да, маменька, чтобы онъ не шалилъ впередъ. Не правда ли, вѣдь птички принадлежатъ Богу?



Мать. Какъ и мы, другъ мой, и всё прочія существа, которыя сотворены Богомъ.

Наташа. А этотъ мальчикъ унесъ у Бога птичку и хотѣлъ ее продать. Она такъ жалобно плакала, а онъ ей все носикъ зажималъ; онъ вѣрно боялся, что Богъ услышитъ крикъ птички и накажетъ его.

Мать. Что же ты сдѣлала?

Наташа. Я дала мальчику деньги, а птичку пустила на волю. Вѣдь это Богу пріятно?

Мать. Конечно ему пріятно, что ты была сострадательна.

Наташа. Можетъ быть, мальчикъ сдѣлалъ это изъ нужды.

Мать. Я тоже такъ думаю.

Наташа (сестрѣ, Лизѣ). Тѣмъ лучше, что я отдала ему все деньги.

Лиза (матери). Маменька, у насъ споръ. Наташа отдала мальчику все свои деньги, не спросивъ его, чего онъ за птичку хочетъ; а я говорю ей, что этого не должно было дѣлать.

Наташа. Кто изъ насъ правъ, маменька?

Мать. Ты не совѣмъ права, душа моя. Ну, еслибъ послѣ того попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же птичкою, а у тебя не было бы болѣе денегъ?

Наташа. Тогда бы я къ тебѣ пришла, милая маменька!

Мать. А если бы и у меня не было денегъ?

Наташа. Ну тогда...

Мать. Надобно быть бережливымъ, для того чтобы можно было дѣлать болѣе добра. Тебѣ бы во всякомъ случаѣ слѣдовало поторговаться съ мальчикомъ; но еслибъ онъ не захотѣлъ уступить дешевле, то дѣло другое. Какая же это была птица?

Наташа. Я не спросила, маменька. Вѣдь ты же сама говорила мнѣ, что не должно справляться объ имени, когда дѣлаешь добро; не такъ ли?

Мать (улыбаясь и цѣлуя Наташу). Такъ, такъ, другъ мой.

Наташа. И еслибъ ты видѣла! птичка отъ радости почти не могла летать; но я взяла съ мальчика обѣщаніе, чтобъ онъ ее болѣе не ловилъ.

Мать. Ты очень хорошо сдѣлала. Вотъ тебѣ опять деньги.

Наташа. Благодарю, милая маменька.

Мать (цѣлуя ее). Будь всегда такъ сострадательна и добра, и Богъ тебя благословитъ.

\* 27. Костя и жукъ.

«Точка! кончено!» сказалъ Костя самодовольно, сдѣлавъ всѣ свои уроки къ слѣдующему дню: «теперь можно пойти поиграть на свѣжемъ воздухѣ.» Сказано, сдѣлано; убравъ тетради и книги, онъ побѣжалъ въ садъ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ росла молодая яблоня, которую ему подарилъ отецъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на ней чѣрнаго жука, который взбирался вверхъ по стволу. «Ахъ, ты злодѣй!» воскликнулъ Костя въ сердцахъ: «вотъ я тебѣ дамъ портить моё деревцо!» Схвативъ жука, онъ привязалъ его за ножку къ ниткѣ, которую досталъ изъ кармана, и пошелъ тѣшиться надъ нимъ. Бѣдный жукъ всячески пытался уйти, но напрасно: нитка не пускала; наконецъ онъ сталъ летать, но Костя вдругъ такъ сильно дёрнулъ за нитку, что оторвалъ ножку, и жукъ упалъ на землю. Тогда мальчику послышался голосъ—жука? Нѣтъ: заговорило его собственное сердце, какъ бы отъ имени жука: «подумай, что еслибъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, а ты на моёмъ, и тебѣ захотѣлось бы ѣсть, а я сталъ бы мучить тебя за то, что ты ищешь себѣ пищи. Каково бы тебѣ было? И еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ больно, ахъ, какъ больно!»

Костя тотчасъ же оставилъ жука въ покоѣ и ушелъ; но веселость его исчезла.

\* 28. Четыре стихіи.

«Я хочу быть садовникомъ», говорилъ пятнадцатилѣтній Филипъ, желая избрать для себя ремесло: «пріятно жить посреди зелени и душистыхъ цвѣтовъ!» Но чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился домой, жалуясь, что долженъ безпрестанно нагибаться къ землѣ и ползать по ней: у него заболѣли и спина, и колѣна. Тогда Филипъ задумалъ сдѣлаться охотникомъ. «Въ зеленѣющемъ лѣсу—говорилъ онъ—можно жить очень пріятно.» Но скоро и это ему опротивѣло; онъ не могъ сносить свѣжести утренняго воздуха, то сырого, то холоднаго или туманнаго; сѣверный вѣтеръ дулъ ему въ лицо. Тогда вздумалъ онъ сдѣлаться рыбакомъ: «Плавать въ легкой лодочкѣ по чистой и прозрачной рѣкѣ и, не подвергаясь усталости, вытаскивать сѣти, наполненныя рыбой! Какъ это весело!» Но и это занятіе ему скоро

не понравилось. «На водѣ очень сыро, говорилъ нашъ рыбакъ, а это нездорово.» Наконецъ онъ рѣшился быть поваромъ. По его мнѣнію, садовникъ, охотникъ и рыбакъ должны были доставлять ему плоды своихъ трудовъ; у повара же никогда не бываетъ недостатка въ лакомомъ кускѣ. Однако онъ скоро сталъ опять жаловаться своему отцу. «Всѣ было бы хорошо — безъ огня», говорилъ онъ: «но когда я стою подлѣ пылающей печи, мнѣ кажется, что я растаю отъ жару.» Тогда отецъ строго сказалъ ему: «Ты никогда и ничѣмъ не доволенъ. Что съ начала тебѣ нравится, къ тому послѣ ты чувствуешь отвращеніе. Если ты не можешь привыкнуть ни къ водѣ, ни къ воздуху, ни къ землѣ, ни къ огню, то тебѣ трудно жить на свѣтѣ; ты всегда найдешь на что жаловаться. Теперь ты останешься при своей послѣдней должности.»

## 29. Двѣ яблони.

У одного садовника было два сына, почти однолѣтки. Въ Маѣ мѣсяцѣ подарилъ онъ имъ по яблонѣ. Деревья эти были одинаковаго роста, одинаковаго сорта, и хотя стояли на разныхъ концахъ сада, но оба роскошно расцвѣли въ одно время. «Дѣти мои, сказалъ садовникъ, дарю вамъ эти деревья; отъ васъ будетъ зависѣть содержать ихъ въ одинаковомъ порядкѣ; но предупреждаю, что много предстоитъ вамъ труда и заботы.» Старшій сынъ, прилежный и благоразумный мальчикъ, обрадованный отцовскимъ подаркомъ, принялся за него съ должнымъ стараніемъ. Очистивъ деревцо отъ гусеницъ, онъ привязалъ его къ шесту, взрыхлилъ вокругъ землю, чтобы влага удобнѣе доходила до корней, однимъ словомъ, употребилъ всѣ мѣры для его воспитанія. Меньшой же, лѣнивый и невнимательный, совершенно позабылъ о своей яблонѣ, и вспомнилъ о ней только въ Сентябрѣ, когда всюду въ садахъ начали собирать яблоки. Прибѣжавъ къ деревцу, онъ не нашелъ на немъ ни одного яблочка: одну часть плодовъ гусеницы съѣли еще въ зародышѣ, другую обило вѣтромъ. Опечаленный, пошелъ онъ посмотрѣть на яблоню брата, и остановился въ недоумѣніи. Деревцо значительно выросло, а прекрасныя, большія яблоки видѣлись издалека. Видъ этотъ огорчилъ его, возбудилъ зависть, и мальчикъ побѣждалъ жаловаться отцу. «Папенька, сказалъ онъ, за-

чѣмъ вы подарили брату хорошее и плодovitое дерево, а за мнѣ гадкое и бесплодное?» — «Обоимъ вамъ я подарилъ по одинаковой яблонѣ; но братъ твой умѣлъ ходить за своею, а ты лѣнился и не обращалъ на свою вниманія. Каковъ трудъ, таково и вознагражденіе. Подобные примѣры случаются часто и въ жизни человѣка. Родители даютъ дѣтямъ одинаковое воспитаніе, одинаковое имѣніе, но дѣти и тѣмъ и другимъ пользуются не одинаково. Кто же этому причиною?»

### 30. Садовыя деревья.

Въ одно прекрасное весеннее утро господинъ Бобровъ пошелъ съ своимъ сыномъ, Петрушею, въ садъ, гдѣ они оба разсматривали деревья и цвѣты, на которыхъ еще блистала роса.

«Отчего это дерево стоитъ такъ прямо, а то совершенно криво?» спросилъ Петруша своего отца.

— «Оттого, сынъ мой», отвѣчалъ отецъ, «что за этимъ деревомъ смотрѣли; его обрѣзывали и привязывали къ тычинкѣ, чтобъ оно росло прямо, а то росло безъ всякаго присмотра по своей волѣ.»

«А почему эти цвѣты уже такъ хорошо цвѣтутъ, а тѣ даже не имѣютъ ни одной почки?» спросилъ Петръ.

— «А потому, что за этими имѣютъ присмотръ и уходъ, а за другими и не смотрятъ.»

«Слѣдовательно отъ этого много зависитъ?» сказалъ Петруша съ большимъ вниманіемъ.

— «Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ отецъ. «Изъ этого ты можешь вывести для себя хорошее правило. Ты молодое дерево, за которымъ должно ходить. Если я буду исправлять твои погрѣшности и научать тебя полезному, а ты будешь во всемъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, не станешь поступать по своей волѣ и будешь всегда послушенъ; — то возрастешь хорошо и прямо и будешь полезнымъ человѣкомъ.»

### 31. Лучшее украшеніе матери.

Корнелія, дочь знаменитаго римскаго полководца Сципіона и супруга консула Семпронія, однажды находилась въ обществѣ

знатныхъ римлянъ, которыя хвастались своими драгоценными камнями, золотыми украшениями и богатыми нарядами. Наконецъ онѣ и Корнелію попросили показать имъ что нибудь изъ своихъ драгоценностей. Корнелія тотчасъ же позвала своихъ дѣтей, въ которыхъ она старалась развивать для будущей славы отечества всевозможныя добрыя качества. Указавъ на нихъ, она сказала: «вотъ вамъ мои наряды, мое украшеніе, мои драгоценности!»

### 32. Съ пользою употребленные деньги.

Одинъ прилежный столяръ, при всѣхъ своихъ хорошихъ заработкахъ, жилъ весьма умѣренно. Онъ довольствовался самою умѣренною пищею, носилъ простое платье, а также и дѣтей своихъ одѣвалъ въ небогатое, но опрятное платье.

«Куда ты дѣлаешь свои деньги?» спросилъ его однажды сосѣдъ его, токаръ.

— «Частию я уплачиваю свой долгъ», отвѣчалъ столяръ, «а частию отдаю въ проценты.»

«И, помилуй, Семень!» вскричалъ токаръ: «у тебя, сколько я знаю, нѣтъ ни долговъ, ни капитала въ процентахъ!»

— «То и другое есть», возразилъ столяръ. «Вотъ я тебѣ растолкую. Деньги, которыя я отдаю своимъ престарѣлымъ родителямъ, почитаю уплачиваемымъ долгомъ, а которыя употребляю на воспитаніе своихъ дѣтей, считаю капиталомъ, съ котораго проценты уже получаю; когда же доживу до старости, а дѣти мои придутъ въ возрастъ, то получу и весь капиталъ, ибо надѣюсь, что мои дѣти въ состояніи будутъ заплатить мнѣ свой долгъ. Какъ мои родители ничего не жалѣли для моего воспитанія, такъ и я ничего не жалѣю для своихъ дѣтей. Какъ я считаю обязанностію вознаграждать моимъ родителямъ за всѣ ихъ ко мнѣ благодѣянія, такъ и отъ своихъ дѣтей надѣюсь получить вознагражденіе, коль скоро они будутъ въ состояніи то дѣлать.»

### 33. Великодушная дочь.

Въ Китаѣ есть древній законъ, по которому должно отру-

бить руки тому, кто уличенъ будетъ въ какомъ либо обманѣ. Одинъ мандаринъ заслужилъ эту казнь, и когда уже хотѣли ее совершить надъ нимъ, дочь его приняла на себя оправдать отца своего. Представили ее государю. «Великій монархъ!» сказала она: «отецъ мой по справедливости заслужилъ наказаніе, и долженъ лишиться рукъ своихъ. Вотъ онъ!» примолвила она, поднявъ свои руки: «эти руки, великій государь, принадлежатъ моему несчастному отцу. Онъ не способенъ доставлять пропитаніе его семейству; и такъ онъ подвергаетъ ихъ строгости законовъ, дабы сохранить тѣ, которыми можетъ пропитать себя и свое семейство.» Императоръ былъ тронутъ такою дѣтскою любовью и простилъ виновнаго.

### 34. Пословицы о любви и послушаніи.

Кто кого любитъ, тотъ того и слушаетъ. Гдѣ любовь, тамъ угожденье; гдѣ же страхъ, тамъ принужденье. Любовь братская лучше каменныхъ стѣнъ. Смиренье дѣвушкѣ ожерелье. Кто отца и матери не слушаетъ, тотъ послушаетъ телячьей кожи. Тѣ счастливы дѣти, отъ коихъ отецъ и мать радость могутъ имѣти.

### 35. Глутому сыну не въ помощь богатство.

Пословица говоритъ: глутому сыну не въ помощь богатство. Отчего же? Оттого, друзья мои, что богатство требуетъ также ума, расчетливости, оборотовъ; а глупецъ умѣетъ только лѣниться, праздновать и бросать деньги. А деньги счётъ любятъ; деньгамъ счётъ, хлѣбу мѣра, говоритъ пословица. Глупецъ этого не знаетъ: ему кажется, что его богатство никогда не переведется.

Надобно, чтобъ наши расходы не были выше доходовъ; надобно безпрестанно повѣрять себя: такъ ли мы употребляемъ деньги, какъ должно? Точно ли нужны намъ тѣ вещи, которыя мы купили? Бѣда, бѣда, если забудемъ это правило! Много богатыхъ сынковъ пошло по міру, оттого только, что они не сами считали свои деньги и покупали все безъ разбору. Объ нихъ есть и пословица: щеголялъ съ молоду, а подъ старость умираетъ съ голоду.

### 36. Домашніе совѣтники.

Скажите, любезный сосѣдь, какъ вы дѣлаете, что у васъ такъ хорошо все устроено въ хозяйствѣ, такой порядокъ въ домѣ, тогда какъ не замѣтно никакой особенной причины? И мы также хлопочемъ, стараемся, толкуемъ о томъ, чтобъ и у насъ хорошо шло, но все какъ-то не ладится.—Вотъ видите ли, отвѣчалъ сосѣдь, я бы и самъ не зналъ, отчего это происходитъ, еслибъ у меня не было трехъ домашнихъ совѣтниковъ: имъ обязанъ я всѣмъ этимъ.—Домашнимъ совѣтникамъ? Кто же они?—Домовая собака, пѣтухъ и кошка.— Вы шутите? — Ничего. Видите ли, когда воръ подкрадывается къ моему дому—собака лаетъ; это значить: не зѣвай, смотри! Когда начинается свѣтать—поетъ пѣтухъ; это значить: вставай! Когда приближается дорогой гость—кошка умывается; это значить: приготовься угостить его.—А! понимаю, сосѣдь, что вы хотите этимъ сказать. Это значить, что для домашняго благоустройства необходимы три качества: *заботливость*, чтобы предупредить все вредное для насъ,—*дѣятельность* во всемъ полезномъ и *радушіе* къ тѣмъ, которые доброхотны и привѣтливы. — Я очень радъ, что вы меня такъ понимаете; своихъ же домашнихъ совѣтниковъ хвалю я за то, что они напоминаютъ мнѣ во всякое время, что должно дѣлать, иначе я легко могъ бы позабыть объ этомъ.

### 37. Десять правилъ для жизни.

Джефферсонъ, бывший президентъ Соединенныхъ штатовъ (умершій въ 1826 году), написалъ въ письмѣ къ своему тѣзкѣ, Томасу Джефферсону Смигу, десять слѣдующихъ правилъ для жизни:

1. Никогда не откладывай до завтра того, что ты можешь сдѣлать сегодня.
2. Никогда не утруждай другихъ тѣмъ, что ты самъ можешь сдѣлать.
3. Никогда не расточай денегъ своихъ прежде, нежели получишь ихъ.
4. Никогда не покупай бесполезныхъ вещей потому только, что онѣ дешевы.

5. Гордость дороже намъ приходится, нежели голодь, жажда и холодъ.

6. Никогда не случится челоуѣку раскаиваться въ томъ, что мало ѣлъ.

7. Никогда не бываетъ трудно то, что дѣлается охотно.

8. Какъ часто чувствуемъ мы въ воображеніи нашемъ то страданіе, которое въ дѣйствительности никогда не наступаетъ для насъ.

9. Смотри на все съ хорошей стороны.

10. Если случится тебѣ разсердиться на что нибудь, то прежде, нежели начнешь говорить, просчитай десять; если же случится очень разсердиться, то считай до ста.

### 38. Дѣтство Франклина.

Интересно узнать нѣкоторыя подробности дѣтства и юности изобрѣтателя громовыхъ отводоу. Вся жизнь этого великаго челоуѣка есть образецъ добродѣтели, мудрости, неутомимыхъ трудовъ и желанія блага ближнимъ; но первые годы его въ особенности содержать въ себѣ много полезныхъ уроковъ: они могутъ приготовить къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возлагаются на челоуѣка обществомъ, когда онъ достигаетъ совершеннаго возраста.

Веніаминъ Франклинъ, столь много содѣйствовавшій успѣхамъ просвѣщенія въ Америкѣ, родился въ 1706 году въ новой Англии, въ городѣ Бостонѣ. Семейство его было многочисленно, бѣдно, но честно и трудолюбиво. Отецъ его, простой ламповщикъ, думаль, что изъ этого ребенка, тауъ же какъ изъ братьевъ его, выйдетъ скромный фабрикантъ; но вскорѣ замѣченная имъ въ маленькомъ Веніаминѣ охота къ чтенію и наукамъ подала ему мысль посвятить его духовному званію. Для этого отдалъ онъ его въ школу, когда ему было только восемь лѣтъ. Спустя нѣсколько времени оказалось, что воспитаніе его стоить слишкомъ дорого, и отецъ, полагая, что сыну его совсѣмъ не нужно такое блестящее образованіе, чтобъ быть хорошимъ ремесленникомъ, взялъ его изъ этой школы и помѣстилъ въ другую, гдѣ учили только читать и писать. И тауъ Франклинъ очень мало былъ обязанъ учителямъ за свое воспитаніе, потому



что всему остальному выучился самъ собою. Возвратясь изъ школы, онъ принялся за ремесло отца; но по страсти своей къ наукамъ не могъ оказывать въ ней никакихъ успѣховъ. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ, и успѣлъ прочитать всѣ книги отцовской бібліотеки и тѣ, которыя могъ покупать на собственныя деньги. Благоразумный отецъ не хотѣлъ противиться наклонностямъ его и, чтобы упрочить его состояніе, рѣшился наконецъ опредѣлить его въ типографію; у него уже былъ тамъ одинъ сынъ, и потому ничего не стоило отдать туда же въ ученіе молодого Веніамина. Хотя ему было тогда не болѣе 12 лѣтъ, однако въ короткое время онъ оказалъ удивительныя успѣхи въ новомъ занятіи. Тутъ ему уже не трудно было доставать книги отъ прикащиковъ тѣхъ книгопродавцевъ, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе по своей должности. Всего болѣе любилъ онъ читать путешествія, исторію и все, что только входило въ составъ общепользныхъ знаній.

Иногда въ числѣ прочихъ книгъ случалось ему находить стихотворенія; они возбудили въ нашемъ маленькомъ типографчикѣ желаніе, свойственное многимъ молодымъ людямъ, тоже сочинять стихи. Онъ написалъ двѣ пѣсни, которыя впоследствии времени самъ же называлъ пѣснями слѣпцовъ. Братъ его напечаталъ эти два произведенія, изъ коихъ одно, какъ кажется, имѣло успѣхъ; это польстило самолюбію молодого Франклина, и, можетъ быть, онъ потерялъ бы еще много времени на пустое занятіе—писать плохіе стихи, еслибъ отецъ не показалъ ему всѣхъ недостатковъ его сочиненія и тѣмъ самымъ не спасъ отъ несчастія остаться навсегда дурнымъ поэтомъ, т. е. самымъ бесполезнымъ существомъ въ мірѣ. Этого не доводило: впоследствии добрый отецъ оказалъ ему еще другую услугу. У Франклина былъ другъ по имени Коллинсъ, съ которымъ онъ для упражненія велъ спорную переписку. Молодой типографчикъ отличался умомъ и правописаніемъ; противникъ его щеголеватостію оборотовъ и выборомъ выраженій. Отецъ Франклина замѣтилъ ему недостатки его и превосходство предъ нимъ соперника; Веніаминъ почувствовалъ всю справедливость этихъ замѣчаній и далъ себѣ обѣщаніе пріобрести то, чего ему недоставало. Такое послушаніе служило доказательствомъ двухъ прекрасныхъ его качествъ: уваженія къ благоразумію и опытности отца и превосходства разсудка предъ гордостію.

Воздержность Франклина въ пищѣ и удовольствіяхъ достав-

ляла ему возможность копить деньги на покупку книгъ, которыхъ онъ не могъ доставать отъ своихъ пріятелей и которыя составляли для него единственное средство образованія. Онъ всегда такъ благоразумно распредѣлялъ свое время, что должность его по типографіи нисколько не мѣшала страсти къ чтенію. Такимъ образомъ одинъ, безъ всякой другой помощи, кромѣ книгъ и прилежанія, онъ пріобреталъ познанія въ наукахъ, которыя предназначено было ему впоследствии усовершенствовать.

Таково было дѣтство этого знаменитаго мужа, который впоследствии возвысился между учёными, занималъ первыя должности въ государствѣ, былъ избираемъ защитникомъ выгодъ и правъ своего отечества противъ другихъ націй. Таково было воспитаніе Франклина, который хотя и сдѣлался однимъ изъ правителей государства, однако не переставалъ трудиться въ пользу народнаго образованія.

---

## II. ИЗЪ ГОРОДСКОГО БЫТА.

---

### 39. Усталость маятника.

Старые стѣнные часы, находившіеся болѣе двадцати лѣтъ въ дортуарѣ одного пансіона, ни разу дотолъ ни на что не пожаловались, въ одно зимнее утро совершенно неожиданно остановились. Открытое, румяное лицо циферблата вдругъ какъ будто окаменѣло, стрѣлки съ уныніемъ опустились, колеса, къ немалому своему удивленію, перестали придираться другъ къ другу, гири повисли, какъ хвостъ пѣтуха на проливномъ дождѣ... Захваченныя въ расплохъ обморокомъ, составныя части часовъ имѣли однако же довольно еще жизни, чтобы ссориться между собою и сваливать вину другъ на друга.

«Молчать, господа!» повелительно вскрикнулъ циферблатъ: «разберемъ дѣло обстоятельно, и тогда доищемся, кто виноватъ.»

У маятника совѣсть была не чиста, съ другой стороны онъ, какъ добрякъ, не умѣлъ лукавить. «Что таить грѣхъ», со вздохомъ сказалъ онъ, «я всему виноватъ; я первый остановился. Если же вы спросите, почему я такъ поступилъ, то говорю на прямикъ: мнѣ стало наконецъ не въ мочь качаться направо и налево; усталъ, совсѣмъ выбился изъ силъ; воля ваша, товарищи, не стану болѣе работать.

— «Ахъ ты безсовѣстный, грубіянь! лѣнтяй ты эдакой. Еще смѣешь говорить при всемъ почтенномъ собраніи, что онъ не станетъ работать. Какъ это языкъ у тебя повернулся на такую дерзость?»

«Хорошо тебѣ говорить про дерзость да про лѣнь другихъ! Ты выбралъ себѣ видное и спокойное мѣсто; у тебя только и дѣла, что смотрѣть, выпуча глаза, на всѣхъ. Поставь-ка себя на мое мѣсто; подумай, каково мнѣ болтаться всю жизнь въ темномъ ящикѣ, похожемъ на гробъ!»

— «Что за бѣда, что ты висишь въ ящикѣ? Да притомъ же не ври: тебѣ совсѣмъ не темно; вѣдь въ ящикѣ прорѣзано окошечко. Смотри и ты на кого хочешь, и съ кѣмъ угодно перемигивайся!»

«Окно-то есть въ моей квартирѣ»; продолжалъ со вздохомъ маятникъ, «да некогда мнѣ смотрѣть въ него: чтобы видѣть то, на что смотришь, надобно остановиться хоть на минуту у окна; а ты же мнѣ теперь простить не можешь, что я остановился. Впрочемъ, упреки твои ни къ чему не служатъ: не стану болѣе работать. Усталъ; пора и на покой.»

— «Отчего же ты именно сегодня остановился — послѣ безпорочной двадцатидвухлѣтней службы?» прошипѣли въ одинъ голосъ колеса.

«Оттого, что умныя мысли обыкновенно приходятъ поздно въ голову. Вѣдь и у меня есть голова; хоть она плоская и свѣшена книзу, но все же голова. Я сталъ считать, сколько разъ мнѣ приходится покачнуться въ теченіе однихъ сутокъ, и насчиталъ....»

— «Восемьдесятъ шесть тысячъ четыреста разъ», подхватили проворныя стрѣлки, всю жизнь имѣвшія дѣло съ цифрами.

«Именно столько», продолжалъ маятникъ. «Какъ вамъ кажется? Мало этого, чтобы утомить хоть кого угодно? И когда я потомъ помножилъ сумму суточныхъ моихъ качаній на число дней

въ году, то мною овладѣло невольное уныніе. Подумаль, подумаль я, да и всталъ.»

Вспыльчивый, полнокровный циферблатъ хотѣлъ было въ прахъ разбранить маятникъ, но счёлъ за нужное сдержать себя, и поддѣльно-спокойнымъ, притворно-ласковымъ голосомъ произнесъ:

— «Многоуважаемый г. маятникъ! Я, право, не могу понять, какъ, бывъ доселѣ образцомъ благонамѣренности и смиреннаго трудолюбія, ты сегодня невпопадъ заумничаль и, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, сталъ мѣрять да вычислять свои труды. Если бы всѣ, сидя надъ работою, только думали, а не работали сами, то мертвый застой смѣнилъ бы нынѣшнюю животрепещущую, безконечно-разнообразную дѣятельность. Не привлекательна лѣнь со стороны, и сама себя наказываетъ она скугою. Но оставимъ разсужденія. Не откажись исполнить мою просьбу — сдѣлай подюжины качаній.»

«Подюжины — изволь: это не трудно.» И согласившись на просьбу циферблата, маятникъ качнулся трижды направо и налево.

— «Утомили ли тебя эти движенія?»

«Нимало», отвѣчалъ маятникъ: «шесть разъ покачнуться — все равно, что ничего; но шестьсотъ, шесть тысячъ, шесть милліоновъ, это другое дѣло.»

— «Хорошо. Разсуди однако же: въ теченіе одной полусекунды ты можешь конечно подумать о милліонѣ качаній, но все-таки не болѣе двухъ разъ покачнешься ты въ секунду.»

«Что же отсюда слѣдуетъ?»

— «А отсюда слѣдуетъ то, что, не вычисляя предстоящаго милліона качаній, качайся спокойно по два раза въ секунду, тогда и самъ не замѣтишь своей работы: такъ легка она будетъ для тебя.»

«И въ самомъ дѣлѣ! Мнѣ не пришла эта мысль въ голову», вскрикнулъ добрякъ маятникъ. «Ну, господа, къ дѣлу! вниманіе! Разъ! два! три!» И маятникъ пустился по прежнему летать направо и налево; колеса толкнули подъ бокъ другъ друга и пошли дружно вертѣться на осяхъ своихъ; стрѣлки принялись указывать на цифры, и циферблатова физиономія оживилась по прежнему, осмыслилась. Черезъ тридцать минутъ часы пробили 7, и дежурный гувернеръ сталъ будить воспитанниковъ.

Заботы о минутахъ, а часы, дни, мѣсяцы, годы составятся

уже сами собою. Долгъ нашъ вести себя хорошо въ настоящемъ; прошлое невозвратно, будущее неизвѣстно.

Усталость начинается и возрастаетъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ мы въ настоящую минуту вычисляемъ трудъ будущаго часа.

Одна минута легка сама по себѣ; за нею слѣдуетъ и другая, столько же кратковременная и столько же легкая; если мы переносимъ незамѣтно первую, почему же тяготиться второю, третьею и всѣми дальнѣйшими, равно быстро-текущими, совершенно похожими одна на другую?...

### Загадки.

1. Кто всегда идетъ впередъ, не трогаясь съ мѣста?

2. Стучить, бречить, вертится, ходитъ весь вѣкъ, а не чело-  
вѣкъ.

### 40. Соловей и чижъ.

Былъ домъ, гдѣ подъ окномъ и чижъ и соловей вистѣли и пѣли. Лишь только соловей, бывало, запоетъ, сынъ маленькій отцу проходу не даетъ: все птичку показать къ нему онъ приступаетъ, что этакъ хорошо поетъ. Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ. «Ну, говорить, узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забавляетъ.» Тотчасъ на чижику мальчишка указалъ. «Вотъ, батюшка, она!» сказалъ; и мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньи: «какія пѣрушки! куда какъ онъ пригожъ! за тѣмъ вѣдъ у него и голосъ такъ хорошъ!»

*Хемницеръ.*

### 41. Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотѣй, съ поварни побѣжалъ своей въ кабакъ (онъ въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ), а дома стеречи съѣстное отъ мышей кота оставилъ. Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу объѣдки пирога; а Васька котъ въ углу, припавъ за укусунымъ бочѣнкомъ, мурлыча и ворча, трудится надъ курчѣнкомъ.

«Ахъ, ты обжора! ахъ злодѣй!» туть Ваську поваръ уку-

ряеть: «не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей? (А Васька все-таки курченка убираеть.) Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ, бывалъ, за примѣръ тебя смиренства кажутъ; а ты—ахти, какой позоръ! Теперь всѣ сосѣди скажутъ: котъ Васька плутъ! котъ Васька воръ! и Ваську-де не только что въ поварню, пускалъ не надо и на дворъ, какъ волка жаднаго въ овчарню: онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!» (А Васька слушаетъ, да ѣсть.)

Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью, не находилъ конца нравоученью. Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ, котъ Васька все жаркое съѣлъ.

*Крыловъ.*

## 42. Пословицы изъ повседневнои жизни.

Порядокъ душа всякаго дѣла. Гдѣ работаютъ, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ домѣ пусто. Хозяйкою все стоитъ. Береженье лучше воронья. Приказывай слугѣ, да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ. Одинъ рабъ двумъ господамъ не служить. Всякій человекъ у дѣла познается. Не говори, что не могу,—говори, что не хочу. Мѣсто человека не просвѣщаетъ, но человекъ мѣсто. Съ поклону голова не болитъ. За честное обхожденье всегда получишь почтенье. Начинаячи дѣло, о концѣ размышляй. Людскихъ рѣчей не переслушаешь. Худой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Скажи, съ кѣмъ ты другъ, а я скажу, кто ты таковъ. Шапочко знакомство не пойдетъ въ потомство. Доброе братство лучше богатства. Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Другъ познается въ несчастіи.

## 43. Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой, и дѣльный разговоръ вели между собой, какъ вдругъ изъ подворотни дворняжка тивкнула на нихъ; за ней другая, тутъ еще двѣ-три, и въ мигъ со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалоса съ полсотни. Одинъ было уже проходій камень взялъ.—«И, полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ: «собакъ ты не уймешь отъ лаю; лишь пуше всю раздражнишь стаю; пойдемъ впередъ, я ихъ натуру лучше знаю.» И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять, собаки начали по малу затихать, и стало наконецъ совсѣмъ ихъ не слышать.

*Крыловъ.*

**Загадка.**

Собой не птица, пѣть не поётъ, кто къ хозяину идетъ, она  
знать даетъ.

**44. Зимнее утро въ столицѣ.**

Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ; на биржу тянется изво-  
щикъ; съ кувшиномъ охтенка слѣзаетъ, подъ ней снѣгъ утрен-  
ний хруститъ. Проснулся утра шумъ приятный; открыты став-  
ни; грубный дымъ столбомъ восходитъ голубымъ, и хлѣбникъ,  
нѣмецъ акуратный, въ бумажномъ колпакѣ, не разъ ужъ отво-  
рять свой васисдасть.

*Пушкинъ.*

**45. Стрѣлка часовая.**

Когда-то стрѣлка часовая на башнѣ городской, свои досто-  
инства счисляя, расхвасталась собой, и прочимъ часовымъ ча-  
стямъ въ пренебреженъе, — не должноль, говорить, имѣть ко  
мнѣ почтенъе? Всему я городу служу какъ бы въ законъ; все  
что ни дѣлають, по мнѣ располагають: по мнѣ работаютъ, по  
мнѣ и отдыхаютъ; по мнѣ чрезъ колокольный звонъ къ молит-  
вѣ даже созываютъ; и только часъ я покажу, какъ будто при-  
кажу. Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше, весь городъ подо  
мною; всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой! А вы что зна-  
чите? кто видитъ васъ?

— «Постой, нельзя ли какъ нибудь потише, и слово дать и  
намъ сказать», другія части отвѣчали: «знай, что когдабъ не  
мы тобою управляли, тебя бы ни во что считали; важна ты  
нами, не собой.»

*Хемницеръ.*

**46. Строитель.**

Что можешь начинать теперъ, теперъ и начинать старайся;  
лишь настоящему ты вѣрь, на завтра не полагайся.

Построить нѣкто домъ желать, и нужные къ тому собирать

припасы сталь; и собралъ ужъ не мало. Построить долго ли? лиха бѣда начало. Проходить день за днемъ, за годомъ годъ идетъ, а все строенья нѣтъ; все нашъ строитель отлагаетъ строенье до другого дня. Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ припасы лишь одни.

#### \* 47. Два работника.

Одинъ работникъ долженъ былъ для постройки дома носить камни, между которыми былъ одинъ весьма большой. Работникъ не трогалъ этого камня, а носилъ сперва маленькіе, думая, что и послѣ можетъ перенести его. Наконецъ дошла очередь и до большого камня; но работникъ уже такъ усталъ, нося маленькіе камни, что не въ состояніи былъ уже поднять его. Дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ оставить большой камень на мѣстѣ и лишиться нѣкоторой части платы, за которую уговорился переносить всѣ камни.

Другой работникъ долженъ былъ исправить такую же работу. Онъ началъ съ самага большого камня и, зная, что ему необходимо надобно было перенести его, перенёсъ не скучая, хотя и съ немалымъ трудомъ. Исполнивъ это, онъ еще съ большею охотою принялся за маленькіе камни. Работа казалась ему легка, потому что онъ самое трудное уже сдѣлалъ, и кончилъ её въ надлежащее время.

#### 48. Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»

— «Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ; все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, повѣришь ли, не станеть ни умѣнья пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата! Куда на выдумки природа таровата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ! какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки! Одинъ какъ изумрудъ, другія какъ коралль! Какія крохотны коровки! есть, право, менѣе булавочной головки!»

— А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»



— «Да развѣ тамъ онъ?»

— «Тамъ.»

— «Ну, братецъ, виноватъ: слона-то я и не примѣтилъ.»

*Крыловъ.*

#### 49. Слоно и моська.

— По улицамъ слона водили, какъ видно, на показъ, — извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ, — такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили. Отколѣ ни возмись, на встрѣчу моська имъ. Увидѣвши слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

«Сосѣдка, перестань срамиться», ей шавка говоритъ; «тебѣль съ слономъ возиться? Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ и лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»

— «Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ: «вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я совсѣмъ безъ драки могу попасть въ большіе забіяки. Пускай же говорятъ собаки: ай, моська! знать она сильна, что лааетъ на слона!»

*Крыловъ.*

#### \* 50. Дорогая травка.

Двѣ служанки, Анна и Катерина, шли въ городъ. Каждая изъ нихъ несла на головѣ корзину съ плодами.

Анна безпрестанно ворчала и вздыхала, а Катерина смѣялась и шутила. Анна сказала: «Какъ ты можешь быть такъ весела? Вѣдь твоя корзина такъ же тяжела, какъ моя, да и ты сама не сильнѣе меня!»

— Я положила въ мою корзину, отвѣчала Катерина, такую травку, которая облегчаетъ всякій трудъ.

«О это, должно быть, дорогая травка!» сказала Анна. «я желала бы также облегчить ею свою ношу. Скажи мнѣ, какъ зовутъ эту травку?»

Катерина отвѣчала: эта травка — терпѣніе, котораго у тебя нѣтъ.

## 51. Переправа черезъ рѣку.

Молодой человекъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки, и попросилъ лодочника перевезти его на другую сторону. Деревня, куда нужно было придти ему, лежала на другой сторонѣ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того чтобы прямо ѣхать, куда хотѣлъ молодой человекъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ, и давно уже миновалъ деревню. — «Куда же это ты ѣдешь, пріятель?» спросилъ его юноша. — «Прямо туда, куда нужно», отвѣчалъ перевозчикъ. — «Если это называется прямо», сказала юноша, «то я ужъ и не знаю, что значить криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.» — «Да, мой добрый баринъ, еслибъ мы все такъ ѣхали», возразилъ перевозчикъ; «но когда мы выѣдемъ на средину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ и добрый христіанинъ должны ставить цѣль свою повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другого теченіе жизни.» И дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни.

## 52. Бѣдный Гиѣдко.

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, — какой злой извощикъ, какъ онъ бьетъ лошадку!... Въ самомъ дѣлѣ; она бѣжитъ очень плохо... Отчегожъ это? Ахъ, бѣдный Гиѣдко, да онъ хромаетъ...

Извощикъ, извощикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь; ты ее до смерти убьешь!

— «Что нужды», отвѣчаетъ извощикъ: «ужъ или мнѣ, или ей умереть, — нынче праздникъ.»

То-то и есть, что праздникъ, любезный! Ты подгулялъ, да и не посмотрѣлъ, что лошадь потеряла подковку; оттого она поскользнулась, спотыкнулась и зашибла ногу. Что мудрѣнаго, что она не можетъ бѣжать? Она, бѣдная, что шагнетъ, то ей больно, — тутъ не побѣжишь. А ты знаешь, что тебѣ надо будетъ платить за ея леченіе, за подковку, да еще хозяинъ тебя будетъ бранить, такъ тебѣ хочется, во что бы то ни стало, вы-

ручить деньги, навести, какъ ты говоришь. Теперь же благо праздникъ, ѣзды много, платять дорого,—да бѣдная-то лошадка въ чемъ виновата? Виноватый-то ты, глупый извозчикъ: зачѣмъ ты не смотрѣлъ за нею, зачѣмъ не видалъ, когда она потеряла подковку?...

Но онъ не слушаетъ насъ; онъ уже далеко. Вотъ онъ на Невѣ—и все погоняетъ бѣдную лошада; а лошада все спотыкается, и что шагнетъ, то ей больно.

А еще ребяташки бѣгутъ за санями, да смѣются и надъ лошадкой, и надъ извозникомъ; а онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошадакъ.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ? какъ онъ не запретить извознику мучить бѣдную лошадаку? Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шляпу и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывалый.

«А мнѣ что за дѣло», бормочетъ про себя толстый господинъ: «я спѣшу на обѣдъ,— пусть извозчикъ убьетъ свою лошада, — не моя лошада,— мнѣ что за дѣло?»

Бѣдный Гнѣдко! какъ мнѣ жаль его! Я его давно знаю. Я помню, какъ онъ былъ еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чирикають, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто; вотъ Свѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжитъ къ ней, то отскочитъ, пощиплетъ молодую травку, и опять къ матери, и опять брыкнетъ,—веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой, его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчесутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломою.... Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вмѣсто того чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвутъ молодой травки, положить въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскають ему подстилки, да и днемъ кусочка хлѣба не съдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребеночекъ-то зналъ ихъ: бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжитъ, остановится и смотритъ на нихъ, какъ собачка. Въ такой холѣ подросъ нашъ жеребеночекъ, выровнялся и сталъ статною лошадкой. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, погадалъ: жалко такую лошадаку въ соху запрячь! сведу-ка я его въ городъ, да продамъ: мнѣ за ея цѣну двухъ лошадей дадутъ. Сказано, сдѣла-

но: свели Гнѣдко на конную, въ Петербургъ, продали извощику. А ужь какъ плакали Ванюша съ Дашею, какъ они упрашивали извощика беречь ихъ Гнѣдко, не заставляя его возить тяжести, не мучить его... Они возвратились домой очень печальные, чего-то имъ недоставало; отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдко хорошия деньги, — дѣти же горько плакали.

Но въ этихъ разговорахъ мы прошли почти всю набережную... Посмотрите, посмотрите! что это тамъ столчился народъ?... Подойдемъ!

Ахъ! это нашъ бѣдный Гнѣдко! Посмотрите: онъ упалъ и не можетъ болѣе встать, — прохожіе помогаютъ извощику поднять его; — они поднимутъ, онъ опять упадетъ. Какъ нога у него вспухла; самъ извощикъ теперь плачетъ навзрыдъ. «По дѣломъ ему!» скажете вы. Нѣтъ, не говорите этого, — онъ уже самъ видитъ свою вину и уже довольно наказанъ. Какъ онъ покажется на глаза хозяину? Да и что теперь дѣлать съ лошадыю? Оставить ее на улицѣ нельзя; сама она идти не можетъ; надо нанять другую лошады съ санями, и на сани взвалить бѣднаго Гнѣдко. Но на это нужны деньги, — а у извощика ихъ нѣтъ: толстый господинъ разсердился, зачѣмъ лошады упала, и не заплатилъ ничего... Бѣдный Гнѣдко! онъ не можетъ пошевелиться, зарылъ голову въ снѣгъ, тяжело дышетъ и поводитъ глазами, какъ бы требуя помощи; бѣдный! онъ не можетъ даже кричать, потому что лошады не кричатъ, какъ бы жестоко ни страдали. «Злой извощикъ! зачѣмъ ты такъ измучилъ бѣднаго Гнѣдко?» — Но перестанемъ упрекать его, хотя онъ и много виноватъ; а лучше дадимъ ему денегъ: пусть онъ найметъ товарища свести Гнѣдко на квартиру, да прибавимъ совѣтъ: впередъ не ѣздить на хромой лошады и не требовать отъ больной, чтобы она бѣжала, какъ здоровая.

*Одоевскій.*

### 53. Бутлеръ.

Англичанинъ Бутлеръ, извѣстный по своему остроумію, заѣхалъ однажды осенью въ одинъ трактиръ, гдѣ уже было много гостей, которые сидѣли вокругъ топившагося камина и разговаривали между собою, не обращая вниманія на прибывшаго незнакомца, который дрожалъ отъ холоду.

«Эй! человекъ! вскричалъ Бутлеръ, отнеси моей лошади блюдо устриць.»

— Четверку овса, хотѣли вы сказать, сударь, отвѣчалъ слуга.

«Я знаю, что говорю, возразилъ Бутлеръ съ гнѣвомъ: не овса, а устриць дай моей лошади.»

Слуга пошелъ, и гости, сидѣвшіе около камина, оставляли комнату одинъ за другимъ, желая видѣть чудную лошадь, которая ѣла устриць. Между тѣмъ Бутлеръ садится къ камину и грѣется.

Вскорѣ послѣ сего слуга возвращается, а съ нимъ вмѣстѣ являются и любопытные гости.

— Милостивый государь, сказалъ первый, ваша лошадь не ѣстъ устриць.—«Хорошо, отвѣчалъ Бутлеръ, такъ насыпь ей овса; а устрицы подай мнѣ, ужъ я справлюсь съ ними.»

#### 54. Истинное добродушіе.

Одна крестьянка въ Стразбургѣ несла корзину съ яицами для продажи. Вдругъ откуда ни взялись два маленькіе шалуна, опрокинули корзинку и съ хохотомъ убѣжали прочь. Видя это, другой мальчикъ, сжавъ кулаки, погнался за ними; они ужъ было струсили. Но вдругъ мальчикъ остановился и, какъ бы задумавшись, повернулъ назадъ и побѣжалъ домой. Между тѣмъ крестьянка стояла и плакала надъ разбитыми яицами. Вдругъ она видитъ предъ собою маленькую руку, которая высыпаетъ ей въ передникъ всѣ деньги изъ копильницы,—эта рука была та самая, которая за нѣсколько минутъ въ негодованіи сжимала свой кулакъ,—и прежде чѣмъ крестьянка успѣла поблагодарить, маленькій благотворитель исчезъ изъ виду.

#### 55. Нищіе.

И вечерней, и ранней порою много старцевъ и вдовъ и сиротъ подъ окошками ходить съ сумою, Христа ради на помощь зоветь. Надѣваетъ ли сумку неволя, неохота ли взяться за трудъ: тяжела и горька твоя доля, безпріютный, оборванный людъ!—Не откажутъ тебѣ въ подаяни, не умрешь ты безъ

крова зимой: жаль разумное Божье создание — человекъ въ грязи и съ сумой!...

*Никитинъ.*

### 56. Вѣрное средство разбогатѣть.

Лѣтомъ 1791-го года, когда я еще былъ студентомъ, — рассказываетъ одинъ французскій писатель — я каждое Воскресенье отправлялся пѣшкомъ въ Версаль, гдѣ жила моя матушка. У самой заставы въ то время постоянно находился нищій, дѣтина рослый и молодой, но на видъ хилый и болѣзненный; низкіе поклоны его и жалобный возгласъ: «Подайте милостыню, Христа ради!» издали уже обращали на него вниманіе прохожихъ. Антонъ (такъ звали этого нищаго) получалъ отъ меня всякій разъ два су.

Однажды, въ одно время со мною, къ заставѣ подошелъ очень небольшого роста, сухощавый господинъ. Услышавъ кликъ нищаго, онъ остановился, посмотрѣлъ на него, и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ ему:

«Ты, братецъ, на взглядъ кажешься человекомъ не глупымъ, да и работать еще можешь, а занимаешься такимъ гадкимъ промысломъ! Хочешь ли, я тебя научу, какъ сдѣлаться богачомъ?»

Антонъ разсмѣялся, и я также.

«Смѣйся, любезный, сколько угодно», возразилъ маленькій господинъ добродушно, «только послушайся моего совѣта, и ты, право, не будешь раскаиваться въ этомъ. Вотъ тебѣ примѣръ: я былъ точно такимъ же бѣднякомъ, какъ и ты; но, вмѣсто того чтобы просить милостыни, я ходилъ съ сумой по городамъ и селамъ собирать — не подаваніе, а старья тряпки, которые я находилъ въ мусорныхъ кучахъ, или же даромъ получалъ отъ добрыхъ людей. Эти тряпки я продавалъ бумажнымъ фабрикантамъ, и въ одинъ годъ приобрѣлъ столько денегъ, что могъ завести себѣ телѣжку и осла для перевозки моего товара, который я съ тѣхъ поръ уже не бралъ даромъ, а покупалъ. По истеченіи пяти лѣтъ у меня было десять тысячъ франковъ наличными деньгами, и тогда одинъ бумажный фабрикантъ принялъ меня къ себѣ въ товарищи. Я былъ молодъ, дѣтеленъ и бережливъ, и вотъ у меня теперь два каменныхъ дома въ Па-

рижѣ; а фабрику свою я уступилъ сыну, котораго съ малолѣтства приучалъ къ трудолюбію и устойчивости. Послѣдуй моему примѣру, и ты будешь такъ же богатъ, какъ и я.» Съ этими словами маленькій господинъ сталъ поспѣшно продолжать свой путь; а Антонъ до того углубился въ размышленіе, что безъ всякаго вниманія пропустилъ двухъ проходившихъ мимо него дамъ.

Въ 1815 году, будучи мимоѣздомъ въ Брюсселѣ, я однажды вошелъ въ книжный магазинъ. За прилавкомъ, у конторки, стоялъ видный и довольно красивый мужчина, который давалъ различныя приказанія нѣсколькимъ прикащикамъ. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ; но я не могъ припомнить, гдѣ именно я его видѣлъ. Взглянувъ пристально на меня, онъ послѣ нѣкотораго размышленія подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Мы, кажется, знакомы... позвольте спросить, не ходили ли вы двадцать пять лѣтъ тому назадъ по Воскресеньямъ въ Версаль?» — Антонъ! воскликнулъ я, удивленный. «Да, я дѣйствительно тотъ самый Антонъ... и вы видите, что маленькій господинъ былъ правъ: неутомимая дѣятельность и бережливость лучшія средства для пріобретенія богатства. Благодаря его совѣту, я теперь хозяинъ этого магазина.»

### \* 57. Сапожные гвозди.

Трудолюбивый Павелъ работалъ въ кузницѣ такъ ловко, что искры градомъ сыпались подъ ударами его молотка. Сынъ богатаго дворянина Броуна, жившаго по сосѣдству, часто приходилъ къ Павлу и смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ на его работу. — «Выучитесь, сударь, для препровожденія времени, хоть дѣлать гвозди», сказалъ ему однажды Павелъ: «кто знаетъ? можетъ быть, это вамъ когда нибудь пригодится.»

Праздный молодой человекъ, для шутки, согласился на предложеніе. Усмѣхаясь, онъ сталъ передъ наковальнею, и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ въ новомъ для него искусствѣ такіе успѣхи, что могъ довольно легко выковать хорошіе сапожные гвозди.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того война лишила дворянина Броуна всего его имѣнія и принудила его оставить отечество. Онъ скрылся въ отдаленной деревнѣ. Тамъ жило множество са-

пожниковъ, которые покупали сапожные гвозди въ сосѣдственномъ городѣ; но въ это время они не находили ихъ въ достаточномъ количествѣ, потому что должны были изготовить для арміи нѣсколько тысячъ паръ сапогъ. Тутъ молодой Броунъ вспомнилъ, что онъ выучился дѣлать сапожные гвозди. Онъ предложилъ сапожникамъ доставлять имъ большое количество гвоздей, если только они согласятся выстроить для него мастерскую. Они охотно согласились, и съ тѣхъ поръ онъ жилъ спокойно и безъ нужды.

«Какъ хорошо умѣть что нибудь дѣлать, хоть сапожные гвозди!» говорилъ онъ часто: «это для меня теперь полезнѣе, нежели все мое прежнее богатство, котораго я лишился; а приобретеннаго искусства никто не отниметъ.»

### Загадки.

1. Мы какъ арапы чернотой, ростъ одинакій, небольшой, а защищаемся гвоздями, и неразлучными друзьями по городу гуляемъ съ вами.

2. Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ, хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ.

### 58. Пословицы о нуждѣ и бѣдности.

Кто въ нуждѣ не бывалъ, тотъ ее не видалъ. Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Нужда и по воскреснымъ днямъ постится. Нужда послѣднюю копѣйку ребромъ. Нужда остритъ разумъ. Нужда научить Богу молиться. Бѣдность не порокъ. Лучше бѣдность да честность, нежели прибыль да стыдъ. Бѣдность учить, а счастье портить. Избытка убожество ближній наслѣдникъ. Скупой богачъ бѣднѣе нищаго. Подъ толстымъ сукномъ не хуже согрѣешься, чѣмъ подъ бархатомъ. Приведи Богъ подать, не приведи Богъ примать. Коль можешь, веселись, а все на бѣдныхъ оглянись. Дающая рука не оскудѣетъ. Съ міру по ниткѣ, голому рубаха. Не проси у богатаго, проси у добраго. Дорога милостыня во время скудости.

### 59. Странный рецептъ.

Вѣдь, кажется, въ томъ нѣтъ ничего смѣшного, когда чело-



вѣкъ принужденъ идти въ аптеку за лекарствомъ? Но разъ какъ-то по этому поводу вышелъ довольно забавный случай. Входитъ въ аптеку человѣкъ, втаскивая съ собою огромную сосновую дверь. Аптекарь, думая, что тотъ вошелъ по ошибкѣ, кричитъ ему: «куда ты, братецъ? Здѣсь аптека; а столяръ живетъ насупротивъ.» Но вошедшій преспокойно ставитъ дверь передъ аптекаремъ и, показывая на нее, отвѣчаетъ: «вотъ, батюшка, приготовьте-ка лекарство по этому рецепту. У меня ночью жена захворала; я и позвалъ доктора. А когда онъ хотѣлъ прописать лекарство, у меня въ домѣ не нашлось ни пера, ни бумаги. Вотъ онъ, по моему предложенію, и написалъ рецептъ мѣломъ на этихъ дверяхъ. Сдѣлайте одолженіе, приготовьте лекарство.»

Аптекарь посмѣялся; но долженъ былъ сознаться, что малый-то былъ догадливый.

## 60. Сцена въ типографіи.

Неизвѣстный. Здѣсь напечатана эта книга?

Факторъ. Здѣсь.

Н. А продается она у васъ?

Ф. Никакъ нѣтъ; здѣсь только печатаются книги, а не продаются; извольте спросить въ книжныхъ лавкахъ.

Н. Я спрашивалъ, да ни у кого нѣтъ. Нашелъ только одинъ экземпляръ въ публичной библиотекѣ, да и тотъ не продажный.

Ф. Не мудрено, что въ пятнадцать лѣтъ вся книга разошлась.

Н. А что стоитъ напечатать вновь?

Ф. Двадцать листовъ ровно... за наборъ и напечатаніе по пятнадцати рублей съ листа — триста... бумаги три стопы на листъ, хоть по три рубля... сто восемьдесятъ... четыреста восемьдесятъ рублей всего за полный заводъ, то есть за тысячу двѣсти экземпляровъ.

Н. (отдавая трехрублевую бумажку). Дай же, братецъ, сдачи, и напечатай мнѣ скорѣе одинъ экземпляръ.

61. Ларчикъ.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларець. Отдѣлкой, чистой ларець въ глаза кидался; ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ. Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: «ларецъ съ секретомъ; такъ, онъ и безъ замка; а я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ. Не смѣйтесь такъ изподтишка! Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою; въ механикѣ и я чего нибудь да стою.»

Вотъ за ларець принялся онъ: вертитъ его со всѣхъ сторонъ, и голову свою ломаетъ; то гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ. Тутъ, глядя на него, иной качаетъ головой; тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой. Въ ушахъ лишь только отдается: «не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется. Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ, отъ ларчика отсталъ, и какъ открыть его, никакъ не догадался: а ларчикъ просто открывался.

ишартопитъ ли анери 00

Кырьловъ.

62. Драгоценные камни.

Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ взялся приготовить какой-то знатной госпожѣ уборъ, для котораго она дала ему нѣсколько драгоценныхъ камней. Романъ, его ученикъ, разсматривалъ ихъ часто съ большимъ удовольствіемъ. Вдругъ мастеръ замѣтилъ, что пропали два самые красивые драгоценные камня. Подозрѣніе пало на Романа, и мастеръ сталъ искать пропавшихъ камней въ его спальнѣ. Тамъ онъ нашелъ ихъ въ щели, которая находилась въ стѣнѣ, надъ постелью мальчика. Романъ божился, что не онъ бралъ камни; но не смотря на то, мастеръ наказалъ его и выгналъ изъ своего дома. Спустя нѣсколько времени опять пропалъ одинъ драгоценный камень, и мастеръ нашелъ его въ той же самой щели. Тогда онъ сталъ присматривать прилежно за неизвѣстнымъ воромъ, и вскорѣ замѣтилъ, что воръ этотъ былъ — ручная сорока Романа. Она-то брала камни и прятала ихъ въ щель. Мастеръ очень сожалѣлъ, что обидѣлъ невиннаго мальчика. Онъ взялъ Романа опять къ себѣ

въ домъ, любилъ его и обходился съ нимъ, какъ съ своимъ собственнымъ сыномъ.

### 63. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался. Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся: по четверти обрѣзалъ рукавовъ— и локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ; лишь на четверть голяе руки стали. Да что до этого печали? Однако же смѣется Тришкѣ всякъ. А Тришка говорить: «такъ я же не дуракъ, и ту бѣду поправлю: длиннѣе прежняго я рукава наставлю.» О, Тришка малый не простой! Обрѣзалъ фалды онъ и полы, наставилъ рукава, и весель Тришка мой, хоть носить онъ кафтанъ такой, котораго длиннѣе и камзолы.

*Крыловъ.*

### 64. Честность.

Одинъ лондонскій купецъ бился объ закладъ съ фабрикантомъ Н\*. Черезъ два мѣсяца фабрикантъ умеръ. И вотъ является къ его вдовѣ купецъ и объявляетъ ей, что покойный мужъ ея бился съ нимъ объ закладъ о 1000 фунтовъ стерлинговъ и проигралъ этотъ закладъ. Онъ явился теперь къ ней узнать, считаетъ ли она долгомъ своимъ заплатить проигранный закладъ? Вдова тотчасъ встала, подошла къ своему бюро и хотѣла тогда же заплатить этотъ долгъ; но купецъ остановилъ ее и сказалъ: «такъ какъ вы думаете, сударыня, что закладъ вашего мужа дѣйствителенъ и послѣ его смерти, то вотъ 1000 ф. ст.: я проигралъ этотъ закладъ.

### 65. Бережливость и скупость.

Въ одномъ маленькомъ городѣ два добрые человѣка желали оказать вспомошествованіе бѣдному семейству; но какъ они не были въ состояніи сдѣлать большой помощи, то обратились съ просьбами къ тѣмъ изъ своихъ согражданъ, которые имѣли болѣе средствъ помочь страждущимъ, и для этого, посѣщая достаточ-

ныхъ людей, излагали имъ крайнюю нужду бѣднаго семейства и просили ихъ о возможной помощи.

Такимъ образомъ они зашли къ одному зажиточному купцу, въ надеждѣ получить отъ него какое либо вспомоствованіе. Но какъ же они удивились, когда, вошедши къ нему на дворъ, услышали брань купца на своего кучера, который забылъ положить въ сарай веревки и оставилъ ихъ прошедшую ночь подъ дождемъ. «Развѣ ты не знаешь», говорилъ купецъ, «что веревки могутъ сгнить отъ мокроты? Вѣдь они стѣять денегъ, которыя заработать не такъ легко, какъ ты думаешь.»—«О, этотъ купецъ ничего не дастъ!» сказала одинъ изъ пришедшихъ, «когда онъ за такую ничтожную вещь такъ сердится и бранится. Пойдемъ лучше въ другой домъ.» «Можно попробовать, отвѣчалъ другой: «подойдемъ къ нему и скажемъ, зачѣмъ пришли.» Между тѣмъ купецъ, побранивши своего кучера, подошелъ вѣжливо къ нимъ и пригласилъ ихъ въ свои покои.

Узнавши о причинѣ посѣщенія этихъ добрыхъ людей, онъ безъ всякихъ отговорокъ далъ имъ довольно значительную сумму денегъ, а сверхъ того обѣщалъ еще прислать бѣдному семейству нѣсколько четвертей муки. Такая щедрость удивила просителей, и они не могли не сказать ему о своемъ мнѣніи, которое о немъ имѣли, услышавши его брань за такую ничтожную вещь. «Отъ того-то я и могу иногда помогать неимущимъ», отвѣчалъ онъ, «что былъ всегда бережливъ. Бережливость не есть скупость.»

## 66. Худой плательщикъ.

Семень не умѣлъ пріобретать денегъ трудомъ и увеличивать ихъ бережливостію. Дѣла его пошли такъ плохо, что ему пришлось занять. По счастью онъ нашелъ добраго, великодушнаго друга, который не отказался помочь ему.

Пришла пора расплачиваться. Семень думаетъ: «отдавъ эти деньги, я сдѣлаюсь такимъ же несчастнымъ, какъ былъ прежде; лучше присвою ихъ себѣ: скажу, что я не бралъ у друга ничего, и буду чудесно продолжать дѣла свои.»

Такъ онъ и сдѣлалъ: отказался отъ платежа и упорствовалъ во лжи. Но плохо ему пришлось. Другъ долго ждалъ и терпѣлъ; но когда увидѣлъ, что его должникъ не стѣитъ никакого

снисхожденія, онъ потребовалъ его въ судъ. Семень, уличенный въ ложномъ показаніи, присужденъ былъ возвратитъ занятую сумму и сверхъ того заплатилъ большой штрафъ.

### 67. Не давши слова, крѣпись; а давши слово, держись.

Хорошій человѣкъ никогда не клянется, никогда не божится — грѣхъ! Скажетъ: хорошо, согласенъ, буду, даю честное слово — и довольно! Честное слово добраго человѣка крѣпко, какъ алмазъ. Клянутся, божатся — лгуны, трусы, дурные люди. Хорошій человѣкъ, что обѣщаетъ, то выполняетъ, не смотря ни на какія препятствія: его честное слово дороже ему всѣхъ почестей и богатства. Надобно съ малолѣтства затвердить, что «обѣщать значитъ исполнить». Для этого всегда надобно прежде подумать, можно ли намъ исполнить то, что обѣщаемъ. Не давши слова, крѣпись; а далъ слово, держись! Слово не воробей, — выпустишь, не поймаетъ!

### 68. Покрытое блюдо.

Гамбургскій купецъ Бель давалъ однажды обѣдъ и непременно хотѣлъ поподчивать своихъ гостей свѣжею лососиною, которой въ то время года почти невозможно было достать. Онъ самъ обошелъ всѣ рыбныя лавки и, послѣ долгихъ поисковъ, нашель наконецъ одну довольно большую лососку, только что пойманную. Рыбакъ, зная, что въ городѣ едва ли можно отыскать другую, потому что въ это время года эта рыба не ловится, запросилъ за нее 50 марокъ, то есть почти семь червонцевъ. Бель предложилъ ему 20, 25, наконецъ 30; но рыбакъ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Конечно Белю ничего не значило бросить 50 марокъ; но жадность и упрямство рыбака взбѣсили его, и онъ рѣшился обойтись на обѣдѣ безъ лососины. вмѣсто нея поставили на столъ покрытое блюдо. Когда дошла очередь до лососины, хозяинъ снялъ крышу съ блюда, и въ немъ оказалось — нѣсколько золотыхъ монетъ. Гости чрезвычайно изумились; но хозяинъ разсказалъ имъ о своихъ переговорахъ съ рыбакомъ и присовокупилъ, что деньги за рыбу онъ назначилъ въ пользу одного бѣднаго семейства и надѣется, что его друзья будутъ довольствоваться, вмѣсто лососины, другою

рыбою, меньше цѣнною. Всѣ одобрили рѣшеніе хозяина и изъявили желаніе участвовать въ его добромъ дѣлѣ. Блюда обнесли вокругъ стола, и каждый положилъ на него свое пожертвованіе. Такимъ образомъ набралось нѣсколько сотенъ марокъ, помощію которыхъ бѣдное, честное семейство не только вышло изъ нужды въ настоящее время, но даже могло поправить свои дѣла, разстроенныя несчастнымъ случаемъ.

## 69. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору, какіе-то честные торгаши наторговали денегъ гору; окончили торги и дѣлятъ барыши. Но въ дѣлѣжь когда безъ спору? Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ, — какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ. «Скорѣй, скорѣй спасайте товары вы и домъ!» кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте, а счѣты послѣ мы сведемъ!» — «Мнѣ только тысячу мою сперва дайте!» шумитъ другой: «я съ мѣста не сойду долой.» — «Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счѣты ясны», еще одинъ кричитъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны! Да какъ, за что и почему!...» Забывши, что пожаръ въ дому, проказники тутъ до того шумѣли, что захватило ихъ въ дымъ, и всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

*Крыловъ.*

## 70. Пословицы изъ ремесленного и купческаго быта.

Всякое дѣло мастера боится, а иного дѣла и мастеръ боится. Не худое ремесло, кто умѣетъ сдѣлать и весло. Ремесло за плечами не виситъ, а ко время годится. Всякій своего счастья кузнецъ. Куй желѣзо, пока горячо. Торгуй правдою, больше барыша будетъ. Фунтъ пуду долженъ уступить. Починъ дороже денегъ. На свой аршинъ не мѣрай. Семь разъ отмѣрай, однажды отрѣжь. На хорошей товаръ много купцовъ. Долгъ платежомъ красенъ. Займомъ богатъ не будешь. Худо нажитое въ прокъ не пойдетъ. Выигрышь съ проигрышемъ на однѣхъ саниахъ ѣздить. Береги денежку про черный день.

## 71. Первый русскій гофъ-малеръ.

Петръ Великій, посѣщавшій въ 1718 году Новгородъ, слу-

шаль обѣдню въ Софійскомъ соборѣ. Въ густой, непроницаемой тѣснотѣ, у праваго клироса, стоялъ бѣдный, но пріятной наружности мальчикъ, и стоялъ не безъ дѣла: пристально всматриваясь въ лицо государя, украдкой въ шляпѣ чертилъ что-то карандашомъ. Никто на это не обращалъ вниманія: отъ одного лишь пронизательнаго Петра не могли укрыться дѣйствія ребенка. Онъ и въ этой густой толпѣ замѣтилъ бѣднаго маленькаго мальчика; однакожь, чтобъ не помѣшать его работѣ, взглядывалъ на него только изрѣдка и какъ бы мимоходомъ. Служба кончилась, народъ почтительно подался назадъ и очистилъ государю дорогу къ западнымъ вратамъ: но вдругъ, къ общему изумленію. Петръ поворотилъ къ южнымъ и прямо къ бѣдному мальчику, который въ это время былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, что даже не слышалъ шуму отъ хлынувшего, разступившагося народа; но легкій ударъ царя по плечу вывелъ его изъ задумчивости. Мальчикъ поднялъ глаза свои, и, вмѣсто ожидаемаго смущенія и испугу, на лицѣ его просіяли радость и удовольствіе.

— «Что ты дѣлалъ во время обѣдни?» кротко и ласково спросилъ его государь.

— «Чертилъ ликъ твой», отвѣчалъ смѣло и не запинаясь прекрасный мальчикъ.

— «Зачѣмъ?»

«Земля русская полна славой твоею. Я хотѣлъ для себя на память сохранить образъ твой и носить его при себѣ до гроба. И слезы брызнули изъ глазъ его, какъ онъ ни силился удерживать ихъ.

— «Ну-ка, покажи!»

И бѣдный мальчикъ, до того отличившійся смѣлостью и неустрашимостью, вдругъ ужасно какъ испугался, оробѣлъ; вспыхнувши до ушей, дрожащею рукою онъ подаль лоскутокъ бумаги. Что, вы думаете, было на этомъ лоскуткѣ бумажки? Вѣрно схваченный образъ Петра Великаго? Какъ бы не такъ!.. Это было какое-то странное, смѣшное очертаніе, едва похожее на лицо человѣческое. Но тотъ, кто изъ низшей массы народа избралъ Меншикова и Шафирова, тотъ съ перваго разу угадалъ призваніе и назначеніе мальчика. Судьба его рѣшена—и передъ вами является извѣстный первый русскій гофъ-малеръ Матвѣевъ.

## 72. Квартетъ.

Проказница мартышка, осель, козель, да косопалый Мишка затѣяли сыграть квартетъ. Достали нотъ, баса, альты, двѣ скрипки, и сѣли на лужокъ подъ липки, пльнять своимъ искусствомъ свѣтъ. Ударили въ смычки, деруть, а толку нѣтъ.

«Стой, братцы, стой!» кричитъ мартышка, «погодите! Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите. Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альты, я, прима, сяду противъ вторы; тогда пойдетъ ужъ музыка не та: у насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»

Разсѣлись, начали квартетъ; онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

— «Постойтежь, я сыскалъ секретъ», кричитъ осель; «мы вѣрно ужъ поладимъ, коль рядомъ сядемъ.»

Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ; а все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.

Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы и споры, кому и какъ сидѣть. Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть. Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье: — «пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье, чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привести: и ноты есть у насъ, и инструменты есть; скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»

— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье и уши вашихъ понѣжнѣй», имъ отвѣчаетъ соловей: «а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь.»

*Крыловъ.*

## 73. Находчивость русскаго солдата.

Часовой, стоявшій у пристани на рѣгѣ, увидѣлъ, что офицеръ шель мимо него по льду прямо на широкую полынью, которую чуть только подернуло льдомъ и запорошило снѣгомъ. Часовой сталъ кричать офицеру, чтобы онъ туда не ходилъ; но за сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ офицеръ не могъ слышать: оглянулся было, но пошелъ опять своимъ путемъ. Часовой закричалъ ему въ другой разъ изо всей силы, и когда офицеръ опять на него оглянулся, то часовой брякнулъ ему ружьемъ на погребень. Офицеръ поглядѣлъ, призадумался и подошелъ ближе спросить, что это значить. Часовой растолковалъ ему дѣло, и спасъ такимъ образомъ офицера отъ смерти.

*В. Даль.*



#### 74. Строевая лошадь.

Въ военное время остановился въ одномъ городкѣ на короткое время гусарскій полкъ. Крестьянинъ Климычъ, который не только торговалъ лошадьми, но также и красть ихъ, подмѣтилъ стоявшую у воротъ красивую лошадь, и угналъ ее въ лѣсъ. Когда гусары выступили изъ городка, Климычъ отправился въ отдаленную страну, на ярмарку, чтобы продать тамъ украденную лошадь.

Дорогою онъ долженъ былъ проѣзжать черезъ одинъ городъ. Климычъ побоялся показаться въ городъ на украденной лошади и рѣшился объѣхать его стороною. Недалеко отъ городской стѣны онъ увидѣлъ въ полѣ эскадронъ драгуновъ. Начиналось учение. Лишь только раздался звукъ трубы, какъ лошадь Климыча перепрыгнула черезъ ровъ на большую дорогу, понеслась съ дороги въ поле и, примкнувъ къ драгунамъ, дѣлала по командѣ всѣ обороты, то рысью, то вскачь, съ величайшею точностію. Солдаты смѣялись надъ испуганнымъ конокрадомъ, но ему было не до смѣха: отъ страха катился съ него потъ градомъ.

По окончаніи ученія офицеры и солдаты окружили Климыча, а начальникъ отряда сказалъ ему: «эта лошадь офицерская; она красива и хорошо обучена. Откуда ты взялъ ее?» Климычъ смѣшался, отвѣчалъ, что купилъ, однако жъ не могъ сказать — у кого. И такъ онъ былъ обличенъ въ похищеніи и наказанъ по закону.

#### 75. Награда по заслугамъ.

Петръ Великій, бережливый въ своихъ расходахъ, щедро награждалъ людей, служившихъ ему вѣрно. Онъ жаловалъ многихъ деревнями въ завоеванныхъ провинціяхъ, даже вдовамъ и сиротамъ морскихъ и полевыхъ офицеровъ назначалъ пенсіи. Однажды доложили ему объ иностранцѣ, который прослужилъ около 30 лѣтъ и теперь за старостію и слабостію здоровья не можетъ продолжать службу, и просили разрѣшенія государя: назначить ли ему при отставкѣ полное, или половинное жалованье? Государь отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: «Какъ же! Развѣ тотъ въ старости долженъ терпѣть нужду, кто лучшія лѣта свои посвятилъ мнѣ на службу? Выдавайте ему полное жалованье и не

принуждайте его къ службѣ, если онъ не въ состояніи болѣе служить; но совѣтуйтесь съ нимъ о дѣлахъ, касающихся прежней его службы, и пользуйтесь его искусствомъ. Кто бы захотѣлъ служить мнѣ, еслибъ зналъ напередъ, что я, которому онъ посвятилъ лучшіе годы свои, въ старости оставлю его въ нуждѣ и бѣдности?»

## 76. Мужикъ и царедворецъ.

Ораль мужикъ въ полѣ и выораль самоцвѣтный камень. Идетъ домой, а на встрѣчу ему сосѣдь, такой стародревній; показаль ему камень: «кому гоже?» — Неси, говорить, къ царю. Понесъ; приходитъ во дворецъ и повстрѣчалъ царедворца. Поклонился ему до земли: «батюшка, доведи до царя!» — Зачѣмъ тебѣ нужно? «Несу изъ деревни подарокъ.» — Ну, мужичокъ, чѣмъ царь тебя наградить, отдай мнѣ половину; а не хочешь, — во вѣкъ не дойти тебѣ до царя. Мужикъ согласился.

Вотъ царедворецъ довелъ его до самага царя. «Благодарю, мужичокъ! говорить царь: вотъ тебѣ въ награду за то двѣ тысячи рублей.» Мужикъ палъ на колѣни. «Не надо мнѣ, царь-государь, иной награды, кромѣ пятидесяти стежей въ спину.» Возжалъ его царь, и приказаль дать ему пятьдесятъ стежей легонько. А мужичокъ зачалъ считать; какъ дали двадцать пять, онъ и закричалъ: «полно, будетъ съ меня; другая половина посулена тому, что довелъ меня до вашего царскаго величества. Позвали царедворца, и сполна отсчитали половину награды, какъ слѣдовало; только онъ не радъ былъ такой наградѣ. Царь поблагодарилъ мужика и подарилъ ему цѣлыхъ три тысячи.

## 77. Петръ Великій подъ судомъ.

По взятіи Риги императоръ Петръ Великій наградилъ генераль-фельдмаршаловъ, князя Меншикова и графа Шереметьева, гаками (участками) въ завоеванной землѣ. Одинъ изъ подобныхъ гаковъ принадлежалъ рижскому гражданину, который, не зная за собою никакихъ преступлений, просилъ государя объявить, за что у него отнять гакъ. Монархъ, выслушавъ его просьбу, сказалъ ему, что если онъ правъ, то можетъ судомъ отыскивать

принадлежащее ему. Гражданинъ написалъ просьбу на Меньшикова, какъ на насильственнаго завладѣтеля его гага; судьи приняли просьбу. Но Меньшиковъ объявилъ, что гага пожалованъ ему отъ государя. Дѣло по повелѣнію монарха продолжалось. Петръ I-й призываемъ былъ въ судъ, и наконецъ было рѣшено возвратитъ гага просителю, а государя обвинили. Когда монархъ выслушалъ рѣшеніе, то поблагодарилъ судей за безпристрастіе, поцѣловалъ каждого изъ нихъ въ голову, и сказалъ: что когда онъ повинуется закону, то да не дерзнетъ никто на противное.

### 78. Арабское судопроизводство.

Однажды въ городъ Багдадъ турецкій купецъ потерялъ кошелекъ съ 200 червонцевъ. Онъ поручилъ объявить о потерѣ публичному крикуну, обѣщая нашедшему половину. Является матросъ, и требуетъ обѣщанной награды. Желая отдѣлаться, купецъ увѣряетъ, что въ кошелькѣ, кромѣ 200 червонцевъ, находился еще драгоценный камень, и что матросъ, для полученія обѣщанной награды, долженъ возвратитъ алмазъ. Матросъ клянется, что не видалъ камня. Купецъ однако жъ обвиняетъ его въ похищеніи алмаза и жалуется судѣ; а какъ этотъ не въ состояніи рѣшитъ дѣло, то обоихъ ведутъ къ великому визирю. Выслушавъ жалобу купца, визирь произнесъ слѣдующій приговоръ: «въ кошелькѣ, который ты потерялъ, находился, кромѣ 200 червонцевъ, еще драгоценный камень; матросъ же увѣряетъ, что въ найденномъ имъ кошелькѣ находились только одни червонцы: слѣдовательно ясно, что этотъ кошелекъ не тотъ, который ты потерялъ. Чтобы не ошибиться вторично, вели публичному крикуну объявлять о потерѣ кошелька съ 200 червонцами и алмазомъ. Что же касается до матроса, то онъ долженъ хранить у себя находку въ теченіе 40 дней, а потомъ, если не явится потерявшій его, онъ можетъ считать его своею собственностію.» Такимъ образомъ несправедливый купецъ былъ наказанъ за свою жадность и неблагодарность.

### 79. Правосудіе.

«Подайте милостыню ради правовѣрныхъ!» прокричали жа-

любнымъ голосомъ два странника подь окномъ богатаго дома кади Гусейна, который сидѣлъ на роскошномъ диванѣ и читалъ книгу.

— Да подасть вамъ великій пророкъ, сказалъ кади, облокотясь на окошко.

«Подайте милостыню ради пророка!» снова повторили странники.

— Нищѣ, убирайтесь прочь! закричалъ грозно кади, и съ досады бросилъ книгу на полъ.

«О, сжальтесь надъ нами и подайте милостыню хотя ради истиннаго Аллы!» со слезами повторили странники. Тогда кади вскочилъ съ дивана и закричалъ страшнымъ голосомъ: «гей, невольники! Махмудъ, Азаметь, свяжите этихъ бродягъ и бросьте въ темницу!» Но странниковъ уже не было.

Прошло послѣ сего три дня; у кади было многочисленное собраніе. Все, что роскошь востока изобрела, было видно въ огромныхъ залахъ его, и онъ, облокотясь на окошко, стоялъ съ великимъ муфтіемъ и смотрѣлъ на окрестности Багдада, когда къ огню подошли два странника.

«Радость и веселіе у тебя, великій кади», сказали жалобно два странника: «удѣли и бѣднымъ частицу оныхъ.»

— Великій муфтіи! вотъ уже второй разъ приходятъ сіи бродяги докучать мнѣ, сказалъ кади. — Что смотритъ мудрый халифъ нашъ? Онъ теперь спитъ, а намъ не приказываетъ брать въ темницу сихъ праздношатающихся; но я ослушаюсь и прикажу ихъ заковать въ желѣзо, дабы они не бродили по улицамъ Багдада. Гей! закричалъ грозно кади своимъ невольникамъ: подите, свяжите сихъ бродягъ.

Въ это время странники вошли въ залу собранія, и одинъ изъ нихъ, сбросивъ скудную епанчу свою, сказалъ грознымъ голосомъ: «Кади! такъ-то ты сострадатемень и правосудень къ бѣднымъ? Я полагаю видѣть въ тебѣ милосердаго и справедливаго судію моего народа, но горько ошибся. Джафаръ! возьми сего ничтожнаго червя и суди по мудрымъ законамъ нашимъ. Пусть знаютъ все, что государя обмануть не можно, и что — рано ли, поздно ли — худыя дѣла будутъ открыты и наказаны.»

Все собраніе поверглось въ прахъ, узнавъ въ говорящемъ своего государя, халифа Гаруна аль-Рашида, а въ товарищъ его великаго визиря Джафара.

## 80. Странникъ.

Въ одномъ прекрасномъ замкѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось ни одного камня, жилъ богатый рыцарь. Онъ тратилъ много денегъ на великолѣпное украшеніе своего замка, но бѣднымъ мало дѣлалъ добра.

Однажды пришелъ въ замокъ странникъ, и просилъ ночлега. Рыцарь гордо отказалъ страннику и сказалъ: «этотъ замокъ не гостинница». Тогда странникъ сказалъ: «позвольте мнѣ предложить вамъ только три вопроса». Рыцарь отвѣчалъ: «спрашивай, сколько угодно; я охотно буду отвѣчать».

И странникъ спросилъ: «кто до васъ жилъ въ этомъ замкѣ?»

— «Мой отецъ», отвѣчалъ рыцарь.

«А до него кто жилъ въ немъ?»

— «Мой дѣдъ.»

«А послѣ васъ кто будетъ жить въ этомъ замкѣ?»

— «Надѣюсь, сынъ мой.»

«И такъ, продолжалъ странникъ, если каждый живетъ въ этомъ замкѣ только опредѣленное время и потомъ уступаетъ свое мѣсто другому, то кто всѣ вы, какъ не гости? Значитъ замокъ этотъ дѣйствительно гостинница. Не тратьте же такъ много денегъ на украшеніе этого дома, который можетъ давать вамъ пріютъ только на самое короткое время; лучше дѣлайте больше добра бѣднымъ.»

Рыцарь принялъ къ сердцу эти слова, далъ ночлегъ страннику, и съ этого времени сдѣлался гораздо сострадательнѣе къ бѣднымъ.

## 81. Вѣжливость украшаетъ всякое состояніе.

Одинъ знатный и богатый человекъ, управлявшій цѣлою провинціею, встрѣтился однажды съ другимъ, такимъ же богатымъ и знатнымъ лицомъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Въ то самое время проходилъ мимо этихъ господъ бѣдный крестьянинъ, и очень вѣжливо поклонился имъ, на что губернаторъ отвѣчалъ очень привѣтливо. «Какъ!» замѣтилъ ему другой господинъ, съ которымъ тотъ говорилъ: «вы, ваше превосходительство, унижаетесь до того, что отвѣчаете на поклонъ какогонибудь ничтожнаго мужика?» — А почему же и не отвѣчать? возразилъ ему губернаторъ:—я не хочу, чтобы какойнибудь бѣдный мужикъ, не получившій никакого образованія, былъ вѣжливѣе меня.

## 82. Наклонись.

Когда знаменитый Вениаминъ Франклинь былъ еще восемнадцатилѣтнимъ юношею, ему однажды случилось посѣтить священника Медера въ Бостонѣ, который принялъ его весьма ласково и, при уходѣ, вывелъ кратчайшимъ путемъ изъ своего дома. Но выходная дверь была такъ низка, что взрослому человѣку нужно было наклониться, чтобы не стукнуться о поперечную балку. Франклинь, уходя, продолжалъ разговаривать съ ласковымъ хозяиномъ, и потому не обратилъ вниманія на дорогу передъ собою. «Наклонись, наклонись!» вскричалъ священникъ, но въ ту самую минуту Франклинь ударился лбомъ о балку. «Эта маленькая непріятность», сказалъ улыбаясь священникъ, «можетъ послужить тебѣ наукою; не забывай ея. Ты молодъ и передъ тобой жизнь; наклоняйся почаще на пути, и ты избѣгнешь многихъ жестокихъ ударовъ.»

Это наставленіе сдѣлало такое глубокое впечатлѣніе на молодого Франклина, что онъ помнилъ его еще, будучи 80-лѣтнимъ старикомъ, и рассказывалъ этотъ анекдотъ сыну упомянутаго священника, присовокупивъ: «этотъ добрый совѣтъ вашего покойнаго батюшки былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ; и теперь еще онъ приходитъ мнѣ на мысль, когда я вижу, какъ гордость часто бываетъ пристыжена, и какъ многіе губятъ себя только тѣмъ, что слишкомъ высоко держатъ голову.»

## 83. Персіянинъ и сынъ его.

Одинъ Персіянинъ съ девятилѣтнимъ своимъ сыномъ отправился изъ деревни въ городъ Тегеранъ, чтобы продать тамъ осла своего. Дорога была весьма дурная, по причинѣ сильныхъ дождей, которые уже нѣсколько дней сряду шли безостановочно. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, Персіянинъ сѣлъ на осла и продолжалъ путь свой верхомъ, между тѣмъ какъ сынъ его шелъ пѣшкомъ. Попадаетя имъ на встрѣчу прохожій и, видя, что малютка тащится по грязи, кричитъ старику: «не стыдно ли тебѣ сидѣть на ослѣ, когда ребенокъ чуть тащится за тобой?»—Персіянинъ, подумавъ, нашель, что прохожій правъ, и потому слѣзаетъ съ осла и сажаетъ на него мальчишку своего. Едва прошли они такимъ образомъ шаговъ двадцать, какъ вдругъ имъ

кричитъ другой прохожій: «экой недогадливый, что бы ему съѣсть вмѣстѣ съ малюткой на осла; нѣтъ, охота же ему тащиться по грязи. — Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ про себя нашъ путешественникъ, вѣдь я могу съѣсть вмѣстѣ съ сыномъ. Сказалъ и сѣлъ. Только едва выѣзжаютъ они въ городъ, какъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ ихъ народъ, крича: «экіе безсовѣстные! сидятъ себѣ спокойно, и не видятъ, что тварь едва передвигаетъ ноги.» И пошли ругательства и насмѣшки. — Ахъ, Господи! вскричалъ нашъ старикъ, слѣзая съ осла; ну, какъ на всякаго угодить? Нѣтъ! вскричалъ онъ, сбуду же скорѣе этого осла; съ нимъ только бѣда и хула. Пошелъ и продалъ осла. Помни: на всякаго не угодишь. Послушать всѣ людскія рѣчи, придется и осла взвалить себѣ на плечи.

#### 84. Пастушья свирѣль.

Какому-то царю однажды донесли, что его казначей, къ которому онъ имѣлъ большое довѣріе, похищаетъ государственныя сокровища и прячетъ ихъ въ своемъ домѣ, въ какой-то особенной комнатѣ, за желѣзною дверью. Царь отправился лично въ домъ казначея, велѣлъ показать себѣ таинственную комнату и отпереть желѣзную дверь. Но какъ велико было его изумленіе, когда онъ въ этой комнатѣ, вмѣсто похищенныхъ сокровищъ, увидѣлъ только—четыре голыя стѣны, продолговатый столъ и соломенный стулъ! На столѣ лежали пастушеская свирѣль и пастушеская сума. Изъ окна комнаты былъ превосходный видъ на зеленые луга и лѣсистыя горы. Казначей сказалъ царю: «Въ моей юности я пасъ овецъ. Ты, государь, взялъ меня къ своему двору. Съ тѣхъ поръ я провожу въ этой комнатѣ ежедневно по нѣскольку минутъ и, смотря отсюда на луга и лѣса, съ удовольствіемъ вспоминаю о моемъ прежнемъ состояніи. Ахъ, тогда въ бѣдной хижинѣ я былъ счастливѣе, чѣмъ теперь въ богатыхъ палатахъ!»—Лучше жить въ неизвѣстности, но спокойно, чѣмъ быть знатнымъ и подвергаться напраснымъ клеветамъ и преслѣдованіямъ.

#### 85. Пословицы о добрѣ и худѣ, о правдѣ и лжи.

Какъ поживешь, такъ и прослывешь. Кто за худымъ пойдетъ,

тотъ добра не найдетъ. На злодѣя и шапка торить. Честь на волоскѣ висить, а потеряешь, такъ и канатомъ не привяжешь. Добраго не бѣгай, а худого не дѣлай. Будь голъ, да не воръ, а бѣденъ, да честенъ. Рцы слово твердо! Стой за правду горой, и Богъ съ тобой. Правда ходитъ въ лаптяхъ, а неправда въ кривыхъ сапогахъ. Правда избавляетъ отъ смерти. Все минется, одна правда остается. Царю правда лучший другъ. Засыпь правду золотомъ, а она всплыветъ. Дороги твои сорокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ. Живи не ложью, все будетъ по Божью. Въ комъ честь, въ томъ и правда. Судья праведный—ограда каменная. Праведному законъ не писанъ. Правда глаза колетъ. Правду всякъ хвалить, да не всякъ ее хранить. Кто вчера солгалъ, тому и завтра не повѣрятъ. Ложь ходитъ на гнилыхъ ногахъ. У лжеца на одной недѣлѣ семь пятницъ. Кто лжетъ, тотъ и крадетъ. Берегись козла спереди, лошади сзади, а лихого челоука со всѣхъ сторонъ.

### 86. Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной, полны чудныхъ силъ, идутъ миллионы вѣковыхъ свѣтилъ. Тускло освѣщенный блѣдною луной, городъ утомленный смолкъ во тьмѣ ночной. Спитъ онъ, очарованъ чудной тишиной, будто заколдованъ властью неземной. Лишь объять дремотой, закричитъ порой сторожъ беззаботный въ улицѣ пустой. Кажется мѣръ сонный, полный сладкихъ грёзъ, отдохнуль спокойно отъ заботъ и слезъ. Но взгляни: вотъ домикъ освѣщенъ огнемъ, на столѣ покойникъ ждетъ могилы въ немъ. Онъ, бѣднякъ голодный, утѣшенья чуждъ, кончилъ вѣгъ безплодный тайной жертвой нуждъ. Дочери не спится. Въ уголкѣ сидеть.... и въ глазахъ мутится, и въ ушахъ звенить. Ночь минетъ,—быть можетъ, Христа ради ей ктонибудь поможетъ изъ чужихъ людей. Можетъ быть, какъ нищей, ей на гробъ дадутъ, въ гробъ на кладбище старика снесутъ.... И никто не знаетъ, что въ нѣмой тоскѣ сирота рыдаетъ въ тѣсномъ уголкѣ. Мѣръ заснулъ... и только съ неба видитъ Богъ тайны жизни горькой и людскихъ тревогъ.

*Никитинъ.*

### 87. Какъ правда теряется.

Въ городѣ нашемъ жилъ давно одинъ страстный охотникъ



до собакъ всякаго рода. Можно было знать навѣрное, что онъ всякую приметъ къ себѣ въ домъ и еще будетъ благодарить, какъ за какое нибудь благодѣяніе, того, кто приведетъ ее къ нему. Вотъ въ одинъ день разнеслась по городу нашему странная новость, будто къ этому охотнику одинъ мальчикъ принесъ собаку о двадцати головахъ. Это говорилъ человекъ, слышавшій о томъ отъ жены своей. Съ удивленіемъ спрашивали всѣ у ней, правда ли это? «Да, отвѣчала она, совершенная правда.»—Вы видѣли это собственными глазами?—«Нѣтъ, мои милые, не собственными; но все равно, мнѣ сказывалъ на рынкѣ одинъ купецъ, который бываетъ въ домѣ у этого собачьяго охотника.»

Вотъ любопытные пошли и на рынокъ, къ этому купцу, и спрашивали у него, что за собака о двадцати головахъ. «Я ее не видалъ, отвѣчалъ онъ; да я и не говорилъ о двадцати головахъ, а только о десяти. Это правда, мнѣ сказывалъ дворникъ изъ того дома.»

Нѣкоторые изъ любопытныхъ побѣжали даже и къ дворнику, спрашивали его, гдѣ это чудо, и просили показать имъ собачку о десяти головахъ. «Кто это выдумалъ — о десяти головахъ? заворчалъ сердито Андрей. Я сказалъ только о двухъ.»—Такъ кто же выдумалъ, что о десяти?—«Да ужъ не я же, отвѣчалъ угрюмый Андрей; я слышалъ, какъ говорили, что принесли собаку о двухъ головахъ, а больше я ничего не знаю; да я еще и не ходилъ посмотрѣть на эту диковинку: работы столько, что вздохнуть некогда.»

Какъ быть! Добрались до самого охотника, и ну просить его показать имъ собаку о двухъ головахъ. Удивился онъ такой сказкѣ, и никогда не добрался бы, кто сочинилъ ее, если бы не вошла въ эту минуту жена его и не объяснила дѣла. «Добрые люди, сказала она, у насъ нѣтъ никакой ни двадцатиголовой, ни двухголовой собаки; я говорила только мальчику, который принесъ намъ обыкновенную собачку дворняжку, выброшенную на рѣку, только вчера покрывшуюся льдомъ: развѣ онъ о двухъ головахъ, что пускается ходить по такому тонкому льду?»

### III. ИЗЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

#### А. ДЕРЕВНЯ.

#### 88. Городъ и деревня.

Что такое деревня? Чѣмъ отличается деревня отъ города? Что есть въ ней такого особеннаго, чего нѣтъ въ городѣ, и на оборотъ, что есть въ городѣ, чего нѣтъ въ деревнѣ?

Въ городѣ дома большіе, красивые, по большей части каменные, въ два, въ три этажа, а въ большихъ городахъ и еще выше; они стоятъ ровными рядами, одинъ вплотъ подлѣ другого. Между рядами домовъ проходятъ улицы, по большей части ровныя, гладкія, мощенныя; на улицахъ встрѣчается много идущихъ и ѣдущихъ, и не столько крестьянъ, какъ кушцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ. Часто встрѣчаются лавки, магазины, въ которыхъ продаются разные товары; встрѣчаются заводы, фабрики. Лѣсу, полей, луговъ въ городѣ нѣтъ; только подлѣ иныхъ домовъ сады, да въ иныхъ городахъ мѣстами встрѣчаются парки и небольшія, ровныя, расчищенныя лужайки, или незастроенные еще пустыри. Лѣтомъ въ городѣ видишь мало зелени и цвѣтовъ: потому изъ многихъ городовъ на лѣто большая часть жителей разъѣзжаются по дачамъ и деревнямъ.

За городомъ, напротивъ, много открытаго, незастроеннаго мѣста, гдѣ нѣтъ ни домовъ, ни какихъ либо другихъ зданій; за городомъ, куда ни помотришь, вездѣ увидишь поля, луга, лѣсъ съ деревьями и кустарниками. Лѣтомъ все зелено кругомъ, все цвѣтетъ.

Около иныхъ городовъ есть дачи, т. е. ближайшія къ нимъ окрестности застроены домиками, въ которыхъ горожане проводятъ лѣто. Тутъ не совсѣмъ городъ, но и не совсѣмъ еще деревня: мало простору, мало полей, луговъ и лѣсу; мало живетъ крестьянъ земледѣльцевъ, или вовсе не живетъ. Тутъ жизнь обитателей болѣе походить еще на городскую.

Но подальше отъ города,—тамъ только начинается настоящая деревня. Тамъ ѣдешь версту, другую, третью, иногда проѣдешь десять верстъ сряду—и все видишь около себя только луга, да поля, да лѣсъ. Черезъ нѣсколько верстъ, а въ иныхъ мѣстахъ и черезъ нѣсколько

десятковъ верстъ разстоянія одно отъ другого встрѣчаются *селенія*, состоящія изъ крестьянскихъ домовъ; но эти дома, называемыя *изба-ми*, совсѣмъ не такіе, какъ городскіе, а особеннаго вида и устройства: небольшіе, низенькіе, бревенчатые. Оконъ съ лицевой стороны помѣщается въ рядъ не болѣе двухъ или трехъ, а съ другихъ сторонъ и того менѣе. Окна эти маленькія, въ вышину почти такія же, какъ въ ширину. Тесовая крыша спускается на двѣ боковыя стороны избы длиннымъ навѣсомъ, въ видѣ шатра. У тѣхъ избъ, которыя побольше и покрасивѣе, и которыя принадлежатъ зажиточнымъ крестьянамъ, по краямъ крыши идетъ рѣзьба, иногда довольно искусно и затѣйливо сдѣланная; такую же рѣзьбою украшены иногда ставни у оконъ, или расписаны яркими красками. Подлѣ каждой крестьянской избы — огородъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ избы гумно, амбарикъ, или какое нибудь хозяйственное строеніе. Скотныя хлѣвы бываютъ обыкновенно пристроены къ самой избѣ, съ задней стороны, или съ боку. Въ огородѣ гряды, на которыхъ посажены самые необходимые овощи, употребительные въ крестьянскомъ быту.

Но въ деревнѣ бываютъ не однѣ крестьянскія избы. Тутъ встрѣчаются еще, и на такихъ же разстояніяхъ, какъ селеніе отъ селенія, отдѣльно стоящія усадьбы помѣщиковъ, т. е. красивые господскіе домики, окруженные разными хозяйственными строеніями, съ садомъ или огородомъ, къ нему примыкающимъ.

### 89. Изба.

Небо въ часъ дозора обходя, луна свѣтитъ сквозь узора мерзлаго окна. Вечеръ зимній длится; дѣвушка въ избѣ на печи ложится, и ужъ спитъ себѣ. Помоляся Богу, улеглася мать; дѣти понемногу стали засыпать. Только за работой молодая дочь борется съ дремотой во всю долгу ночь, и лучина блѣдно передъ ней горитъ. Все въ избушкѣ бѣдной тишиной томить; лишь звучитъ докучно болтовня одна прялки однозвучной да веретена.

*Огаревъ.*

### Загадка.

Пляшу по горницѣ съ работою моею, чѣмъ болѣе верчусь, тѣмъ болѣе толстѣю.

## 90. Крестьянинъ и топорь.

Мужикъ, избу рубя, на свой топорь озлился; пошелъ топорь въ худыхъ; мужикъ взбѣсился: онъ самъ нарубить вздоръ, а виновать во всемъ топорь: бранить его, хоть какъ, мужикъ найдетъ причину.

«Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ этихъ поръ ты будешь у меня обтесывать тычину; а я съ моимъ умѣньемъ и трудомъ, притомъ съ досужестью моею, знай, безъ тебя пробавиться умѣю, и сдѣлаю простымъ ножомъ, чего другой не срубить топоромъ».

— «Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля», смиренно отвѣчалъ топорь на окрикъ злой: «и такъ, хозяинъ мой, твоя святая воля, готовъ тебѣ я всячески служить; да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить: меня ты по-пусту иступишь, а все ножомъ избы не срубишь.»

*Крыловъ.*

## 91. Внутренность избы.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ, свѣтится лампада въ сумракѣ ночью: слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ, то дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ. Новая свѣтелка чисто прибрана: въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсъ окна; полъ отструганъ гладко, ровень потолокъ; печка развальная стала въ уголокъ. По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ, узкая скамейка, крытая ковромъ, крашенные пальцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

*Мей.*

## Загадки.

1. Что за звѣрь: въ зиму ѣсть, а лѣтомъ спитъ; тѣло теплое, а крови нѣтъ; състь сядешь на него, но съ мѣста тебя не свезеть?

2. Мать толста, дочь красна, внукъ храберъ, подъ небеса ушелъ.

## 92. Слѣтливый мужикъ.

Жилъ, былъ бѣдный мужикъ; дѣтей много, а добра—всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся, да голодъ не тетка! до того дошло, что ѣсть нечего; вотъ мужикъ и зарѣзалъ гуся; зарѣзалъ, зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говорить хозяинъ своей женѣ: «Какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли? Лучше я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба.» — Ну, чтожъ? съ Богомъ! Приходить къ барину: «Принёсъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй родимой!» — Спасибо, мужичокъ, спасибо! раздѣли же ты гуся промежъ насъ безъ обиды. А у того барина была жена, да два сына, да двѣ дочери—всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить, гуся дѣлить. Отрѣзалъ голову и даетъ барину: «Ты, говоритъ, всему въ домѣ голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ.» Отрѣзалъ гузку, даетъ барынѣ: «тебѣ дома сидѣть, за домою смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!» Отрѣзалъ ноги, даетъ сыновьямъ: «а вамъ по ножгѣ, топтать отцовскія дорожки!» Дочерямъ далъ по крылышку: «вамъ съ отцомъ, съ матерью недолго жить; вырастите—прочь улетите. А я, говоритъ мужикъ, глупъ, мнѣ глотать хлупъ!» Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой.

Услыхавъ про то, богатый мужикъ позавидовалъ бѣдному, взялъ—зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понесъ къ барину. «Что тебѣ, мужичокъ?» спрашиваетъ баринъ.—Да вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гуськовъ. «Спасибо, братецъ! ну-ка раздѣли промежъ насъ безъ обиды.» Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь по-ровну! стоитъ, да въ затылкѣ почесываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, и говоритъ: «вы теперь, сударь, самъ третей!» Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго—двумъ дочерямъ: «и вы теперь самъ третей!» Остальную пару гусей взялъ себѣ: «вотъ и я самъ третей!» Баринъ говоритъ: «вотъ молодецъ, такъ молодецъ! сзумѣлъ всѣмъ поровну раздѣлить, и себя не забылъ». Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналъ вонъ.

### 93. Собака и лошадь.

У одного крестьянина слуга, собака съ лошадыю считаются какъ-то стали.

«Вотъ», говоритъ Барбось, «большая госпожа! По мнѣ хоть бы тебя совсізмъ съ двора согнали. Велика вещь возить или пахать! Объ удалствѣ твоёмъ другого не слыхать; и можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною? Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою: днемъ стадо подь моимъ надзоромъ на лугу, а ночью домъ я стерегу.»

— «Конечно», лошадь отвѣчала, «твоя правдива рѣчь; однако же когдабъ я не пахала, то нечегобъ тебѣ здѣсь было и стеречь.»

*Крыловъ.*

### 94. Пчела и курица.

Съ пчелою курица затѣяла считаться и говорить пчелѣ: «Ну подлинно, пчела, ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила. Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься, чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать, да медь съ нихъ собирать. И впрямь, о чемъ тебѣ стараться? Довольно, что лишь мы не въ празности живемъ и въ день по яицу несемъ.»

— «Не смѣйся», курицѣ пчела на то сказала, «что я тебѣ не подражала; когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь, что ты яйцо свесла, и всѣмъ о томъ твердишь: такъ ты и заключала, что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ! ты ошибаешься, мой свѣтъ! А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣшится; узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится: мы, нашей матери наставлены умомъ, прилежностью, трудомъ себѣ уютный строимъ домъ и пищу со цвѣтовъ собираемъ; избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ, ихъ ясты услаждаемъ, во тѣмъ ихъ освѣщаемъ; а жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.»

*Хемницерь.*

### Загадка.

1. Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратный

бздохъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоять, а всѣхъ рано будить.

2. Два раза на свѣтъ родилась.

### \* 95. Пчела и овца.

«Есть ли у тебя животныя, полезнѣе и благодѣтельныѣ насъ?» спросила пчела человѣка.

— Разумѣется, есть! возразилъ человѣкъ.

«А именно?»

— Да овца, на примѣръ: ея шерсть мнѣ *необходима*, а твой медъ мнѣ только *приятенъ*. Кромѣ того овца имѣетъ еще другое преимущество: она даётъ мнѣ шерсть свою *безъ всякаго затрудненія*; а ты, отдавая медъ, того и гляди, что *ужалмишь*.

### 96. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась желудей до сыта, до отвала; наѣвшись, выпалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала.

«Вѣдь это дереву вредить», ей съ дуба воронъ говоритъ: «коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».

— «Пусть сохнетъ», говоритъ свинья: «ни чуть меня то не тревожить; въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю; лишь былибъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»

— «Неблагодарная!» примолвилъ дубъ ей тутъ: «когда бы вверху могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что желуди на мнѣ растутъ.»

Крыловъ.

### Загадка.

Стоить стояка, на стоякѣ висяка; ходитъ ходяка, просить у стояки висяки.

### 97. Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ! Распустилась въ немъ

сирень; отъ черемухи душистой и отъ липъ кудрявыхъ тѣнь... Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій, горделивыхъ георгинъ; и лишь пестрыя головки возвышаетъ магъ одинъ. Да подеол-нечникъ у входа, словно вѣрный часовой, сторожитъ себѣ дорожку, всю поросшую травой... Но люблю я садикъ скромный; онъ душѣ моей милѣй городскихъ садовъ унылыхъ съ сѣтью правильныхъ аллей. И весь день въ травѣ высокой, лежа, слушать бы я радъ, какъ заботливыя пчелы вокругъ черемухи жужжать.

*Плещеевъ.*

### \* 98. Гряда гвоздики.

«Ахъ, маменька! подарите всѣмъ намъ по грядочкѣ цвѣтовъ: мнѣ одну, Сонѣ другую, а Васѣ третью; каждый изъ насъ будетъ ухаживать за своею». Такъ говорилъ Петя матери, которая, выслушавъ эту просьбу, подарила каждому изъ дѣтей по грядкѣ превосходной гвоздики. Обрадованныя первою въ жизни собственностію, дѣти прыгали отъ радости и говорили: «Вотъ будетъ весело, какъ разовьется наша гвоздика!»

Въ то время эти цвѣты выбрасывали еще только бутоны; однако Петя былъ нетерпѣливъ, не любилъ ожидать и хотѣлъ, чтобы его гвоздика разцвѣла прежде другихъ. Поминутно ходилъ онъ возлѣ своей грядки, бралъ бутоны, засматривалъ во внутрь каждаго, и чрезвычайно обрадовался однажды вечеромъ, когда замѣтилъ, что края листовъ покраснѣли. Проснувшись на другое утро рано, онъ тотчасъ же побѣжалъ въ садъ, въ полной увѣренности, что разцвѣли всѣ его цвѣты; но они едва начали развѣртываться. Нетерпѣливый Петя придумалъ средство помочь цвѣткамъ: онъ разорвалъ зеленые бутоны, растрепалъ листики, и началъ звать брата и сестру.

— Идите, идите скорѣе! у меня уже разцвѣла гвоздика!

Прибѣжали Вася и Соня, и удивлялись, какъ это могло случиться. Но едва солнце взошло выше, цвѣты наклонили головки—и завяли.

### 99. Мальчикъ съ пальчикъ.

Жилъ маленький мальчикъ, былъ ростомъ онъ съ пальчикъ;



лицомъ былъ красавчикъ, какъ искры глазенки, какъ пухъ в вол-  
лосенки. Онъ жилъ межъ цвѣточковъ, въ тѣни ихъ листочковъ  
въ жары отдыхалъ онъ, и ночью тамъ спалъ онъ; съ зарей про-  
сыпался, живой умывался росой, наряжался въ листочекъ ат-  
ласный лилеи прекрасной; проворную пчелку въ свою подколод-  
ку изъ легкой скорлупки потомъ запрягалъ онъ, онъ съ пчелкой  
леталъ онъ, и жадныя губки съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ въ  
цвѣты луговые. Къ нему золотые цыгаты слетались и съ нимъ  
забавлялись, кружась съ мотыльками, жужжа и порхая и ярко  
сверкая на солнцѣ крылами. Ночноюжъ порою, когда темнотою  
земля покрывалась, и въ небѣ съ луною одна за другою звѣзда  
зажигалась: на лугъ благовонный съ лампадой зажженной ла-  
зурно-блестящей къ малюткѣ являлся свѣтлякъ, и собирался къ  
нему въ круговую на пляску ночную рой альфовъ летучий; они,  
какъ бѣгучий источникъ волнами, шумѣли крылами, сливались,  
сплетались, проворно качались на тонкихъ былинкахъ, въ пер-  
ловыхъ купались на травкѣ росинкахъ, какъ искры сверкали и  
шумно плясали предъ нимъ до полночи. Когда же на очи ему  
усыпленье подъ пляску и пѣнье сходило, — смолкали и вмгъ  
исчезали плясуньи ночныя; тогда, подъ живые цвѣты угнѣздив-  
шись, онъ спалъ подъ защитой ихъ кровли, омытой росой, до  
восхода зари лучезарной съ границы янтарной небеснаго свода.  
Такъ милый красавчикъ жилъ, мальчикъ нашъ съ пальчикъ.....

*Жуковский.*

### \* 100. Улетѣвшая птичка.

Горько плача и рыдая, Женья по саду бѣжала. Самъ того  
не замѣчая, ножками цвѣты топтала. Но до нихъ ему нѣтъ дѣ-  
ла. Ахъ! изъ клѣтки золотой птичка Жени улетѣла, чтобъ вер-  
нуться въ лѣсъ родной. Вотъ на дубъ густой, высокій, сѣла  
птичка и глядитъ, какъ пріятель одинокій, плача, по саду бѣ-  
жить.  
Вдругъ увидѣлъ онъ летунью и, ручѣнкой ей маия, легко-  
крылую пѣвунью призываетъ, говоря: Для чего ты улетѣла,  
пташка милая моя? Чтожъ такъ скоро опустѣла клѣтка чудная  
твоя! О, вернись ко мнѣ скорѣе! посмотри на домикъ свой;  
жить въ немъ право веселѣе, чѣмъ въ лѣсу тебѣ зимой! Про-  
волочкой золотистой всю рѣшѣтку пробралъ я, и пучки травы

душистой въ уголкамъ привѣсилъ я. Самый лучший кормъ зернистый для тебя я покупалъ и всегда водицей чистой твоей стаканчикъ наполнялъ. Ктожь теперь по утру будетъ Женю пѣсенкой будить?... Ахъ! тебя онъ не забудетъ... онъ привыкъ тебя любить!

Но напрасно звалъ онъ пташку; та, качаясь на дубу, смотритъ сверху на бѣдняжку и въ отвѣтъ поётъ ему: Какъ, дружокъ мой, ни чудесно въ клѣткѣ чудной жить твоей, всёжь въ ней лѣтомъ грустно, тѣсно, всёжь свобода мнѣ милѣй. Но повѣрь, я не забуду, какъ лелѣялъ ты меня; звонкой пѣсенкой всёжь буду по утрамъ будить тебя. Осенью жъ съ тобой прощуся, въ край далѣкій полечу; а весной опять вернуся и тебѣ всё расскажу. Такъ сказавъ, она кивнула на прощанье головой, встрепенулася, вспорхнула — скрывшись изъ виду стрѣлой.

Слово пташечка сдержала: каждый день издалека въ садъ знакомый прилетала, пѣсенкой будить друга,

### \* 101. Весѣлость птички.

Птичка надъ моимъ окошкомъ гнѣздышко для дѣтокъ вѣтъ: то соломку тащить въ ножкахъ, то пушокъ въ носку несётъ. Птичка домигъ сдѣлать хочетъ; солнышко взойдѣтъ, зайдѣтъ, — цѣлый день она хлопочетъ, но и цѣлый день поётъ. Ночь холодная настанетъ отъ рѣки туманъ пойдѣтъ, птичка душенька устанетъ, спитъ и пѣть перестаетъ; но чуть утро, птичка снова пѣсню звонко заведѣтъ: весела, сыта, здорова и поётъ себѣ, поётъ.

### \* 102. Капуста.

Въ саду трудолюбивой матери семейства разведено было нѣсколько разныхъ огородныхъ растений. Однажды она сказала маленькой своей дочкѣ: «Лизенка! видишь ли ты на капустномъ листкѣ жѣлтенкяя яички; изъ нихъ породятся вредныя гусеницы. Постарайся сегодня послѣ обѣда очистить листки и растереть прилипшія къ нимъ яички; тогда капуста наша останется хороша, свѣжа и зелена. Лиза, полагая, что всегда будетъ время заняться работою, перестала объ этомъ и думать. Мать ея, по болѣзни своей, нѣсколько недѣль не приходила въ садъ; но

когда выздоровѣла, то взяла за руку небрежную дѣвочку и подвела её къ грядѣ капусты. Она вся была излѣчена; оставались только одни стебельки. Пристыжѣнная и испуганная маленькая дѣвочка плакала о своей небрежности; но мать сказала ей: «то, что можно сдѣлать сегодня, дѣлай тотчасъ, и никогда не отлагай до завтрашняго дня».

### 103. Лисица и виноградъ.

Голодная кума лисица залѣзла въ садъ; въ немъ винограду кисти рдѣлись. У кумушки глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты горятъ; лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко: отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хоть видитъ око, да зубъ нейметъ.

Пробившись по-пусту часъ цѣлой, пошла и говоритъ съ посадою: «Ну, что жъ! на взглядъ-то онъ хорошъ, да зелень — ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь. *Крыловъ.*»

### 104. Притча о дубовой бочкѣ.

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клѣпки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы — и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возятъ, на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разохлась и рассыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клѣпки промежъ собой повздорили да вмѣстѣ жить раздумали, — не знаю; да только рассыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клѣпки, подъ ногами навалывшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ея и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это пра-

вославный прадед твой; клепки—все его семь, и малъ и великъ; обручи—честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ и живитъ и питаетъ односемьянъ; покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врозь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь, и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врозь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дыматся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.

*В. Далъ.*

### 105. Грушевое дерево.

Старикъ Матвѣевъ сидѣлъ подъ тѣнью большого грушеваго дерева, которое стояло передъ его домомъ. Его внучата ѣли груши и не могли нахвалиться сладкими плодами.

Тогда дѣдъ сказалъ: я расскажу вамъ, какимъ образомъ это дерево здѣсь выросло. Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ я стоялъ однажды здѣсь—гдѣ въ то время ничего не было и гдѣ теперь стоитъ это дерево—и жаловался богатому сосѣду на свою бѣдность. Ахъ, говорилъ я, я былъ бы совершенно доволенъ, если бы могъ приобрести хоть сто рублей.

Сосѣдъ, который былъ человѣкъ умный, сказалъ: это приобрести не трудно, если только съумѣешь хорошо приняться за дѣло. Вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, сокрыто въ землѣ больше ста рублей. Тебѣ слѣдуетъ только достать ихъ.

Я былъ тогда еще неопытный молодой человѣкъ, и въ слѣдующую же ночь началъ рыть въ землѣ большую яму, но къ сожалѣнію не нашель ни одного рубля.

Когда на другой день сосѣдъ увидѣлъ яму, то такъ засмѣялся, что ухватился за оба бока, и сказалъ: «Я не думалъ, что бы ты былъ такъ глупъ!... Но постой, и эта работа не пропадетъ еще. Я подарю тебѣ молодое грушевое деревцо; посади его въ яму, которую ты вырылъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя появятся рубли.

Я посадилъ молодое деревцо въ землю; оно выросло и стало тѣмъ прекраснымъ большимъ деревомъ, какимъ вы его теперь видите. Отличные плоды, которые оно съ тѣхъ поръ постоянно приносить, доставили мнѣ уже гораздо больше ста рублей, и

кромѣ того составляютъ постоянный капиталъ, приносящій значительные проценты. Я не забылъ еще любимой поговорки умнаго сосѣда касательно этого; замѣьте ее и вы: «самый надежный доходъ приносить трудъ и здравый смыслъ».

### \* 106. Щеглёнокъ.

Въ сильную стужу щеглёнокъ началъ биться въ окно поселанина, какъ бы желая влетѣть въ хижину. Поселянинъ открылъ окно и ласково впустилъ милую птичку въ своё жилище. Щеглёнокъ принялся клевать крошки хлѣба, упавшія со стола. Дѣти поселанина очень полюбили его.

Когда воротилась весна, и кусты покрылись зелеными листьями, поселанинъ отворилъ окно, и маленькій его гость улетѣлъ въ сосѣднюю рощу, свилъ себѣ гнѣздо и запѣлъ весёлую пѣсенку.

И что же? Когда наступила зима, щеглёнокъ опять прилетѣлъ въ хижину поселанина и привѣлъ съ собою свою маленькую подругу. И поселанинъ и дѣти его обрадовались, видя, что птичка оказала имъ такое довѣріе; а дѣти высказали при томъ слѣдующее замѣчаніе: птички смотрять на насъ, какъ будто желая сказать что-то.

Правда, отвѣчалъ отецъ; и если бы онѣ могли говорить, то сказали бы вамъ: довѣріе рождаетъ довѣріе, а любовь производитъ любовь.

### Загадка.

Шаночка алая, жилетка не тканая, кафтанчикъ рябенъкій, а ходить босикомъ.

### 107. Добрая слава лучше богатства.

Въ одномъ селѣ жилъ бѣдный работникъ, Иванъ; жена его умерла, остался одинъ ребенокъ. Онъ кормилъ его тѣмъ, что зарабатывалъ; но однажды на работѣ онъ сильно простудился, и долженъ былъ съ недѣлю просидѣть дома. Къ концу недѣли у Ивана не оставалось никакого запаса; нечего было ѣсть ни ему,

ни ребенку. Ивану оставалось одно — просить милостыни. Съ грустію, полубольной, Иванъ въ сумерки вышелъ изъ своей избушки,—чтобы попросить милостыни. Но страхъ и стыдъ овладѣвали имъ, какъ скоро онъ подходилъ къ воротамъ какого нибудь дома.—«О! какъ тяжело протягивать руку за подаваніемъ», говорилъ онъ самъ себѣ.—И вотъ онъ хотѣлъ уже воротиться домой, какъ вдругъ почувствовалъ, что подъ ногою у него что-то зазвенѣло. Онъ нагибается, и что же? мѣшокъ съ серебряными деньгами. Съ радостію поднялъ онъ мѣшокъ и поспѣшилъ домой. «Теперь, говорилъ онъ самъ себѣ, я не буду бояться голода, есть на что кунить хлѣба и мнѣ, и ребенку; мнѣ не нужно будетъ просить милостыни.» Но потомъ внутри его заговорила совѣсть: «Вѣдь деньги не твои, ты не нажилъ ихъ трудомъ; ты долженъ ихъ возратить тому, кому они принадлежать.» Иванъ послушался голоса совѣсти, рано утромъ отнесъ деньги къ сельскому старшинѣ и просилъ объявить по селенію о его находкѣ. Хозяинъ денегъ тотчасъ нашелся; то былъ богатый торговецъ скотомъ. Онъ радъ былъ, что его деньги нашлись, и еще болѣе, что ихъ нашелъ честный человѣкъ; онъ щедро наградилъ бѣднаго Ивана. Все село узнало о его честномъ поступкѣ; всѣ спѣшили облегчить его положеніе, и Иванъ съ тѣхъ поръ не сталъ знать нужды, не надо было ему просить милостыни.

### 108. Вѣрочка и коноплянка.

Деревенскій староста, пришедшій на поклонъ къ своему господину, вздумалъ принести съ собою коноплянку, только что пойманную имъ въ самомъ гнѣздѣ. Онъ подарилъ ее пятилѣтней Вѣрочкѣ, дочери помѣщика, миленькой малюткѣ, составлявшей утѣшеніе и надежду родителей. Вѣрочка, полная радости, свойственной ея возрасту, схватила птичку, стала ласкать, цѣловать ее, и въ восторгѣ побѣжала къ матери.

Маменька, маменька! сказала она: посмотрите, какая хорошенькая конопляночка? Посмотрите, какъ она щиплетъ меня своимъ носикомъ; послушайте, какъ она поетъ?

— Она плачетъ, отвѣчала мать.

— Она плачетъ! Развѣ она злая? Чего жъ она плачетъ?

— Знаешь ли чего? она была у себя въ гнѣздѣ, и грѣла и

кормила своихъ дѣтей, какъ кормятъ и грѣютъ ихъ насѣдки въ курятникѣ; а теперь ее унесли отсюда.

— А ея дѣти? что они будутъ дѣлать?

— Дѣти будутъ плакать, такъ же какъ и она, и будутъ звать ее и, можетъ быть, умрутъ отъ голоду и холоду.

Малютка задумалась; ея большіе голубые глаза устремлялись попеременно то на коноплянку, то на мать, и она сказала:

— Такъ это все равно, что еслибъ у меня отняли мою маленьку?

— Представь себѣ, что такъ и случилось: чего бъ ты пожелала въ такомъ случаѣ?

— Чтобъ мнѣ ее возвратили въ ту же минуту, въ ту же минуту!

— И такъ? спросила мать.

— И такъ! отвѣчала малютка, и пальчики ея, державшіе птичку, разжались. Коноплянка, почувствовавъ свободу, радостно взлетѣла вверхъ и понеслась домой, возвратитъ дѣтямъ счастье и жизнь.

### 109. Цыганенокъ.

Мальчишка цыганенокъ—для всѣхъ чужой ребенокъ, сиротка круглый я. Гдѣ есть земля и небо, вода и корка хлѣба, тамъ родина моя.

Пустыня мнѣ обитель; и гдѣ ты мой родитель, и гдѣ ты мать моя? Гдѣ васъ искать по свѣту, и живы ль вы, или нѣту, увя! не знаю я.

Кто отпереть мнѣ двери?... Лѣсныя птицы, звѣри—вотъ вся моя семья. Въ судьбѣ моей безвѣстной отецъ мой Царь небесный, а мать—сыра земля.

### 110. Персики.

Одинъ помѣщикъ привезъ изъ города пять прекрасныхъ персиковъ. Дѣти его въ первый разъ увидѣли эти плоды, и потому съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ и любовались красивою ихъ наружностію и нѣжнымъ пушкомъ. Отецъ раздѣлил ихъ четверемъ сыновьямъ своимъ, а остальной достался матери.

Вечеромъ, когда дѣти собрались ужинать, отецъ спросилъ ихъ: «а что, дѣти, каковы персики? вкусны ли?»

— Прекрасные, батюшка, сказали старшій; такъ сочны и такъ вкусны! Я косточку спрятавъ и вырощу изъ нея дерево.

«Хорошо», сказалъ отецъ, «это знакъ хозяйства и попеченія о будущемъ, какъ прилично сельскому хозяину.»

— А я персикъ свой тотчасъ съѣлъ, сказалъ младшій, и косточку бросилъ; матушка дала мнѣ еще половину отъ своего. Пресладкій персикъ, такъ и таетъ!

— «Ну», сказалъ отецъ, «ты поступилъ не очень благо разумно, но естественно и по дѣтски; для благо разумія еще будетъ время.»

Тогда сказалъ второй сынъ: косточку, которую бросилъ Петруша, я поднялъ и разбилъ; въ ней было зернышко, вкусное какъ орѣхъ. А персикъ свой я продалъ, и мнѣ дали за него столько денегъ, что я, когда поѣду въ городъ, могу купить себѣ за нихъ цѣлую дюжину.

Отецъ покачалъ головою и сказалъ: «конечно, это благо разумно, но не по дѣтски и не натурально.»

«А ты Никаноръ?» спросилъ отецъ.

Никаноръ спокойно отвѣчалъ: я персикъ свой отнесъ сыну нашего сосѣда, больному Егорушкѣ. Онъ не хотѣлъ взять его отъ меня, но я положилъ къ нему на постель, и ушелъ.

«Кто жъ изъ васъ, дѣти», сказалъ тогда отецъ, «сдѣлалъ лучшее употребленіе изъ своего персика?» — «Никаноръ», отвѣчали всѣ трое. Но Никаноръ молчалъ; а мать, со слезами на глазахъ, бросилась обнимать его.

## 111. Присутствіе духа крестьянской дѣвочки.

Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, въ деревню Кошняеву ворвался волкъ; но случившіеся на улицѣ крестьяне прогнали его. Звѣрь кинулся бѣжать вдоль рѣки, гдѣ по несчастію въ то время ходили въ оврагъ четыре крестьянскія дѣвочки: Настасья — 13, Оекла — 11, Степанида — 10, и Дарья 7 лѣтъ.

Разъяренный звѣрь бросился на нихъ, и сначала схватилъ самую меньшую, Дарью; но она успѣла вырваться и убѣжать въ деревню. Тогда волкъ бросился на Степаниду, схватилъ ее пастью, перекинулъ себѣ на спину и скрылся въ кусты.



Изъ двухъ оставшихся на мѣстѣ дѣвочекъ одна Оекла не потерялась. Старшую Настасью она послала въ деревню звать людей на помощь, а сама схватила палку и побѣжала вслѣдъ за волкомъ. Волкъ же былъ не далеко: остановясь за ближними кустами, онъ грызъ несчастную Степаниду, а она бѣдная громко вопила и стонала. Оекла не только не оробѣла, но еще съ большею смѣлостію побѣжала къ волку, крича и махая палкою. Звѣрь не выпускалъ добычи изъ своихъ челюстей. Оекла продолжала кричать, подвигаясь ближе и ближе, такъ что наконецъ стала у волка передъ глазами, все махая палкою. Тогда волкъ озлился, бросилъ изгрызенную дѣвочку, поднялся на ноги и оскалил кровавые зубы на ея защитницу. Оекла и тутъ не испугалась: она заслонила собою израненную подругу и, продолжая махать палкою, успѣла дать время Степанидѣ взползти кое-какъ на берегъ оврага. Но тутъ Степаниду оставили силы, и она упала на землю въ изнеможеніи; здѣсь нашла ее Настасья, возвращавшаяся изъ деревни, и понесла домой.

Между тѣмъ Оекла, видя, что подруга спасена, стала сама отступать, отмахиваясь палкою отъ звѣря, который въ свою очередь, свирѣпѣя болѣе и болѣе, не отставалъ отъ дѣвочки; но къ счастью уже бѣжали изъ деревни на помощь взрослые люди, и волкъ, испугавшись крика, повернулся и пустился бѣжать въ лѣсъ.

Такъ, съ Божіею помощію, одиннадцатилѣтняя Оекла отбила у свирѣпаго звѣря свою подругу, а саму ее спасъ Господь за такое доброе дѣло. Спасенную Степаниду принесли въ деревню безъ чувствъ; но раны были не смертельны: ее стали лечить, и она выздоровѣла.

## 112. Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ! пожалуй-ста, покушай.»

«Сосѣдушка, я сытъ по горло.»

— «Нужды нѣтъ, еще тарелочку; послушай: ушица, ей же ей, на славу сварена?»

— Я три тарелки съѣлъ.

— «И полно, что за счеты; лишь стало бы охоты, а то во здравье: ѣшь до дна! Что за уха! да какъ жирна! какъ будто янтаремъ подернулось она! Потѣшь же, миленькій дружочекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ. Еще хотъ ложечку!... Да кланяйся, жена!»

Такъ подчиваль сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку, и не давалъ ему ни отдыху, ни сроку; а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ. Однако же еще тарелку онъ беретъ: собирается съ послѣдней силой и очищаетъ всю.

— «Вотъ друга я люблю!» вскричалъ Демьянъ: «за то ужъ чванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»

Тутъ бѣдный Фока мой, какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой, схвата въ охалку кушакъ и шапку, скорѣй безъ памяти домой—и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

*Крыловъ.*

### 113. Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая; за шкуру онъ свою дрожалъ: охотники за нимъ гнались, и гончихъ стая. Онъ радъ бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота—да то лишь горе, что всѣ ворота на запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ ката и молитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе, кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе, чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ! все это вѣдь за мной.»

— «Проси скорѣй Степана; мужикъ предобрый онъ», котъ Васька говоритъ.

— «То такъ; да у него я ободралъ барана.»

— «Ну, попытайся жъ у Демьяна.»

— «Боюсь, что на меня и онъ сердить: я у него унесъ козленка.»

— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.»

— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ: онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!»

— «Ну, плохо жъ!... Но авось тебя укроетъ Климы!»

— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»

— «Что вижу, кумъ! ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ», сказалъ тутъ Васька волку. «Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулишь? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,

чтобъ на свою бѣду тебя спасли они. И правы; самъ себя вини: что ты посѣялъ, то и жни.»

*Крыловъ.*

#### 114. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы растворилися, на коняхъ, на санихъ гости въѣхали; имъ хозяинъ съ женой низко кланялись; со двора повели въ свѣтлу горенку. Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся; за дубовы столы, за набранные, на сосновыхъ скамьяхъ съели званые. На столахъ куръ, гусей много жареныхъ, пироговъ, ветчины блюда полныя. Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гурторятъ: про хлѣба, про покосъ, про старинушку: какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродить намъ? Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено?—Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи. По селу пѣтухи перекликнулись; призатихъ говоръ, шумъ въ темной горенкѣ; отъ воротъ поворотъ видѣнь по снѣгу.

*Колцовъ.*

#### 115. Два мужика.

«Здорово, кумъ Ѡаддей!»

«Здорово, кумъ Егоръ!»

— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»

— «Охъ, кумъ, бѣды моей ты, вижу, и не знаешь! Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ, и по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.»

— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»

— «Да такъ! О Рождествѣ у насъ была пирушка; я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ: признаться въ головѣ шумѣло; я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ; а дворъ и все добро сгорѣло. Ну ты какъ?»

— «Охъ, Ѡаддей, худое дѣло! и на меня прогнѣвался знать Богъ: ты видишь, я безъ ногъ; какъ самъ остался живъ, считаю право дивомъ. Я тожь, о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ, и тоже черезъ чуръ, признаться, я хлѣбнулъ съ друзьями полугара; а чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара,

такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ: анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ, что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка, и вотъ я съ той поры калѣка.»

— «Пеняйте на себя, друзья!» сказалъ имъ свать Степанъ: «коль молвить правду, я совсѣмъ не чту за чудо, что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ: для пьянаго и со свѣчою худо, да врядь не хуже ль и въ потьмахъ.»

*Крыловъ.*

### \* 116. Сельскій вечеръ.

Солнышко заходитъ и темнѣетъ день; отъ горы упала на селенье тѣнь; лишь церковный куполь солнцемъ озаренъ, и открыта церковь, и несется звонъ. Колоколъ къ вечернѣ христіанъ зовѣтъ: завтра Воскресенье — отдыхъ отъ работъ. И услыша въ полѣ колокола зовъ, селянинъ къ селенью ужъ погналъ воловъ.

А въ селеньѣ церковь ужъ полна людей и блеститъ огнями множества свѣчей; свѣчи трудовыя ярче звѣздъ горятъ, и молитву люди въ простотѣ творять.

А въ опрятной хатѣ молодая мать, сына усыпляя, стала припѣвать: «спи сынокъ, а завтра въ церковь мы пойдѣмъ, свѣчку и молитву Богу принесѣмъ. Богъ увидитъ свѣчку, Богъ услышитъ насъ, — и на поле дождикъ дастъ намъ въ добрый часъ. Хлѣбъ намъ уродится, хлѣбъ мы соберѣмъ, — и сына накормимъ сытнымъ пирогомъ.»

### 11. Всенощная въ деревнѣ.

День вечерѣлъ. Косая тѣнь ложилась низко и широко... Завтра праздникъ, вѣщій день Ильи, гремящаго пророка... Приди ты, немощный, приди ты, радостный! Звонять ко всенощной, къ молитвѣ благоустной; и звонъ смиряющій все въ душу проситъ, окрестъ сзывающій, въ поляхъ разносится... Въ Холмахъ, селѣ большомъ, есть церковь новая; воздвигла Божій домъ сума торговая; и службы Божія богато справлены, иконы подножія свѣчами уставлены. И старъ и малъ войдетъ: сперва помолится, погложетъ земной

кладеть, кругомъ поклонится... И стройно клирное несется пѣ-  
ніе, и дьяконъ мирное твердитъ глашеніе: о благодарственномъ  
трудѣ молящихся, о градѣ царственномъ, о всѣхъ трудящихся,  
о тѣхъ, кому въ удѣлъ страданье задано...

А въ церкви дымъ висѣлъ густой отъ ладона, и заходящи-  
ми лучами сильными и вросъ блестящими столбами пыльными—  
отъ солнца—Божій храмъ горитъ и свѣтится; стоитъ Алешка  
тамъ и также свѣтится довольствомъ, радостью здоровьемъ въ  
доброй часъ, удачей, младостью и тѣмъ, что въ первый разъ  
на кружку вынулъ онъ изъ сумы кожаной и слышалъ мѣдный  
звонъ копѣйки вложенной, въ трудѣ добытой имъ... Въ окно жъ  
открытое несется синій дымъ и пѣнье слитое.

*И. Аксаковъ.*

**Загадки.**

1. Летитъ звѣрокъ чрезъ Божій домогъ, самъ съ собою го-  
ворить: вотъ моя силка горитъ.
2. И малъ и нагъ, со слезами Богу молится.

**118. Сельское кладбище.**

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою; шумяція стада  
толпятся надъ рѣкой; усталый селянинъ медлительной стопою  
идеть, задумавшись, въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ... повсюду ти-  
шина, повсюду мертвый сонъ; лишь изрѣдка, жужжа, вечерній  
жукъ мелькаетъ, лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.  
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ той башни, съ-  
туетъ, внимаема луной, на возмутившаго полуночнымъ прихо-  
домъ ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ, кото-  
рые окрестъ, развѣсившись, стоятъ, здѣсь праотцы села, въ  
гробахъ уединенныхъ на вѣки затворясь, сномъ непробуднымъ  
спять.

*Жуковский.*

**Загадка.**

Кто дѣлаетъ—не для себя, кто покупаетъ—тому не нуженъ,  
а кому нуженъ—тотъ не вѣдаетъ.

### 119. Неустрасимый мальчикъ.

Въ Ковенской губерніи, въ городъ Шавляхъ, Казимиръ Глосовскій, по бѣдности, жилъ въ сушильнѣ своего сосѣда Александровича. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1845 года Глосовскій отлучился въ городъ Россіены. Дома осталась жена Глосовскаго и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь Фекла 6-ти лѣтъ и сыновья Петръ 4-хъ и Михайла 3-хъ лѣтъ. Мать затопила печку и вышла на время изъ дома, посмотрѣть скотину. Что дѣлали оставленные безъ присмотра дѣти, неизвѣстно,—но вѣроятно, по неразумію, стали шалить съ огнемъ, потому что въ сушильнѣ сдѣлался пожаръ. Первый замѣтилъ это девятилѣтній мальчикъ, Калиникъ, сынъ хозяина, игравшій на дворѣ.

Не думая долго, Калиникъ бросился въ сушильню; видитъ, что пламя уже почти охватило дѣтей. Онъ схватилъ ихъ въ охапку и вытащилъ на дворъ.—Межъ тѣмъ прибѣжали и взрослые; пожара потушить уже было невозможно; сушильня сгорѣла, но трое дѣтей были спасены неустрасимостію 9-тилѣтняго Калиника.

### 120. Природа и жизнь въ деревнѣ.

Все такъ спокойно; кругомъ тишина, сосны вершинами машутъ привѣтно; кажется, шепчутъ, струясь незамѣтно, волны подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей: «Путникъ усталый! бросайся скорѣй въ наши объятія: мы добры и рады дать тебѣ сколько ты хочешь прохлады.»

Полямъ идешь—все цвѣты да цвѣты; въ небо глядишь—съ голубой высоты солнце смѣется.... Ликуеть природа! Всюду приволье, покой и свобода; только у мельницы злится рѣка: нѣтъ ей простора.... неволя горька!... Бѣдная, какъ она вырваться хочетъ! брызжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ: но не прорвать ей плотины своей и не уйти.... такъ назначено ей.

Вотъ на распаханной, черной полянѣ, землю взрывая, бредутъ поселяне.... Весело видѣть семью поселянъ, въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ; дорого-любо, кормилица нива! видѣть, какъ ты колосишься красиво, какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита, гордо стоишь, высока и густа!... Но веселѣй нѣтъ поры умолота! Легкая дружно спорится работа; вторить ей эхо лѣ-

совъ и полей, словно кричить: «поскорѣй! поскорѣй!» Звукъ благодатный! Кого онъ разбудить, вѣрно весь день тому весело будетъ!... Утромъ проснешься—бѣжишь на гумно. Солнышка нѣтъ—ни свѣтло, ни темно; только что шумное стадо прогнали... Какъ на подмерзшей грязи натоптали лошади, овцы!... Парнымъ молокомъ въ воздухъ пахнетъ.... Мотая хвостомъ за нагруженной снопами телѣгой чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой. Паръ изъ отворенной риги валить, кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ; а на гумнѣ только руки мелькаютъ, да высоко молотила взлетаютъ, не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь— скоро на отдыхъ пошлетъ ее день....

*Н. Некрасовъ.*

## 121. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада. Длинный день покончилъ рядъ заботъ; по дворамъ давно загнали стадо, и косцы вернулись съ работъ. Потемнѣть заря уже готова; тихо все. Часъ ночи не далекъ. Подымался и улегся снова на закатъ легкій вѣтерокъ!.. Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій слышенъ лай; промолвятъ голоса... Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій, пала сильно на землю роса. По краямъ темнѣющаго свода тѣни всѣ, широкія, слились; встрѣтитъ ночь готовится природа, запахи отовсюду понеслись. Въ тишинѣ жизнь новая творится: зрячею проснулася сова, и встаетъ и будто шевелится, и ростетъ и шепчется трава! Гдѣжъ крестьяне? День работавъ бодро, всѣ теперь за ужиномъ они: толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро, чтобъ еще продлились эти дни! Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудить, облака давно сбѣжали прочь!... Что за вечеръ!... И какая будетъ теплая и мѣсячная ночь!

*И. Аксаковъ.*

## 122. Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сияетъ мѣсяцъ надъ селомъ; бѣлый снѣгъ сверкаетъ синимъ огонькомъ. Мѣсяца лучами Божій храмъ облить; крестъ подъ облаками, какъ свѣча, горитъ. Пусто, одиноко сонное се-

ло; вьюгами глубоко избы занесло. Тишина нѣмая въ улицахъ пустыхъ и не слышно лая псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу, спитъ крестьянскій людъ, позабывъ тревогу и тяжелый трудъ. Лишь въ одной избушкѣ огонекъ горитъ: бѣдная старушка тамъ больна лежитъ. Думаетъ, гадаетъ про своихъ сиротъ: кто ихъ приласкаетъ, какъ она умретъ. Горемыки дѣтки! Долго ли до бѣды! Оба малолѣтки, разуму въ нихъ нѣтъ; какъ начнутъ шататься по дворамъ чужимъ, мудрено ль связаться съ человѣкомъ злымъ. А ужъ тутъ дорога не къ добору лежитъ: позабудутъ Бога, потеряютъ стыдъ. Господи, помилуй горемыкъ сиротъ! дай имъ разумъ—силу, будь ты имъ въ оплотъ!

И въ лампадкѣ мѣдной теплится огонь, освѣщая блѣдно ликъ святыхъ иконъ и черты старушки, полныя заботъ, и въ углу избушки дремлющихъ сиротъ. Вотъ пѣтухъ бессонный гдѣ-то закричалъ; полночи спокойной долгій часъ насталь. И Богъ вѣсть отколѣ пѣсенникъ лихой вдругъ промчался въ полѣ съ тройкой удалой, и въ морозной дали тихо потонулъ и напѣвъ печали и тоски разгулъ.

*Никитинъ.*

### 123. Деревенскій сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи, бѣлый снѣгъ кругомъ, и разлитъ морозъ трескучій въ воздухъ ночномъ. Вдоль по улицѣ широкой избы мужиковъ—ходить сторожъ одинокій, слышенъ скрипъ шаговъ. Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло злится вокругъ него, на морозѣ побѣлѣла борода его. Скучно! радость измѣнила, скучно одному; пѣснь его звучитъ уныло сквозь мятель и тьму. Ходитъ онъ въ ночи безлунной, бѣла утра ждетъ, и въ края доски чужуной съ тайной грустью бьетъ; и качаясь завываетъ звонкая доска... пуще сердце замираетъ, тяжелѣй тоска.

*Огаревъ.*

### 124. Пословицы изъ сельскаго быта.

Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Не выноси изъ избы сору, такъ меньше вадору. Пради всякъ свою пряжу. Не плюй



въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить. Новая метла чисто мететь. Готовь дѣломъ сани, а зимою телѣгу.

Хвастать не колеса мазать. Хата бѣда, да безъ хлѣба бѣда. Не красна изба углами, красна пирогами. Частыя пирушки изведутъ полушки. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Подчивать подчуй, а неволить не неволь. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь. Хлѣбъ-соль кушай, а добрыхъ людей слушай. Около хлѣба и мыши водятся. Твоими бы устами да медъ пить. Ёшь до сыта, работай до поту. Работа да руки надежныя въ людяхъ поруки. Дѣлать—не я, работать—не я, а ѣсть кисель—нѣтъ противъ меня. Сытъ поросенокъ каши не ѣстъ. На ретивую лошадь не кнутъ, а возжи. Одна паршивая овца все стадо портитъ. Коли орать, такъ въ дуду не играть. Хотя хлѣбы хороши, а пашню паши. Всякому овощу свое время. Что посеешь, то и пожнешь. Худая трава изъ поля вонъ. Не хвали вѣтра, не извѣявь жита. Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ. Не всякій хлѣбъ пашеть, да всякій его ѣсть. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника. Кто потѣетъ на нивѣ, да молится Богу въ клѣти, тотъ съ голоду не умретъ. Нашла коса на камень. Мни ленъ долъ, волокна будетъ болъ. Зяблыя сѣмена всегда поздно всходятъ. Жернова сами не вѣдятъ, а людямъ муку строятъ. Всякому зерну своя борозда.

## Б. ПОЛЕ.

### 125. Лѣнивый мужикъ.

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ; вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя? На гумнѣ—ни снопа, въ закромахъ—ни зерна; на дворѣ, по травѣ—хоть шаромъ покати. Изъ клетей домовой соръ метлою посмелъ, и лошадокъ за долъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинуть лежитъ; и погнувшись изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой, — со двора и гумна, по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери ему растворяли вездѣ, и въ почетномъ углѣ было мѣсто твое! А теперь подъ окномъ ты съ нуждою сидишь, и весь день на печи безъ просыпу лежишь. А въ поляхъ, сиротой, хлѣбъ

не скошенъ стоитъ. Вѣтеръ точить зерно, птица клюетъ его!...

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь ужъ лѣто прошло, вѣдь ужъ осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ пороситъ, подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, бражку ковшикомъ пьютъ.

*Колыцогъ.*

### 126. Мужикъ и заяцъ.

Бѣдный мужикъ, идучи по чистому полю, увидалъ подь кустомъ зайца, обрадовался и говоритъ: «вотъ когда заживу домкомъ-то! Возьму этого зайца, убью плетью, да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинushку, она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросенковъ; поросятки выростутъ, принесутъ еще по двѣнадцати; я всѣхъ прикормлю, амбаръ мяса накоплю; мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ женюсь; жена-то родитъ мнѣ двухъ сыночекъ: Ваську да Ваньку. Дѣтки станутъ пашню пахать, а я буду подь окномъ сидѣть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! шибко людей на работу не туганьте; видно сами бѣдно не живали!» Да такъ-то громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой и съ дѣтьми пропалъ.

### 127. Загадка мужика.

Близъ большой дороги засѣвалъ мужикъ поляну. На то время ѣхалъ царь; остановился противъ мужика и сказалъ: «Богъ помощь, мужичокъ!»—Спасибо, добрый человекъ! (Онъ не зналъ что это царь.) «Много ли получаешь съ этой полянки пользы?» спросилъ царь.—Да при хорошемъ урожаѣ рублей съ восемьдесятъ будетъ. «Кудажъ эти деньги дѣвнешь?»—Двадцать рублей въ подать взношу, двадцать—долгу плачу, двадцать—взаимы даю, да двадцать—за окно кидаю. «Растолкуй же братецъ, какой ты долгъ платишь, кому взаимы даешь и зачѣмъ за окно кидаешь?»—Долгъ плачу—отца содержу, взаимы даю—сына кормлю, за окно кидаю—дочь питаю. «Правда твоя!» сказалъ

государь; далъ ему горсть серебра, объявилъ себя, что онъ царь, и заповѣдалъ: безъ его лица никому тѣхъ рѣчей не сказывать: «кто бы ни спрашивалъ, никому не говори!» Приѣхалъ царь въ свою столицу и созвалъ бояръ да генераловъ: «разгадайте, говорить, мнѣ загадку. Видѣлъ я по дорогѣ мужика—засѣвалъ полянку; спросилъ у него: сколько онъ пользы получаетъ и куда деньги дѣваетъ? Мужичокъ мнѣ отвѣчалъ: при урожаѣ во семьдесятъ рублей получаю; двадцать въ подать взношу, двадцать—долгу плачу, двадцать—взаимы даю, да двадцать за окно кидая. Кто изъ васъ разгадаетъ эту загадку, того большихъ награду, большихъ почестей удостою.» Бояре и генералы думали, думали, не могли разгадать. Вотъ одинъ бояринъ вздумалъ и отправился къ тому мужику, съ которымъ царь разговаривалъ; насыпалъ ему цѣлую груду серебряныхъ рублевиговъ, и просить: «объясни-де, растолкуй царскую загадку!» Мужикъ позарился на деньги, взялъ да и объявилъ про все боярину; а бояринъ воротился къ царю и сейчасъ растолковалъ его загадку. Царь видитъ, что мужикъ не сдержалъ заповѣди, приказалъ его предъ себя достать. Мужикъ явился къ царю и сознался, что это онъ рассказалъ боярину. «Ну, братъ, пеняй на себя, а за такую провинность велю казнить тебя смертію!» Ваше величество! я ничѣмъ не виновенъ, потому что боярину рассказалъ я при вашемъ царскомъ лицѣ. Тутъ вынулъ мужикъ изъ кармана серебряный рублевикъ съ царскою персоной и показалъ государю. «Правда твоя! сказалъ государь: это моя персона.» Наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.

### 128. Пѣсня пахаря.

Ну! тащися, сивка, пашней десятиной, выбѣлимъ желъзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большого лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ: ну! тащися, сивка! я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю... ну! тащися, сивка!

Пашеньку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку соготовимъ колыбель святую. Его вспоить, вскормить мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка—ну! тащися, сивка!—выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колось, станетъ спѣть, рядиться въ

золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы; сладогъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ.

Ну, тащися сивга! Накормлю до сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посѣю: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!

*Кольцовъ.*

### **Загадка.**

Временемъ разсѣваю, временемъ собираю, самъ сытъ бываю и людей кормлю.

### **\* 129. Муха.**

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ, а муха у него сидѣла на рогахъ, и муху же они дорогой повстрѣчали. Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. А та, поднявши носъ, въ отвѣтъ ей говорить: откуда? мы пахали!

*Дмитриевъ.*

### **130. Ворона и кувшинъ.**

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна. — Ворона бѣдная отъ жажды умирала, и гдѣ-то на полѣ она кувшинъ съ водою сыскала; но вотъ бѣда: низка была для ней въ колодцѣ томъ вода,—какъ станешь пить? Не можно влѣзть туда; кувшинъ великъ, нельзя его воронѣ сдвинуть, не только опрокинуть; а надобно воды достать. Вотъ стала камешки она въ него бросать; съ краями наравнѣ вода приподнялася, и тутъ уже моя ворона напилася.

*Измайловъ.*

### **131. Крестьянинъ и лошадь.**

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ; то видя, лошадь молодая такъ про себя ворчала, разсуждая: «за дѣломъ столько онъ овса сю-

да принесть! Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе: что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе, какъ поле цѣлое изрыть, чтобъ послѣ разсорить на немъ овесъ свой по пустому? Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому; хотъ курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать; все быlobъ болѣе похоже то на стая; хотъ спряталъ бы его: я видѣлабъ въ томъ скупость; а по-пусту бросать! нѣтъ, это просто глупость!»

Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранный былъ, и нашъ крестьянинъ имъ тогожъ коня кормилъ.

*Крыловъ.*

### 132. Сѣяніе ржи.

Святель сыплеть сѣмена полною рукою въ рыхлую землю, и чудно воскресаетъ посѣянное.

Земля принимаетъ зернышко въ нѣдра свои, и въ тишинѣ развиваетъ его; нѣжный отросточекъ выходитъ изъ него и поднимаетъ вверхъ свою красноватую головку.

Голый малютка стоитъ и зябнетъ, и молить у неба росы и солнышка; а солнышко на высококомъ пути своемъ съ любовію смотритъ на земную малютку.

Вскорѣ настаютъ морозы и бури, отъ которыхъ прячется человекъ и червякъ; отросточку также не избавиться отъ нихъ; онъ долженъ стоять на вѣтру и на холодѣ. Но ему не вредитъ ни то, ни другое: небо, полное любви къ нему, покрываетъ его бѣлымъ снѣгомъ, и малютка засыпаетъ тихимъ сномъ.

Скоро пролетаетъ мрачная зима; начинается пѣть жаворонокъ, просыпается зернышко; весна заставляетъ цвѣсть деревья и луга, и убираетъ долину свѣжею зеленью.

Хлѣбное поле покрывается прекрасными курчавыми колосьями; подуетъ вѣтеръ—и оно заволнуется туда и сюда, какъ тихое зеленое море.

Солнышко сіяетъ съ небесъ на хлѣбные колосья; земля поκειται въ безмятежномъ блескѣ; золотой вѣнокъ ржи украшаетъ ее.

Жатва подходитъ: серпы звучать, снопы шумятъ, и къ небу стремятся громкіе крики радости и тихое благодареніе сердца.

**133. Священникъ и крестьянинъ.**  
Прогуливаясь въ полѣ, одинъ деревенскій священникъ, почтенный старикъ, встрѣтился съ крестьяниномъ, который задумчиво стоялъ и смотрѣлъ на ниву. Что съ тобою, сынъ мой? спросилъ его добрый священникъ.

«Горюю, батюшка, что ячмень мой не хочетъ всходить», отвѣчалъ крестьянинъ.

— Напрасно и неразумно твое горе, сказалъ старикъ: развѣ можно скорбѣть о томъ, чему ты помочь не въ состояннн? Если бы ты цѣлый день простоялъ здѣсь, задумавшись, то отъ этого ни одно зерно не дастъ отпрыска. И мой ячмень до сихъ поръ не всходить, однако же я не горюю. Я вспахалъ хорошо поле, очистилъ отъ травъ, посѣялъ въ него здоровое зерно, а остальное поручилъ Господу Богу. Вспахать и посѣять можетъ человекъ и долженъ, но возрастить и дать плодъ — не въ нашей волѣ. Мы обязаны исполнять только то, что отъ насъ требуется, всѣ же остальные заботы и плоды трудовъ поручить Творцу: Онъ позаботится о нашемъ благоденствнн.

**\* 134. Чистое небо и тучи.**

Крестьянскій мальчикъ сказалъ съ презрѣннмъ о тучахъ, что онѣ только и дѣлаютъ, что застилаютъ чудную синеву неба. На это ему отецъ возразилъ: «Другъ мой, ты говоришь очень неразумно; конечно видъ чистаго неба приятенъ, но сѣрныя тучи для насъ благодать Божнн.»

**135. Лѣтннй дождь.**

«Золото, золото падаетъ съ неба!» дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ. — Полно-те, дѣти, его мы сберемъ, только сберемъ золотистымъ зерномъ въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

Помнишь — мы не ждали ни дождя, ни грома, вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома. Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью... Не было конца тутъ страху и веселью! Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой; по землѣ вокругъ насъ точно жем-

чугъ прыгаль; капли дождевыя, скатываясь съ иголь, падали, блистая, на твою головку... Помнишь — какъ все тише смѣхъ нашъ становился... Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился—ты ко мнѣ прижался, въ страхѣ очи жмурия... Благодатный дождикъ! золотая буря!

*А. Майковъ.*

### Загадки.

1. Меня частенько просятъ, ждуть; а только покажусь, то прятаться начнутъ.

2. Въ ненастье долженъ я гулять, а въ ясный день въ углу стоять; вы носите меня надъ вами; но что же я? скажите сами.

### 136. Два крестьянина и облако.

«Смотри-ка, братъ Антонъ!» сосѣду говорить крестьянинъ Агафонъ, а самъ весь поблѣднѣлъ и такъ, какъ листъ, трясется: «смотри-ка туча къ намъ несется!»

— Такъ чтожь?

— «Какъ что? да градъ пойдетъ и хлѣбъ у насъ побьетъ; все пропадетъ, озимое и яровое; голодный будетъ годъ, а тамъ, гляди, и морь!...»

— Пустое, братъ сосѣдъ, пустое. Какой несешь ты вадорь! Не градъ, а дождь пойдетъ: давно къ дождю вѣдь парить... Вотъ каплетъ, кажется. Ужь то-то хлѣбъ поправитъ! Мы уберемъ его и много продадимъ, да браги наваримъ: гуляй и пей ужо зимою! Пусть дождь идетъ, я очень радъ!

— «Ну, посмотри посыплетъ градъ.»

— Нѣтъ, дождь пойдетъ.

— «Градъ.»

— Дождь.

— «Не спорь же ты со мною.»

— Да что и спорить съ дуракомъ!...

Антонъ за это хватъ сосѣда кулакомъ; тотъ въ ухо самъ его, и драка началась. Ни градъ, ни дождь еще неидетъ, а кровь изъ обоихъ ужъ леть. Межь тѣмъ прочистилось и туча пронеслася.

*Измайловъ.*

137. **Нива.**

По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая! Иду—съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь, какъ будто бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О Божья благодать!... О, какъ прилечь отрадно мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемя, вижу я—на всемъ полей просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы; вонъ — по зарѣ стучать проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда; вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа на пристаняхъ кули валяются; вдоль рѣки, гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая, и длинной бичевой по влагѣ ударяя...

*А. Майковъ.*

2.

Нива, моя нива, нива золотая! зрѣешь ты на солнцѣ, колосья наливая. По тебѣ отъ вѣтру, словно въ синемъ морѣ, волны такъ и ходять, ходять на просторѣ; надъ тобою съ пѣсней жаворонокъ вьется; надъ тобой и туча грозно пронесется. Зрѣешь ты и спѣешь, колосья наливая, о людскихъ заботахъ ничего не зная. Унеси ты, вѣтеръ, тучу градовую; сбереги намъ, Боже, ниву трудовую!

*Жадовская.*

\* 138. **Дѣтское желаніе.**

«Ахъ, если бы все нивы были засѣяны одними только васильками!» говорили поочередно Варя и Лиза, проходя съ маменькой мимо поля, покрытаго колосистою рожью: «какіе чуд-



ные были бы у насъ вѣночки! А то едва нарвали мы пучокъ, потому что васильковъ мало, а этихъ некрасивыхъ колосьевъ такое множество.»—Дѣти, дѣти! отвѣчала имъ мать, желаніе ваше весьма неблагоуразумно. Развѣ вы не знаете, что земледѣлецъ трудится въ потѣ лица для этихъ колосьевъ, а не для цвѣтовъ, красивыхъ, но бесполезныхъ. Поле можно сравнить съ жизнью: васильки—съ удовольствіями, а колосья—съ трудомъ и заботами. Кто посвятилъ бы дни свои забавамъ и удовольствіямъ, былъ бы подобенъ тому, кто желаетъ засѣять васильками всѣ нивы: нѣсколько лишь дней наслаждался бы онъ красивымъ видомъ, но не собралъ бы ничего во время жатвы.

### 139. Урожай.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула, по лицу земли туманъ стелется: разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, подобралъ туманъ выше темя горъ, нагустилъ его въ тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась—что задумалась, словно вспомнила свою родину... Понесутъ ее вѣтры буйные во все стороны свѣта бѣлаго: ополчается—громомъ, бурей, огнемъ, молніей, дугой радугой; ополчилась и расширилась, и ударила, и пролилася слезой крупною—проливнымъ дождемъ на земную грудь, на широкую.

И съ горы небесъ глядитъ солнышко; напилась воды земля до сыта. На поля, сады, на зеленые, люди сельскіе не насмотрятся; люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. За одно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя думы мирныя. Дума первая: хлѣбъ и закрома насыпать въ мѣшки, убирать воза. А вторая ихъ была думушка: изъ села гужомъ въ пору выѣхать. Третью думушку какъ задумали—Богу Господу помолилися; чѣмъ свѣтъ по полю все разъѣхались, и пошли гулять другъ за дружкой, горстью полною хлѣбъ раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепаживать, бороны зубьемъ порасчесывать....

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послалъ Господь за труды людямъ: выше пояса рожь зернистая дремать колосомъ почти до земли. Словно Божій гость на все стороны дню веселому улыбается; вѣтерокъ по ней плыветъ, лоснится, золотой волной разбѣгается... Люди семьями принялися жать, косить подь ко-

рень рожь высокую. Въ копны частыя снопы сложены; отъ воровъ всю ночь скрипитъ музыка. На гумнахъ вездѣ, какъ князя, скирды широко сидятъ, поднявъ головы.

Видитъ солнышко—жатва кончена: холоднѣй оно пошло къ осени; но жарка свѣча поселянна предъ иконою Божьей Матери.

*Колыцовъ.*

**Загадки.**

1. Маленькій, горбатенькій, все поле проскакать.
2. Травы поѣмъ, и зубы притуплю; песку поѣмъ, снова вывою.

**140. Колосья.**

Вдалекѣ видна поляна, храма сельскаго глава, и за ней, кругомъ бурьяна, пашень пестрая канва. Легкій вѣтеръ въ полѣ чистомъ гнетъ колосики волной и по нивѣ золотистой точно стелеть пеленой. Какъ роскошная корзина съ пышной прелестью цвѣтовъ, блещетъ ровная долина матомъ разныхъ колосковъ: разрумяненной кистью или шелковымъ перомъ смотреть просо, все безъ листьевъ, наклонившись стебелькомъ. Перепутанный, рогатый, въ завиткахъ горохъ лежитъ; по его листкамъ измятымъ мышка торопко бѣжитъ. Озабоченная мышка смотреть быстренькимъ глазкомъ, и съ воробушкомъ ворешкой точить зернышко тайкомъ. Вотъ гречиха ужъ поспѣла, кашей темною дрожить, вся отъ солнца загорѣла, не блѣветъ, не блеститъ. Вотъ и матушка пшеница все любитъ собой—точно красная дѣвица подъ прозрачною фатой. Заряблется, зажелтѣлся, словно перышки разнесъ, золотой парчей одѣлся раскудрявленный овесъ. И ячмень, какъ котъ сибирскій, долгимъ усомъ шевелить, чудный ростомъ богатырскимъ, статнымъ молодцомъ глядитъ. Будто солнцу улыбаясь, на соломкѣ молодой дремлетъ, медленно качаясь, ржи колосикъ золотой. Весь одеждой онъ украшенъ, весь, какъ пухомъ, оперенъ, и среди раздольныхъ пашень спѣлой ношей отягченъ. Весь съ рогами—какъ улитка, жизни внутренней полна — онъ пригнулся отъ избытка полновѣснаго зерна; а вблизи, поднявшись важно, смотреть чопорно

другой все лишь къверху, такъ отважно,—такъ и видно, что пустой.

### Загадка.

Черна, мала крошка, а угоды много въ ней; въ водѣ поварятъ, ребята съѣдятъ.

### 141. Воробьи и овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ, мужикъ имъ говорилъ: «Вотъ я васъ всѣхъ, воровъ! Вы на поле мое летали, горохъ клевали! Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону: всѣмъ головы сверну, и въ кашу... да ты, овсянка, какъ попала?»

Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:—Послушай, мужичокъ, всю истину скажу: я съ ними только лишь летала, а право твоего гороха не клевала. Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу. Ужли поступишь такъ со мною, какъ съ воробьями?

— «Да не помилюю конечно и тебя! Пеняй сама ты на себя: зачѣмъ была съ плутами?»

*Измайловъ.*

### 142. Большой столъ.

Одинъ учитель однажды при началѣ жатвы сказалъ своимъ ученикамъ: «сегодня я намѣренъ показать вамъ очень большой столъ, за которымъ въ теченіе цѣлаго года ѣдятъ и насыщаются не нѣсколько только голодныхъ людей, но цѣлыя тысячи народа со всѣми животными, которыя живутъ при нихъ».

Сказавъ это, онъ взоспелъ съ дѣтьми на высокую гору, и велѣлъ имъ посмотрѣть на обширныя, простирающіяся на цѣлыя мили, прекрасныя, плодородныя поля. «Вотъ видите, любезныя дѣти», сказалъ онъ, «это большой столъ, который ежегодно для всѣхъ созданій накрывается и обильно уставляется пищею нашимъ благимъ Отцомъ, Который живетъ на небесахъ. Мы всѣ—Его гости, и Онъ по благодати своей насыщаетъ всѣхъ насъ съ безчисленнымъ множествомъ животныхъ. Поэтому и за искусно накрытымъ столомъ никогда не забывайте съ искрен-

нею благодарностию обращаться къ Нему, вседержительному невидимому Благодѣтелю».

Проникнутые словами учителя, дѣти стали спускаться съ горы, и во время пути одинъ изъ нихъ сказалъ: «Теперь только я вполнѣ понялъ молитву: Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даешь имъ пищу въ свое время; Ты открываешь свою щедрую руку и исполняешь все, что живетъ, благоволенія. Какъ часто я произносилъ эти слова, вовсе не понимая ихъ!»

### \* 143. Дубъ и верба.

Въ одно утро, послѣ бурной ночи, отецъ и его маленький сынъ пошли въ поле посмотреть, не причинила ли буря какого либо вреда. Малютка вскричалъ: «Посмотри, батюшка, большой, крѣпкій дубъ вырвало изъ земли съ корнемъ, между тѣмъ какъ слабая верба, растущая у ручья, стоитъ прямехонько! А я всегда думалъ, что буря скорѣе опрокинетъ слабую вербу, чѣмъ крѣпкій дубъ, который до сего времени противостоялъ всѣмъ порывамъ вѣтра».

— «Дитя», сказалъ отецъ, «крѣпкій дубъ долженъ былъ сломаться, потому что не могъ согнуться; но гибкая верба уступила напору бури, и потому она не могла ей причинить никакого вреда.»

### 144. Гнездо ласточки.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ, на мельницѣ и стукъ и громъ; колеса-то въ водѣ шумятъ, а брызги вверхъ огнемъ летятъ; отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, что мостъ живой, весь полъ дрожить. Шумитъ вода, рукавъ трясетъ, на камни рожь дождемъ течетъ, подъ жерновомъ муку родить: идетъ мука, въ глаза пылить. О мельникѣ и рѣчи нѣтъ...

Одна пѣвунья ласточка подъ крышей обжилась, свила, слѣпила гнѣздышко, дѣтми обзавелась. Въ ночь темную подъ крыльшко головку подогнетъ, и спитъ себѣ подъ громъ и стукъ, носкомъ не шевельнетъ.

Никитинъ.

### 145. Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала: бѣда-бѣ не велика съ начала, когда бы руки приложить; но кстатиль? Мельникъ мой не думаетъ тужить; а течь день ото дня сильѣе становится: вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра. — «Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора, пора тебѣ за умъ хватиться!» А мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды, не море надо мнѣ воды, и нею мельница во весь мой вѣкъ богата.» Онъ спитъ, а между тѣмъ вода бѣжитъ какъ изъ ушата, и вотъ бѣда пришла совсѣмъ: сталъ жерновъ, мельница не служить. Хватился мельникъ мой: и охаеть, и тужить, и думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ у плотины онъ, осматривая течь, увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры: «Негодныя», кричитъ, «схолатки, дуры! я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать; а вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.» И въ нихъ полѣномъ хватъ. Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье? Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

*Крыловъ.*

### Загадки.

1. Два барашка грызутся, промежъ нихъ пѣна валить.
2. Птица юстрица на девяти ногахъ стоитъ, на вѣтеръ глядитъ, крыльями машеть, а улетѣть не можетъ.

### В. ДОРОГА.

#### 146. Шоссе и обыкновенная дорога.

Прямая дорога, большая дорога! Простору не мало взяла ты у Бога; ты въ даль протянулась, пряма, какъ стрѣла, широкою гладью, что скатерть легла! Ты камнемъ убита, жестка для копыта, ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!... Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ: прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ; все дружною силой и съ пѣснями взято, — вколачивалъ

молотъ, и рыла лопата, и дебри топоръ въковыя просѣкъ... Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ! Чего онъ не сможетъ, лишь былобъ терпѣнье, да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!

А съ каменкой рядомъ, поодадь немножко, погольная вьется живая дорожка! Дорожка, дорожка, куда ты ведешь? безъ званья ли ты, или со званьемъ слывешь? Идешь, колесишь ты, не зная разбору, по рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору! Не много ты мѣста себѣ отняла: просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла! Тебя не равняли топоръ и лопата, мягка ты копыту, и пылью богата, и кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха... Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

*И. Аксаковъ.*

**Загадка.**

Самъ не видитъ, другимъ указываетъ.

### 147. Русская тройка.

Какой русскій не любитъ быстрой ѣзды?... Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летить: летять версты, летять на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летить съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летить вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семь быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяць одни кажутся недвижны.

Эхъ тройка, птица тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарыбитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да ру-

кавицы, и сидитъ Богъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугъ остановившійся пѣшеходъ, — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдаль, какъ что-то пылится и сверлитъ воздухъ.

*Гоголь.*

#### 148. Путникъ.

Путь широкий давно предо мною лежитъ, да нельзя мнѣ по немъ ни летать, ни ходить... Кто же держитъ меня, и что кинуть мнѣ жаль? И за чѣмъ до сихъ поръ не стремлюся я вдаль? Или доля моя сиротой родилась! иль со счастьемъ слѣпымъ безъ ума разошлась! По лѣтамъ и кудрямъ не старикъ еще я: много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня! Много слугъ и казны подъ замками лежитъ; и лихой вороной ужъ осѣдланъ стоитъ. Да на путь — по душѣ — крѣпкой воли мнѣ нѣтъ, чтобъ въ чужой сторонѣ на людей поглядѣть; чтобъ порой предъ бѣдой за себя постоять, подъ грозой роковой назадъ шагу не дать, и чтобъ съ горемъ въ пиру быть съ весельемъ лицомъ, на погибель идти — пѣсни пѣть соловьемъ!

*Колцовъ.*

#### 149. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы пробирается луна, на печальныя поляны льетъ печально свѣтъ она. По дорогѣ зимней, скучной, тройка борзая бѣжитъ, колокольчикъ однозвучный утомительно гремитъ. Что-то слышится родное въ долгихъ пѣсняхъ ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска... Ни огня, ни черной хаты... глушь и снѣгъ... на встрѣчу мнѣ только версты полосаты попадаются однѣ.

*Пушкинъ.*

#### 150. Мужикъ и корова.

Коня у мужика не стало, такъ онъ корову осѣдлалъ; а самъ

о томъ не разсуждалъ, что, говорятъ, сѣдло коровѣ не приста-  
ло; но не смотря на то, онъ на корову сѣлъ, затѣмъ что вдаль  
пѣшкомъ идти не захотѣлъ. Онъ сѣлъ, корову понукаетъ; ко-  
рова лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ. Сѣдокъ корову пороняетъ;  
корова выстужкой все тою же ступаетъ, и только лишь подъ  
нимъ пыхтитъ. Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дуби-  
ну, корову понуждалъ какъ вялую скотину, считая, что она отъ  
палки побѣжитъ. Корова пуще лишь пыхтитъ, потѣветъ и крях-  
титъ. Сѣдокъ удары утroyетъ; корова все шагаетъ, а рыси, хоть  
убей, такъ нѣтъ у ней; корова наконецъ подъ сѣдокомъ свали-  
лась. Не мудрено: скакать корова не родилась; а потому и дол-  
жно знать: кто ползаетъ родился, тому ужъ не летать.

*Хемницеръ.*

### 151. Что знаешь, о томъ не спрашивай.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему на встрѣчу. «Здо-  
рово!» — Здорово. — «А что везешь?» — Дрова. — «Какія дрова,  
вѣдь у тебя сѣно?» — А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и  
спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ  
про себя: «а вѣдь и вправду, для чегожъ я спрашивалъ?»

*В. Даль.*

### 152. Крестьянинъ съ ношею.

Крестьянинъ нѣкакій путемъ-дорогой шелъ, и ношу на пле-  
чахъ имѣлъ, которая его ужъ такъ отяготила, что на пути при-  
становила. «Проваль бы эту ношу взялъ!» крестьянинъ провор-  
чалъ: «я эту ношу сброшу, и налегкѣ безъ ноши я пойду; доб-  
ра я этого вездѣ, куда приду, найду.» А ноша та была мѣшокъ,  
набитый сѣномъ; но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.  
Сталъ нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ, что начать; одна-  
ко вздумалъ отдохнуть, и мыслить: «отдохнувъ немного, попле-  
туса; авось-либо дойду, хоть съ ношею пойду; быть такъ, добро,  
пушуся.»

Пошелъ крестьянинъ въ путь, и ношу взялъ съ собой. А на-  
добно здѣсь знать, что было то зимой, когда лишь только рѣки



стали, и снѣги льда еще не покрывали. Лежитъ крестьянину дорога черезъ ледъ. Крестьянинъ, ничего не думавши, идетъ: вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился; однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда! Крестьянинъ вѣрно бы убится, когда бы ношу взять съ собою погнѣился.

*Хемницеръ.*

**\* 153. Скоро да нездорово.**

Чуть свѣтъ Андрей, сельскій торговецъ, хозяинъ небольшой лавки, бросился какъ сумасшедшій къ своей повозкѣ, и торопился какъ можно скорѣе выѣхать: ему хотѣлось пораньше поспѣть на базаръ.

Отецъ сказалъ ему: вспомни пословицу—*скоро, да нездорово.*

Но Андрей ничего не слышалъ, и погналъ лошадь, не осмотрѣвъ ни збруи, ни повозки. А въ одной изъ подковъ не доставало гвоздя. На серединѣ дороги подкова зазвенѣла и сорвалась съ копыта.

Ни деревни, ни кузница; надо было продолжать путь, хотѣ дѣло было и не ладно. Лошадь, ступая по каменистой дорогѣ, наколола ногу и стала хромать.

Пришлось ѣхать черезъ лѣсъ; на Андрея напали мошенники. Онъ попробовалъ было уйти, пустилъ вскачь своего коня, быстро бѣгуна, да теперь хромого и безъ подковы; его догнали и обобрали какъ липку.

Такимъ образомъ Андрей, такъ спѣшившій покончить дѣла свои, окалѣчилъ лошадь, лишился денегъ и, какъ былъ не очень храбраго десятка, схватилъ лихорадку отъ перепуга.

И всё это отчего? Оттого, что черезъ поспѣшность не замѣтилъ, что въ подковѣ не доставало одного гвоздя.

«Поспѣшишь, людей насмѣшишь; тише ѣдешь, дальше будешь.»

**Загадка.**

Четыре брата на свѣтъ: два меньшіе впереди, два большіе позади, спѣшать, бѣгутъ, другъ друга не догонять.

\* 154. Подкова.

Одинъ крестьянинъ шёлъ изъ деревни въ городъ съ маленькимъ сыномъ Федюшей.

«Посмотри-ка, сказалъ ему отецъ, вонъ тамъ на дорогѣ лежитъ подкова, подними её и спрячь въ карманъ.»—«И, батюшка! отвѣчалъ Федюша, изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ и наклоняться.» Отецъ не возразилъ ни слова, самъ поднялъ подкову и положилъ её въ карманъ. На дорогѣ онъ продалъ её за нѣсколько копѣекъ кузнецу, и купилъ на эти деньги вишенъ.

Они пошли дальше. Лѣтнее солнце палило зноемъ. По дорогѣ на большомъ разстояннн не видно было ни домовъ, ни лѣса, ни источника. Федюша томился жаждою и едва могъ слѣдовать за отцомъ.

Отецъ нарочно уронилъ одну вишню. Федюша схватилъ её съ жадностію, точно драгоценность какую нибудь, и тотчасъ же съѣлъ её; она нѣсколько освѣжила его.

Пройдя нѣсколько шаговъ, отецъ уронилъ другую вишню; Федюша поднялъ её такъ же скоро.

Такимъ образомъ онъ поднималъ вишни одну за другою.

Когда Федюша съѣлъ послѣднюю вишню, отецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ ему смѣясь: «Видишь, еслибъ ты одинъ разъ наклонился, чтобъ поднять подкову, то тебѣ бы не пришлось столько разъ наклоняться за вишнями. Пусть это впредь послужитъ тебѣ наукой.»

155. Лошадь и оселъ.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ, и лошадь шла порожнякомъ, а на ослѣ поклажи столько было, что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.—«Нѣтъ мочи», говоритъ: «я право упаду, до мѣста не дойду.» И просить лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженъе, хоть часть поклажи снять съ него. «Тебѣ не стоитъ ничего, а мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченъе», онъ лошади сказалъ.—«Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!» сказала лошадь, и помчалась. Оселъ потуда шёлъ, пока подъ ношей палъ. И лошадь тутъ узнала, что ношу раздѣлить напрасно отказала, когда ее нести одна съ ослиной кожей была принуждена.

*Хемшиеръ.*

**Загадки.**

1. И долга, и коротка, а одинъ одному не вѣрить, всякъ самъ по себѣ мѣрить.

2. Асе! я разлеглася; кабы я встала, такъ небо достала, кабы руки да ноги, я бы вора связала, кабы ротъ да глаза, я бы все рассказала.

**156. Ось и чека.**

Ѣхалъ извощикъ Семень съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному степному мѣсту. Вдругъ у него задымилась ось; а до деревни далеко. Какъ онъ ни бился, что ни дѣлалъ—нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хотъ брось тотчасъ. Зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; наконецъ справился кое-какъ,—съ версту проѣхали, опять стой, опять то же.

Навъзжаетъ сзади шажкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути; Семень оглянулся, а у того ось запасная съ боку подвѣзана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человекъ—догадался Семень нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: «уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь, бери, только уступи.» Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: да, говорить, неладно у тебя дѣло; пожалуй возьми, коли хочешь—за два цѣлковыхъ.

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ, и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: «что хочешь возьми, только продай»,—да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по христіански—не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! «Помилуй, говорить, да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!—За моремъ телушка полушка, сказалъ тотъ, да рубль перевозу. Поди, да купи, коли нашелъ за полтинникъ.—А самъ было и поѣхалъ дальше. Семень за нимъ, и проситъ и кланяется—нѣтъ: два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ земь, такъ ему жалъ было денегъ—да дѣлать нечего; не почевать

туть; досталь рублевики и отдадь. «На, говорить, землякъ, Господь съ тобою; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями.» — Не видалъ я твоихъ рублей, молвилъ тотъ; нѣшто я тебя неволю, что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось; я при своемъ буду, а ты при своемъ. — «Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволить; быть такъ, ступай съ Богомъ; спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи пожалуста поднять передокъ, да подвести ось.» Тотъ пособи, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись. Архипка хватъ—чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. «Стой! кричитъ онъ Семену, стой, братъ, вотъ и у меня бѣда случилась! Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! У меня топоръ есть, подай-ка, пожалуй-ста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не поидеть; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Пожалуй, говорить Семень, возьми; только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай.

— «Съ ума что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ!»

— Вольному воля, сказалъ Семень; при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статья, гдѣ купишь и за грошъ.

Ударилъ Архипъ руками объ полы—хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уйдешь; либо сядь, да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталь онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдадь Семену.

*В. Даль.*

### \* 157. Сказка о лисицѣ и волкѣ.

#### 1.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говорить бабѣ: ты, баба пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы, и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась галачикомъ, и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ; а она и не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ!» сказалъ дѣдъ, взялъ

лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошёлъ впереди. А лисичка удличила время и стала выбрасывать изъ воза всё по рыбка да по рыбка, всё по рыбка да по рыбка. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говорить дѣдъ, какой воротникъ привёзъ я тебѣ на шубу!»—Гдѣ? «Тамъ на возу—и рыба и воротникъ. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старый хрѣнь! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!»—Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

2.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, съла и ѣсть себѣ. На встрѣчу ей идѣтъ волкъ: здравствуй, кумушка!—Здравствуй, куманёкъ!—Дай мнѣ рыбки!—Налови самъ, да и ѣшь.—Я не умѣю.—Эка, вѣдь я же наловили; ты, куманёкъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь,—рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошёлъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ; хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться—не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотрить, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его, бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

3.

А лисичка сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще чтонибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!—Эхъ куманёкъ, говоритъ лисичка сестричка, у тебя хотъ кровь выступила, а у меня мозгъ; меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь.—И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти,

садись на меня, я тебя доведу. Лисичка съела ему на спину, онъ её и понёсъ. Вотъ лисичка сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ!» Что ты, кумушка, говоришь?—Я, куманёкъ, говорю: битый битаго везетъ.—Такъ, кумушка, такъ!

4.

«Давай, куманёкъ, построимъ себѣ хатку.—Давай, кумушка.—Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.» Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла.—А, кумушка, говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съесть. «Пойдемъ, куманёкъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: «прыгай: если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть.» Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!» и сама ушла.

Г. ЛУГЪ.

158. Утро на лугу.

Кому не случилось быть весною, раннимъ утромъ, на лугу или по опушкѣ лѣса? Солнце свѣтитъ, въ воздухѣ тепло и тихо; куда ни посмотришь, конца нѣтъ зелени, а по зелени ярко пе- стрѣютъ цвѣтки разукрашенные.

Все тихо, на деревѣ листь не шелохнется, звонъ поднялся жаворонокъ, и вьется въ воздухѣ и щебечетъ свою веселую пѣсню; вотъ—въ кустахъ порхаетъ малиновка, тамъ жужжить пчела, или пестрая бабочка перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; здѣсь—по стебелькамъ ползетъ золотокрылый жукъ, тамъ внизу пробирается муравей и тащить соломенку. Все шипитъ, все радуется Божіей благодати.

### 159. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами... въ пѣснѣ душу весела, бабы съ граблями рядами ходять, сѣно шевеля. Тамъ сухое убираютъ, мужички его кругомъ на возъ вилами кидаютъ: возъ растеть, растеть какъ домъ... Въ ожиданьи конь убогій, точно вкопанный, стоитъ: уши врозь, дугою ноги и какъ будто стоя спить. Только Жучка удалая въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ, лая въ попыхахъ.

Майковъ.

### 160. Вечеръ на сѣнокосѣ.

Ярко звѣздъ мерцанье въ синевѣ небесъ; мѣсяца сіянье падаетъ на лѣсъ. Въ зеркало залива сонный лѣсъ глядитъ; въ чащѣ молчаливой темнота лежитъ. Слышенъ межъ кустами смѣхъ и разговоръ; жарко косарями разведенъ костеръ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ пѣсенникъ лихой; изъ кружка выходитъ парень молодой. Шапку вверхъ кидаетъ, довить — не глядитъ, пляшетъ, присѣдаетъ, соловьемъ свиститъ. Пѣснѣ отвѣчаетъ коростель въ лугахъ, пѣсня замираетъ далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы, гладь и блескъ озеръ, свѣтлые заливы, безъ конца просторъ; звѣзды надъ полями, глушь да камыши... такъ и льются сами звуки изъ души.

Никитинъ.

### 161. Косарь.

Я куплю себѣ косу новую; отобью ее, наточу ее — и проستی, прощай село рѣдное! Въ края дальнѣй пойдець, молодець. Что внизъ по Дону; по набережью, хороши стоятъ тамъ слободушки! Степь раздольная далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается!... Ахъ ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, къ морю Черному впродвинулась! Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ; я пришелъ самъ-другъ съ косою острою; мнѣ давно гулять по травѣ степной, вдоль и поперегъ, съ ней хотѣлося... Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! Освѣжи, взволнуй степь просторную! Зажужжи, коса, засвер-

кай кругомъ! Зашуми, трава, подкошенная; поклонись, цвѣты, головой землѣ! на ряду съ травой вы засохните.

*Кольцовъ.*

### 162. Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола, затѣяла сама въ породствѣ съ нимъ сравняться: она завистлива была. И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

— «Смотри-ка, квакушка, что, будуль я съ него?» подругѣ говоритъ.

— Нѣтъ, кумушка, далеко!

— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко. Ну, каково? пополнилась ли я?»

— Почти что ничего.

— «Ну, какъ теперь?»

— Все тожь.

Пыхтѣла да пыхтѣла, и кончила моя затѣйница на томъ, что, не сравнившись съ воломъ, съ натуги допнула и околѣла.

*Крыловъ.*

### 163. Собака и волкъ.

Волкъ, примѣтивъ, что пастухъ заснулъ у своего стада, подошелъ къ собакѣ, охранявшей оное, и съ притворнымъ состраданіемъ сказалъ:

«Ахъ, какъ я сожалѣю о тебѣ! ты, право, несчастнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Съ утра до вечера ты должна находиться подъ открытымъ небомъ, въ какую бы погоду то ни было: то тебя мочитъ дождемъ, то палитъ солнцемъ; днемъ ты караулишь стадо, ночью заставляютъ тебя стеречь дворъ, ты никогда не имѣешь покоя; право, ты не живешь, а мучишься! Взгляни вотъ и теиерь на своего хозяина: онъ себѣ спитъ спокойно, хотя, правду сказать, ему-то и надлежало бы болѣе заботиться о своемъ стадѣ, нежели тебѣ. Неужели ты никогда не устанешь вести такую безпокойную жизнь?»

— «Не устанешь, говоришь ты?» отвѣчала собака: «исполняя обязанность, не должно чувствовать усталости!»



— «Это правда», продолжалъ льстецъ: «однако же ты все-таки не вѣчный невольникъ своей обязанности. Это ты можешь видѣть изъ примѣра твоего хозяина.»

— «Что же ты находишь худого въ его поступкѣ? Развѣ ему нельзя отдохнуть, имѣя вѣрнаго сторожа? Я полагаю, что онъ тѣмъ дѣлаетъ мнѣ честь, что ввѣряетъ моему бдѣнію все свое стадо; слѣдовательно онъ на меня надѣется.»

— «Конечно, это очень похвально съ его стороны, что онъ имѣетъ къ тебѣ полное довѣріе; однако же, какъ я думаю, и ему бы не мѣшало болѣе заботиться о своей обязанности, и не мучить тебя такъ жестоко.»

— «Потому-то именно, что я имѣю столько довѣрія отъ моего хозяина, мнѣ и должно удвоить свое бдѣніе. Что же касается до моего мученія, какъ ты говоришь, то ты очень ошибаешься: я, право, веду жизнь завиднѣе твоей.»

Сказавши это, она съ лаемъ бросилась на волка. Пастухъ, проснувшись отъ лая своего вѣрнаго Трезора, кинулся также на хитраго звѣря, и соединенными силами они прогнали льстеца.

## 164. Воронёнокъ.

Орель изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ и выхватилъ ягнѣнка; а воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ. Взаманило это вороненка, да только думаетъ онъ такъ: «ужь братъ, такъ братъ, а то и когти что марать! бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты. Ну, только лѣ въ стадѣ что ягнята? Вотъ я какъ захочу, да налечу, такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!»

Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ, окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ: изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ барана, да какого? прежирнаго, прематерого, который доброму бѣ и волку былъ въ подъемъ. Изладясь, на него спустился, и въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился. Тогда-то онъ узналъ, что добыча не по немъ; что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ тулупъ такой былъ прекосматый, густой, всклокоченный, хохлатый, что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ затѣйникъ нашъ крылатый, и кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.

Съ барана пастухи его чинненько сняли; а чтобы онъ не могъ летать, ему всѣ крылья окарнали, и дѣтямъ отдали играть.

*Крыловъ.*

\* 165. Старый волкъ.

1.

Злой волкъ, состарѣвшись, вздумалъ помириться съ пастухами. И пошёлъ онъ къ пастуху, жившему ближе другихъ къ его логовищу.

«Пастухъ», сказалъ онъ, «ты называешь меня кровожаднымъ разбойникомъ; вѣдь это неправда! Конечно, когда я голоденъ, то бросаюсь на твоихъ овецъ: голодь тягостное чувство! Но защити меня отъ него, только корми меня, и ты будешь мною доволенъ. Я самое мирное и кроткое животное, когда сытъ.»

— Когда ты сытъ, можетъ быть, отвѣчалъ пастухъ. Но когда же ты бываешь сытъ? Ты да скупой, вы никогда не бываете сыты. Убирайся прочь!

2.

Пошёлъ волкъ къ другому пастуху. «Ты знаешь, пастухъ», сказалъ онъ, «что въ продолженіе года я могу удушить у тебя не мало овецъ. Согласись давать мнѣ въ годъ по шести овецъ: я буду доволенъ, и тебѣ можно будетъ спокойно спать и не держать собакъ.»

— Шесть овецъ? сказалъ пастухъ. Да это цѣлое стадо!

«Ну, для тебя я удовольствуюсь пятью», возразилъ волкъ.

— Ты шутишь: пять овецъ! легко сказать.

«И четырёхъ не дашь?» спросилъ опять волкъ.

Пастухъ насмѣшливо покачалъ головой.

«Трёхъ?—двухъ?...»

— Ни одной! перебилъ его наконецъ пастухъ; глупо платить дань неприятелю, когда можно обезопасить себя отъ него бдительностію.

3.

Волкъ пошёлъ къ третьему пастуху.

«Мнѣ очень прискорбно видѣть», сказалъ онъ, «что пастухи считаютъ меня самымъ злымъ и безсовѣстнымъ животнымъ. Я тебѣ сейчасъ докажу, какъ вы всѣ несправедливы ко мнѣ. Да-

вай мнѣ каждый годъ только по одной овцѣ, и твоему стаду можно будетъ свободно пастись въ томъ лѣсу, въ которомъ только я и опасенъ. Одну овечку! суцая бездѣлица! можноль быть великодушнѣе и безкорыстнѣе? Ты смѣешься, пастухъ? Чему же ты смѣешься?»

— Такъ, ничему. Но сколько тебѣ лѣтъ, пріятель? спросилъ пастухъ.

«А тебѣ что за дѣло до моихъ лѣтъ? Всѣ-таки я въ силахъ еще удушить любого изъ твоихъ ягнятъ.»

— Не сердись, старина! Мнѣ очень жаль, что ты не сдѣлалъ мнѣ этого предложенія нѣсколькими годами раньше. Твои притупленные зубы измѣняютъ тебѣ. Ты прикидываешься безкорыстнымъ, чтобы только легче и вѣрнѣе прокормить себя.

4.

Волкъ разсердился, но скоро опомнился и пошелъ къ четвертому пастуху, у котораго только что околѣла его вѣрная собака.

«Пастухъ», сказалъ волкъ, «я поссорился съ лѣсными братьями моими, и такъ поссорился, что никогда не помирюсь съ ними. Тебѣ извѣстно, какъ они опасны. Но тебѣ стоитъ только взять меня въ услуженіе на мѣсто твоей умершей собаки, и я тебѣ ручаюсь, что ни одинъ изъ нихъ даже изкоса не посмотритъ на твоихъ овецъ.»

— Ты будешь защищать ихъ отъ твоей лѣсной братіи?

«Ну да, конечно.»

— Это было бы не худо! Но скажи-ка мнѣ: когда я представлю тебя къ стаду, кто будетъ защищать моихъ бѣдныхъ овечекъ отъ тебя самого? Взять вора въ домъ, чтобъ обезопасить себя отъ стороннихъ воровъ, — да это мы, люди, считаемъ...

— «А!» сказалъ волкъ, «ты начинаешь умничать. Прощай!»

5.

«О, еслибъ я не былъ такъ старъ!» пробормоталъ сквозь зубы волкъ. «Но надобно покориться неизбѣжнымъ обстоятельствамъ!» И онъ пошелъ къ пятому пастуху.

«Знаешь ли ты меня, пастухъ?» спросилъ волкъ.

— Если не тебя лично, то по крайней мѣрѣ знаю тебѣ подобныхъ, отвѣчалъ пастухъ.

«Мнѣ подобныхъ? Сомнительно. Я совершенно особенный волкъ, и заслуживаю быть въ дружбѣ не только съ тобою, но и со всѣми пастухами.»

— Что же въ тебѣ особеннаго?

«Я не могу ни съѣсть, ни удушить ни одной овцы. Я питаюсь только мѣртвыми овцами. Не похвально ли это? Позволь же мнѣ приходить иногда освѣдомляться, нѣтъ ли у тебя...»

— Замолчи лучше! сказалъ пастухъ. Волка, который ѣстъ мѣртвыхъ овецъ, голодъ скоро научить считать больную овцу за мѣртвую, а здоровую за больную. Не надѣйся на мою дружбу, и иди прочь!

6.

«Чтобъ достигнуть своей цѣли, рискну теперь тѣмъ, что для меня всего дороже», подумалъ волкъ, и пошелъ къ шестому пастуху.

«Пастухъ, нравится ли тебѣ моя шкура?» спросилъ волкъ.

— Твоя шкура? сказалъ пастухъ. Посмотримъ!... Хороша; видно, собаки не часто теребили её.

«Послушай же, пастухъ: я старъ и скоро не буду имѣть нужды въ ней. Корми меня до моей смерти, и я тебѣ откажу мою шкуру.»

— Вотъ что! сказалъ пастухъ. И ты прибѣгаешь къ уловкамъ старыхъ скрягъ?... Нѣтъ, этакъ твоя шкура обойдется мнѣ очень дорого. Если же тебѣ такъ хочется сдѣлать мнѣ подарокъ, то давай мнѣ её сейчасъ.

Съ этими словами пастухъ схватилъ дубину, и волкъ умчался.

7.

«О, немилосердые!» вопилъ волкъ въ крайней ярости. «Такъ умру же я ихъ врагомъ, прежде чѣмъ уморить меня голодъ; сами они хотятъ этого!»

Онъ побѣжалъ, ворвался въ жилища пастуховъ, разметалъ дѣтей ихъ, и не безъ труда былъ убитъ пастухами.

Тогда разсудительнѣйшій изъ пастуховъ сказалъ:

— Худо мы сдѣлали, что довели стараго вора до крайности и отняли у него всё средства къ исправленію, хотя позднему и невольному!

## Д. ЛѢСЬ.

### 166. Лѣса.

Въ лѣсахъ пробуждается жизнь — весеннее солнышко освѣщаетъ ихъ. Кажется, будто тихіе вѣтерки западные говорятъ имъ: «распустите ваши листики, распустите ваши листики», и потому цѣлуютъ и снова цѣлуютъ ихъ.

Почки сіяютъ на солнышкѣ, и жаръ лучей расплавляетъ смолу, которая такъ долго защищала нѣжные отрпыски ихъ отъ стужи. Листья распускаются, и лѣса зеленѣютъ.

Вотъ опять съ ними происходитъ перемѣна — они въ полномъ блескѣ лѣтней красоты: всё листики развернулись; птички укрываются подъ ними, и густая тѣнь ложится отъ деревьевъ; цвѣты развертываются, и вѣтки колышутся отъ южнаго вѣтерка.

Но вотъ все уже вянетъ. Клёнъ побагровѣлъ, ольха пожелтѣла. Рожи вдали кажутся бронзовыми, и свѣтъ осенняго солнца пестритъ ихъ.

Листья падаютъ одинъ за другимъ; мохъ покрываетъ косматые корни; поля блекнутъ, и въ умирающемъ лѣсѣ поднимаются грибы, какъ жизнь въ царствѣ смерти.

Вотъ является острый топоръ: и какъ прежде листья падали, такъ теперь упадаютъ самыя деревья; они лежатъ, будто мертвыя тѣла, разбросанныя на полѣ сраженія.

Но настанетъ весна — и опять все зазеленѣетъ, и птички запоютъ, и пчелки зажужжатъ, и мошки начнутъ играть между деревьями, опять вездѣ будетъ жизнь и радость.

Такъ и мы вырастаемъ и цвѣтемъ, увядаемъ и падаемъ. Деревья — эмблема жизни и смерти нашей; они своимъ примѣромъ научаютъ насъ, что и для насъ нѣкогда настанетъ новая весна.

167. Дремучій лѣсъ.

Что дремучій лѣсъ призадумался? Грустью темною затуманился? Что Бова силачъ заколдованный, съ непокрытою головою въ бою, ты стоишь—понижъ, и не ратуешь съ мимолетною тучей-бурею? Густолиственный твой зеленый шлемъ буйный вихрь сорвалъ—и развѣялъ въ прахъ. Плащъ упалъ къ ногамъ и рассыпался... Ты стоишь—понижъ, и не ратуешь.

Гдѣжь дѣвалася рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская? У тебяжь, было, въ ночь безмолвную заливная пѣснь соловьиная... У тебяжь, было, дни — роскошество, другъ и недругъ твой прохлаждаются... У тебяжь, было, поздно вечеромъ грозно съ бурею разговоръ поидеть—распахнетъ она тучу черную, обойметъ тебя вѣтромъ-холодомъ, и ты молвишь ей шумнымъ голосомъ: «вороти назадъ, держи около!» Закружить она, разыграется, дрогнетъ грудь твою, зашатаешься — вострепенувшиися, разбушуешься: только свистъ кругомъ, голоса и гулъ... Буря всплachtetся лѣшимъ, вѣдьмою, и несетъ свои тучи за море.

Гдѣжь теперь твоя мочь зеленая? Почернѣлъ ты весь, затуманился; одичалъ, замолкъ—только въ непогодъ воешь жалобу на безвременье... Такъ-то, темный лѣсъ, богатырь Бова! ты всю жизнь свою маялъ битвами. Не осилили тебя сильные, такъ дорѣзала осень черная. Знать, во время сна, къ безоружному силы вражя понахлынули; съ богатырскихъ плечъ сняли голову—не большой горой, а соломенкой...

*Кольцовъ.*

**Загадка.**

Лѣтомъ въ шубѣ, зимой въ шабурѣ.

168. Природа до и послѣ дождя.

Долго отраднй дождь не спадалъ: травы поблекли, душно въ лѣсахъ; сгибли цвѣточки, колосья золотые въ поляхъ лежать. Вдругъ благодатный дождикъ отраднй съ небамъ упалъ. Все оживилось, все разцвѣло; въ рощахъ прохладно, въ поляхъ опять колосья желтѣютъ, травы, цвѣточки веселы стали; небо свѣтлѣе, лѣсъ ароматнѣй, воздухъ прятнѣй, птички запѣли.

169. Пейзажъ.

Люблю дорожкой лѣсною, не зная самъ куда, брести; двойной глубокой колеєю идешь—и нѣтъ конца пути... Кругомъ нестрѣтъ лѣсъ зеленый. Уже румянить осень клѣны, а ельникъ зеленъ и тѣнистъ; осинникъ желтый бѣсть тревогу; осыпался съ березы листь, и какъ коверъ устлалъ дорогу... Идешь, какъ будто по водамъ — нога шумить... а ухо внемлетъ малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ, гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ, а красныхъ мухоморовъ рядъ, какъ карлы сказочные спятъ...

Ужъ солнца лучъ ложится косо... вдали проглянула рѣка... на тряской мельницѣ колеса уже шумятъ издалека...

Вотъ на дорогу вывѣзжаетъ тяжелый возъ,—то промелькнетъ на солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ... И крикомъ клячѣ помогаетъ старикъ, а на возу дитя, и дѣда страхомъ тѣшитъ внучка; а хвостъ пушистый опусти, вокругъ съ лаемъ суетится Жучка, и звонко въ сумракѣ лѣсномъ веселый лай идетъ кругомъ.

А. Майковъ.

170. Цвѣтокъ.

Природы милое творенье, цвѣтокъ, долины украшенье, на мигъ взлелѣванный весной, безвѣстенъ ты въ степи глухой! Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь, росой заискрысь, пламенѣешь, и дышишь чѣмъ-то какъ живымъ, благоуханнымъ и святымъ? Ты для кого въ степи широкой, ты для кого отъ селъ далеко? Не для крылатыхъ ли друзей, поющихъ въ воздухѣ степей? Для нихъ ли въ роскоши, семьями, румяной ягодою, цвѣтами и обаяньемъ для души, вы, травы, зрѣете въ тиши?

Кольцовъ.

171. Вечеръ въ лѣсу.

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ; пожаръ зари надъ нимъ краснѣетъ; во влажной почвѣ листь сухой безъ звука тонетъ подъ ногой. Недвижны сосны; сонъ ихъ чудный такъ полонъ грезъ. Едва, едва примѣтна неба синева сквозь вѣтви. Сѣтью

изумрудной покрыла цѣпкая трава сухое дерево. Грозою оно на землю свалено и до корней обожжено. Тропинка черной половою лежитъ въ травѣ. По сторонамъ грибы бѣлѣютъ, тутъ и тамъ.

Порою вѣтеръ шаловливый разбудитъ листья, слышенъ шумъ, и вдругъ все стихнетъ — и на умъ приходятъ сказочныя дивы. Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ, и мнится, видишь яркій блескъ двухъ яркихъ глазъ... одно мгновенье — и все пропало.

Вотъ рѣка. Въ зеленой рамѣ лозняка ея спокойное теченье такъ полно силы. Въ челноки собрали сѣти рыбаки, плывутъ, струи бѣгутъ отъ весель; угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ, мостъ подъ тѣлгами дрожить, и скрипъ колесъ и стукъ копытъ тревожатъ цаплю, и пугливо она летитъ изъ подъ куста. Веселый шумъ и суета на мельницѣ. Нетерпѣливо вода сердитая реветъ, мелькаетъ жерновъ торопливо...

*Никитинъ.*

## 172. Дерево.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ, — «голубчикъ», деревцо сказало молодое, «пожалуй, вырубь вокругъ меня ты лѣсъ; я не могу расти въ покоѣ: ни солнца мнѣ не видѣнъ свѣтъ, ни для корней моихъ простора нѣтъ, ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы; такіе надо мной онъ сплестъ изволитъ своды! Когдабъ не отъ него расти помѣха мнѣ, я въ годъ бы сдѣлалось красою сей странѣ, и тѣню бы моей покрылась вся долина; а нынѣ тонко я, почти какъ хворостина». Взялся крестьянинъ за топоръ, и дереву, какъ другу, онъ оказалъ услугу: вокругъ деревца большой очистился просторъ; но торжество его не долго было! То солнцемъ дерево печетъ, то градомъ, то дождемъ сѣчетъ, и вѣтромъ наконецъ то деревцо сломило. — «Безумное», ему сказала тутъ змѣя: «не отъ тебя ль бѣда твоя? Когдабъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало, тебѣбъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли; тебя бы старыя деревья берегли. А еслибъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало, и время ихъ бы отошло: тогда, въ свою чреду, ты столькобъ возрасло, усилилось и укрѣпилось, что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось, и бурю, можетъ быть, тыбъ выдержать могло!»

*Крыловъ.*



**Загадка.** Что веселит весной, а летом прохлаждает, питает осенью, зимою согревает?

### 173. Вырубка лѣса.

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели красные грозды калины глядѣли; тамъ поднимался дубокъ молодой... Птицы парили въ вершинѣ лѣсной, по низу всякіе звѣри таились...

Вдругъ мужики съ топорами явились—лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ... Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ; въ темную нору забилась лисица, машетъ крыломъ осторожище птица, въ недоумѣннѣ тащатъ муравьи что ни попало въ жилища свои...

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился: словно подкошенъ, осинникъ валился; съ трескомъ ломали сухой березнякъ, корчили съ корнемъ упорный дубнякъ; старую сосну сперва подрубили, послѣ арканомъ ее нагибали и, поваливши, плясали на ней, чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй... Много тутъ было печальныхъ картинъ: стономъ стонали верхушки осинъ, изъ перерубленной старой березы градомъ лилися прощальныя слезы и пропадали одна за другой данью послѣдней на почвѣ родной....

Кончились поздно труды роковыя. Вышли на небо свѣтила ночныя, и надъ поверженнымъ лѣсомъ луна остановилась кругла и ясна: трупы деревьевъ недвижно лежали; сучья ломались, скрипѣли, трещали; трепетно листья шумѣли кругомъ, — тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ, жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ; низко летали, вились колесомъ совы, шарахаясь о-земь крыломъ; звонко кукушка вдали куковала, да, какъ безумная, галка кричала, шумно летая надъ лѣсомъ... но ей не отыскать неразумныхъ дѣтей...

*Н. Некрасовъ.*

### \* 174. Жаворонокъ.

На солнцѣ тѣмный лѣсъ зардѣлъ, въ долинѣ паръ бѣлѣтъ тонкій, и пѣсню раннюю запѣлъ въ лазури жаворонокъ

кій. Онъ голосисто съ вышины поётъ, на солнышкѣ сверкая: весна пришла къ намъ молодая, и здѣсь пою приходъ весны; здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно, такъ безпредѣльно, такъ воздушно; весь Божій міръ здѣсь вижу я, и славить Бога пѣснь моя.

### 175. Оспротѣлая птичка.

Въ полѣ тихо; чуть-чуть вѣетъ перелетный вѣтерокъ; тѣнь полночная рѣдѣетъ; золотитъ заря востокъ. Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся; звѣзды гаснутъ въ небесахъ; надъ рѣкой туманъ стустился; роса блещетъ на лугахъ. Съ вѣтки бабочка слетѣла, къ верху рѣзвая взвилась; въ рошѣ птичка ужъ запѣла, заря ярче занялась. Будто огненной рѣкою разлилась она, — и вотъ за той пышною зарею солнце ясное встаетъ. Встрепенулись, запорхали тучи рѣзвыхъ мотыльковъ; они по полю летали, пили свѣжій сокъ цвѣтовъ. Къ верху жавронки взвивались выше, выше къ облакамъ; хоры птичекъ раздавались въ звучной рошѣ по кустамъ. Все какъ будто оживилось: солнце радость льетъ въ сердца; вся природа веселилась; слава дивнаго Творца. Пѣло все, не умолкая, солнце яснаго восходъ; лишь синичка молодая одна въ рошѣ не поётъ.

Чтожъ на вѣткѣ такъ уныло, птичка милая, сидишь? Вотъ ужъ утро наступило, всѣ поютъ, а ты молчишь?

«Прежде пѣла я, бывало», птичка молвила въ отвѣтъ, «въ рошѣ первая встрѣчала свѣжій утренній разсвѣтъ. Трехъ малютокъ я родною тогда матерью была; имъ заботливо весною въ рошѣ гнѣздышко свила; свѣжій кормъ для нихъ собирала; днемъ я пѣсни пѣла имъ, въ ночь малютокъ согрѣвала я подъ крылышкомъ моимъ. Сладко въ гнѣздышкѣ мы спали, и бывало безъ заботъ утромъ радостно встрѣчали солнца яснаго восходъ. Ахъ, жестоко сердце злое! Есть ли жалость у людей!.. Мое гнѣздышко родное кто-то взялъ съ семьей моей! Съ той поры я все тоскую, съ той поры моя печаль: жаль семью мою родную, мнѣ малютокъ моихъ жаль!»

### 176. Кукушка.

«Послушайте меня, я не совру!» кукушка говорила пти-

цамъ: чижамаъ, щеглятамъ и синицамаъ: «была я далеко, въ большомъ, густомъ бору; тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала, какъ соловей поетъ. Ужь не по нашему! Я хороше пѣвала, да все не то... такъ сердце и замретъ отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ, а тамъ зацелкаетъ, иль тихо пустить трель; забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ. Ну что противъ него свирѣль? Дивилась право я, дивилась... однако же не потоау: по соловьиному и я пѣть научилась. Для васъ, извольте, пропою точнѣхонько, какъ онъ... хотите?»

— Пропой, послушаемаъ.  
«Чуръ, не шумѣть, молчите! Вотъ выше сяду на суку. Ну, слушайтеже теперъ: куку, куку, куку!»

*Измайловъ.*

### 177. Скворецъ и кукушка.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ, на волю улетѣлъ. Къ нему съ вопросами кукушка приступила и говорила:

«Скажи, пожалуй, мнѣ, что слышалъ ты объ насъ, и городу каковъ нашъ голосъ показался? Я думаю, что вѣдь не разъ объ этомъ разговоръ случался. О соловѣѣ какаа рѣчь идетъ?»

— На похвалу его и словъ не достааетъ.

«О жаворонкѣ чтожъ?» кукушка повторяетъ.

— Весь городъ и его не мало похваляетъ.

«А о дроздѣ?»

— Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ.

«Позволишь ли ты мнѣ», кукушка продолжала, «тебя еще однимъ вопросомъ затрудить, и обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты, спросить: весьмабы я знать о томъ желала, и я такъ пѣвала.»

— А про тебя, когда всю истину сказать, нигдѣ ни слова не слышать.

«Добро!» кукушка тутъ сказала: «такъ стану же я всѣмъ за это зло платить, и о себѣ сама все буду говорить.»

*Хемницеръ.*

178. Думы.

Выкопалъ мужикъ яму въ лѣсу, и прикрылъ ее хворостомъ: не попадется ли какого звѣря. Бѣжала лѣсомъ лисица. Заглядѣлась по верхамъ—бухъ въ яму!—Летѣлъ журавль. Спустился корму поискать, завязилъ ноги въ хворостъ; сталъ выбиваться—бухъ въ яму!

И лисѣ горе, и журавлю горе; не знаютъ, что дѣлать, какъ изъ ямы выбраться. Лиса изъ угла въ уголь мечется, — пыль по ямѣ столбомъ; а журавль одну ногу поджалъ и ни съ мѣста, и все передъ собой землю клюетъ. Думаютъ оба, какъ бы бѣдѣ помочь. Лиса побѣгаетъ, побѣгаетъ, да и скажетъ: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» Журавль поклюетъ, поклюетъ, да и скажетъ: «а у меня одна дума!» И опять примутся—лиса бѣгать, а журавль клевать. «Экой, думаетъ лиса, глупый этотъ журавль! что онъ все землю клюетъ? Того и не знаетъ, что земля толстая и насквозь ее не проклюешь.» А сама все кружить по ямѣ, да говорить: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» А журавль все передъ собой клюетъ, да говорить: «а у меня одна дума!»

Пошелъ мужикъ посмотрѣть, не попалось ли кого въ яму. Какъ слышала лиса, что идутъ, принялась еще пуще изъ угла въ уголь метаться, и все только и говорить: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» А журавль совсѣмъ смолкъ и клевать пересталъ. Глядитъ лиса—свалился онъ, ножки протянулъ и не дышетъ: умеръ съ перепугу, сердечный! Приподнялъ мужикъ хворостъ, видитъ — попались въ яму лиса да журавль: лиса юлитъ по ямѣ, а журавль лежитъ, не шелохнется. «Ахъ ты — говорить мужикъ — подлая лисица! Заѣла ты у меня этакую птицу!» Вытащилъ журавля за ноги изъ ямы, пощупалъ его — совсѣмъ еще теплый журавль; еще пуще сталъ лису бранить. А лиса-то бѣгаетъ по ямѣ, не знаетъ, за какую думушку ей ухватиться: тысяча, тысяча думушекъ!

«Погодижь ты!» говоритъ мужикъ: «я тебѣ помну бока за журавля!» Положилъ птицу подлѣ ямы, да къ лисѣ. Только что онъ отвернулся, журавль какъ расправилъ крылья, да какъ закричитъ: «у меня одна дума была!» только его и видѣли. А лиса со своей тысячью, тысячью думушекъ попала на воротникъ къ шубѣ.

### 179. Ворона и лисица.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру; на ель ворона взгромоздись, позавтракать было совѣтъ ужъ собралась, да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду лиса близехонько бѣжала; вдругъ сырннй духъ лису остановилъ: лисица видитъ сыръ,—лисицу сыръ плѣнилъ. Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ, вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводить, и говоритъ такъ сладко, чуть дыша: «голубушка, какъ хороша! Ну что за шейга, что за глазки! рассказывать, такъ право сказки! Какія перушки! какой носокъ! и вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ! Спой, свѣтигъ, не стыдись! Что ежели, сестрица, при красотѣ такой и пѣть ты мастерица, вѣдь тыбъ у насъ была царь-птица!»

Вѣщуньяина съ похвалъ вскружилась голова, отъ радости въ зобу дыханье сперло—и на привѣтливъ лисицыны слова ворона каркнула во все воронье горло: сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

*Крыловъ.*

### 180. Чижъ и ежъ.

Уединеніе любя, чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя, не для того чтобы похвалъ ему хотѣлось, и не за что; такъ какъ-то пѣлось.

Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей, Фебъ лучезарный изъ морей поднялся. Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему, и въ срѣтенье ему хоръ громкихъ соловьевъ въ глухихъ лѣсахъ раздался. Мой чижъ замолкъ.

— «Ты чтожъ», спросилъ его съ насмѣшкой ежъ, «приятель, не поешь?»

— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю, чтобъ Феба и достойно величалъ», сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ: «а слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.»

*Крыловъ.*

### 181. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ; волкъ, ѣвши, никогда ко-

стей не разбираетъ. За то на одного изъ нихъ пришла бѣда: онъ костью чуть не подавился. Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть; пришло хотъ ноги протянуть. По счастью близко тутъ журавль случился. Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить, и просить горю пособить.

Журавль свой носъ по шею засунулъ волку въ пасть, и съ трудностью большею кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.

— «Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный: «тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный! А это ничего, что свой ты долгій носъ и съ глупой головой изъ горла цѣль унесъ! Подижь, приятель, убирайся, да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!»

*Крыловъ.*

## 182. Лиса и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!»

Идетъ журавль на званный пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по таралкѣ. Подала и подчиваетъ: «покушай, мой голубчикъ куманекъ! сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ, стучалъ, ничего не попадаетъ! А лисица въ это время лижетъ себѣ, да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: «не осуди, любезный кумъ, больше подчивать нечѣмъ.» — «Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости.»

На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ подчивать.» Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина: и такъ зайдетъ и этакъ, и лизнетъ его и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ, да клюетъ, пока все съѣлъ. «Ну, не осуди, кума, больше угощать нечѣмъ!» Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлѣбала.

Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ—врозь.

**\* 183. Лиса и тетеревъ.**

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была.»

— Бу-бу-бу! была, такъ была.

«Терентій, Терентій! я указъ добыла.»

— Бу-бу-бу! добыла, такъ добыла.

«Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревьямъ, а всё бы гулять по зеленымъ лугамъ.»

— Бу-бу-бу! гулять, такъ гулять.

«Терентій, кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица, услышавъ конскій топотъ и собачій лай.

— Мужикъ.

«Кто за нимъ бѣжитъ?»

— Жеребёнокъ.

«Какъ у него хвостъ-то.»

— Крючкомъ.

«Ну, такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.»

**184. Волкъ и лисица.**

«Конечно, я не безъ грѣховъ», лисѣ волкъ говоритъ: «а право, изъ волковъ едва ли гдѣ найдешь другого, который бы, какъ я, великодушенъ былъ. Представь: ягненокъ разъ въ глаза меня бранилъ! не тронулъ я его, не молвилъ даже слова. Объ этомъ вотъ никто не скажетъ никогда. А еслибъ слышала, кума, какъ онъ бранился...»

— Да помню: это вѣдь случилось тогда, какъ костью, кумъ, ты подавился.

*Измайловъ.*

**185. Медвѣдъ плясунъ.**

Плясать медвѣдя научили, и долго на цѣпи водили; однако

какъ-то онъ ушелъ и въ родину назадъ пришелъ. Медвѣди земляка лишь только что узнали, всёмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали; и лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ, что всякъ другъ другу говорилъ: «вѣдь Мишка къ намъ опять явился». Откуда кто пустился, и къ Мишкѣ безъ души медвѣди всё бѣгутъ. Другъ передъ другомъ Мишку тутъ встрѣчаютъ, поздравляютъ, цѣлуютъ, обнимаютъ; не знаютъ съ радости, что съ Мишкою начать, чѣмъ угостить и какъ принять. Гдѣ! развѣ торжество такое, какое ни рассказать, ни описать! И Мишку всё кругомъ обстали. Потомъ просить всё Мишку стали, чтобъ похождение онъ свое имъ рассказалъ. Тутъ все, что только Мишка зналъ, рассказывать имъ сталъ; и между прочимъ показалъ, какъ на цѣпи плясалъ.

Медвѣди плясуна искусство всё хвалили, дивились, превозносили, и каждый силу всю свою употреблялъ, чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ. Однако сколько ни старались, и сколько всё ни умудрялись, и сколько ни кривлялись, не только чтобъ плясать, насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы встать. Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о землю хватился, когда плясать было пустился; а Мишка, видя то, и вдвое умудрился, и зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто. Тогда на Мишку окрикъ всё: «прочь, прочь отсель сейчасъ! скотина этака, умнѣй быть хочешь насъ!» И всё на Мишку нападали, нигдѣ проходу не давали; и столько Мишку стали гнать, что Мишка принужденъ бѣжать.

*Хемницеръ.*

### 186. Левъ состарѣвшійся.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ, постигнуть старостью, лишился силы: нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ, чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ, и самого едва та-скають ноги хилы. А что всего больнѣй, не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей, но всякъ, за старыя обиды льва въ отмщенье, наперерывъ ему наноситъ оскорбленье: то гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ, то зубомъ волкъ рванетъ, то острымъ рогомъ волъ боднетъ. Левъ бѣдный въ горѣ столь великомъ, сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой, лишь изъясняя роцотъ свой глухимъ и томнымъ рыкомъ. Какъ



видить, что осель туда-жъ, натужа грудь, собирается его лягнуть, и смотритъ мѣсто лишь, гдѣ-бъ было побольше. «О, боги!» возопилъ, стелая, левъ тогда, «чтобъ не дожить до этого стыда, пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе! какъ смерть моя ни зла: все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.»

*Крыловъ.*

### 187. Лисица и осель.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?» лисица, встрѣтятся съ осломъ, его спросила.

— «Сейчасъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила: бывало зарычить, такъ стонеть лѣсъ кругомъ, и я безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого уroda; а нынѣ въ старости и дряхлѣ и хилѣ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь ли, въ звѣряхъ пропалъ къ нему весь прежній страхъ; и заплатился онъ старинными долгами! Кто мимо льва ни шель, всякъ вымещалъ ему по своему: кто зубомъ, кто рогами...»

— «Но ты коснуться льва конечно не дерзнулъ?» лиса осла перерываетъ.

— «Вотъ-на!» осель ей отвѣчаетъ: «а мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ: пускай ослиныя копыты знаютъ!»

*Крыловъ.*

### 188. Разсказъ мышѣнка о помощи льву.

Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ бѣгало по полю въ запуски; я, какъ шальной раззадорясь, вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной гривѣ запутался. Левъ проснулся, и лапой огромной стиснулъ меня: я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка. Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ подъ лапы: «левъ государь», ему я сказалъ, «мнѣ и въ мысль не входило милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровень часъ, самъ я тебѣ пригожуся.» Левъ улыбнулся (конечно онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: «ты, вижу, забавникъ, льву услужить ты задумалъ,—добро! мы посмотримъ, какую милость окажешь

ты намъ? Ступай.» Тогда онъ раздвинулъ лапу, а я давай Богъ ноги.)

Но вотъ что случилось: дня не прошло, какъ всё мы испуганы были въ подпольяхъ нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури, вся сторона; я не струсиль; выбѣжалъ въ поле, и что же въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ, мечется, бьется какъ бѣшенный; кровью глаза налилися; лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; но было все то напрасно, лишь болѣ себя онъ запутывалъ. «Видишь, левъ государь,» сказала я ему: «что и я пригодился. Будь спокоенъ, въ минуту тебя избавимъ.» И тотчасъ созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать зубомъ; узлы перегрызли тенеть, и левъ распутлялся. Важно кивнувъ головою косматою и насъ допустивши къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ сильнымъ хвостомъ по бедрамъ, и въ три прыжка очутился въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропалъ.

*Жуковский.*

### 189. Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья, и говорить ему: «послушай-ка, дружище! ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище: хотѣлъ бы очень я самъ посудить, твое услышавъ пѣнье, велико-ль подлинно твое умѣнье?»

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ: защёлкалъ, зашвисталъ на тысячу ладовъ, тянулъ, переливался; то нѣжно онъ ослабѣвалъ и томной вдалекѣ свирѣлью отдавался, то мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался. Внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры; затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада. Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался, и только иногда, видя соловья, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ, «изрядно!» говорить: «сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ: еще-бы ты болѣ наострился, когда бы у него немножко поучился.» Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

*Крыловъ.*

190. Волкъ, лошадь, собака, лиса и мужикъ.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шёлъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшокъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «сдѣлай милость, мужичокъ, скорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонять.» Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они. — Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что, ушли мой злодѣи?» спросилъ бирюкъ. — Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю.» Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ! — Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣлито плохо, и говоритъ: «ну коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего—съѣшь меня!»

Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая лошадь. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» и рассказалъ ей все, что было. Лошадь подумала, подумала и сказала:—я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла, лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается! «Видишь, моя правда», молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это.

Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала, подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала лаять — онъ прогналъ меня съ двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль

забывается!»—Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь.

Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ, эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ, и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: «а ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала; «да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. Ну-ка, мужичокъ, какъ ты хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «старая хлѣбъ-соль забывается!»

### \* 191. Пустынникъ и медвѣдь.

Пустынникъ, вскормивъ медвѣдя, такъ обучилъ его, что не нуждался больше въ услугахъ людей. Медвѣдь ловилъ ему дичь, носилъ дрова, стерѣгъ хижину и провожалъ его повсюду, не хуже иной собаки. Однажды, въ жаркій лѣтній день, пустынникъ спалъ на травѣ, подъ тѣнью гостого дерева. Подлѣ него сидѣлъ медвѣдь и отгонялъ мухъ, которыя, летая роемъ вокругъ старика, не давали ему покоя. Особенно же надоѣдала ему одна муха. Ужъ нѣсколько разъ медвѣдь прогонялъ её, но она всё возвращалась и, садясь пустыннику то на ухо, то на щеку, кусала его; наконецъ она сѣла ему на самую середину лба. Тутъ медвѣдь не могъ ужъ больше вытерпѣть и вскричалъ сердито: «постой-ка ты, неотвязчивая! вотъ я тебѣ покажу, что значить беспокоить моего господина!» При этихъ словахъ онъ нагнулся и, поднявъ большой камень, бросилъ его такъ ловко пустыннику въ лобъ, что не только убилъ муху, но и раздробилъ черепъ пустыннику.

Басня эта показываетъ намъ, какъ опасно связываться съ

глупцами и требовать отъ нихъ услугъ. Вѣдь не даромъ же говорить пословица, что «услужливый дуракъ опаснѣе врага.»

## 192. Извилистыя тропинки.

«Скажите мнѣ, папаша, отчего такъ извилисты почти всѣ тропинки, которыя здѣсь проложены?» говорилъ сынъ отцу, гуляя съ нимъ по горамъ: «мнѣ кажется, что прямая дорога самая короткая.—А вотъ я объясню тебѣ, отвѣчалъ отецъ: одни вытоптали дорогу для удобства, изъ лѣности, желая обойти камень, ровъ или пригорокъ; другіе дѣлали это, не подумавъ, и шли то вправо, то влѣво,—и этихъ было гораздо больше; остальные пошли по ихъ слѣдамъ. Такъ привыкли поступать люди и въ жизни, стремясь по пути къ счастью: одни, не желая трудомъ и постоянствомъ преодолѣть препятствія, лежащія на прямой дорогѣ, стараются обойти ихъ и идутъ извилистыми дорожками; другіе—неразсудительные, идутъ, куда глаза глядятъ, и сбиваются съ прямой дороги.

## \* 193. Кому кукушка куковала.

Въ одно прекрасное майское утро Григорій и Михайла гуляли вмѣстѣ и, проходя черезъ рощу, услышали въ первый разъ пѣніе кукушки. «Кукушка хорошая предвѣстница», сказалъ суетливый Григорій: «крикъ ея предвѣщаетъ мнѣ что нибудь счастливое, по крайней мѣрѣ полный кошелёкъ денегъ.» — «Отчего же тебѣ?» возразилъ Михайла, который былъ не умнѣе Григорія: «не знаю, для чего бы кукушкѣ предвѣщать счастье одному тебѣ? Я постарше и повиднѣе тебя, и увѣренъ, что она мнѣ предвѣщаетъ счастье.» Вмѣсто того чтобъ любоваться прекраснымъ утромъ, они заспорили и побранились; за бранью послѣдовали удары, и наконецъ два крестьянина разстались, оба избитые и въ сердцахъ другъ на друга. Противники встрѣтились у лекаря; и пока онъ перевязывалъ имъ раны, они рассказывали ему, какъ началась у нихъ ссора, и спрашивали, для кого изъ нихъ пѣла кукушка? Лекарь засмѣялся и сказалъ имъ: «Ахъ, вы простаки! она пѣла не для васъ, а для меня, потому что вы

пришли ко мнѣ лечиться и платить за лекарство; стало бытъ кукушка доставила мнѣ одному прибыль.»

### 194. Не положивъ не пищи.

Приснилось мужику, что въ лѣсу, который называется у насъ заповѣдная кнея, лежитъ кладъ. Не дасть онъ нашему мужику ни спать, ни ѣсть, отбилъ отъ сна, отъ ѣды,—хоть что хочешь дѣлай, а надо искать кладъ. А какъ его искать? гдѣ искать? Лѣсъ великъ; да опять же думаетъ про себя мужикъ: слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него вѣзаться умѣючи. Дай пойду, говорить, къ нашему кузнецу; онъ все знаетъ: и нашептываетъ, и на картахъ гадаетъ,—авось поставитъ голову къ плечамъ, научитъ какъ быть.—Кузнецъ нашъ и точно научилъ; онъ за словомъ въ карманъ не ползаетъ и знаетъ все. «Тебѣ, говорить, надо идти ночью на Ивановъ день въ лѣсъ; либо добудешь тамъ разрывъ-травы, когда папоротникъ разцвѣтетъ передъ разсвѣтомъ, либо самъ придетъ къ тебѣ кладъ, какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, не дремли, не шевелись, сиди смирно: придетъ къ тебѣ кладъ либо лѣшимъ какимъ, либо человѣкомъ, не то волкомъ, и прямо пойдетъ на тебя; ты все сиди, а какъ подойдетъ близко, ты не трусь, ничего не будетъ худого, коли не струсишь, а ударь его въ рожу на отмашь, да примолви: «аминь, аминь, разсыпся!»—онъ тутъ передъ тобой и разсыплется, и загребай. Ну, а мнѣ что же будетъ? смотри, все пополамъ.— «Все пополамъ», сказалъ мужикъ и перекрестился, снявъ шапку, что все пополамъ.

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять, что кто бы ни подошелъ, ничѣмъ не смущайся, а ударь во все плечо на отмашь и вели ему рассыпаться. Мужикъ пошелъ, просидѣлъ до самаго разсвѣта—нѣтъ никого, и кладъ не дается, и разрывъ-трава не цвѣтетъ. Всталъ мужикъ, хочетъ ужъ идти домой—глядь, идетъ кто-то, словно лѣшій, прямо на него. Собрался съ духомъ мужикъ, подпустилъ его, да какъ хватилъ!... а тотъ на него какъ вскинется: «что ты съ просонья одурѣлъ, что ли, аль не видишь? я провѣдать тебя пришелъ.» А это кузнецъ нашъ, проснувшись до свѣта, подумалъ, дай провѣдаю, не дался ли мужику кладъ, такъ что-

бы не обманулъ, а подѣлился; пошелъ, да и съѣлъ такого труха на отмашь, что насилу шею опять выправилъ. За это онъ мужика за космы; тотъ отбиваться отъ него: ты самъ, говорить, велѣлъ на отмашь ударить, кто ни подойдетъ,—я думалъ лѣшій, что ли...

И мужики наши подрались ни свѣтъ, ни заря; клада не нашли, а пришли домой съ подбитыми глазами.

*В. Даль.*

### 195. Смѣлые мальчики.

Недалеко отъ Лугоса, въ Венгріи, два мальчика собирали землянику въ лѣсу на горѣ. Вдругъ что-то зашумѣло надъ головами ихъ, и прежде нежели они успѣли опомниться, какъ огромный орелъ налетѣлъ сверху на одного изъ нихъ и уже захватилъ его острыми когтями, чтобы утащить въ гнѣздо свое. Но дерзость хищника была побѣждена присутствіемъ духа десятилѣтняго мальчика: онъ схватилъ орла за горло и сжалъ его такъ крѣпко, что силы страшной птицы въ одну минуту исчезли, и мальчикъ, уже поднятый на воздухъ, упалъ на землю вмѣстѣ съ врагомъ своимъ. Другой мальчикъ, увидѣвъ это, забывъ страхъ свой и бросился на помощь къ товарищу своему: съ начала кинулъ онъ на птицу свою курточку, а потомъ набѣжалъ на нее самъ, и чрезъ нѣсколько минутъ оба мальчика одержали совершенную побѣду надъ полузадохшимся орломъ. Связавъ ему крылья, они распустили ему горло и съ торжествомъ притащили въ городъ.

### 196. Два друга и медвѣдь.

Два друга, путешествуя вмѣстѣ, встрѣтились съ медвѣдемъ. Увидѣвъ звѣря, одинъ изъ нихъ взлѣзъ на дерево и спрятался тамъ, а другой, будучи оставленъ своимъ товарищемъ, упалъ на землю и притворился мертвымъ; когда же медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ его обнюхивать, то онъ затаилъ дыханіе (ему извѣстно было, что медвѣдь рѣдко трогаетъ мертвыхъ). Медвѣдь въ самомъ дѣлѣ не тронулъ его и вскорѣ удался. Тогда путешественникъ, скрывавшійся на деревѣ, сошелъ внизъ и спросилъ своего друга, что такое медвѣдь шепталъ ему на ухо? —

«Онъ мнѣ совѣтоваль», отвѣчалъ другой путешественникъ, «впередъ никогда не ходить въ дорогу съ такими друзьями, которые покидаютъ насъ въ опасности.»

### 197. У страха глаза велики.

Еврея, который шелъ по крайне нужному, т. е. денежному и торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо идти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ съ боку на дорогу и стоитъ; даже видно, что у него дубинка на плечахъ... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. «Слушай», сказалъ онъ, не тронь меня, я тебя не боюсь; видишь насъ двое.» А самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и поднялъ вровень съ головой.... Разбойникъ молчитъ, ни слова, молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою; но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третей. «Видишь», повторялъ онъ, «ну, видишь? говори же, зачѣмъ ты молчишь—видишь, что насъ трое? Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, такъ пойди прочь и дай намъ пройти....» Но все это не повело ни къ чему: разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стадо свѣтать, и жидъ, у котораго уже колѣни дрожали и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ, и съ нимъ разговаривалъ и страдалъ его шапкой и ермолкой.

В. Даль.



## Е. ВОДЫ.

### 198. Вода.

Все хорошо въ природѣ, но вода — красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ, или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы, и смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большія паденія воды. Если она ската камнями, то гнѣтся узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло,—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственные горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

С. Аксаковъ.

### 199. Сказка о щуцѣ зубастой.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши—всѣ собрались глазѣть на нее, и дивовались такому чуду. И стала щука расти не по днямъ, а по часамъ: что день, то на вершокъ прибавится; и стала она въ Шекснѣ похаживать, да лещей, окуней полавливать: издали увидитъ леща, да и хватъ его зубами, леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась на Шекснѣ! Что дѣлать лещамъ да окунямъ—тошно приходитъ, щука всѣхъ прѣстъ, прикарнаетъ.

Собралась вся мелкая рыбица и стала думу думать, какъ

перевести щуку зубастую. На совѣтъ пришелъ и Ершъ Ершовичъ и сказалъ: «Полноте думать да голову ломать, полноте мозгъ портить! а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всеѣмъ теперъ въ Шекснѣ; щука зубастая проходу не даетъ, всякую рыбу на зубъ беретъ; не житьё намъ въ Шекснѣ, переберемтесь-ка лучше въ мелкія рѣчки жить: въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить припѣваючи.» И поднялись все ерши, леци, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному да Славенку.

Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбакъ удочку въ воду, да ничего не вытащить; когда-нибудь попадется стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ. Вотъ вамъ и вся сказка о щукѣ зубастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шекснѣ, да послѣ и сама не сдобровала. Какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячковъ и попалась на крючокъ. Рыбарь сварилъ изъ нея забубенную ушицу, да тѣмъ, кажись, и заговѣлся.

## 200. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаясь со скаль, цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ (который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ, но силой славился лечебною своею): «Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ, а у тебя всегда множество гостей? Не мудрено, коль мнѣ приходится кто дивиться; къ тебѣ зачѣмъ идутъ?»

— «Лечиться», смиренно прожурчалъ ручей.

*Крыловъ.*

## 201. Рѣчка.

По полю, полю чистому, по бархатнымъ лужкамъ течетъ, струится рѣченька къ безвѣстнымъ бережкамъ. Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза,—всегда свѣтла она; отъ бури лишь поморщится, не зная, что волна... Не рощи, не дубравушки по бережку растутъ; кусты цвѣтовъ лазоревыхъ, любясь въ ней, цвѣтутъ.

А рѣчка извивается по травушкѣ скользитъ, то въ ямкѣ потерается, то снова заблеститъ. Ей убыли невѣдомы, всегда въ

одной красѣ; за прибыль благодарствуетъ небесной лишь росѣ. Но долго ль, долго ль рѣченькѣ катиться по цвѣтамъ? Ждутъ бездны моря свѣтлую въ дали туманной, тамъ. О поле, поле чистое! осиротѣешь ты... и вы, и вы посохнете, лазоревы цвѣты!

*Цыгановъ.*

**Загадка.**

По какой дорогѣ полгода вздять, а полгода ходить?

**202. Болото.**

Я цѣлый часъ болотомъ занялся. Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щепка жѣсткій; тамъ точно прудъ зеленый разлился; лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки, на старый пенъ, торчащій изъ воды, на солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ пушкомъ одѣты тощія цвѣты; надъ ними мошки вьются роємъ цѣлымъ; лишь незабудокъ сочныхъ бирюза кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза, да оживляютъ бѣдный мѣръ болотной порханье бѣлой бабочки залѣтной и хлопоты стрекозокъ голубыхъ вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

*А. Майковъ.*

**Загадка.**

Не море, не земля, корабли не плаваютъ, а ходить нельзя.

**203. Ручей.**

Поселянинъ сидѣлъ у ручья, который протекалъ мимо его луга, и смотрѣлъ на пасущееся свое стадо. Но онъ былъ печаленъ: трава росла скудно, и не могла прокормить его стадо и половину лѣта.

Тутъ подошелъ къ нему сосѣдь, примѣтивъ печальный его видъ и спросилъ о причинѣ тайной его грусти. Поселянинъ рассказалъ о своихъ опасеніяхъ и маломъ доходѣ отъ луга. Но сосѣдь отвѣчалъ: «сдѣлай такъ, какъ я сдѣлалъ съ моимъ лу-

гомъ. Онъ лежитъ при этомъ же ручьѣ, и былъ прежде бесплоденъ и бѣденъ. Я провелъ въ него ручей, и трава стала роститучная и высокая.»

Поселянинъ обрадовался умному совѣту, пошелъ, взялъ помощниковъ, принялся за работу, и они прокопали ручей.

Но ручей такъ наводнилъ лугъ, что онъ сдѣлался подобенъ озеру и покрылъ его пескомъ и камнями. Несчастный поселянинъ рвалъ на себѣ волосы, побѣждалъ къ сосѣду и жестоко бранилъ его за совѣтъ.

Но тотъ отвѣчалъ: «Другъ! для чего ты сердишься на меня за совѣтъ, который я далъ тебѣ отъ добраго сердца? Жалуйся лучше на самого себя и на твое собственное нетерпѣливое сердце. Тебѣ надобно было провести ручей небольшими рвами черезъ лугъ, а не затоплять его всею силою воды. Только такъ утучняется онъ луга, дѣлаются ихъ плодоноснымъ и оставляетъ назади песоць и камни.»

#### Загадка.

Между горь, между горь, бѣжитъ конь вороной.

#### 204. Источникъ живой воды.

Въ жаркій день три путника сошлись на краю большой дороги, у чистаго, студенаго ключа. Густые, сочные кусты нависли надъ источникомъ и берегли его свѣжесть своею тѣнью. Вода собиралась тамъ въ большой сосудъ, высѣченный изъ камня; изъ сосуда бѣжала она свѣтлыми, прозрачными струйками и обливала надпись: «Будь похожъ на этотъ источникъ». Струйки собирались на крупномъ пескѣ и текли небольшимъ ручейкомъ все дальше и дальше по цвѣтистому лугу.

Путники напились, прочитали надпись и стали обдумывать, что она значитъ. «Это хороший совѣтъ», сказалъ одинъ изъ путниковъ, какъ видно, купецъ. За плечами у него была котомка, и въ широкомъ кожаномъ поясѣ было что-то тяжелое завернуто или зашито; прочные сапоги его были покрыты густымъ слоемъ пыли, накопившейся во время продолжительной ходьбы. «Источникъ течетъ безпрестанно, течетъ далеко, растетъ, принимаетъ

въ себя воду другихъ ключей, становится большою рѣкою и какъ будто говоритъ своимъ примѣромъ: будь дѣятеленъ, не останавливайся никогда и—успѣешь въ исполненіи своихъ намѣреній.»

Другой путникъ, старикъ, съ книгою въ рукѣ, покачалъ головой.

— Здѣсь урокъ гораздо выше, сказалъ онъ: этотъ ключъ готовъ для всякаго, утоляетъ жажду всякаго прохожаго, не требуетъ благодарности, и этимъ ясно говоритъ людямъ: дѣлай добро изъ любви къ добру, и не ищи вознагражденія.

Третій путникъ не говорилъ ничего. Это былъ прекрасный, бѣлокурый юноша, который въ первый разъ и недавно только разстался съ своею матерью. Товарищи спросили его, какъ онъ думаетъ? Онъ призадумался немного, слегка покраснѣлъ и сказалъ: «Мнѣ этотъ ключъ говоритъ совсѣмъ другое. Зачѣмъ это непрерывное движеніе, зачѣмъ эта готовность утолить жажду всякаго прохожаго, если бы вода этого ключа была мутна! Главное достоинство его въ томъ, что онъ чистъ и ясенъ. Не о прилежаніи и не о великодушіи нашемъ говоритъ эта надпись. Будь похожъ на этотъ источникъ — значить: сохрани свою душу въ такой чистотѣ, чтобы въ ней хорошо отражались, какъ въ этомъ ключѣ, всѣ цвѣты земли и всѣ лучи неба.

## 205. Старикъ и ребята своевольные.

Ребята у моря со старикомъ гуляли и какъ-то на челнокъ напали, въ который вздумали они и сами сѣсть, и въ тотъ же старика хотять ребята ввести, чтобъ съ ними по морю немного прокатиться. Но старику ли согласиться съ ребятами шалить? Старикъ и ихъ увѣщаетъ охоту эту отложить; ребятамъ живо представляетъ, что кончится игра бѣдой. Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой. Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ ѣзду оставить, тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поставить. Старикъ еще ихъ унимать: «Эй, право вамъ не сдобровать; челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю; вѣдь вамъ же я добра желаю.» — Пустое, старичокъ! Что слушаться его?—А сами прыгъ въ челнокъ, и въ морѣ наконецъ изъ виду удалились. Тиха была вода, когда они пустились; но вдругъ поднялся вихрь, затмила

туча свѣтъ. Челнокъ то вверхъ, то внизъ бросаетъ: ребята чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ; ребята чтобъ спастись, но ужъ спасенья нѣтъ: челнокъ вверхъ дномъ, и всѣхъ собою потопляетъ.

Хемницеръ.

## 206. Морская тишь.

Все спокойно надъ водами, безъ движенья море спитъ, и печально мореходецъ на равнины водъ глядитъ. Воды стихли, замолчали; какъ въ могилѣ тишина! и на всей обширной дали не шелохнется волна.

## 207. Похороны на кораблѣ.

Сегодня (27 Іюня 1859 г.), рано утромъ, мнѣ привелось видѣть сцену, которая долго останется у меня въ памяти.

Одинъ изъ матросовъ на кораблѣ скончался прошлую ночь. Тѣло покойнаго до сегодняшняго утра стояло подъ образами; сегодня его хоронили. Человѣкъ шесть матросовъ, сопровождаемые нашимъ почтеннымъ священникомъ, вынесли покойника на верхнюю палубу. Тѣло было плотно зашито въ саванъ; къ ногамъ была прикрѣплена чугунная баластина...

Деревянная рѣшетка, закрывающая главный средній бортъ «Ретвизана», была снята; на бортъ положили длинную доску, конецъ которой далеко выдавался надъ водою; на доску опустили тѣло покойника; два унтеръ-офицера придерживали доску. Ванты усыпаны были народомъ; офицеры окружали бывшего своего сослуживца. Въ то время, какъ священникъ читалъ молитвы,—я невольно нагнулся впередъ и взглянулъ внизъ въ море. Волны глухо шумѣли, то высоко подымаясь и всплескивая пѣну, то роя вокругъ себя мрачныя глубокия бездны...

«Помяни Господи во царствіи Твоемъ раба твоего Андрея!» тихо проговорилъ священникъ.

— Аминь! прошептали въ толпѣ.

— Спускай!... сказалъ кто-то.

Доска наклонилась къ морю; тѣло начало медленно скатываться; еще секунда—и оно пропало въ волнахъ... Вы представить себѣ не можете, какое впечатлѣніе грусти, даже стра-

ха, оставили на мнѣ эти похороны. Что ни говори, человѣку свойственно только жить и умирать на землѣ; когда человѣка хоронятъ въ землю, разлука его съ людьми кажется все не такъ ощутительною; покойникъ ближе къ своимъ, какъ словно и свои къ нему ближе; ихъ раздѣляетъ слой почвы, всего въ два аршина; но тутъ на морѣ—куда онъ дѣлся? гдѣ онъ?... въ какую пустыню, въ какое страшное одиночество занесли его?... Въ сущности конечно не все ли это равно? Но когда приходитъ самое дѣло, когда случается быть очевидцемъ такихъ похоронъ,—сердце и привычка всегда говорятъ громче философіи.

Д. Григоровичъ.

### Загадка.

Есть деревянный домъ: изъ мѣста въ мѣсто онъ гуляетъ; не на землѣ стоитъ, но землю объѣзжаетъ, а кажется на мѣстѣ онъ однимъ.

### 208. Пословицы и поговорки, имѣющія отношеніе къ лѣсу и водѣ.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Отъ искры сыр боръ загорается. Худое дерево въ сукъ растетъ. За одинъ разъ дерева не срубишь. Ломи дерево, пока молодо. Исподоволь и ольху согнешь, а вкрутъ и вязъ переломишь. Отъ осины яблочко не родится. Въ лѣсъ не създишь, такъ и на полатахъ замерзнешь. Лѣсомъ шельъ, а дровъ не видалъ. Въ лѣсу рубятъ, а къ намъ щепки летятъ. Въ лѣсъ дровъ не возятъ, въ колодезь воду не льютъ.

Не извѣдавъ броду, не суйся въ воду. Пропаль, какъ камень въ воду кануль. Мирская молва, что морская волна. Сиди у моря, да жди погоды.—Не море корабли топить, а вѣтры. Большому кораблю большое и плаванье. Воды изъ моря синица не много ушьеть. Морскихъ топить море, а сухопутныхъ горе. Вода путь найдетъ. Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ.

## IV. ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ОРГАНИЗМЪ.

### \* 209. Старые и молодые люди.

У Никифора было два сына: одному было лѣтъ двѣнадцать, а другому лѣтъ четырнадцать. Однажды сосѣди рассказали ему, что его дѣти смѣялись надъ старухою. Отецъ, сдѣлавъ имъ строгій выговоръ, объяснилъ, что не хорошо издѣваться надъ старыми людьми. Дѣти обѣщали исправиться. Но чрезъ нѣсколько времени мальчики забыли своё обѣщаніе и, встрѣтившись однажды съ бѣднымъ старикомъ, стали смѣяться надъ нимъ, называя его *старымъ хрюномъ*. Отецъ узналъ объ этомъ, и началъ думать, какимъ бы образомъ исправить легкомысленныхъ дѣтей своихъ. Скоро наступилъ день именинъ Никифора; дѣти пришли его поздравить, и пожелали ему счастья и долгой жизни. «Дѣти», сказалъ имъ отецъ, «я не хочу долго жить; пожелайте мнѣ лучше скорѣе умереть, я боюсь дожить до старости; когда я сдѣлаюсь старымъ, надо мною будутъ также смѣяться злая дѣти, какъ вы смѣялись недавно надъ однимъ старикомъ, и меня будутъ называть *старымъ хрюномъ*.» Дѣти покраснѣли и отъ стыда не знали, куда дѣваться; они любили своего отца, поняли своё безразсудство — и съ тѣхъ поръ не смѣялись болѣе надъ старыми людьми.

### Загадка.

Утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ.

### 210. Спустия лѣто, да въ лѣсъ по малину.

Однажды въ году бываетъ красное лѣто; одинъ разъ въ году цвѣтутъ цвѣты и растутъ ягоды! И человѣкъ дважды молодъ не бываетъ.



Молодость наше лѣто, запомните! За лѣтомъ идетъ осень, за молодостию—старость! Добрые хозяева запасаются лѣтомъ всѣмъ, что нужно на круглый годъ: и хлѣбомъ, и крупю, и овсомъ, и сѣномъ, и ягодами, и плодами, и овощами. И человѣкъ съ молодости долженъ запастись всѣмъ, что нужно подъ старость: терпѣніемъ, познаніями, добрыми навыками, добрыми дѣлами. Весело, хорошо, тепло будетъ въ зиму старости съ такимъ запасомъ! Спусти лѣто въ лѣсъ за малиной не ходить, говоритъ пословица; и человѣкъ на старости не найдетъ покоя, если проспалъ молодость свою.

### 211. Старикъ.

Возвращаясь съ охоты одинъ молодой человѣкъ остановился передъ домикомъ лѣсничаго и, войдя въ сѣни, съ удивленіемъ увидѣлъ, что старикъ сѣялъ сѣмена грушъ и яблокъ въ деревянные ящики, наполненные землею. Лѣсничему было около семидесяти лѣтъ, значить, онъ не могъ уже надѣяться, что дождется плода отъ трудовъ своихъ. «Зачѣмъ ты напрасно трудишься», сказалъ молодой человѣкъ старику: «вѣроятно тебя уже не будетъ на свѣтѣ въ то время, когда выростутъ изъ этихъ сѣмянъ деревья.»—А развѣ мы живемъ только для себя? отвѣчалъ лѣсничій. И румянецъ стыда выступилъ на лицѣ молодого человѣка.

### \* 212. Зачѣмъ не видалъ?

Изъ сада, среди бѣлаго дня, украли плоды; а при садѣ былъ сторожъ. Кто виноватъ? разумѣется, сторожъ. Сторожа привели въ судъ. Когда судья началъ его допрашивать, сторожъ въ своё оправданіе сталъ увѣрять, что будто принялъ вора за хозяина сада. Судья спросилъ у сторожа: «да развѣ ты не знаешь хозяина?» — Знаю, отвѣчалъ сторожъ. «Въ такомъ случаѣ», возразилъ судья, «выходитъ, что ты не потрудился хорошенько разглядѣть, кто рвалъ плоды, воръ или хозяинъ? Есть у тебя глаза, или нѣтъ? Если есть, зачѣмъ ты не пользовался своими глазами? зачѣмъ не видалъ? Если бы ты смотрѣлъ со вниманіемъ, то навѣрно бы отличилъ вора отъ хозяина. Стало быть ты виноватъ.» И судья приговорилъ сторожа къ наказанію.

### 213. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала; а отъ людей она слыхала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоитъ завести очки. Очковъ съ полдюжины себѣ она достала; вертитъ очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ, то ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ; очки не дѣйствуютъ никакъ. «Тѣфу пропасть!» говоритъ она, «и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ врагъ: все про очки лишь мнѣ нагали, а проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.» Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъхватила ихъ, что только брызги засверкали.

*Крыловъ.*

#### Загадки.

1. Кругло, горбато, около мохнато; придетъ бѣда, потечетъ вода.
2. Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, одинъ другого не видятъ.

### \* 214. Зачѣмъ не слыхалъ?

Во многихъ нѣмецкихъ городахъ и у насъ въ Финляндіи есть особые сторожа, которые ходятъ ночью по улицамъ; каждый разъ, когда пробьютъ городскіе часы, эти сторожа кричатъ или поютъ на улицахъ, сколько пробилу. Это дѣлается для того, чтобы каждый житель зналъ навѣрно, который часъ, а равно и для доказательства, что сторожъ не спитъ, а караулитъ. Одного такого сторожа обвиняли, что онъ невѣрно выкрикиваетъ часы. Сторожъ началъ оправдываться тѣмъ, что онъ не слыхалъ боя часовъ. «Если такъ,» возразилъ судья, то вѣрно ты плохо слышишь: тебя слѣдуетъ отставить отъ должности.» Сторожъ, страшась лишиться мѣста, сталъ увѣрять, что у него слухъ отличный. «Если такъ, то нѣтъ тебѣ оправданія, замѣтилъ судья, ты виноватъ; зачѣмъ ты не слыхалъ? тебя должно наказать за небрежность.»

**\* 215. Неумышленное похищеніе.**

На одного путешественника была принесена жалоба, что онъ во время ночлега въ гостинницѣ умышленно взялъ, вмѣсто своей простой поярковой шляпы, чужую, совершенно новую шёлковую шляпу. На вопросъ судьи, правда ли это? обвиненный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно надѣлъ чужую шляпу, но что онъ сдѣлалъ это по ошибкѣ, не узнавъ въ темнотѣ, что шляпа была не его. Судья возразилъ ему однако-жъ слѣдующее: «мнѣ трудно повѣрить вашимъ словамъ; взявъ шляпу, вы легко могли замѣтить, что у васъ въ рукѣ не грубый поярокъ, а мягкій шёлкъ; вѣдъ осязаніемъ мы различаемъ и не такія вещи!»—Да этого чувства у меня почти вовсе нѣтъ въ пальцахъ, отвѣчалъ путешественникъ, оттого что я однажды въ большой холодъ ознобилъ себѣ руки. — При этихъ словахъ онъ показалъ судѣ свои руки; онъ дѣйствительно были сильно повреждены. Судья убѣдился, и не приговорилъ его къ наказанію.

**Загадка.**

У двухъ матерей по пяти сыновей; одно имя всѣмъ.

**\* 216. Зачѣмъ дашь тебѣ вкусъ?**

Работница, служа по найму у крестьянина, нѣсколько разъ выпивала потихоньку молоко, которое было у хозяина на погребѣ. Хозяева начали подмѣчать и, дознавшись наконецъ, кто былъ виноватъ, пожаловались на работницу сельскому старшинѣ. Улики были на лицо, и работницѣ нельзя было отпереться; но она въ оправданіе своё говорила, что будто ночью она не распознала молока и сочла его за воду, оттого что съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ потеряла вкусъ. Выслушавъ эти слова, сельскій старшина велѣлъ подать работницѣ двѣ закрытыя кружки: въ одной былъ укусъ, а въ другой молоко; онъ подаль работницѣ кружку съ укусомъ, приглашая её попробовать. Работница исполнила приказъ, но начала морщиться и кашлять. «Да это укусъ!» сказала она съ неудовольствіемъ. Тогда старшина подаль ей другую кружку и спросилъ: а это что?—«Это молоко», отвѣчала работница, хлѣбнувъ изъ кружки.—Ну вот видишь ли, сказалъ старшина, стало быть у тебя есть вкусъ, и потому твое давишее показаніе чистая ложь. Если можешь

отличить уксусъ отъ молока, то можешь отличить и молоко отъ воды.—Затѣмъ не только присудили работницу къ заслуженному наказанію, но заставили её заплатить за всё чужое молоко, которое она выпила.

### 217. Дурная кухарка.

Въ одномъ домѣ нанималась кухарка. Съ нѣкотораго времени начали замѣчать, что она очень дурно готовить кушанье: то слишкомъ пересолить, то не досолить. Хозяйка призвала ее къ себѣ и начала ей выговаривать, зачѣмъ она не пробуетъ кушанья, и даже сказала, что она намѣрена отказать ей отъ мѣста. Кухарка отвѣчала, что напротивъ того она отвѣдываетъ каждое блюдо, и что, сколько ей извѣстно, ни одно кушанье не было ни недосолено, ни пересолено. Хозяйка не повѣрила и хотѣла было возражать, но въ эту минуту вошелъ въ комнату докторъ; хозяйка рассказала ему, что случилось. Выслушавъ, докторъ взглянулъ на кухарку и сказалъ: «да она, кажется, нездорова, у ней больной видъ.» Потомъ онъ посмотрѣлъ у ней языкъ, пощупалъ пульсъ и убѣдился, что она дѣйствительно нездорова. Кухарка въ свою очередь сказала, что точно съ нѣкотораго времени чувствуетъ себя нездоровою, и что болѣзнь ея по всему вѣроятію происходитъ отъ того, что она простудилась; хозяйка, увѣрившись, что кухарка не виновата, освободила ее на время отъ всякой работы и попросила доктора, чтобы онъ помогъ ей.

### \* 218. Горькій цвѣтокъ.

Въ одинъ весенній день маленькая Миночка пошла гулять съ маменькой своей на горы, которыхъ было много въ томъ мѣстѣ, гдѣ они жили. Дорогой попадалось имъ множество прехорошенькихъ цвѣточковъ, и Миночка не могла довольно налюбоваться ими. Но болѣе всѣхъ понравился ей одинъ красенный, маленькій, нѣжный какъ пухъ. Миночка сорвала его, разсматривала со всѣхъ сторонъ, цѣловала, нюхала его и безпрестанно говорила о томъ, какъ онъ нравится ей. Наконецъ ей наскучило только любоваться и восхищаться имъ; ей захотѣлось на-

сладиться еще болѣе цвѣточкомъ своимъ: она поднесла его ко рту и начала его кушать. Но что-жъ случилось? Не успѣла маленькая дурочка пожевать одинъ листочекъ, какъ вдругъ она закричала, заплакала и побѣжала къ маменькѣ. «Маменька, маменька!» говорила она, почти рыдая, «я хотѣла съѣсть этотъ хорошенькій цвѣточекъ, да онъ такой горькій, что весь ротъ у меня какъ будто въ огнѣ. Ахъ! гадкій, негодный цвѣтокъ!» Такъ жаловалась глупенькая дѣвочка; но маменька сказала ей: «душенька! зачѣмъ ты вздумала ѣсть этотъ цвѣтокъ? Цвѣты красивы видомъ своимъ, красками; они пріятно пахнутъ: вотъ и всё, что они могутъ доставить тебѣ. Не довольно ли того, что глаза твои могутъ любоваться красотой ихъ, что ты можешь наслаждаться ихъ прекраснымъ запахомъ; зачѣмъ же ѣсть ихъ?»

### Загадка.

Около прорубки стоятъ бѣлыя голубки.

### \* 219. Къ чему нужно обоняніе?

Одну женщину, которая была сидѣлкою въ больницѣ, обвиняли въ томъ, что она не смотритъ за чистотою воздуха въ комнатѣ, гдѣ лежали порученные ей больные, и что отъ этого тамъ бываетъ нерѣдко весьма противный запахъ. Разумѣется, что ей сдѣланъ былъ допросъ; она однако-жъ утверждала, что ей ни разу не случилось замѣтить, чтобы въ комнатѣ у больныхъ былъ противный запахъ, и что поэтому она не считала нужнымъ ни курить у нихъ, ни отворять отдушникъ. Къ показанію своему она прибавила еще, что впрочемъ она могла ошибиться, могла не чувствовать неприятнаго запаха, оттого что она уже нѣсколько дней больна насморкомъ. Эти слова оказались справедливыми, и женщину не наказали.

### 220. Гвоздика.

У одного садовника росла на грядкѣ прекрасная гвоздика; нѣжный цвѣтъ ея и превосходный запахъ восхищали всѣхъ. Од-

нажды вошелъ къ нему въ садъ господинъ, почтенный видомъ, съ супругой; они разсматривали гвоздику. Господинъ говоритъ: цвѣтъ ея нисколько не замѣчательнъ, но запахъ превосходенъ и чрезвычайно приятенъ. «Нѣтъ», спорила жена его: «цвѣтъ ея превосходенъ, но къ несчастію она не имѣетъ никакого запаха.» Садовникъ не могъ вдругъ понять причину этого страннаго противорѣчія; но наконецъ замѣтилъ, что господинъ имѣлъ слабое зрѣніе, а супруга его дурное обоняніе. Тогда онъ подумалъ: «что случилось съ моею гвоздикой, часто случается и съ вещами весьма цѣнными; сколько людей пренебрегаютъ ихъ оттого только, что имѣютъ зрѣніе слишкомъ слабое, чтобъ разсматрѣть ихъ, и чувство слишкомъ тупое, чтобъ понять все ихъ совершенство!»

## 221. Члены человѣческаго тѣла.

Члены человѣческаго тѣла однажды поссорились и не захотѣли служить другъ другу. «Не хотимъ ходить, не хотимъ носить васъ всѣхъ», говорятъ ноги: «ходите сами!»—«Не хотимъ работать для васъ», говорятъ руки: «работайте сами!»—«Что я за дуракъ», ворчитъ ротъ: «что стану кормить васъ; не хочу жевать пищу для желудка!»—«А мы что за сторожа для васъ», сказали глаза: «не хотимъ смотрѣть!» Такъ взбунтовались всѣ члены и отказались отъ службы. Что-жъ вышло изъ этого? Такъ какъ ноги не хотѣли ходить, руки работать, ротъ кушать, глаза смотрѣть: то всѣ члены начали ослабѣвать, все тѣло сохнуть. Тогда они поняли, что глупо ссориться, что нужно помогать другъ другу. Принялись дружно за работу и снова окрѣпли и поздоровѣли.

## 222. Пословицы и поговорки, относящіяся къ человѣческому тѣлу.

Съ радости кудри вьются, а съ печали сѣкутся. Око видитъ далеко, а мысль еще дальше. Глаза глядятъ, а руки дѣлаютъ. Не хвали въ очи, не брани за глаза. Не доглядишь окомъ, заплатишь богомъ. Гляди въ оба. Не въ бровь, а въ самый глазъ. У семи нянекъ дитя безъ глазу. Завидливые глазки все съѣсть хотятъ. Не выбирай гла-

зами, а выбирай ушами. У сердца уши есть. Слухомъ земля полнится. Не божись! кровь изъ носу пойдетъ. На всякое чиханье не надрываешься. Языкъ врагъ, прежде ума глаголетъ. Что на умѣ, то и на языкѣ. У языка зубы да губы два замка. Изъ одного рта и тепло и холодно. Изъ одной головы да два языка. На языкѣ медокъ, а на сердцѣ ледокъ. Языкомъ что хочешь болтай, а рукама воли не давай. Гортань гласу родитель, гласъ же гортани кормитель.

Рука руку моетъ. Одной рукой узла не завяжешь. На свою руку охулки не положить. Межъ дверей пальца не клади. Локоть близко, да не укусишь. И безъ перца дойдетъ до сердца. Людское сердце не дукошко, не прорѣжешь въ немъ окошка. Отъ избытка сердца уста глаголютъ. На сердцѣ ненастье, такъ и въ вѣдро дождь идетъ. Что въ сердцѣ варится, то въ лицѣ не утаится. По одѣжкѣ протягивай ножки. На голую ногу всякій башмакъ впору. Гляди подъ ноги; хоть ничего не найдешь, такъ ноги не зашибешь. Не платье красить человѣка, а человѣкъ красить платье.

### 223. Надъ тѣлесными недостатками смѣяться не должно.

Барвара была скромная и прилежная дѣвочка, но глаза у нея были косые; поэтому надъ нею нерѣдко смѣялись другія дѣти, въ особенности же одна дѣвочка Анна, которая очень много думала о своемъ красивомъ личикѣ.

Однажды она съ насмѣшкою сказала Варварѣ: «отъ чего ты никогда не глядишь на меня прямо? ты вѣрно меня не любишь!»

Варвара поняла насмѣшку и, помолчавъ, сказала: «я не могу исправить недостатка моихъ глазъ, но за то буду стараться избѣгать другихъ недостатковъ.»

Вскорѣ послѣ этого Анна заболѣла оспой, и нѣсколько дней была въ такомъ положеніи, что боялись за ея жизнь. Наконецъ она выздоровѣла. Но, Боже, что сдѣлалось съ ея красивымъ личикомъ! Оспа изуродовала его, покрыла страшными ярыбинами.

Послѣ болѣзни, пришедши въ первый разъ въ школу, Анна не смѣла поднять глазъ и безпрестанно закрывала лицо руками.

Одно злонаправное дитя, замѣтя это, подошло къ Аннѣ и сказало ей: «что съ тобою, что ты все плачешь и закрываешься?»

Анна поняла насмѣшку и дѣйствительно начала плакать, но не о томъ, что ее изуродовала оспа, а о томъ, что она смѣялась прежде надъ бѣдною Варварою.

\* 224. Лучшая приправа.

Одинъ князь, застигнутый проливнымъ дождемъ во время прогулки, зашелъ въ ближайшую хижину.

Дѣти крестьянина въ это время сидѣли за столомъ, и предъ ними стояла чашка съ овсянымъ супомъ. Они ѣли съ большимъ аппетитомъ, и всѣ были такъ свѣжи и румяны, какъ розы.

«Какъ это возможно», спросилъ князь у крестьянина: «ѣсть съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ эту грубую пищу и въ то же время быть здоровымъ и цвѣтущимъ?»

Крестьянинъ отвѣчалъ: «это происходитъ отъ трехъ различныхъ приностей, которыми я приправляю пищу. Во первыхъ я заставляю своихъ дѣтей заслуживать обѣдъ трудомъ. Во вторыхъ кромѣ обѣда я ничего не даю имъ ѣсть, для того чтобы они сѣдились за столъ голодными. А въ третьихъ я приучаю ихъ къ умѣренности, не давая имъ лакомствъ и сладкой пищи.»

225. Искусство жить долго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей—прочиталъ я, что близъ Рима умеръ одинъ человѣкъ ста десяти лѣтъ отъ роду, что онъ никогда не бывалъ боленъ, и что во все продолженіе своей долгой жизни онъ былъ веселаго нрава и хорошаго тѣлосложенія. Прочитавъ это, я тотчасъ же написалъ въ Римъ, прося увѣдомить меня, не было ли въ жизни этого человѣка какой-либо особенной причины, доставившей ему такую долгую и счастливую старость,—и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Этотъ человѣкъ былъ добръ и ко всѣмъ ласковъ, ѣлъ и пилъ столько, сколько было нужно для поддержанія здоровья его, и никогда болѣе того, сколько требовала природа. Съ самаго ранняго дѣтства онъ любилъ трудиться и никогда не былъ празднымъ.»

Я записалъ это въ мою памятную книжку. Вскорѣ потомъ я узналъ изъ другого журнала, что близъ Стокгольма умерла женщина 115 лѣтъ, и что она также была всегда счастлива, здорова и не знала, что значить болѣзнь. Тотчасъ же написалъ я



въ Стокгольмъ, чтобъ узнать о родѣ жизни этой женщины, и получилъ вотъ какой отвѣтъ:

«Она всегда была очень опрятна, и имѣла привычку каждый день умывать себѣ лицо и руки холодною водою. Кромѣ того она часто купалась и никогда не ѣла никакихъ лакомствъ или сластей; рѣдко пила кофе или чай, и въ ротъ не брала вина.»

И это также я записалъ въ мою памятную книжку.

Спустя нѣсколько времени я прочиталъ еще, что около Петербурга жилъ какой-то человекъ въ совершенномъ здоровьи до 120 лѣтъ. Я опять взялся за перо и написалъ въ Петербургъ, и вотъ что отвѣчали мнѣ:

«Онъ вставалъ рано, никогда не спалъ болѣе семи часовъ, никогда не лѣнился, много работалъ, особенно на открытомъ воздухѣ и въ саду своемъ. Ходя или сидя, онъ никогда не держался криво или наклоняясь въ сторону, но всегда совершенно прямо, и презиралъ всякаго рода роскошь и изнѣженность.»

Прочитавъ и это, и записавъ въ мою книжку, я сказала самому себѣ: «ты будешь просто глупцомъ, если не воспользуешься всеми этими примѣрами.»

Но чтобъ имѣть безпрестанно въ памяти жизнь этихъ счастливыхъ старичковъ, я написалъ все, что узналъ о нихъ, на картъ, которую укрѣпилъ къ моему письменному столу, чтобъ безпрестанно напоминать себѣ о томъ, что должно дѣлать и отъ чего должно воздерживаться. Каждое утро и каждый вечеръ я прочитываю карту мою и стараюсь въ полной мѣрѣ соображаться съ предписанными въ ней правилами.

И теперь, любезные и молодые читатели и читательницы мои, могу увѣрить васъ словомъ честнаго человека, что я чувствую себя гораздо здоровѣе и счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ живу по этимъ правиламъ. Прежде у меня была головная боль почти каждый день, а теперь едва одинъ разъ въ три или четыре мѣсяца. Прежде, безъ простуды, я не могъ подвергаться ни дождю, ни снѣгу, и получасовая прогулка утомляла меня до чрезвычайности; теперь я вовсе не знаю простуды, и могу пройти безъ малѣйшей усталости нѣсколько миль.

## 226. Не завидуйте богатству.

Однажды люди толковали о счастіи: какое кому счастіе

суждено. Дѣло было не безъ зависти: больные завидовали здоровымъ, младшіе старшимъ, а особливо бѣдные богатымъ. Бѣдные утверждали, что только и есть счастье, что въ богатствѣ, и что если человѣкъ богатъ, то все ему непочемъ.

Одинъ старецъ, выслушавъ всѣ эти неразумные толки, разсказаль слѣдующую притчу.

Знаваль я одного богача: жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ, носилъ тонкое, дорогое платье; сладко ѣлъ, сладко пилъ: каждый день у него на дому былъ словно пиръ какой. Однажды пріѣхаль къ богачу въ гости старый другъ: давно ужъ они не видались; на радости богачъ сдѣлаль пиршество и созваль гостей. На столѣ были поставлены золотыя и серебряныя блюда, а въ блюдахъ были дорогія яства; кубки также были золотыя, а въ кубкахъ пѣнились заморскія вина.

Долго сидѣли друзья за столомъ: ѣли и пили, и были веселы; лишь хозяинъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя и велъ потѣшную рѣчь съ своими гостями. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій другъ сказаль богачу: «нигдѣ я не видалъ такого богатства и такой роскоши, какъ у тебя; должно сказать, что нѣтъ человѣка счастливѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ.»

Богачъ вздохнулъ, взялъ съ золотого блюда яблоко и подалъ его другу; яблоко было румяно и свѣжо на видѣ,—но когда его разломилъ, въ немъ сидѣлъ червякъ и точилъ его сердцевину.

Всѣ гости съ удивленіемъ посмотрѣли на богача, а богачъ промолвилъ: «то, что это яблоко, то и я; съ виду я счастливъ, а никому не замѣтно, что червякъ меня точитъ.»

Съ этими словами богачъ развернулъ свое богатое платье, и всѣ увидѣли, что на груди его была страшная, неизлечимая язва, которая называется ракомъ.

«Вотъ мое и счастье!» сказаль богачъ: «что мнѣ въ дорогой яствѣ? не сладка она мнѣ; что мнѣ въ золотомъ блюдѣ, — имъ рану не залечишь; что мнѣ въ деньгахъ,—на нихъ здоровья не купишь!»

И съ тѣхъ поръ перестали завидовать богачу.

В. Даль.

## 227. Можно ли въ разгоряченномъ состояніи пить холодную воду?

Александръ много бѣгалъ, и пришелъ къ отцу, покрытый весь потомъ.

Отецъ спросилъ его: не чувствуешь ли ты теперь жажды?

Сынъ. О, очень!

Отецъ. Ну, что же ты не попьешь холодной воды?

Сынъ. Нельзя, папенька.

Отецъ. Почему же нельзя?

Сынъ. Я очень вспотѣлъ.

Отецъ. Такъ что же?

Сынъ. Ты мнѣ не разъ говорилъ: когда вспотѣешь, не должно пить?

Отецъ. Точно; но знаешь ли ты, почему вспотѣвши нельзя пить?

Сынъ. Потому что кровь въ это время бываетъ сильно разгорячена, и тонкія жилки легкихъ наполняются горячею кровью; если же напьешься холодной воды, она потечетъ между легкихъ.

Отецъ. Какое же естественное необходимое слѣдствіе всего этого?

Сынъ. Кровь въ легочныхъ жилкахъ остываетъ и сгущается, вслѣдствіе чего она уже не можетъ свободно течь; а отъ этого образуются нарывы, которые все болѣе и болѣе распространяются, такъ что наконецъ легкія подвергаются гніенію.

Отецъ. А какъ называется болѣзнь, которою человѣкъ въ такомъ случаѣ страдаетъ?

Сынъ. Она называется легочною чахоткою.

Отецъ. Это самая опасная болѣзнь, отъ которой самые искусные врачи изъ тысячи больныхъ едва одного вылечиваютъ.

## 228. Нечистоплотный крестьянинъ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ Иванъ. Славный былъ малый, такой здоровый, краснощекій; и былъ онъ человѣкъ работающій. Одна за нимъ была бѣда: бывало, придетъ въ Воскресенье въ церковь Божию—волосы на немъ всклокочены, и зипунъ въ грязи, рубашка черная, какъ будто сейчасъ изъ бо-

дота. Вотъ какъ выйдутъ крестьяне изъ церкви да сберутся на погостѣ, о томъ, о семь поговорить, сосѣди и спрашиваютъ Ивана: «или ты, Иванъ, по Субботамъ въ баню не ходишь?» А онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, недосужно было...» А они опять: «да чтожь на тебѣ рубашка-то чѣрная?» — А онъ въ отвѣтъ: «говорять вамъ, недосужно было, родимые.»

И все ему было недосужно. За обѣдъ бывало сядетъ—рукъ не вымоетъ, встанетъ поутру—глазъ не вытретъ; а въ домъ-то у него грязи на полу на цѣлую четверть, а въ избѣ-то и свиньи и телята; а на немъ-то самомъ вши такъ вереницею и ползаютъ. Станутъ Ивану говорить, что онъ живетъ не хорошо, а Иванъ въ отвѣтъ: «и такъ живетъ! наше дѣло крестьянское.»—Но не все то въ животъ, что живетъ; и съ Иваномъ эта пословица сбылась.

Отъ нечистоты сдѣлалась у Ивана на рукахъ короста, а по всему тѣлу чирья. Зудъ страшный. Съ тѣла спалъ, сдѣлался такой блѣдный, какъ смерть; что въ руки возьметъ, такъ изъ рукъ кровь и течетъ.—Что съ тобой? спрашивали его сосѣди. «Божій гнѣвъ», отвѣчалъ онъ сквозь слезы. — Правда! сказалъ ему въ отвѣтъ одинъ крестьянинъ: Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ, которые не любятъ себя въ чистотѣ держать. Если бы ты почаще въ баню ходилъ да чистую рубашку надѣвалъ, то бы у тебя коросты не было.—Но Иванъ все не вѣрилъ, что чистотою здоровье и у человѣка, и у скота держится. Взяли Ивана въ больницу и лечили, вылечили, свели коросту и чирья; вымыли, вычесали, бѣлую рубаху надѣли и выпустили, приговаривая: въ другой разъ будь, Иванъ, умнѣе. Но что же случилось? Сбирали работниковъ на сосѣдній красильный заводъ,—плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, известное дѣло, на заводахъ бываетъ всякая всячина, иногда и ядовитая. Что-то Ивану дали мѣшать; онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну убирать его со всѣмъ, что на хлѣбъ отъ рукъ прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ, — туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь окончилась.

На чистоту времени немного идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши, умойся да Богу помолися; грѣхъ нѣмытому, нечесанному Богу молиться. Надо чаще въ баню ходить или ку-

паться и чистое бѣлье надѣвать. Отъ того будешь чистъ, а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ приятенъ и Богу угоденъ.

В. Даль.

## 229. Какъ баба сама себя вылечила.

Посмотришь хорошенько, такъ увидишь, что и многія насѣкомыя тебѣ полезны: пчела доставляетъ тебѣ медъ; изъ шпанскихъ мухъ дѣлаютъ пластырь въ аптекахъ, который помогаетъ людямъ въ разныхъ болѣзняхъ. Вотъ мнѣ рассказывали, какъ въ одной деревнѣ у бабы бокъ заболѣлъ; она и пошла въ городъ къ лекарю лекарства попросить, да кстати и зеленыхъ мушекъ въ городскую аптеку отнести: въ аптеки-то такихъ мушекъ покупали. Вотъ баба, по крестьянскому обычаю, насыпала себѣ мушекъ за пазуху, за рубашку, къ голому тѣлу, да такъ и пошла въ городъ. Дорогой идетъ и думаетъ себѣ: «Ну, что за стать людямъ мухъ покупать? на какую потребу? Вѣдь это не хлѣбъ какой, не морковь, не картофель? Ну, на что имъ мухи? Видно денегъ много—дѣвать некуда, что мухъ покупаютъ.»

Межь тѣмъ баба идетъ да идетъ, до города-то верстъ десять было. Чуетъ баба, что у ней отъ бока отошло, легче стало, только какъ-то рубашка тѣснѣе стала; заглянула за рубашку, такъ и не вспомнилась отъ страха: бокъ у ней вздулся, въ добрый кулакъ у ней на боку пузырь натянуло. Прибѣжала къ лекарю сама не своя. «Батюшка, помоги!» кричитъ она.—«Что съ тобою случилось?» спрашиваетъ лекарь; а баба въ отвѣтъ: «батюшка, такая бѣда, что и сказать не мочно! Видишь ты, бокъ у меня ломило, такъ что и дышать было не въ моготу, я и пошла къ тебѣ лекарства попросить; дорогой бокъ отошелъ и дышать стало легче, да вотъ какая бѣда приключилась: вздуло пузыремъ; боли нѣтъ, а смотрѣть страшно—видно послѣдній часъ насталь!»—«Да что у тебя тамъ за пазухой?» спросилъ лекарь.—«Да ничего, батюшка, только мушекъ я туда насыпала; несла въ аптеку продать, да вотъ Богъ и попуталъ.» Лекарь размѣялся: «не бойсь», сказалъ, «тутъ никакого худа нѣтъ, а напротивъ хорошее; ты, баба, сама себя вылечила, что никакого лекарства тебѣ не надобно; пузырь у тебя шпанскія мухи натянули, отъ того тебѣ и легче стало;

мы сами этими мухами пластырь посыпаемъ; ихъ на то Богъ и создалъ, чтобы онѣ человѣку помогали.» Съ этими словами лекарь надрѣзаль немного пузырь, изъ него словно вода полилась безъ всякой боли; кожа опустилась; лекарь еще чѣмъ-то примазаль, и пошла моя баба какъ вострепанная.

СВ. Даль.

### Загадка.

Безъ языка, а сказывается.

### 230. Чудный врачъ.

Одинъ богатый и знатный господинъ, не имѣвшій ни жены, ни дѣтей, держаль у себя для забавы обезьяну, которая смѣшными продѣлками своими часто сокращала ему время. Вдругъ господинъ этотъ захвораль. У него сдѣлался нарывъ въ горлѣ, такъ что онъ не могъ ни глотать, ни говорить; всѣ были увѣрены, что онъ умретъ. Этимъ случаемъ воспользовались слуги его, и каждый изъ нихъ взялъ себѣ и унесъ то, что казалось ему годнымъ къ употребленію. Замѣтивъ это, обезьяна также стала высматривать, что бы и ей годилось. Наконецъ она нашла на шкафу картонъ, въ которомъ лежала треугольная шляпа, которую господинъ ея надѣваль въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Она надѣла ее себѣ на голову и прицѣпила себѣ шпагу, которая тутъ же висѣла на стѣнѣ, и въ такомъ видѣ вошла къ господину своему, сдѣлала ему нѣсколько поклоновъ и потомъ стала предъ зеркаломъ, чтобы любоваться собою. Не смотря на сильную боль, больной невольнымъ образомъ расхохотался, такъ что нарывъ въ горлѣ прорвался, и онъ чрезъ нѣсколько дней выздоровѣль. Врачъ поздравилъ его съ новымъ докторомъ, а служители поспѣшили возвратить все, что унесли въ послѣднее время.

### 231. Кузнецъ.

Знатный иностранецъ проѣзжалъ мимо одной деревеньки въ прекрасной каретѣ, но нечаянно рессора изломалась. Хозяинъ

постоялаго двора сказалъ ему: «нашъ кузнецъ очень искусно починиваетъ экипажи; притомъ же онъ и хорошій коноваль: всѣ деревенскіе жители прибѣгаютъ къ нему въ болѣзняхъ.» Иностранецъ пошелъ къ кузнецу и, когда рессора была починена, сказалъ ему: «ты очень хорошо поправилъ мою карету; не можешь ли ты, другъ мой, также поправить и золотые часы мои съ репетиціею?» Удивленный кузнецъ смотрѣлъ въ оба глаза на иностранца, а собравшійся народъ смѣялся надъ проѣзжимъ, почитая его полуумнымъ. Но иностранецъ сказалъ имъ: «я не такъ глупъ, какъ вы думаете. Самому искусному кузнецу столько же трудно поправить мои часы, какъ искуснѣйшему коновалу—вылечить человѣка. Не совѣтую же вамъ лечиться у коновала.»

### 232. Померанцовое дерево.

Одна знатная дама купила себѣ небольшое померанцовое дерево и поставила его къ себѣ въ спальню. Вдругъ ночью она чувствуетъ сильное безпокойство, стѣсненіе въ груди, тяжесть въ головѣ и какъ бы онѣмзніе; она хочетъ встать, но силы ея оставляютъ; она падаетъ на полъ и лежитъ безъ чувствъ. Къ счастью братъ ея, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ стукъ, входитъ въ комнату сестры и находитъ ее лежащею за-мертво. По сильному запаху цвѣтовъ онъ тотчасъ догадывается, въ чемъ дѣло. Въ ту же минуту проворно растворяетъ онъ окна и двери, чтобъ освѣжить воздухъ въ комнатѣ, и выносить померанцовое дерево. Спрыснувъ большую нѣсколько разъ холодною водою, онъ наконецъ приводитъ ее въ чувство: она снова начинаетъ дышать. Въ то же время послали за докторомъ, который далъ нужныя предписанія, и чрезъ четыре дня больная оправилась совершенно. Всему этому случаю виною были два померанцевые цвѣтка, которые распустились въ эту ночь; всѣ же прочіе цвѣты были еще въ почкахъ.

### 233. Причина и дѣйствіе.

Одинъ господинъ, съ вечера легшій спать совершенно здоровымъ, поутру найденъ былъ мертвымъ. Всѣ сосѣди окружа-

ли его, стараясь объяснить себѣ загадочную причину внезапной его смерти. Такъ какъ не было никакихъ признаковъ насильственной смерти, то многіе полагали, что онъ умеръ отъ удара. «Да развѣ вы не знаете», сказала одна служанка, «что происходитъ въ нашемъ домѣ? какое-то привидѣніе появляется у насъ ночью и ходитъ по всеѣмъ комнатамъ; видѣли даже, какъ оно лѣзло на чердакъ. Вѣрно это домовою задушилъ нашего барина.» Нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись при такомъ вздорномъ разсказѣ, но нѣкоторые суевѣры—необразованные люди—повѣрили; имъ сдѣлалось страшно, холодная дрожь пробѣгала у нихъ по спинѣ. «Да, да!» говорили они, «домовою задушилъ его.» Въ эту минуту вошелъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ умершаго, думая, нельзя ли еще пособить ему; но видя, что всякая помощь уже бесполезна, онъ сталъ внимательно смотрѣть вокругъ комнаты, какъ бы желая отыскать причину внезапной его смерти. Вдругъ онъ увидѣлъ большую жаровню съ угольями. «Не бралъ ли этотъ господинъ», спросилъ докторъ, «жаровню съ горящими угольями въ спальню?»—Да, отвѣчала служанка; онъ хотѣлъ что-то плавить въ ней.—«Ну, вотъ и причина смерти его!» сказалъ докторъ: «онъ забылъ затушить уголья, и угольный чадъ задушилъ его.»

### 234. Мнимоумершая дѣвица.

Одна дѣвица высокаго происхожденія скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ. Ее положили въ гробъ въ бѣломъ платьѣ, волосы ея украсили нитью крупнаго жемчуга, а на правую руку надѣли золотой перстень съ драгоценными каменьями. По желанію безутѣшныхъ родителей все эти драгоценности положили съ нею въ могилу. На слѣдующую ночь могильщикъ пробрался съ фонаремъ въ рукѣ на кладбище, разрылъ могилу, открылъ гробъ и хотѣлъ похитить дорогія украшенія; но вдругъ покойница поднялась и устремила на него неподвижный взоръ. «Что тебѣ нужно?» сказала она глухимъ голосомъ. Испуганный воръ бросился бѣжать изо всеѣхъ силъ. Между тѣмъ дѣвица, которую все считали умершею, но которая была только въ продолжительномъ обморокѣ, встала изъ гроба, взяла фонарь, въ торопяхъ забытый могильщикомъ, и пошла домой. Можно представить себѣ сперва ужасъ родителей, когда она вошла въ комна-



ту, и потомъ восторгъ ихъ, когда они увидѣли, что дочь ихъ въ самомъ дѣлѣ жива.

### 235. Пословицы дѣтетическія.

Живи просто, проживешь лѣтъ со сто. Береги здоровье съ молодуду, а честь подь старость. Здоровье всему голова. Чистота здоровье сохраняетъ, а воздержность разумъ укрѣпляетъ. Поросенка хоть мой, хоть не мой, а онъ все въ грязь лѣзетъ. Не думай быть наряднымъ, а думай быть опрятнымъ. Бани мать наша. Привычка вторая натура. Не все то ѣсть, что видишь.

Работай до поту, покушаешь въ охоту. Коли хлѣба край, такъ и подь елю рай. Безъ соли, безъ хлѣба половина обѣда. У голоднаго брюха нѣтъ уха. Сытое брюхо къ ученью глухо.

Здоровому врачъ не надобенъ. Боль врача ищетъ. У кого что болить, тотъ о томъ и говорить. Больному въ вѣдь не вѣрь. Больному и золотая кровать не поможетъ. Кровь отворить—гвоздь въ гробъ вколотить. Отъ смерти нѣтъ лекарства. Прежде смерти не должно умирать. Нынѣ на ногахъ, а завтра въ могилѣ. Не по старости мрутъ, не по молодости живутъ.

### 236. Бѣдность лучше увѣчья.

Саибъ былъ знаменитый персидскій ученый. Онъ былъ очень бѣденъ, но переносилъ свою жестокою судьбу съ спокойствіемъ мудраго человѣка. Болѣзненно однакожь отозвалось въ его душѣ, когда онъ принужденъ былъ одно время ходить босикомъ, ибо для покупки башмаковъ у него не было денегъ.

Углубившись въ самого себя и сильно ворча, отправился онъ въ храмъ, что въ Куфѣ. При входѣ въ храмъ онъ увидѣлъ увѣчнаго, который вовсе не имѣлъ ногъ и былъ переносимъ съ одного мѣста на другое. Тогда онъ обратилъ свой взоръ къ небу и воскликнулъ: «благодарю Тебя, Господи Боже, за то, что Ты даровалъ мнѣ ноги, при помощи которыхъ я могу ходить, хотя онѣ и не обуты. Ахъ, съ какою радостію пошелъ бы этотъ несчастный калѣка и босикомъ, еслибъ только у него были ноги!»

237. Августъ сильный и кузнецъ.

Августъ II, курфирсть саксонскій и король польскій, отличался необыкновенною тѣлесною силою. Однажды, во время прогулки верхомъ, лошадь его потеряла подкову; поэтому онъ захвѣлъ въ ближнюю деревню къ кузнецу. Когда тотъ принесъ подкову, чтобы подковать лошадь, то курфирсть захотѣлъ прежде испробовать, довольно ли крѣпка она сдѣлана. Онъ взялъ ее обѣими руками и переломилъ, какъ морковь. «Эта подкова никуда не годится», сказалъ онъ кузнецу, который вслѣдъ за тѣмъ принесъ нѣсколько другихъ. Но курфирсть переламывалъ ихъ одну за другою. Кузнецъ призадумался, а товарищи его съ изумленіемъ поглядывали другъ на друга. Наконецъ курфирсть сдѣлалъ видъ, что нашелъ одну подкову, которая была довольно крѣпка. Лошадь была подкована, и когда кузнецъ кончилъ свое дѣло, то курфирсть далъ ему талеръ; но кузнецъ, взявъ его, согнулъ между пальцами.—Этотъ талеръ не годится, ваше высочество, сказалъ кузнецъ,—онъ гнется между пальцами. Курфирсть подавалъ ему еще нѣсколько талеровъ сряду, но онъ сгибалъ ихъ одинъ за другимъ. «Такъ вотъ луддоръ», сказалъ наконецъ курфирсть, «этотъ ужъ долженъ быть хорошъ.» Кузнецъ остался доволенъ; а курфирсть радовался, что нашелъ челоуѣка равнаго себѣ по силѣ.

238. Два мороза.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ноги на ноги поскакивали, рукой объ руку поколачивали. Говорить одинъ морозъ другому: «братецъ, морозъ Багровый-носъ, какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?» Отвѣчаетъ другой:—братецъ, морозъ Синій-носъ! коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ чистому бору. Тамъ хоть и меньше простору, да за то забавы будетъ больше. Все нѣтъ-нѣтъ, да кто нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано, сдѣлано. Побѣжали два мороза, два родные брата, въ чистый боръ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся: съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Ста-

рый ельникъ трещить, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому-ль снѣгу пробѣгутъ—кора ледяная; былинка-ль изъ подъ снѣгу выглядываетъ, дунуть — словно бисеромъ ее всю унижутъ. Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали морозы судить да рядить, кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій-носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ: «Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣе дойму; полушубокъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ кромѣ лаптишекъ ничего. Онъ же никакъ дрова рубить ѣдетъ. А ужъ ты, братецъ, какъ силенѣе меня, за бариномъ бѣги. Видишь, на немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совладаю.» Морозъ Багровый-носъ только подсмѣивается. — Молодъ еще ты, говоритъ, братецъ! Ну, да ужъ быть по твоему: бѣги за мужичкомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, узнаемъ, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамѣсть! — «Прощай, братецъ!» Свиснули, щелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ; спрашиваютъ другъ друга: что? «То-то, я думаю, намалялся ты, братецъ, съ бариномъ-то,» говоритъ младшій: «а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!»

Старшій посмѣивается себѣ. — Эхъ, говоритъ, братецъ, морозъ Синій-носъ, молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

«А какъ же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?»

— Не помогли. Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ежится, онъ-то жметъ да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ. Анъ не тутъ-то было! Мнѣ-то это и съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городъ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что со своимъ мужичкомъ сдѣлалъ!

«Эхъ, братецъ, морозъ Багровый-носъ! плохую ты со мной шутку шутилъ, что во время не образумилъ. Думалъ, заморозу мужика; а вышло, онъ же мнѣ отломалъ бока.»

— Какъ такъ?

«Да вотъ какъ. Ъхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ было я его пронимать; только онъ все не ро-

бѣеть, — еще ругается: такой, говорить, сякой этотъ морозъ. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да колотъ. Только не на долго была мнѣ эта забава. Приѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю: тутъ мнѣ сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, дай его извить. А онъ-то топоромъ машеть, только щепки кругомъ летять; сталъ даже потъ его прошибать. Вижу: плохо! не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ, да работаетъ; чѣмъ бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу—скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди же, говорю, вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него и забрался вездѣ и заморозилъ такъ, что онъ сталъ лубокъ лубкомъ. Надѣвай-ка теперь, попробуй!—Какъ покончилъ мужикъ свое дѣло да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить и ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Ругайся! думаю я себѣ, ругайся! а меня все-таки не выживешь! Такъ онъ бранью не удовольствовался; выbralъ полѣно подлиннѣе да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! по полушубку бѣеть, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбраться не могу. А онъ-то колотить, онъ-то колотить! Насилу я ушелъ; думаль, костей не сберу; до сихъ поръ бока ноютъ. Закалялся я мужиковъ морозить.»

— То-то!

## У. ЖИВОТНЫЯ, РАСТЕНІЯ И МИНЕРАЛЫ.

### 239. Теплокровныя и холоднокровныя животныя.

У всѣхъ животныхъ есть кровь, только у однихъ она красная, у другихъ бѣлая или желтоватая. Ты знаешь, что у человѣка, у ско-

товъ, у птицъ и у рыбъ кровь красная. Но надръжь жука, или бабочку, или червяка какого, потечетъ сокъ бѣловатый или желтоватый; этотъ сокъ и есть ихъ кровь.

Красная кровь у однихъ животныхъ бываетъ теплая, у другихъ холодная. У человѣка, у домашняго скота, у звѣрей и у птицъ кровь теплая. У лягушекъ, у рыбъ кровь хотъ и красная, но холодная. Бѣлая кровь всегда бываетъ холодная.

Животныя, у которыхъ кровь теплая, могутъ жить и на морозѣ; только одни живутъ долѣе, а другіе не долго могутъ сносить морозѣ. Ты знаешь, что зимою у насъ не бываетъ ни ласточекъ, ни соловьевъ, ни журавлей, ни паплей; всѣ эти птицы не любятъ холода, и потому онѣ на зиму улетаютъ отъ насъ въ теплые края, гдѣ не бываетъ сильныхъ морозовъ. А есть и такія птицы, для которыхъ и наши морозы непочемъ; вотъ на примѣръ вороны, галки, воробьи, рябчики, тетерева, глухари.

Тѣ животныя, у которыхъ хотъ и красная, но холодная кровь, не могутъ жить на морозѣ; примѣрно: змѣи, лягушки. Эти животныя на зиму ложатся въ землю, куда нибудь подъ камень или въ нору, и окопчѣваютъ. А когда наступитъ весеннее тепло, они снова оживаютъ.

Рыба хотъ и живетъ зимою, но въ водѣ; а въ водѣ подъ льдомъ всегда есть тепло, хотъ и не много. Вынь рыбу изъ воды на морозѣ, она тотчасъ замерзнетъ и умретъ.

Животныя съ бѣлою кровью къ зимѣ почти всѣ умираютъ. Пчелы конечно переносятъ зиму, но только тогда, когда ихъ ставятъ во мшанигъ или закутываютъ хорошо улы, чтобъ въ нихъ держалось тепло. Если же въ улей войдетъ холодъ, то всѣ пчелы замерзнутъ. Но большая часть всѣхъ другихъ животныхъ съ бѣлою и холодною кровью: мухи, комары, оводы, бабочки, къ зимѣ умираютъ.

Откуда же они берутся на другой годъ?

А вотъ откуда: многія изъ этихъ маленькихъ тварей передъ смертію кладутъ яйца въ уютныя мѣста, подъ камень, подъ корою дерева, или зарываютъ ихъ въ землю; а весною изъ этихъ яицъ и выходятъ новыя животныя.

#### \* 240. Соперничество домашнихъ животныхъ.

Корова, лошадь и овца паслись вмѣстѣ на лугу и затѣяли споръ, кто изъ нихъ приноситъ болѣе пользы своему господину. Корова говорила: «я даю ему вкусное молоко, сыръ и масло.»—«А я вожу для него огромныя тяжести и работаю на полѣ», сказала лошадь.—«А я терплю для него холодъ, снимая съ себя шерсть, чтобы одѣть его», заключила овца. Между тѣмъ

къ нимъ подошла собака. Онѣ смотрѣли на нее съ презрѣніемъ, какъ на самое бесполезное животное. Вскорѣ пришелъ и господинъ; онѣ ласково позвалъ собаку, началъ гладить ее и играть съ нею. Видя это, другія животныя стали роптать. Наконецъ лошадь не вытерпѣла и сказала: «ты обижаешь насъ, хозяинъ; мы болѣе заслуживаемъ любви твоей, нежели этотъ бесполезный товарищъ.» Но господинъ еще ласковѣе погладилъ собаку и сказалъ: вы всѣ полезны мнѣ, вы хорошо служите мнѣ, и я васъ хвалю; но собака эта спасла отъ смерти моего единственного, любимого сына, она вытащила его изъ воды. Могу ли я забыть эту услугу?

### Загадка.

Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестунъ.

### 241. Лошадь и верблюдъ.

Когда Богъ сотворилъ человѣка и животныхъ, — говоритъ одно языческое преданіе—тщеславная лошадь, гордясь нѣсколько дней сряду дарованною ей статностью, вдругъ захотѣла быть еще красивѣе, совершеннѣе, и стала просить Бога преобразить ее.

«Чѣмъ же ты недовольна?» спросилъ Господь милостиво.

— Да я вообще не могу жаловаться, отвѣчало легкомысленное животное; но мнѣ кажется, что я была бы еще быстрѣе на бѣгу, еслибъ ноги мои были выше и тоньше; длинная лебединая шея была бы мнѣ также очень къ лицу; болѣе широкая грудь увеличила бы мою силу; а такъ какъ я назначена Тобой носить твоего любимца, человѣка, то не мѣшало бы дать мнѣ, вмѣсто прикрѣпляемаго сѣдла природное.

«Твое желаніе можетъ быть исполнено», отвѣчалъ Господь: «но прежде полюбуйся своимъ идеаломъ.» И Богъ взялъ прахъ и создалъ верблюда.

Увидя такое безобразіе, лошадь задрожала отъ ужаса.

«Смотри», сказалъ Господь, «вотъ ноги выше и тоньше твоихъ; вотъ и длинная лебединая шея, и грудь шире твоей, и природное сѣдло! Желаетъ ли ты быть такою?»

Лошадь все еще дрожала и молчаливо поникла головой.

«Ступай же, и впредь будь довольна своею участью!» продолжал милосердый Богъ: «но чтобы ты не забывалась снова, то пусть это созданіе напоминаетъ тебѣ о твоёмъ суетномъ желаніи.» И Богъ даровалъ верблюду жизнь.

Съ тѣхъ поръ лошадь каждый разъ, какъ увидитъ верблюда, дрожить всѣмъ тѣломъ.

## 242. Виттингтонъ.

Въ Лондонѣ одинъ богатый купецъ принялъ къ себѣ въ домъ бѣднаго сироту, у котораго отецъ и мать умерли.

Мальчикъ этотъ назывался Ричардъ Виттингтонъ. Такъ какъ онъ былъ еще очень малъ, то его сначала не употребляли ни къ какому дѣлу. Но онъ самъ себѣ нашелъ дѣло: сталъ прилежно собирать потерянные булавки и брошенные голландскія нитки, которыми купцы увязываютъ свои товары. Когда онъ собралъ дюжины двѣ булавокъ и довольно толстый пучокъ голландскихъ нитокъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ. Купцу это понравилось: «мальчикъ этотъ, подумалъ онъ, можетъ со временемъ быть вѣрнымъ и бережливымъ смотрителемъ за домомъ.» Съ того времени онъ больше занимался имъ и полюбилъ его.

Однажды окотилась кошка: одинъ изъ людей того дома взялъ маленькихъ котятъ и понесъ ихъ, бросить въ рѣку; мальчикъ выпросилъ себѣ одного котенка, желая его вскормить. Просьбу его исполнили: котенокъ, котораго онъ кормилъ, выросъ и сталъ красивымъ котомъ.

Спустя нѣкоторое время, купецъ отправлялъ въ далекую землю большой корабль съ товарами для продажи. Когда онъ пошелъ посмотреть, все ли порядочно уложено, мальчикъ попался ему на встрѣчу съ котомъ на рукахъ.

«Ричардъ», сказалъ ему купецъ: «нѣтъ ли у тебя чего отправить за море на продажу?»—«Ахъ! сударь», отвѣчалъ мальчикъ: «вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ этого кота.»

«Ну, такъ пошли кота», сказалъ купецъ. Ричардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота и просилъ, чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ корабль присталъ къ одному острову, который до того времени былъ совсѣмъ не извѣстенъ. Вышедъ на берегъ, моряки услышали, что на этомъ островѣ царствуетъ король.

Король, лишь только узналъ о прибытіи въ землю его чужестранцевъ, велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего нельзя было ѣсть. Въ горницѣ была такая пропасть мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ стадами бѣгали по столу, пожирали кушанье и даже изъ рукъ гостей хватали куски. Не могли найти никакого способа избавиться отъ нихъ, хотя король и общалъ тому, кто отыщетъ такой способъ, дать кучу золота въ награду. Гости, услышавъ это, сказали королю, что они привезли съ собою звѣря, который всѣхъ мышей и крысъ передавитъ, и велѣли принести кота.

Тутъ-то было чего посмотреть, какъ онъ началъ всѣхъ крысъ и мышей пырять! Черезъ полчаса ни одна крыса не смѣла показать носу. Король такъ этому обрадовался, словно кто подарилъ ему другое царство; и какъ онъ имѣлъ неисчерпаемое богатство, то и далъ за кота цѣлую бочку золота.

Такимъ образомъ Ричардъ сдѣлался богачомъ. Выучившись купеческому дѣлу и пришедъ въ возрастъ, онъ открылъ свой собственный торговый домъ и сталъ счастливо поживать.

### 243. Замѣчательная собака.

Въ Лондонѣ собаки пользуются большимъ уваженіемъ, и тамошняя полиція, пожарная команда и водовозы содержатъ у себя собакъ, какъ отличныхъ помощницъ своихъ. Въ числѣ собакъ, прославившихся въ столицѣ соединеннаго королевства, пожарная собака Бобъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Нельзя сказать рѣшительно, къ какой именно породѣ принадлежитъ Бобъ, но наружность его тѣмъ не менѣе красива и правильна. Особенно же замѣчательны его мужество и понятливость.

Однажды случился пожаръ въ домѣ одного фабриканта въ Герцогской улицѣ, близъ Лондонскаго моста. Пожарная команда не успѣла еще разставить по мѣстамъ своихъ трубъ, какъ Бобъ уже вскочилъ въ средину пылающихъ комнатъ и смотрѣлъ во все стороны: нѣтъ ли какого либо ребенка или животнаго, ко-



тораго бы онъ могъ вынести изъ пламени. Бобъ обученъ выносить во время пожаровъ все живое: дѣтей, собакъ, кошекъ и домашнюю птицу. Нельзя исчислить, сколько жертвъ, уже совершенно погибавшихъ, вынесено этою доброю собакою изъ пламени.

Недавно также на пожарѣ въ Камбервель-гетъ, гдѣ погибло пять человѣкъ, Бобъ, не найдя въ горѣвшихъ комнатахъ ничего кромѣ собаки, схватилъ ее за спину и, не смотря на то, что глупая злилась и сколько могла кусала его, вынесъ ее изъ пламени. На другомъ пожарѣ онъ такимъ же образомъ спасъ поросятъ.

#### 244. Швейцарскія собаки на горѣ Сень-Готардъ.

Заботливое челоѣколюбіе побудило учредить на горѣ Сень-Готардъ гостинницу, гдѣ путешественники, сбившіеся съ дороги, и бѣдные странники находятъ временную помощь.

Въ сей гостинницѣ держатъ большихъ собакъ, приученныхъ бѣгать по узкимъ тропинкамъ горы и отыскивать несчастныхъ, застигнутыхъ вьюгою. На каждую собаку навѣшиваютъ бутылку съ виномъ или водкою, для того чтобы обезсиленный и оцѣпенѣвшій отъ стужи путникъ могъ подкрѣпиться.

Однажды одна изъ сихъ собакъ, обѣгая по обыкновенію тропинки, встрѣтила маленькаго шестилѣтнаго ребенка, котораго мать упала въ глубину снѣжной пропасти, откуда невозможно было спасти ее. Несчастная погибла. Оцѣпенѣвъ отъ стужи, изнуренное голодомъ, несчастное дитя лежало безъ силъ посреди дороги и стонало. Собака подбѣгаетъ къ нему и начинаетъ лизать оцѣпенѣвшія отъ холода руки его. Ободренное знаками ласки, дитя дѣлаетъ усилія приподняться, но не можетъ встать на ноги и падаетъ на спину собаки. Она останавливается, даетъ ему возможность схватиться за шерсть ея и съ величайшею осторожностію доноситъ его до гостинницы, гдѣ дитя вскорѣ совершенно оправилось.

Это трогательное происшествіе скоро сдѣлалось извѣстнымъ, и одинъ искусный живописецъ въ Бернѣ изобразилъ его на картинѣ. А сиротку взяли добрые люди на воспитаніе.

## 245. Волкъ.

### 1.

Нерѣдко случается охотнику или путешественнику по Россіи и Польшѣ ѣхать въ холодную зимнюю ночь по полямъ, покрытымъ снѣгомъ, и оледенѣлымъ лѣсамъ съ однимъ зарядомъ въ ружьѣ, но съ цѣлою толпою голодныхъ волковъ позади себя.

Этотъ свирѣпый врагъ человѣка водится по всей Европы, Азии и Америкѣ, отъ самаго сѣвера до юга. Впрочемъ число волковъ теперь значительно уменьшилось отъ постоянного преслѣдованія. Въ пищу волкъ не разборчивъ: за неимѣніемъ свѣжаго мяса довольствуется и гнилымъ, и даже изъ своей братьи съѣдаетъ мертвыхъ. Обжорствомъ волка пользуются Чукчи, живущія въ сѣверо-восточной Азии, для его истребленія. Чтобы поймать волка, охотники свиваютъ китовый усъ спирально, на подобіе часовой пружины, связываютъ ниткою и, обливъ водою, замораживаютъ. Когда весь кружокъ покроется льдомъ, и усъ не можетъ болѣе разогнуться, то, разрѣзавъ нитку, смазываютъ его масломъ или саломъ и кладутъ на мѣсто, гдѣ чаще всего проходятъ волки. Волкъ, отыскавъ жирный усъ, тотчасъ съѣдаетъ его; но въ тепломъ желудкѣ его кольцо, оттаявъ, разгибается и причиняетъ ему такую сильную боль, что онъ ужъ не можетъ спастись бѣгствомъ. Но при хитрости и хищности своей волкъ чрезвычайно трусливъ, особенно послѣ сытнаго обѣда, и неохотно связывается съ медвѣдемъ и даже съ дородной собакой. Повсюду подозрѣваетъ онъ опасность, боится затворенныхъ дверей, натянутыхъ веревокъ и т. п.

### 2.

Я вамъ расскажу происшествіе, хотя и не новое, но занимательное, изъ котораго вы увидите всю трусость хищнаго волка. Разъ ночью возвращался домой скрипачъ, съ своимъ инструментомъ подъ мышкой. Молодецъ этотъ всегда ходилъ не прямымъ путемъ, а проселками, и на этотъ разъ сбился съ дороги и попалъ въ яму, вырытую для ловли волковъ. Бѣдный музыкантъ и безъ того ужъ испугался, упавъ въ яму; но каковъ же былъ ужасъ его, когда онъ наткнулся въ ней на что-то живое, страшно заревѣвшее и засверкавшее на него огненными глазами!

Несчастный узналъ въ сосѣдѣ волка. Защищаться было нечѣмъ, и онъ, со страху, передъ самой волчьей пастью сталъ съ усердіемъ наигрывать разные плясовые мотивы, которые теперь казались ему очень не веселыми. Но волку вѣроятно нравилась эта музыка, потому что онъ страшнымъ воемъ принялся ей акомпанировать, что часто дѣлаютъ и наши музыкальныя собаки. На вой волка отозвались и другіе товарищи его, и принялись ему вторить. Бѣдному музыканту приходилось часъ отъ часу не легче. Никогда онъ не игралъ такъ неутомимо!... Съ уныніемъ поглядывалъ онъ на небо, въ нетерпѣніи ожидая спасительнаго утра. Но солнышко не спѣшило къ нему на помощь, а между тѣмъ вдругъ лопнули три струны, и ему нужно было играть на одной, четвертой... Музыкантъ дрожалъ при мысли, что и послѣдняя струна можетъ измѣнить ему, и волкъ, разумѣется, не дастъ ему натянуть новыхъ и съѣсть его съ аппетитомъ. Но судьба сжалилась надъ нимъ. Охотникъ, услыша музыку съ волчьимъ акомпаниментомъ, поспѣшилъ къ нему на помощь и, вытащивъ его изъ ямы, убилъ волка. Бѣдный музыкантъ молча побрелъ домой, давъ себѣ слово впередъ избѣгать проселочныхъ дорогъ. Кромѣ того скрипка въ эту страшную ночь такъ опротивѣла ему, что онъ бросилъ ее, и другимъ ремесломъ сталъ снискивать себѣ пропитаніе.

### 246. Заяцъ.

Заяцъ самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицею: «*трусливъ какъ заяцъ*». Мнѣ самому случилось видѣть, какъ онъ дрожить, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой нибудь приближающейся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря и птицы, и только ночью или по утреннимъ или вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневнаго убѣжища, *встаетъ съ логова*; ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣсть и *жируетъ*, то есть, рѣзвится, и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится, и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своей мордочкой, опущенной рѣдкими, но довольно длинными бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи, заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ по-

лямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что каждый охотникъ, *сходившій* русаковъ по *маликамъ*, извѣдалъ на опытъ.

Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза большіе, темные, на выкатѣ не косы: это знаетъ всякій; но будучи пугливъ и торопливъ, не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или на пенега, оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній назвали его косымъ, и даже чело-вѣка, пробѣжавшаго въ торопяхъ мимо того предмета, котораго онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: «эхъ ты косой заяцъ» или «куда забѣжалъ скоусу?» Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ. Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворняги и лягавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летають и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убжище, свое *логово*; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непременно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на коню съна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ, — увидитъ и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съестъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большія совы и филины.

С. Аксаковъ.

## 247. Анекдоты о крысахъ.

Крысы существуютъ почти во всѣхъ странахъ свѣта; и тамъ, гдѣ ихъ не истребляютъ и гдѣ у нихъ много корма, число ихъ достигаетъ до чрезвычайнаго множества. Главныя черты, которыя составляютъ отличительныя свойство крысъ, остаются однѣ и тѣ же во всѣхъ странахъ, но роды ихъ бываютъ различны. Сперва въ Европѣ было много черныхъ крысъ, но потомъ онѣ

смѣнились сѣрыми, которыя, по словамъ одной англійской писательницы, перешли въ Европу изъ Индіи послѣ большого землетрясенія, бывшаго въ 1727 году.

Слѣдующіе случаи представляютъ доказательство замѣчательнаго инстинкта крысъ.

Англійскій пасторъ, мистеръ Ферименъ, прогуливаясь однажды вечеромъ по лугамъ своего прихода, увидѣлъ множество крысъ въ самое время переселенія ихъ изъ одного мѣста въ другое, что, какъ извѣстно, водится у этихъ животныхъ. Пасторъ остановился, стараясь не дѣлать ни малѣйшаго движенія, и вся толпа переселенцевъ прошла очень близко отъ него. Неописано было удивленіе его, когда онъ увидѣлъ въ толпѣ старую слѣпую крысу, державшую въ зубахъ одинъ конецъ тоненькой палочки, между тѣмъ какъ другая крыса держала точно такъ же другой конецъ этой палочки и такимъ образомъ вела слѣпую пріятельницу свою.

Во время большого наводненія въ одной изъ мѣстностей Англій, 4-го сентября 1829 года, когда рѣка Тейна поднялась очень высоко, множество народа ходило по берегамъ ея. Между многими предметами, плывшими по водѣ, зрители увидѣли лебедя, на бѣлоснѣжныхъ перьяхъ котораго замѣтно было черное пятно. Это была живая крыса. Вѣроятно она была унесена водою съ какою нибудь плывущею вещію и, увидѣвъ лебедя, вздумала спастись отъ потопленія на спинѣ его. Какъ скоро лебедь доплылъ до земли, крыса соскочила съ него и убѣжала.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—разсказываетъ одинъ изъ англійскихъ журналистовъ— я жилъ въ деревенькѣ Икельтонѣ, въ графствѣ Кембриджскомъ. Возвращаясь съ охоты, я кормилъ собакъ своихъ въ небольшомъ сараѣ, гдѣ пища ставилась въ длинномъ корытѣ, и обыкновенно я самъ распоряжался этимъ дѣломъ. Случилось разъ, что, поставивъ кормъ, я заглянулъ въ сарай сквозь небольшую скважину дверей, и очень удивился, что въ корытѣ спокойно сидѣли крысы и безъ всякаго страха ѣли хлѣбъ и молоко вмѣстѣ съ собаками, которыя по видимому не об-

рашали никакого вниманія на маленькихъ звѣрьковъ.) Я рѣшила истребить крысъ, и на слѣдующій день поставилъ корыто такъ, чтобы однимъ выстрѣломъ изъ ружья, вставленнаго въ отверстие, положить ихъ на мѣстѣ. Въ обыкновенный часъ кормъ поставленъ былъ какъ приманка, но собакъ не впускали въ сарай. Напрасно. Я замѣтилъ, что изъ подъ корыта не одинъ разъ высывалась хитрая головка старой крысы, вѣроятно для какихъ нибудь наблюдений; но ни одна крыса не вышла. Прождавъ такимъ образомъ съ полчаса совершенно напрасно, я впустилъ собакъ, и черезъ нѣсколько минутъ крысы опять по братски раздѣляли обѣдъ ихъ. Можно думать, что перемѣна положенія корыта или какое нибудь другое ничтожное распоряженіе въ сараѣ возбудило подозрѣніе этихъ животныхъ. Какъ бы то ни было, но они, казалось, поняли, что безопасность ихъ соединена съ присутствіемъ собакъ.

## 248. Кротъ.

Оленька очень любила цвѣты. Ей давно хотѣлось имѣть въ маменькиномъ саду клумбочку, гдѣ бы она могла насадить побольше цвѣтовъ. Наконецъ это желаніе исполнилось. Разъ, при наступленіи весны, маменька пошла съ Оленькой въ садъ, подвела ее къ мѣсту еще не обработанному и сказала: «милая Оля, ты всю зиму хорошо вела себя и тѣмъ меня радовала; теперь я хочу тебя обрадовать. Дарю тебѣ это мѣстечко: на немъ можно устроить прелестную клумбу, — довольна ли ты?»

Ахъ, маменька! какъ можешь ты еще спрашивать, довольна ли я? Я такъ рада, такъ рада! ничѣмъ другимъ нельзя бы было доставить мнѣ столько удовольствія, и я не знаю, какъ благодарить тебя.

Она поцѣловала у маменьки руку и тотчасъ же стала обдумывать, какъ бы ей лучше воспользоваться подареннымъ мѣстомъ. Она хотѣла завтра утромъ пораньше идти въ садъ съ своими двумя братцами, убрать съ участка своего камня и всякій соръ и обвести его маленькимъ рвомъ. Потомъ собиралась она купить нѣсколько луковицъ и сѣмянъ, изъ которыхъ бы выросли красивые и душистые цвѣточки.)

Такъ все и было сдѣлано: скоро новая клумба уже пестрѣлась цвѣтами, и Оленька прилежно за ними ухаживала. Но какъ

она испугалась въ одно утро, когда, пришедши въ садъ, вдругъ увидѣла на клумбѣ своей, возлѣ прекрасныхъ левкоевъ, кучку набросанной земли. Она тотчасъ побѣжала къ работнику, который на ту пору случился въ саду, и спросила у него, что это значитъ. «Эту кучку, сказалъ онъ, набросалъ негодный кротъ. Прегадкій звѣрокъ! Кроты роются въ садахъ и лѣсахъ, въ лугахъ и пашняхъ, и вездѣ бываетъ отъ нихъ много вреда. Будьте спокойны, барышня: я постерегу вашъ садикъ; авось удастся выжить незваного гостя.»

Вечеромъ Оля опять была въ саду и увидѣла на своей клумбѣ новую кучку возлѣ чудесной гвоздики. Это ее очень огорчило. «Ахъ, сказала она, что наконецъ будетъ изъ моей клумбочки, когда эти несносные звѣри всю ее разроютъ?»

Она подозвала работника и посулила ему на водку, если онъ очиститъ отъ кротовъ ея клумбу.

Работникъ обѣщалъ постараться, и за одно это обѣщаніе получилъ отъ дѣвочки пятакъ.

Когда на утро она пришла въ садъ, работникъ встрѣтилъ ее съ улыбкой и разсказалъ, что онъ тотчасъ по восхожденіи солнца подстерегъ крота и, когда тотъ взрылъ землю, выкопалъ его лопаткой и убилъ.

Оленька осмотрѣла звѣря. Хвостъ у него былъ короткій, чешуйчатый и волосистый, а глаза по обѣ стороны головы подходили на свѣтлыя горошинки; цвѣтомъ онъ былъ черенъ. «Однакожъ, замѣтилъ работникъ, бываютъ и бѣлые и сѣрые кроты, бываютъ и бѣлые съ пятнами. Они умѣютъ строить себѣ покойныя комнатки со сводами и очень искусно обиваютъ ихъ мхомъ, навозомъ, соломой, листьями, травой и нѣжными кореньями.»

Вечеромъ, когда зашло солнце, другой кротъ началъ рыться. И на него работникъ тотчасъ напалъ, выкопалъ и убилъ его.

Оленька очень тому радовалась и наградила работника, сколько могла. Нѣсколько времени въ саду не замѣтно было шалостей крота. Но черезъ двѣ недѣли, въ ту самую пору, когда нанятъ былъ искусный садовникъ для присмотра за фруктовыми деревьями, недавно посаженными, Оля опять увидѣла кучку земли на своей клумбѣ. Это ее привело въ отчаяніе; она позвала садовника и горько жаловалась ему на свою бѣду.

Садовникъ улыбнулся.— Тутъ нѣтъ никакой бѣды, сказалъ онъ; вы, барышня, будьте совершенно спокойны.

«Да какъ же я могу быть спокойна?» отвѣчала Оленька жалобнымъ голосомъ.

— А чего же вы опасаетесь? спросилъ садовникъ.

«Эти злые кроты, сказала дѣвочка, вездѣ роются, грызутъ корни цвѣтовъ и мало по малу испортятъ весь мой садикъ?»

— Эхъ, барышня! отвѣчалъ садовникъ, улыбаясь: это все новости вы мнѣ рассказываете; видно правду говорятъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Вотъ ужъ я тридцать лѣтъ въ садовникахъ и не мало ужъ клумбъ, слава Богу, развелъ на своемъ вѣку, а ни одной еще у меня не испортили кроты. Не опасайтесь, барышня! ваши цвѣты цѣлы будутъ. На кротовъ много клепаютъ понапрасну. Они таки иногда изволятъ кушать корни цвѣтовъ и овощей; это, нечего сказать, правда. Да оно довольно рѣдко случается, то есть, когда они не могутъ найти живыхъ козявокъ и букашекъ, которыми питаются. А то кротъ вообще дѣлаетъ больше пользы, нежели вреда приносить.

«Эхъ, сказала Оленька: теперь ты, Порфиръ, новости мнѣ рассказываешь.» И она покачала головой, какъ всегда дѣлала, когда чему нибудь не вѣрила.

— Можетъ статься, продолжалъ садовникъ, то, что я вамъ говорю, барышня, для васъ ново и невѣроятно; однакожь это суцая правда. Если только кротовъ показывается не слишкомъ много, то они и въ садахъ, и въ поляхъ очень бываютъ полезны. Они, изволите видѣть, терпѣть не могутъ червяговъ, жуковъ и всякихъ маленькихъ гадовъ, что въ землѣ водятся, и ѣдятъ этихъ звѣрьговъ и насѣкомыхъ, которыя такъ много вредятъ растеніямъ. Вотъ почему кроты въ самомъ дѣлѣ очень полезны. Къ тому же они роютъ землю, и она, благодаря имъ, становится рыхлѣе; дождю легче проходить сквозь нее, а за то всѣ деревья, овощи и цвѣты должны кроту сказать спасибо. Правда опять и то, что кучки земли, которыя онъ набрасываетъ, мѣсту красы не придадутъ; это безпорядокъ. Но кучку не трудно срыть, а раскопанное мѣсто можно сгладить. Гдѣ кротовъ слишкомъ много разведется, тамъ надобно подстергать и бить ихъ въ то время, когда они разрываютъ землю, а это обыкновенно бываетъ при восходѣ и при захожденіи солнца.

Оленька слушала садовника съ большимъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, то она сказала ему: «Отчего же всѣ говорятъ,



что кротъ такой вредный звѣрь? Это я еще сегодня слышала отъ нашего сосѣда!»

— Да такъ ужъ завелось, отвѣчалъ садовникъ: всѣ бранятъ кротовъ; но это оттого, что никто не возьметъ труда рассмотреть дѣло хорошенько. Такъ и во всемъ другомъ; ужъ такъ бѣлый свѣтъ. Люди часто говорятъ, сами не знаютъ что. Но надобно быть осторожнымъ и не всему вѣрить, что другіе толкуютъ, а всякій разъ повнимательнѣе разбирать, справедливы ли говорятъ. Вотъ что-съ!

Оля успокоилась. Въ самомъ дѣлѣ цвѣты ея нисколько не пострадали отъ кротовъ, и она стала гораздо милостивѣе прежняго къ этимъ животнымъ.

### \* 249. Летучая мышь.

Однажды птицы вели жестокую войну съ четвероногими животными. Долго не было рѣшительнаго перевѣса, потому что побѣда была то на одной, то на другой сторонѣ. Но летучая мышь была осторожна и умна. Когда побѣждали птицы, то она весело летала съ ними вокругъ, и всѣ удивлялись этой необыкновенной птицѣ. Но когда побѣждали четвероногія животныя, то она присоединялась къ нимъ, ползала на четверенькахъ и выдавала себя за мышь. Наконецъ обѣ воюющія партіи, утомившись, заключили миръ, и тогда вдругъ открылось лицемеріе летучей мыши. Съ тѣхъ поръ ея всюду преслѣдуютъ: у четвероногихъ животныхъ ея стережетъ кошка, а у птицъ—сова. Поэтому-то она и избѣгаетъ свѣта и, ненавидимая всѣми, одиноко летаетъ средь темной ночи.

### 250. Лебедь.

Лебедь по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными, большими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длиною, гибкою и красивою шею, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: на-

чнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго гѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косою парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнце, — все живописно и великолѣпно въ немъ.

С. Аксаковъ.

## 251. Гуси.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухѣ.

Вася. Могутъ ли также летать наши домашніе гуси!

Отецъ. Нѣтъ,

Вася. Кто же кормитъ дикихъ гусей?

Отецъ. Они сами отыскиваютъ себѣ пищу.

Вася. А зимою.

Отецъ. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны; а весной возвращаются снова.

Вася. Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ же хорошо, и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны?

Отецъ. Потому что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ.

Вася. Но почему же это случилось съ ними?

Отецъ. Потому что люди объ нихъ заботятся и отучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не приучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми.

Вася. Нѣтъ, теперъ я буду стараться самъ все для себя дѣлать; а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

**Загадка.**

Носила меня мать, уронила меня мать, подняли меня люди, понесли въ торгъ торговать, отрѣзали мнѣ голову; сталъ я пить и ясно говорить.

**252. Курица и утята.**

По сосѣдству отъ меня, въ одной деревушкѣ, называющейся Коростелово, одна крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковыхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкій; обыкновенно утята, выведшія изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали по прежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утокъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣнии порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленные же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: они были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

*С. Аксаковъ.*

**253. Когда-бъ на дятла не свой носокъ, никто-бъ его въ дуплѣ не нашель.**

Можетъ быть, вамъ не случалось видѣть птицу дятла? Они бываютъ трехъ родовъ: зеленые, черные, пестрые. Дятель непрерывно занятъ. Въ чемъ же его занятіе? Долбитъ своимъ длиннымъ носомъ за-

сохлое дерево и подь корою его ищетъ себѣ пищи. Пища его червяки, точащія дерево. Издалека слышна работа дятла: можно считать его ровные удары. Онъ не скрывается, не таятся — долбитъ и долбитъ день и ночь. Гнѣзда же свиваетъ въ дуплахъ гнилыхъ деревь. и еслибъ не необходимость долбить, трудно было бы добраться до дятла. На него-то старики наши сложили пословицу: еслибъ на дятла не свой носокъ, никто-бъ его не нашель!

А знаете ли, кто походить на дятла? Болтувъ, говорунъ, пусто-меля. «Языкъ мой, врагъ мой!» говоритъ болтувъ. Языкъ выдаетъ болтуна точно такъ же, какъ носъ выдаетъ дятла. Умные люди говорить, что Богъ намъ далъ два уха и одинъ языкъ, для того чтобъ мы менѣ говорили и болѣе слушали, и что скромность есть при-знакъ ума.

## 254. Перелетныя птицы.

Анна. Наша ласточка опять прилетѣла, милый папаша. та самая, которая всегда вьетъ гнѣздо на нашей кровлѣ и такъ мило чирикаеть.

Отецъ. А видѣла ли ты, какъ вчера роились комары?

А. Видѣла. Но что же общаго между комарами и ласточками?

О. Очень много; потому что ласточки питаются комарами.

А. И нашъ аистъ также показался у насъ въ овинѣ.

О. Такъ непременно появилось уже много лягушекъ; вѣрно и змѣи давно выползли изъ норъ своихъ.

А. Стало быть, всѣ птицы прилетаютъ не ранѣе того, какъ для нихъ приготовится пища?

О. Не прежде. Ты знаешь, что много разнаго рода дикихъ птицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ питаются одними зернами, или зернами и червячками; эти большею частію остаются у насъ и зимою. Другія питаются только свѣжими ягодами или червячками, насѣкомыми, змѣями и т. п.; эти зимою улетають отъ насъ въ такія страны, гдѣ теплѣе и гдѣ въ это время бываютъ ягоды и гдѣ червячкамъ и насѣкомымъ не нужно прятаться отъ холоду. Различныя породы птицъ, какъ напр. журавли, дикіе гуси, дрозды и др., осенью предпринимають путешествія большими стаями и вмѣстѣ перелетаютъ за море.

А. А весною птицы возвращаются снова, когда онѣ знаютъ, что найдутъ себѣ пищу?

О. Да, какъ видишь, дитя мое. Но кто же научилъ ихъ этому? Кто научилъ аиста отыскать гнѣздо свое, а ласточку найти крышу гостепріимнаго дома?

А. Конечно Богъ научилъ ихъ этому.

О. Такъ, милая Анна. Богъ далъ животнымъ способности, потребныя для нихъ. И такъ когда тебѣ случится опять увидѣть перелетныхъ птицъ, то вспомни всякій разъ, что Богъ припасаетъ пищу прежде, нежели прилетятъ гости. И о людяхъ Онъ заботится съ такою же благостію; вотъ и о тебѣ Онъ позаботился напередъ, чтобъ ты нашла молоко для твоего пропитанія: при рожденіи своемъ и ты появилась на свѣтъ какъ незнакомая гостя, и никакая другая пища не могла такъ хорошо прокормить тебя и сохранить твою жизнь. Какъ ты думаешь, чѣмъ ты воздашь Богу за такое великое благодѣяніе?

А. Я? У меня ничего нѣтъ, что бы я могла дать Ему. Но буду очень любить Бога и охотно исполнять все то, что Ему пріятно.

### 255. О ласточкахъ.

Посмотри наверхъ, милый мой, сказалъ однажды отецъ маленькому своему сыну,—наверхъ, на эти птичьи гнѣздышки, надъ окнами комнатъ нашихъ подъ кровлею. Видишь, одни только что начаты, только что прилѣплено къ стѣнѣ нѣсколько глины; другія до половины сдѣланы; а нѣкоторыя совсѣмъ готовы—плотны и чисты, съ однимъ маленькимъ отверстіемъ, въ которое птички будутъ влетать и улетать.

Это гнѣзда ласточекъ, и вотъ ты видишь хозяевъ ихъ. Какъ неутомимо летаютъ онѣ туда и сюда, приносятъ во рту глину и землю, и работѣ своей даютъ форму носикомъ и ножками! Эти гнѣзда очень крѣпки и плотны, какъ стѣна изъ глины, а внутри устланы пухомъ и перьями, чтобъ малюткамъ мягко было лежать.

Ласточки питаются мушками, комарами и другими насекомыми, и всегда строятъ себѣ гнѣзда въ горахъ и деревняхъ около домовъ. Люди не тревожатъ ихъ: эти птички болѣе полезны, нежели вредны, и намъ пріятно смотрѣть на образъ жизни ихъ. Погляди, какъ быстро несутся онѣ по воздуху, преслѣдуя добычу свою! По утру онѣ просыпаются на самомъ раз-

свѣтъ, щебечуть и шумять у окна, пока мы еще въ постелѣ; и цѣлый день не складываютъ крыльевъ, летая за пищею для себя и для дѣтей своихъ. Наловивъ нѣсколько мухъ, онѣ тотчасъ спѣшатъ къ гнѣздышкамъ; быстро влетаютъ въ отверстіе и кормятъ малютокъ.

Я расскажу тебѣ, какую великую заботливость имѣютъ онѣ о своихъ дѣтяхъ. Ласточки построили однажды себѣ гнѣздо въ галереѣ; когда онѣ уже имѣли малютокъ, случилось, что одна изъ нихъ, вскарабавшись до отверстія прежде нежели оперилась, выпала изъ гнѣзда и ушиблась до смерти о каменный полъ галереи. Старыя птички, увидѣвъ это несчастіе, полетѣли и принесли коротенькихъ прутиковъ изъ твердой соломы и укрѣпили ихъ глиною въ родѣ частокола около отверстія гнѣзда, чтобы предохранить другихъ малютокъ отъ жалкой участи ихъ бѣднаго брата.

Можно еще много сказать о дальновидности этихъ птицъ. Осенью, когда начинается холодная погода, ласточки собираются въ великомъ множествѣ на кровляхъ высокихъ строеній и приготовляются летѣть въ страну, гдѣ теплѣе. Чтобы испытать свои силы, онѣ дѣлаютъ нѣсколько большихъ круговъ по воздуху въ разныя стороны и потомъ, выбравъ тихій, прекрасный день, отправляются всѣ вмѣстѣ на югъ.

Полагаютъ, что ласточки улетаютъ на зиму въ средину Африки; весною же онѣ отправляются назадъ въ наши сѣверныя страны. Иногда при раннемъ наступленіи у насъ хорошей погоды нѣкоторыя изъ нихъ прилетаютъ слишкомъ рано; и когда погода настанетъ опять холодная и снѣжная, то бѣдняжки умираютъ отъ недостатка въ пищѣ или отъ мороза. Отсюда происходитъ пословица, что *одна ласточка не дѣлаетъ весны*. Но когда прилетаетъ ихъ множество, то мы можемъ быть увѣрены, что зима миновала; и оттого мы всегда радуемся ихъ возвращенію.

### Загадка.

Молодой конѣкъ, за море ходокъ; спинка соболинка, а брюшко бѣленькое.

### 256. Беззаботность птички.

Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда. Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ; солнце красное взойдетъ—птичка гласу Бога внемлетъ, встрепетается и поетъ. За весной, красой природы, лѣтней пройдетъ—и туманъ и непогоды осень поздняя несетъ: людямъ скучно, людямъ горе; птичка въ дальнія страны, въ теплый край, за сине море улетаетъ до весны.

*Пушкинъ.*

### 257. Птичка.

Вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей; я рошамъ возвратилъ пѣвицу, я возвратилъ свободу ей. Она исчезла, утопая въ сіяньи голубого дня, и такъ запѣла улетая, какъ бы молилась за меня.

*Θ. Туманскій.*

### Загадка.

Безъ рукъ, безъ топоренка состроена избенка.

### 258. Окунь.

Окунь не то, что ракъ, хотя и живетъ въ водѣ, это всякій знаетъ; извѣстно, что ракъ не рыба, и разница между ними огромная. У рака внутри нѣтъ костей, но за то снаружи толстый черепъ. У окуня, напротивъ, внутри есть кости. За костистой головой тотчасъ начинается у него рядъ толстенькихъ косточекъ, вплоть до самаго хвоста. Эти косточки называются позвонками: отъ нихъ вверхъ и внизъ идутъ другія косточки, а для плавательныхъ перьевъ есть еще другія. И не перечешь, сколько всѣхъ косточекъ у окуня. Но наука пересчитала ихъ, и если учиться, т. е. добывать себѣ свѣту, по старинной пословицѣ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, — то можно узнать, и сколько у окуня костей, и зачѣмъ каждая изъ нихъ, и какъ можетъ рыба жить въ водѣ, и отчего она не утонетъ, т. е. не захлебнется, тогда какъ человѣкъ и десяти минутъ не можетъ пробыть

въ водѣ, непременно захлебнется. Все это совѣмъ не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Ученые скажутъ тоже, для чего у рыбы есть жабры и какъ она можетъ ими дышать въ водѣ. Безъ ученья все это тьма.

### **Загадка.**

Идешь въ баню черенъ, а выходишь красенъ.

### **259. Какъ кошки ловятъ рыбу.**

Хотя я зналъ, что кошки ловятъ рыбу, но никогда не слышалъ и не видалъ, какъ они производятъ эту охоту. Третьяго мая 1855 года сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшого проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травой, была икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползеть и прячется, растянувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву—кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который недалеко отъ меня копался въ своихъ грядкахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ рассказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякій день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

*С. Аксаковъ.*

### **260. Угорь и змѣя.**

«Посмотри на меня», говорила змѣя угрю: «какъ я прекрасна? Видалъ ли ты когда нибудь кожу, такъ красиво расписанную и такую гладкую? Правда, и твоя кожа гладка; однако-жь моя и гладка и красива.»

«Въ самомъ дѣлѣ», отвѣчалъ угорь, «я не такъ красивъ какъ ты, а только гладокъ. Но отчего происходитъ то, что твоя



красота всякому отвратительна, и что люди, увидѣвши въ тебѣ пеструю твою кожу, пугаются и бѣгаютъ?»

«Бѣгаютъ?» спросила красивая змѣя: отчего же это? я не знаю.»

«А я знаю, отвѣчалъ угорь, и люди также знаютъ. Снаружи ты блестяшь, а внутри у тебя ядъ и желчь.»

## 261. Змѣя и пѣвица.

«Какъ я несчастна, и какъ завидна часть твоя!» однажды говоритъ пѣвицѣ змѣя: «ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна; тебѣ охотно кровь свою даютъ, меня же всѣ бѣгутъ и, если могутъ, бьютъ; а кажется равно мы съ ними поступаемъ: и ты, и я людей кусаемъ.»

— Конечно! былъ на то пѣвицынъ отвѣтъ, да въ цѣли нашей сходства нѣтъ; я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю, а ты для ихъ вреда; я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю, а ты и небольшимъ смертельна завсегда. Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права; я—ихъ лекарство, ты—отрава.

*Дмитріевъ.*

## 262. Древесная лягушка.

«Гриша! посмотри, у меня зеленая птичка», сказалъ отецъ, входя въ комнату и поднявъ платокъ, завязанный узелкомъ. —Ахъ, покажи, папа, сказалъ Гриша, дай мнѣ ее. «Подожди, я дамъ тебѣ ее; но только держи крѣпче, чтобъ она не вылетѣла.» Развязавъ платокъ, онъ осторожно всунулъ ему въ руку маленькую лягушку. Испуганный Гриша выпустилъ ее изъ рукъ и поднялъ страшный крикъ.—Фи, какая противная лягушка!... Между тѣмъ лягушка прыгала по комнатѣ; а Гриша такъ боялся ея, что перебѣгалъ изъ одного угла въ другой. Отецъ снова поймалъ ее. «Глупенькій, говорилъ онъ Гришѣ, можно ли бояться лягушки? Я принесу стаканъ, поставлю въ него лѣсенку и посажу туда лягушку: она будетъ намъ предсказывать погоду.» Онъ выстрогалъ лѣсенку и рассказалъ Гришѣ, какъ онъ, гуляя по лугу, услышалъ кваканье лягушки и

нашелъ ее сидящую на листьяхъ кустарника. Потомъ онъ принесъ стаканъ, налилъ его до половины водою и, опустивъ въ него лѣсенку и лягушку, завязалъ стаканъ тонкою холстиною и поставилъ передъ окномъ. «Ну, Гриша, сказалъ отецъ, смотри же хорошенько за нашимъ живымъ барометромъ. Когда онъ выйдетъ изъ воды, то должно ожидать хорошей, сухой погоды; но когда онъ сидитъ въ водѣ, то обыкновенно бываетъ вѣтеръ или дождь. Только чрезъ каждые два дня бросай ей въ пищу по нѣскольку мухъ сквозь отверстіе въ холстинѣ.» Гриша внимательно разсматривалъ лягушку. У ней спинка была красиваго зеленого цвѣта, а тѣло все обнажено, — ротъ большой и широкій. Она постоянно вдыхала въ себя воздухъ и широко раскрывала глаза. Четыре ноги ея были растопырены, на двухъ переднихъ было по четыре отдѣльныхъ пальца, а на заднихъ по пяти пальцевъ, соединенныхъ между собою тонкою кожей.

### 263. Гусеницы, куколки и ихъ враги.

Однажды утромъ Вася увидѣлъ множество гусеницъ, ползающихъ по окну. Онѣ выползли изъ сада и по высокой стѣнѣ добрались до самаго окна.

«Посмотри, папенька», вскричалъ Вася, «какъ ловко ползаютъ гусеницы по скользкому стеклу! Но отчего это онѣ поворачиваютъ головку, то направо, то налево? Это только задерживаетъ ихъ; имъ нужно употребить болѣе часа на то, чтобы проползти эти два стекла.»

Отецъ подошелъ къ окну и наблюдалъ за ползающими гусеницами

Вася. Отчего это, прежде чѣмъ подвинуться далѣе, онѣ всегда поворачиваютъ головкою? Какъ будто бы онѣ хотѣли намъ дѣлать поклонъ на обѣ стороны.

Отецъ. Ну, онѣ вовсе не такъ учтивы, а поворачиваютъ головками по совершенно другой причинѣ. Посмотри, крѣпко ли онѣ держатся на стеклѣ.

Вася отворилъ окно и долженъ былъ сдѣлать порядочное усиліе для того, чтобы оторвать хоть одну изъ нихъ. «О, теперь я знаю», вскричалъ онъ, «почему онѣ дѣлаютъ такіе поклонны!»

О. Почему же?

В. Онѣ протягиваютъ по стеклу во все стороны тоненькія ниточки, и оттого такъ крѣпко и держатся на немъ.

О. Совершенно справедливо. Онѣ поворачиваются направо и крѣпко приклеиваютъ къ стеклу конецъ своей ниточки; затѣмъ поворачиваются влѣво, протягивая при этомъ свою ниточку поперекъ. Такимъ образомъ онѣ продолжаютъ поворачиваться, и при каждомъ поворотѣ образуютъ новую ниточку, такую тонкую, какъ нить паука. Протянувъ нѣсколько ниточекъ, онѣ подвигаются впередъ, т. е. цѣпляются ножками своими за ниточки, какъ за веревочную лѣстницу.

В. Потому-то онѣ и держатся такъ крѣпко!

О. Такъ; потому-то онѣ и могутъ ползти по скользкому стеклу.

«Но чего же вы хотите здѣсь?» сказала Вася, обращаясь къ насѣкомымъ. «Въ саду еще много пици для васъ; а изъ того что у насъ есть здѣсь, для васъ ничего не годится. Ползите опять внизъ, заблудившіяся овечки!» Съ этими словами онѣ оторвалъ гусеницъ отъ стекла и сбросилъ ихъ въ садъ.

О. А нѣкоторыхъ ты все-таки не можешь сбросить. Посмотри-ка, нѣсколько гусеницъ сидятъ уже наверху, на потолкѣ.

В. А! Онѣ вѣрно вползли въ комнату черезъ разбитое стекло. Теперь вамъ предстоитъ голодная смерть, потому что вся комната для васъ—пустыня: тутъ нѣтъ ни одного листочка.

О. Но онѣ теперь и не будутъ нуждаться въ пицѣ. Онѣ уже насытились на всю свою жизнь въ гусеницахъ; теперь имъ хочется чего-то совсѣмъ другого.

Васѣ очень хотѣлось узнать объ этомъ что нибудь поподробнѣе; но отецъ не удовлетворилъ его любопытства, а велѣлъ подождать, говоря, что онѣ со временемъ самъ все это увидитъ.

Черезъ нѣсколько дней каждая гусеница обмотала себя и сдѣлалась куколкой. Вася досталъ одну изъ нихъ длинной палкой: куколка блестѣла, какъ золото; а сверху пряжи, которою она была обмотана, висѣла кожа гусеницы. Она сняла ее съ себя, какъ платице, и теперь имѣла другую кожицу, жесткую и роговидную. Но на ней уже не было замѣтно болѣе ни ножекъ, ни головки. Вася тихонько дотронулся до куколки, и она слегка зашевелилась, начала сжиматься и изгибаться. «Ты еще жива!» вскричалъ онъ: «а я считалъ тебя мертвою и думалъ, что ты лежишь въ тѣсномъ гробу. Какъ же тебѣ оттуда выйти? Погоди же, я помогу тебѣ.»

Онъ булавкой приподнял нѣсколько покрывку и что же? внутри были видны длинныя ножки и крылья. Все это сначала шевелилось; но черезъ нѣсколько мгновений это маленькое животное было уже мертвымъ.

В. Скажи мнѣ, папенька, что такое въ куколкѣ, не гусеница ли?

О. Да, была гусеница. Она начала уже свое превращеніе: сдѣлалась куколкой и потомъ должна была бы сдѣлаться бабочкой. Но теперъ ты лишилъ ее жизни своимъ любопытствомъ.

В. Значить, бабочки происходятъ отъ гусениць?

О. Да, изъ гусениць образуются куколки, а изъ куколокъ бабочки.

В. Въ такомъ случаѣ я попрошу маменьку поберечь другихъ куколокъ, которыя еще остались на потолкѣ, а не то ихъ пожалуй сметутъ оттуда.

Спустя нѣсколько дней почти всѣ бабочки вылѣзли изъ своей скорлупы и летали по комнатѣ. Каждая изъ нихъ имѣла четыре крылышка и шесть длинненькихъ ножекъ. На головѣ у каждой было по два длинныхъ рожка и два большихъ глаза; впереди у нихъ былъ хоботокъ, свернутый въ трубочку; слобомъ, это было насѣкомое, совершенно отличное отъ гусеницы.

Вася выпустилъ ихъ на волю. Онѣ летали съ цвѣтка на цвѣтокъ и, какъ пчелы, высасывали изъ цвѣтовъ сокъ своимъ хоботкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ садились на листья, гдѣ, какъ отецъ потомъ показалъ Васѣ, онѣ клали свои яички. Эти яички большею частію находились на нижней сторонѣ листка, такъ что и птицы не легко могли найти ихъ, и дождь и солнечный жаръ не могли вредить имъ. Они были крѣпко прилѣплены къ листику и не могли легко отпасть.

«Изъ этихъ яичекъ снова образуются гусеницы», сказалъ отецъ: «но сначала гусеницы бываютъ очень малы, даже меньше этихъ яичекъ. Принимая очень много пищи, онѣ скоро вырастаютъ, такъ что черезъ нѣсколько дней имъ становится тѣсно въ ихъ кожицѣ; тогда онѣ долгое время остаются въ совершенномъ бездѣйствіи и снимаютъ свою одежду, подъ которою готова уже новая и болѣе просторная. Онѣ не разъ перемѣняютъ кожу, пока наконецъ, сбросивъ послѣднюю, не превратятся въ куколки.

Всѣ куколки, бывшіе въ комнатѣ у Васи, кончили уже свое превращеніе, сдѣлались бабочками и улетѣли. Только три куколки продолжали еще висѣть на потолокъ. Вася замѣтилъ, что около каждой оставшейся куколки висѣлъ какой-то желтый комочекъ. Съ любопытствомъ онъ снялъ палочкой одинъ изъ нихъ; куколка также упала, но она была совершенно выдолблена, и въ ней были маленькія отверстія. А желтый комочекъ содержалъ въ себѣ маленькія зернышки, изъ которыхъ каждое было не больше просяного зерна. Только на видъ они были продолговаты, а на ощупь походили на шелкъ.

«Посмотри, папенька», вскричалъ Вася, «эта куколка положила совершенно желтыя яички, а сама сдѣлалась совершенно пустою.»

О. Это вовсе не яички, а также куколки, только не отъ той гусеницы, а отъ совершенно другихъ, гораздо меньшихъ; они превратятся въ крошечныхъ мухъ, величиною съ булавочную головку. Сами же гусеницы выросли въ куколкѣ той большой гусеницы.

В. Какъ же онѣ туда попали?

О. Вѣроятно одна изъ этихъ маленькихъ мухъ пронзила жаломъ своимъ куколку и положила внутри ея свои яички.

В. Какія же крошечныя должны быть эти яички, если сама муха была такъ мала!

О. Конечно. Сосчитай-ка, сколько маленькихъ желтыхъ куколокъ.

В. О, какъ много! Цѣлыхъ двадцать два.

О. А между тѣмъ яички для нихъ всѣхъ положены одною только мухой; и всѣ они образовались изъ яичекъ внутри большой куколки. Бѣдная гусеница! ничего не подозрѣвая, обматалась и превратилась въ куколку; а теперь отъ нея осталась только одна скорлупа, вся же внутренность выѣдена маленькими гусеницами, которыя, выросши, выползли изъ куколки.

В. Оттого-то и замѣтно такъ много дырочекъ на кожицѣ большой куколки.

О. Ну, да. Эти гусеницы или личинки сами просверлили для себя отверстія и, выползши, сами обмотались. Они превратятся теперь въ маленькихъ мухъ, которыя въ свою очередь будутъ отыскивать другихъ большихъ куколокъ, чтобы забраться въ нихъ и положить тамъ свои яички.

В. Яичкамъ-то было очень удобно, но за то куколка должна была погибнуть.

О. Справедливо; она должна была умереть. У кого всегда полноя домъ непрощенныхъ гостей, тотъ самъ долженъ погибнуть. Маленькія гусеницы съѣли все, что только нашли.

### Загадка.

Ползу червячкомъ, питаюсь цвѣткомъ, потомъ засыпаю, себя зарываю. Не ѣмъ, не гляжу, недвижно лежу; но вдругъ оживаю я съ новой весной, свой гробикъ стряхаю надъ травкой молодой. Лечу, веселюся, какъ птичка взвѣюся, прекраснѣй въ сто разъ, чѣмъ прежде была я, и радую васъ, по небу порхая.

### \* 264. Резедная бабочка.

Резеда имѣетъ душистый цвѣтъ, который любятъ не только люди, но и бабочки. Есть бѣлая бабочка съ крапинами на крыльяхъ, которая кладетъ свои яйца подъ листьями резеды, чтобы предохранить ихъ отъ дождя и росы. Яйца прикрѣпляются открытымъ концомъ своимъ къ листку; когда гусеница пробуждается въ нёмъ и хочетъ выбраться изъ него, то находитъ, что выходъ запертъ, только не желѣзомъ или деревомъ, а просто ея же пищею, которая такъ вкусна, какъ изюмъ и миндаль для насъ. Когда она прокуситъ маленькое отверстие и просунетъ раза два головку вверхъ, то выходитъ на волю, на всѣ четыре стороны. Отецъ небесный поступаетъ съ червячкомъ точно такъ же, какъ если бы вы заперли маленькаго мальчика или дѣвочку въ уединенную комнатку, въ которой дверь была бы съдѣлана изъ пряника, и если бы вы сказали: спи теперь, а когда проснёшься и захочешь выйти къ намъ на солнышко, то прогрызи себѣ лазейку въ пряникъ.

### 265. Дитя и шелковичный червь.

«Фи, какой противный червякъ!» вскричала маленькая Аннушка, увидя въ первый разъ шелковичнаго червя. «Ахъ, сколько такихъ гадовъ на свѣтѣ, которые ни къ чему не годятся,

какъ только внушать ужасъ и отвращеніе, да еще объѣдать листья на деревьяхъ.»— Не болтай такъ безразсудно, маленькая болтушка, сказала шелковичный червь. Знаешь ли ты, кому ты обязана красивымъ шелковымъ платьемъ, которымъ ты такъ гордишься,—никому болѣе, какъ мнѣ!—«Не суди по наружности, дитя мое», сказалъ отецъ Аннушки: «достоинство каждаго существа зависитъ не отъ наружной красоты, но отъ свойства его и отъ пользы, которую оно приноситъ. А что всего важнѣе: не говори никогда о томъ, чего ты хорошо не знаешь.»

### 266. Мертвая голова.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ вечернихъ бабочекъ есть мертвая голова. Она называется такъ потому, что у ней на груди бѣлыя пятна, представляющія нѣкоторое сходство съ мертвою головою. Хотя эта мрачнаго цвѣта бабочка не отличается особенною красотою, но она заслуживаетъ вниманія какъ наибольшая изъ всѣхъ. Иные пугались, когда это волосатое наѣкомое налетало на нихъ вечеромъ; иногда жужжаніе его приводило въ ужасъ тѣхъ, которые не знали, что эта единственная бабочка, которая издаетъ звукъ.—Одинъ помѣщикъ возвратился изъ города лѣтомъ, около 10 часовъ вечера, въ свою деревню. Слава Богу, что ты пришелъ», сказала жена, встрѣчая его.—Ахъ, баринъ, прибавила изъ кухни служанка, мы чуть не умерли со страху.—Ну, чего же вы такъ испугались?—«Такого звука, какъ сегодня, я еще не слыхала во всю жизнь. Мы съ Марьей были въ кухнѣ и разговаривали о покойной сосѣдкѣ. Вдругъ мы слышимъ, въ трубѣ надъ нами что-то начинаетъ летать и жужжать, только не такъ, какъ летучія мыши или жуки,—совсѣмъ иначе. Мы подумали, что это душа покойницы насъ подслушиваетъ, убѣжали въ комнату и заперли за собою дверь. Да... Марья заложила даже замочную скважину, потому что лишь только мы вошли въ комнату, звукъ возобновился и продолжался до твоего прихода»—Оставьте вы душу сосѣдки въ покоѣ, да зажгите мнѣ свѣчу; я посмотрю, что васъ такъ встревожило. При этихъ словахъ вдругъ снова раздалось за дверью жужжаніе; хозяинъ долженъ былъ сознаться, что онъ никогда не слыхалъ такого звука въ царствѣ животномъ. Это еще болѣе возбудило его любопытство, и онъ началъ дѣлать тщательный ро-

зыскъ. Долго старанія его казались напрасными, потому что звукъ затихъ въ ту минуту, какъ онъ вышелъ изъ комнаты со свѣчкой. Наконецъ онъ нашель на днѣ корзины—мертвую голову. Ты, голубушка, попалась очень кстати для коллекціи моего пріятели,» сказалъ обрадованный хозяинъ,—велѣлъ подать себѣ булавку и прикололъ ею бабочку къ дну корзины. И что же? Въ ту самую минуту она начала бить крыльями и жужжать сильнѣе прежняго. Тогда хозяйка и служанка убѣдились, что это были тѣ же самые звуки, которые такъ напугали ихъ.

## 267. Непрiатели пчелъ.

### 1.

На листьяхъ картофеля живетъ большая гусеница, толстый кашматый червякъ, изъ котораго потомъ выводится огромная ночная бабочка, называемая бражникъ мертвая голова. На ея черной косматой спинѣ есть свѣтло-желтое пятно, немножко похожее на черепъ; оттого она и прозвана мертвой головой. Когда эта бабочка летитъ, или когда хватаешь ее руками, она какъ-то особенно жалобно пищитъ, и пискъ ея похожъ на пѣніе молодой пчелиной матки. — Бражникъ мертвая голова забирается въ улей и сосетъ тамъ своимъ толстымъ хоботомъ медъ, запасенный въ восковыхъ клѣточкахъ. Богъ знаетъ, отчего и какъ, только бражникъ наводитъ на пчелъ ужасный страхъ. Залетаетъ онъ въ улей въ сумеркахъ, или въ началѣ ночи, и тонко, жалобно начинаетъ тамъ пищать. Тогда туча пчелъ вдругъ вылетаетъ на воздухъ, а шумъ продолжается иногда нѣсколько часовъ сряду. На другой день около улья мертвыя пчелы валяются тысячами, медъ высосанъ и весь рой пропалъ. Можетъ быть, запахъ бражника мертвой головы вреденъ для пчелъ, или есть на это какая другая причина; только улей, въ которомъ побывалъ бражникъ, никогда не уцѣлѣетъ.

### 2.

Другой непріатель пчелъ—жучокъ булавастка, и мы знаемъ, чѣмъ онъ вреденъ. Самъ онъ ростомъ съ пчелу, а можетъ ужасно повредить цѣлому улью; называется же онъ булавасткой по-



тому, что усики его съ толстыми наконечниками, точно була-вочки. Крылья у балавастики, какъ почти у всѣхъ жуковъ, по-крыты еще другою парю такихъ жесткихъ крыльевъ, что пче-ла ихъ не пройметъ своимъ жаломъ. И весь животъ, и вся грудь и голова этого жучка—въ очень жесткой оболочкѣ; пче-линое жало можетъ войти въ тѣло булавастики только подъ кры-ломъ, тамъ гдѣ крыло приросло къ тѣлу. Булавастика забирает-ся въ улей, чтобы класть свои яички, и всегда накладетъ ихъ множество. Изъ яичекъ выводятся червячки, только ужъ не такіе скромные и миролюбивые, какъ у пчелъ; они питаются не медомъ, а пчелиными червяками, и поѣдаютъ ихъ пропасть.

### 268. Искатели меда.

Въ Америкѣ водится множество пчелъ, которыя устраиваютъ гнѣзда свои въ дуплахъ старыхъ деревь. Вотъ какимъ образомъ отыскиваютъ эти деревья. Охотникъ собираетъ на цвѣтахъ, ра-стущихъ вдоль лѣсовъ, нѣсколько пчелъ и сажаетъ ихъ въ ящи-чекъ, въ которомъ кладутъ кусочекъ медоваго сота; въ крышкѣ этого ящичка вдѣлываютъ стекло, довольно большое, для того чтобы свѣтъ проникалъ въ него со всѣхъ сторонъ. Когда охот-никъ предполагаетъ, что пчелы его насытились медомъ, онъ вы-пускаетъ двѣ или три изъ нихъ и тщательно замѣчаетъ, куда онѣ летятъ, до тѣхъ поръ пока совершенно потеряетъ ихъ изъ виду. Потомъ онъ идетъ къ тому мѣсту, гдѣ пересталъ ихъ ви-дѣть и выпускаетъ еще нѣсколько плѣнницъ, замѣчая и за ними такъ же какъ за первыми. Онъ повторяетъ это до тѣхъ поръ, пока пчелы принимаютъ направленіе противное тому, по кото-рому полетѣли первыя. По этому охотникъ узнаетъ, что про-шелъ далѣе предмета своихъ розысковъ; ибо извѣстно, что если взять пчелу съ цвѣтка, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи на югъ отъ дерева, на которомъ живетъ она, и унести еѣ въ ящикъ, хотя совершенно закрытомъ, на сѣверъ отъ того дерева, она, какъ скоро выпустятъ ее на волю, описываетъ на лету кругъ и пускается прямо къ своему жилищу.—Посему охотникъ, узнавъ по направленію полета пчелъ своихъ, что дерево ихъ уже близко, останавливается и кладетъ на разогрѣтый кирпичъ кусочекъ медоваго сота, котораго запахъ такъ силенъ, что весь рой тотчасъ оставляетъ свою крѣпость и пускается его отыски-

вать; потомъ остается только срубить это дерево, и весьма рѣдко случается, чтобы добыча не вознаграждала вполне стараний охотника; часто въ одномъ дуплѣ находятъ отъ двухъ до трехъ и болѣе пудовъ меда.

### 269. Пчела и мухи.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края, и стали подзывать съ собой туда пчелу; имъ насказали попугаи о дальнихъ сторонахъ большую похвалу. Притомъ же имъ самимъ казалось обидно, что ихъ на родинѣ своей вездѣ гоняють изъ гостей, и даже до чего (какъ людямъ-то не стыдно, и что они за чудачки!) чтобъ поживиться имъ не дать сластями за пышными столами, придумали отъ нихъ стеклянны колпаки; а въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки. — «Путь добрый вамъ», пчела на это отвѣчала: «а мнѣ и на моей пріятно сторонѣ. Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала: отъ поселянъ и до вельможъ. Но вы летите, куда хотите! вездѣ вамъ будетъ счастье то-жъ: не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны, вы ни почтенны, ни любезны; а рады науки лишь будутъ вамъ и тамъ.»

*Крыловъ.*

### Загадка.

Стоитъ посудина нерукотворена, налита въ ней кашлица не варена.

### 270. Чернильная муха.

На дубѣ случается видѣть небольшія, круглыя, жесткія, зеленныя съ красноватымъ оттѣнкомъ яблочки; это не что иное, какъ гнѣзда насѣкомаго, называемаго чернильной мухой.

Муха эта не велика, свѣтло-желтаго цвѣта и покрыта шелковистымъ бѣловатымъ пушкомъ. Когда приходитъ ей пора нести яички, то она прокалываетъ дубовый листъ или вѣтву и въ сдѣланную такимъ образомъ ямку кладетъ яичко. Сокъ растенія вытекаетъ въ свѣжую раночку, точно кровь изъ прорѣзаннаго

пальца, только гораздо медленнѣе,—застываетъ и мало по малу образуетъ вокругъ положеннаго яичка шарикъ, который потомъ снимается, идетъ въ продажу подъ именемъ чернильнаго орѣшка и употребляется на выдѣлку черной краски и чернилъ.

Эти орѣшки бываютъ различнаго вида и различной твердости; смотря по тому, въ которомъ мѣстѣ они образуются: на листкѣ ли, на стебелькѣ, на почкѣ, на корѣ, или на корнѣ дуба. Внутри орѣшка живетъ личинка чернильной мухи, питается внутренностію своего временнаго дома и потомъ, когда приходитъ ей время обратиться въ куколку, прогрызаетъ свой орѣшекъ, падаетъ на землю и зарывается. Въ землѣ она обращается уже въ куколку и лежитъ до тѣхъ поръ, пока изъ нея сдѣлается совершенное насѣкомое. Ежели разрѣжешь пополамъ чернильный орѣшекъ, когда личинка выбралась уже изъ него, то легко замѣтишь пустоту, въ которой она жила, и каналъ, чрезъ который выбралась на свѣтъ Божій.

## 271. Жуки.

Два маленькіе жука пришли въ одинъ холодный, осенній вечеръ къ большой пихтѣ и жаловались такъ: «мы, бѣдные изгнанники, страдаемъ напрасно, сжался надъ нами и позволь намъ прожить зиму подъ твоей корой; мы будемъ вносить тебѣ поголовную плату.» Пихта, польстившись на плату, сказала имъ: хорошо, живите у меня, пока вы будете платить. И такъ жуки устроили себѣ жилище въ корѣ ея, произвели на свѣтъ 20 жуковъ и умерли; эти 20 произвели 200 и умерли, 200 произвели 2000 и умерли, 2000 произвели еще въ десять разъ столько же. Тогда вершина дерева мало по малу начала чувствовать недостатокъ въ питательномъ сокѣ и стала жаловаться нижнимъ вѣтвямъ. Онѣ отвѣчали, что жуки, которые живутъ въ пнѣ дерева, отнимаютъ пищу у тебя и у насъ. Дерево испугалось за жизнь свою. Оно призвало на помощь бурю, которая принялась такъ качать его, что оборвала нѣсколько корней. Но жуки смѣялись изъ за уголковъ и отверстій своихъ. Дерево окружило себя такимъ рѣзкимъ холодомъ, что даже часть коры лопнула и разломалась; но жуки смѣялись надъ нимъ: протачивали кору и забивались все глубже. Тогда испуганное дерево стало взывать къ небу и землѣ, жалуясь на своихъ кровопійцъ;

но не дождалось оно помощи и умерло. Жуки же долго еще питались его сердцевиною и наконец перебрались на другое дерево.

### Загадка.

Черень, да не воронь; рогать, да не быкъ; шесть ногъ безъ копытъ, идетъ—земли не дереть.

### 272. Муравьи.

Едва ли найдутся между насѣкомыми созданія болѣе смысленныя муравьевъ. Знаменитый Франклинъ рассказываетъ о нихъ слѣдующій случай, къ которому онъ самъ далъ поводъ.

Въ шкапу у него стоялъ горшечекъ съ патокою, въ который забралось множество муравьевъ, какъ извѣстно, весьма падкихъ на все сладкое. Онъ выгналъ ихъ оттуда, обвязалъ горшечекъ снуркомъ и повѣсилъ его на гвоздь къ потолку. Случайно одинъ муравей остался въ сосудѣ; наѣвшись до сыта, онъ хотѣлъ уйти, но встрѣтилъ въ этомъ не малое затрудненіе. Съ начала онъ долго бѣгалъ по наружной сторонѣ горшечка, повсюду ища выхода, но все напрасно; наконецъ, послѣ многихъ розысковъ, онъ напалъ таки на вѣрный путь и по снурку взобрался на потолокъ, а оттуда вскорѣ спустился внизъ по стѣнѣ. Не прошло и получаса, какъ Франклинъ замѣтилъ, что цѣлый рой муравьевъ взбирается вверхъ и отправляется прямо къ горшечку. Вскорѣ онъ закипѣлъ этимъ народцемъ: одни всходили, другіе спускались по снурку, и это странствованіе не прерывалось до тѣхъ поръ, пока въ сосудѣ не осталось и слѣда патоки.

### 273. О паукахъ.

Многіе люди, а особливо маленькія дѣти, боятся пауковъ; но паукъ есть весьма невинное, полезное и притомъ замѣчательное животное. У насъ, напримѣръ, два глаза; а какъ вы думаете, сколько глазъ у паука?... У него цѣлыхъ восемь глазъ.

Ага! думаете вы, вѣрно потому-то онъ тотчасъ и видитъ, когда муха залетитъ къ нему въ паутину! Нѣтъ, дѣти, это не оттого, что у него восемь глазъ; ибо у мухи, по наблюденію естествоиспытателей, нѣсколько сотъ глазъ и, не смотря на то, она часто прямо влетаетъ въ паутину и не замѣчаетъ непріятеля своего, паука, сидящаго въ ней. Что изъ сего слѣдуетъ? То, что не только нужны глаза, но и осторожность и умѣнье, если мы хотимъ отстранять отъ себя несчастія. Замѣтили ли вы, какъ тонка бываетъ нить, которую паукъ проводитъ отъ угла до угла? Теперь скажу вамъ, что естествоиспытатели увѣряютъ, что каждая изъ этихъ нитей, которую едва можно видѣть глазами, состоитъ изъ шести тысячъ другихъ тончайшихъ нитей! Повѣрите ли вы этому? Но они исчисляють это слѣдующимъ образомъ: паукъ имѣетъ въ тѣлѣ своемъ шесть маленькихъ желѣзъ, изъ которыхъ онъ, прядя, выпускаетъ нити. Но каждая желѣза имѣетъ опять до тысячи маленькихъ отверстій. Если же паукъ, прядя, каждымъ изъ сихъ маленькихъ отверстій выпускаетъ по нити, то онъ изъ каждой желѣзы выпускаетъ тысячу нитей; а это составитъ изъ шести желѣзъ шесть тысячъ нитей. Не удивительно ли это?... Все хорошо, скажете вы, елибъ пауки только не были ядовиты.—Это не правда! До сихъ поръ еще нѣтъ примѣра, чтобы какой либо человѣкъ былъ отравленъ паукомъ.

**загадка.**

На полки, въ утолки лежитъ сито, не руками свито.

**274. 0 волосатикъ.**

Волосатикомъ называется червь, который водится на тинистомъ днѣ прѣсныхъ водъ. Онъ длиною въ полъаршина и болѣе; середина у него темноватаго цвѣта, кончики черные; онъ очень похожъ на лошадиный волосъ изъ хвоста или гривы. Многіе люди вѣрятъ, что волосатикъ происходитъ изъ длинныхъ волосъ, которые лошади теряютъ, купаясь въ водѣ; но это несправедливо: волосатики рождаются только отъ другихъ, себѣ подобныхъ волосатиковъ, и до сихъ поръ не находили ни одного животнаго, о которомъ можно было бы утвердительно сказать, что оно ро-

дилось не отъ подобнаго себѣ животнаго. Простой народъ думаетъ, что волосатики впиваются въ тѣло купающихся людей, живутъ тамъ, роются и наконецъ выходятъ опять наружу, производя между тѣмъ въ тѣлѣ несносную боль и гноевыя раны. Это также отчасти несправедливо: волосатики дѣйствительно иногда впиваются въ тѣло человѣка, но не глубоко, вися большею частію снаружи, такъ что съ осторожностію всегда можно ихъ легко вытянуть; если же при этомъ волосатикъ перервется, то оставшаяся въ тѣлѣ часть его въ самомъ дѣлѣ производитъ воспаленіе и нарывъ, но не болѣе какъ и простая деревянная заноза; рыться же и ходить въ человѣческомъ тѣлѣ волосатикъ не можетъ, и никогда этого не бываетъ, а гноевыя раны происходятъ отъ другихъ причинъ.

## 275. Пословицы и поговорки, заимствованныя изъ царства животныхъ.

Льва соннаго не буди. Не привязанъ медвѣдь не пляшетъ. Между волками жить, по волчьи и быть. Иному слонъ не слонъ, а страшенъ тараканъ. Упрямая овца волку корысть. Собака на снѣгъ лежитъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. И великъ и широкъ коровѣ языкъ Богъ далъ, да говорить заказалъ. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезы. Мышь сыта, мука горька. Птицы не сѣютъ, не орутъ, а сыты живутъ. Рано пташечка заѣла, какъ бы кошечка не съѣла. На что воронѣ большіе разговоры, знай ворона свое *кра*. Пуганая ворона куста боится. Старога воробья на мякинѣ не обманешь. Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсѣ. И пѣтухъ на своемъ попелищѣ храбрится. Курица по зернышку клоесть, да сыта живетъ. Хорошъ павлинъ, да ногами худъ. Лебедь по поднебесью, мотылекъ надъ землею чуть, всякому свой путь. На безрыбкѣ и ракъ рыба. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше. И карасей изъ пруда не выловишь безъ труда. Змѣя кусаетъ не для сытости, а для лихости. Знай сверчокъ свой шестокъ. Изъ комара дѣлаютъ слона.

## 276. Что такое растеніе?

Ты легко отличишь камень отъ дерева; ты скажешь, что дерево

горитъ, а камень не горитъ. Правда; но это еще не все: замѣчай ближе, увидишь, что дерево растетъ, а камень не растетъ; на деревѣ лѣтомъ бываютъ листья и цвѣты—такъ бываетъ каждый годъ, но ничего такого не бываетъ съ камнемъ. Камень все тотъ же: и весною, и лѣтомъ, и зимою онъ не измѣняется ни въ чемъ.

Погляди дальше, да подумай, узнаешь еще вотъ что: на деревѣ есть кора, подъ корою мезга, подъ мезгою древесина, и кора совсѣмъ не похожа на древесину; да сверхъ того на деревѣ есть листья, есть и корни, которые опять же не похожи ни на кору, ни на древесину. Въ камнѣ ничего этого нѣтъ: отломи или отбей кусокъ отъ камня, все будетъ тотъ же камень. Надруби лѣтомъ дерево — потечетъ сокъ или смола; надруби камень, ничего не потечетъ изъ него. Сруби дерево, или вырви его съ корнемъ — дерево сначала станетъ вянуть, а потомъ засохнетъ; оставь его, такъ оно сгниетъ. А сухое или гнилое дерево, что ни дѣлай съ нимъ, не будетъ уже расти, не станетъ пускать ни листьевъ, ни вѣтвей; это оттого, что дерево перестало жить. Сдвинь камень съ мѣста, онъ все-таки будетъ тотъ же камень; мало того, разбей камень на нѣсколько частей, все будутъ тѣ же камни. Это оттого, что камень не живетъ; а что не живетъ, то не можетъ и умирать. Стало быть дерево живетъ и умираетъ, а камни не живутъ.

Что сказано о деревѣ, то разумѣй о всякой травѣ, всякой овоще, о грибахъ, о мхахъ и всякомъ растеніи.

## 277. Различіе растенія отъ животнаго.

Растеніе живетъ тамъ, гдѣ выросло, и само по себѣ не можетъ перейти съ мѣста, развѣ ты его пересадишь. Животное перемѣняетъ мѣсто само по себѣ; ты знаешь, что лошади или коровы ходятъ, звѣри бѣгаютъ, птицы, бабочки и жуки летаютъ, рыбы плаваютъ, черви ползаютъ. Ни дерево, ни трава не ходятъ, не летаютъ, не ползаютъ.

Лошадь двигаетъ свои ноги или уши, или хвостъ, или другіе члены, когда хочетъ; точно такъ же и всякое другое животное можетъ само по себѣ двигать своими членами. На растеніи движутся вѣтви или листъ только тогда, когда на нихъ дуетъ вѣтеръ, или когда кто либо нагибаетъ или трясетъ ихъ. Но само по себѣ растеніе не можетъ двигать ни вѣтвей своихъ, ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни корней. Стало быть животнымъ дано движеніе произвольное; у растеній нѣтъ произвольнаго движенія.

Лошадь, или звѣрь, или птица слышитъ голосъ твой; дерево, трава ничего не слышать. Животное видитъ; растеніе ничего не видитъ

У собаки, у лошади, у птицы есть чутье; словомъ, всякое животное имѣеть чувства. У растений нѣтъ ни слуха, ни зрѣнія, нѣтъ чувствъ.

Ты также знаешь, что растеніе не можетъ жить безъ пищи, и что пищу оно достаетъ корнями и листьями. Животное также не можетъ жить безъ пищи; только у животного нѣтъ ни корней, ни листьевъ, а пищу оно принимаетъ внутрь себя ртомъ, въ желудокъ; ни рта, ни желудка у растений нѣтъ.

### 278. О томъ, какъ странствуютъ деревья.

Какъ только деревья въ лѣсу начинаютъ смотрѣть съ своихъ высокихъ горъ на чудный міръ, въ нихъ пробуждается желаніе попутешествовать. Но конечно они не могутъ путешествовать на почтовыхъ. Да въ этомъ, правда, они и не нуждаются; потому что имѣютъ въ лѣсу истинно добраго друга, который беретъ ихъ съ собою странствовать по свѣту безъ всякой платы. Знаешь ли ты, кто этотъ другъ? Онъ живетъ въ сокровенныхъ недрахъ горъ, гдѣ лежитъ спокойно, какъ дитя, въ хрустальной колыбели; а облака тайно посылають ему пищу. Ни одинъ человѣческій глазъ не проникалъ еще въ его сокровенное жилище. Но едва только дѣлается онъ довольно сильнымъ, какъ немедленно выходитъ изъ своего жилища на поверхность горъ; веселыми глазами озирается вокругъ себя, и вѣроятно ему очень пріятно быть на свѣжемъ воздухѣ, потому что тотчасъ же поднимается съ мѣста, проворно спускается съ горъ, съ шумомъ прыгаетъ чрезъ камни и утесы, безмолвно пробѣгаетъ чрезъ луга и долины, и безъ всякаго отдыха идетъ по неизвѣстнымъ странамъ.

Только во время суровой зимы остается онъ дома, лежа спокойно въ окоченѣломъ состояніи на своей кровати, или сидя на утесѣ, и никто его разбудить не можетъ. Но едва только сходитъ снѣгъ, наступаетъ весна, дрозды и зяблики возвращаются въ свои гнѣзда, — этотъ молодецъ говоритъ снова: «ну, пора и мнѣ начать свои путешествія»; и вотъ онъ снова сходитъ съ шумомъ съ горъ, увлекая съ собою множество камней, — такъ крѣпка нога его! Но теперь прежній путь его кажется ему тѣснымъ, и онъ идетъ по лугамъ крестьянина, вовсе не боясь наказанія; онъ приглашаетъ съ собой и деревья, говоря: «не угодно ли и вамъ вмѣстѣ со мною? теперь я такъ крѣпокъ, что могу и васъ взять съ собой въ путешествіе по свѣту».



Но старые ели и сосны дремлютъ; тѣ же, которыя изъясляютъ желаніе странствовать, дровосѣкъ срубаетъ съ корней и кладетъ на спину путешественника, который и тащитъ ихъ чрезъ различныя страны, нерѣдко и до самаго моря. Еще ни одна изъ нихъ не возвращалась домой.

Знаешь ли теперь, кто этотъ путешественникъ, и какъ и зачѣмъ путешествуютъ съ нимъ ели и сосны?

## 279. Ёлка.

«Прощай сосѣдка!»—Ты куда? въ дорогу, что ли? «Да, а ты такъ думаешь, все съ вами да съ волками сидѣть, небось? Нѣтъ, вы сидите, коль хотите; а я въ столицу!... Ты, авось, хоть не увидишь, такъ услышишь, какая участь насъ ждала!» сказала гордо ёлка ёлкѣ и на чухонской одноколкѣ въ столицу прибыла. Тамъ точно, какъ нарочно, попала ёлка въ честь. Вотъ ёлку холятъ, украшаютъ, свѣчами, фонарями до верху убираютъ, и на нее Богъ вѣсть чего не прицѣпляютъ! Не шишки ужъ на ней, какъ прежде, смоляныя,—орѣхи золотые (хоть иногда пустые) блестятъ среди огней, и яблоки, ранеты, съ картинками конфеты,—ну словомъ, ей почѣтъ такой, что и не вѣрится самой; она зазналась напоследокъ, и на сосѣдокъ ужъ не взглянула бы теперь...

Раскрылась дверь—съ понятнымъ нетерпѣньемъ стоявшая у ней толпа дѣтей вбѣжала съ восхищеньемъ; и съ удивленьемъ, недоумѣньемъ на ёлку смотрятъ всѣ... Ну, какъ же бѣдной не зазваться?... Но ахъ! ея красѣ не долго продолжаться!... Какъ знать!...

Вотъ раздавать подарки стали, и наконецъ все съ ёлки сняли, чѣмъ чванилась она; и какъ была ужъ больше не нужна, то приказали ее на чѣрный бросить дворъ... тамъ ёлка вспомнила свой боръ.

## \* 280. Виноградъ и плодовые деревья.

### 1.

«Посмотрите на новаго нашего сосѣда!» говорили нѣкоторыя

плодовые деревья, когда садовникъ посадилъ подлѣ нихъ виноградъ: «онъ не можетъ самъ собою держаться, не можетъ никому служить защитою отъ солнечнаго жара, даже не можетъ сдержатъ и самаго малаго птичьяго гнёздышка. Зачѣмъ его здѣсь посадили? Какихъ плодовъ можно отъ него ожидать?»

«Онъ принесётъ такіе плоды, противъ которыхъ ваши ничего не стоятъ; подождите только осени: тогда всё вы будете завидовать вашему сосѣду, котораго теперь презираете,—сказалъ садовникъ несправедливымъ деревьямъ. И что онъ сказалъ, то сбылось въ самомъ дѣлѣ.

2. Наступила осень, и виноградъ началъ гордиться прекрасными своими плодами. Онъ не довольствовался тѣмъ, что всякій день, сколько могъ оскорбительнѣе, насмѣхался надъ пристыженными деревьями и напоминалъ имъ прежнюю ихъ несправедливость, но еще и требовалъ, чтобъ садовникъ истребилъ всё эти деревья и вмѣсто ихъ посадилъ одного только винограду.

«Знай, сказалъ ему садовникъ, что твоя доброта не отнимаетъ у другихъ собственной ихъ доброты. Помни, что твой плодъ доставляетъ пріятное питьё, которое по большей части служитъ только для удовольствія; а плоды этихъ деревъ служатъ здоровою пищею.»

### \* 281. Печаль маленькаго садовника.

Печально, съ поникшею головою стоялъ Костя передъ молодымъ вишневымъ деревомъ. Онъ самъ выросилъ его, и вдругъ коза обгрызла большую полосу коры вокругъ дерева. «Бѣдное деревцо моё, говорилъ Костя, какъ рано ты должно погибнуть! Теперь еще свѣжа и зелена твоя вершина; но вотъ только солнышко коснется обнаженнаго пня, тогда прощай моё деревцо,—засохнешь. А какъ я любилъ тебя, какъ мнѣ грустно видѣть преждевременную твою смерть!» Сосѣдъ услышалъ, какъ горевалъ Костя; ему стало жаль его. Подойдя къ нему, онъ сказалъ: «зачѣмъ отчаиваться прежде времени, другъ мой; попробуемъ лучше пособить горю.» Онъ принёсъ древесной смолы, размягчивъ её, положилъ на то мѣсто, гдѣ было поврежденіе, и пере-

вязалъ его. Видя это, Костя сталъ веселѣе; онъ началъ надѣяться. И въ самомъ дѣлѣ надежда не обманула его. Кора снова заросла подѣ перевязью, и чрезъ нѣсколько лѣтъ едва можно были найти мѣсто, которое было повреждено.

### \* 282. Цвѣты плодовыхъ деревьевъ.

— Ахъ, зачѣмъ этотъ суровый вѣтеръ обрываетъ бѣлые цвѣтки съ деревьевъ, разбрасываетъ ихъ, и точно снѣгомъ устилаетъ ими землю! Меня это очень огорчаетъ, говорилъ Сеня своему учителю.

— А ты желалъ бы, чтобы цѣлый годъ деревья были покрыты цвѣтами? спросилъ учитель.

— О нѣтъ, не цѣлый годъ! отвѣчалъ Сеня: вѣдь груши и яблоки очень вкусны.

— Такъ къ чему же и огорчаться? Бѣлые листики должны опасть, потому что подѣ ними завязался плодъ. Кто желаетъ плода, тотъ долженъ попрощаться съ цвѣтками.

### 283. Пробка.

Пробка — такая обыкновенная и извѣстная вещь! А вѣрно очень немногимъ изъ нашихъ читателей приходилъ въ голову вопросъ: что это такое? какъ и откуда это добывается? Да, чѣмъ болѣе мы привыкли видѣть вещь, тѣмъ менѣе думаемъ о ней.

Наши бутылочныя пробки дѣлаются изъ наружной коры пробковаго или корковаго дерева; это родъ дуба, который произрастаетъ въ южной Европѣ: въ Итали, Франціи и Испаніи. Корковое дерево очень похоже на нашъ дубъ, растетъ такъ же тихо и живетъ болѣе ста лѣтъ. Пока оно не очень старо, съ него сдираютъ кору черезъ каждые десять, восемь или семь лѣтъ, чтобы не мѣшать ему расти: послѣ можно повторять это и чрезъ четыре года. Плоды корковаго дерева слаще нашихъ желудей; въ Испаніи ихъ жарятъ, какъ каштаны, и употребляютъ въ пищу.

Снявъ съ дерева кору цѣльными кусками, кладутъ эти большіе пласты одинъ на другой въ четверугольныя ямы съ водою,

чтобы смягчить ихъ. Черезъ нѣсколько времени ихъ вынимають оттуда, сушатъ и пускають въ продажу. Пробковая кора изъ Франціи свѣтлѣе и мягче испанской, которая снаружи совершенно черна, потому что ее смачивають въ соленой водѣ. Изъ этой коры готовятъ потомъ бутылочныя пробки; остающіеся обрѣзки сожигаются и служатъ къ добыванію нѣжной черной краски, употребляемой отчасти въ типографіяхъ и называемой испанскою чернедью. Изъ пробковой коры иногда дѣлають также подошвы и одежду для плаванія, которая по чрезвычайной легкости своей не даетъ тонуть. Коровая куртка можетъ держаться на поверхности воды даже взрослога человѣка.

## 284. Сахаръ.

Разсказываютъ объ одной простенькой дѣвушкѣ, которая, ходя съ матерью своею по полю и услышавъ, что тутъ растетъ лень, сказала: «гдѣ-жъ онъ? я не вижу ни одного волокна.» Еслибъ эта дѣвушка ходила по сахарному полю и услышала, что тутъ растетъ сахаръ, то конечно спросила бы: «гдѣ-жъ сахарныя головы?» потому что не увидѣла бы ничего, кромѣ тростника.

Сахарный тростникъ растетъ на два и на три аршина въ вышину, а толщиною бываетъ въ два пальца. Онъ называется сахарнымъ, потому что изъ соку его дѣлается сахаръ. Видомъ онъ почти таковъ же, какъ простой тростникъ, и имѣетъ много колѣнь, которыя отстоятъ одно отъ другого на четверть аршина. Чѣмъ рѣже колѣна, тѣмъ больше сахару въ трости. На ней растутъ длинныя зеленныя листья, а на вершинѣ ея цвѣтокъ

Пишутъ, что сахарный тростникъ въ первый разъ найденъ на островѣ Ивицѣ. Теперь же растетъ его весьма много въ Азій, Африкѣ и Америкѣ, также и въ Гранадѣ и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій.

Тростникъ созрѣваетъ черезъ девять или десять мѣсяцевъ; тогда его срѣзываютъ и выжимають изъ него сладкій сокъ. Этотъ сокъ должно нѣсколько разъ варить, переливать изъ одного котла въ другой и очищать щелокомъ, который дѣлается изъ пеплу и извести, прежде нежели онъ получитъ тотъ видъ, въ какомъ мы его покупаемъ.

Часто его не совсѣмъ еще готоваго привозять къ намъ подѣ

именемъ сырого сахару. Уже въ европейскихъ варницахъ участь онъ надлежащую чистоту и бѣлизну, и наливается въ формы. Большую часть сахару доставляетъ намъ Америка.

Когда сахаръ лютъ въ формы, то изъ него вытекаетъ сладкій, темноватаго цвѣта сокъ, который называется сиропомъ (патокою).

### Загадки.

1. Я изъ земли расту въ тростинкѣ, и муха лхнетъ къ моей пылинкѣ; а въ камень обратясь, друзья, въ водѣ растаю я.

2. Я бѣлъ какъ снѣгъ, въ чести у всѣхъ, и нравлюсь вамъ во вредъ зубамъ.

3. Тѣломъ я бѣлъ, платье сине на мнѣ, плоскія ноги, а острѣ въ вышинѣ.

### 285. Кофе.

Кофе, который мы пьемъ, есть сѣмя кофейнаго дерева, состоящаго изъ одного прямого ствола, вышиною отъ восьми до двѣнадцати футовъ, съ длинными, тонкими, внизъ висящими вѣтвями; листья его похожи на листья лавра. Цвѣты на кофейномъ деревѣ бываютъ бѣлые, подобно жасмину, и имѣютъ короткіе стебельки. Созрѣвшій плодъ похожъ на красную вишню; бѣлая мякоть его безвкусна, клейка и содержитъ въ себѣ два извѣстные намъ кофейные боба, наружная сторона которыхъ округлена, а внутренняя плоска. Бобы отдѣляются одинъ отъ другого полосою, пересѣкающею весь плодъ. Обѣ плоскія стороны во время произрастанія плода находятся одна противъ другой.

Тамъ, гдѣ растетъ кофе, именно въ счастливой Аравіи, пастухи, пасшіе козъ, замѣтили однажды, что козы, поѣвши плодовъ кофейнаго дерева, стали оттого бодрѣе и рѣзвѣе. Они сообщили объ этомъ настоятелю ближайшаго монастыря, который, убѣдившись въ дѣйствительности такого свойства кофе, ввелъ его въ употребленіе между монашествующею братіею, какъ средство, которое разгоняетъ сонъ и можетъ подкрѣплять силы монаховъ во время продолжительныхъ ночныхъ богослуже-

ній. Это было въ XIV столѣтїи; съ того времени употребленіе кофе стало быстро распространяться повсюду.

## 286. Загадочный цвѣтокъ.

1.

Я видываль въ полѣ цвѣточекъ весной: зеленая ножка, глазокъ голубой. Онъ, спрятавшись въ зелень свою, тамъ растетъ; хотя благовонный, онъ скромно цвѣтетъ. Примѣромъ дитяти онъ можетъ служить, какъ надо съ достоинствомъ скромность хранить. Названье его угадай ли, дружокъ? Скажи—и въ награду получишь цвѣтокъ.

2.

Не съ колокольни слышенъ звонъ: дитя прелестное идетъ и колокольчикъ намъ несетъ, не изъ металла сдѣланъ онъ. Дитя знакомо намъ давно, его зовутъ у насъ весной; всегда приносить намъ оно цвѣты и радости съ собой. Цвѣточекъ тожъ тебѣ знакомъ; ужели ты не угадай? Ты любовался тѣмъ цвѣткомъ, какъ снѣгъ въ поляхъ еще лежалъ; и говорятъ—слыхалъ ли ты?—что онъ той раннею порой будилъ все прочіе цвѣты, чтобъ ихъ обрадовать весной.

## 287. Картофель.

Отчество картофеля Америка. Въ Европу онъ привезенъ въ первый разъ только за нѣсколько столѣтїи до нашего времени (въ началѣ XVII вѣка). Первый картофель для посѣва былъ присланъ мореплавателемъ Францомъ Дреке одному изъ своихъ друзей, которому онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: «плодъ этого растенія такъ вкусенъ и питателецъ, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно развести его и въ Европѣ.» Тотъ, кому присланы были картофельныя сѣмена, тотчасъ же посадилъ ихъ въ землю; они принялись, и къ лѣту новое растеніе уже расцвѣло. Осенью, когда плоды его, имѣющіе видъ шариковъ, созрѣли, другъ мореплавателя велѣлъ снять ихъ и приготовить

къ обѣду, къ которому пригласилъ множество знати. Подъ конецъ обѣда подали закрытое блюдо, и хозяинъ, вставъ, произнесъ короткую рѣчь, въ которой сообщилъ своимъ гостямъ, что онъ будетъ имѣть честь поподчивать ихъ новыми плодами, съмена которыхъ присланы ему другомъ его, знаменитымъ Дреке, увѣрившимъ, что разведеніе растенія, дающаго этотъ плодъ, могло бы быть весьма важно и для Англіи. Члены парламента, бывшіе въ гостяхъ, попробовали кушанья изъ этихъ плодовъ, приготовленныхъ въ маслѣ и обсыпанныхъ сахаромъ и корицею; но оно было такъ приторно, что его рѣшительно нельзя было ѣсть. Поэтому всѣ высказали то мнѣніе, что въ Америкѣ плодъ этотъ, быть можетъ, и хорошъ, но въ Англіи онъ вѣроятно не можетъ созрѣть, какъ слѣдуетъ. На другой же день хозяинъ дома далъ садовнику приказаніе выкопать изъ земли посаженный картофель и бросить его.

Спустя нѣкоторое время онъ прогуливался по своему саду и увидѣлъ въ золѣ разведеннаго садовникомъ огня чѣрные шарики. Онъ полюбопытствовалъ разсмотрѣть ихъ поближе, раздавилъ одинъ изъ нихъ и замѣтилъ, что шарикъ содержитъ въ себѣ мучнистое вещество, которое чрезвычайно пріятно пахнетъ. Онъ спросилъ у садовника, что это за шарики, и узналъ отъ него, что это нечто иное, какъ шишки, висѣвшія на корнѣ присланнаго изъ Америки растенія. Тутъ только господинъ замѣтилъ, что онъ не понялъ своего друга Дреке, и что этотъ разумѣлъ подъ словомъ «плодъ» не собственно плодъ, а именно эти корневыя шишки. Онъ тотчасъ же велѣлъ собрать ихъ и приготовить, и тогда снова пригласилъ на обѣдъ членовъ парламента, которые въ этотъ разъ всѣ согласились, что плодъ этотъ дѣйствительно хорошъ.

#### **Загадка.**

Есть плодъ, онъ яблоку сродни, но только рознятся они: одно на вѣточкѣ растетъ между листьями, другой же прячется въ землѣ и подъ корнями.

#### **288. Волчьи ягоды.**

Между кустарниками, растущими на опушкахъ лѣсовъ и въ

самомъ лѣсу, нужно отличать тѣ, на которыхъ растутъ волчьи ягоды; ягоды эти очень ядовиты, и отъ нихъ уже не разъ умирали дѣти. Такъ какъ онѣ имѣютъ красивый пурпуровый цвѣтъ и величиною съ горошину, то очень нравятся дѣтямъ, которые по неопытности обрываютъ ихъ и ѣдятъ.

Такое именно несчастье случилось съ двумя малютками въ одной деревнѣ. Въ то время, какъ мать ихъ носила кормъ для коровы, они убѣжали въ ближайшій лѣсъ и тамъ нашли цѣлый кустъ волчьихъ ягодъ, привлекательныхъ по своему пурпуровому цвѣту. Маша, старшая изъ нихъ, набрала цѣлую горсть этихъ ягодъ и подѣлилась ими съ маленькимъ Петей, своимъ братомъ; затѣмъ оба они сѣли на траву и стали ѣсть ягоды. Но еще во время самой ѣды они почувствовали сильную боль въ горлѣ, и Петя бросилъ оставшіяся у него ягоды; но Маша, старшая по лѣтамъ, не сдѣлала этого и проглотила еще нѣсколько ягодъ. Но вотъ и она почувствовала сильную боль; поэтому, схвативъ за руку своего маленькаго братца, она бросилась бѣжать къ дому. Чѣмъ дальше они бѣжали, тѣмъ сильнѣйшую чувствовали боль въ горлѣ и животѣ. Отъ этой боли они начали плакать и кричать такъ сильно, какъ только могли. Плачь и крикъ ихъ услышала одна сосѣдка, которая подумала, что кого либо постигло несчастье. Она выбѣжала изъ дому и спросила дѣтей, что съ ними случилось? Но дѣти только кричали все сильнѣе и сильнѣе: «мой животъ, мой животъ!» а что именно случилось съ ними, этого никакъ нельзя было узнать отъ нихъ. Женщина привела ихъ въ свой домъ и послала за ихъ матерью. Но пока пришла мать, боль еще болѣе усилилась; доктора между тѣмъ въ деревнѣ не было, и потому ядовитыя ягоды остались въ ихъ животѣ. На слѣдующее же утро всякая помощь оказалась бесполезною. Когда наконецъ прибылъ докторъ, онъ нашелъ дѣтей уже при смерти. Послѣ смерти ихъ онъ вскрылъ имъ животъ и нашелъ, что Петя съѣлъ шесть ягодъ, а Маша десять. Шея и животъ у нихъ ужасно распухли, а потому легко можно судить, какія страданія должны были перенести дѣти, прежде чѣмъ умерли.

### 289. Цикута.

Учитель предостерегалъ учениковъ своихъ отъ ядовитаго



растения цикуты, научая ихъ различать: маленькую цикуту, похожую на кервель, крапчатую, которая имѣетъ неприятный запахъ, и наконецъ водяную, самую ядовитую изъ всѣхъ. Объяснивъ имъ примѣты и показавъ изображеніе этого растенія на рисункѣ, онъ сказалъ: я надѣюсь, что теперь вы узнаете цикуту; если кто изъ васъ найдетъ ее въ полѣ, въ саду или около воды, то принесите ее ко мнѣ, и я вамъ расскажу событіе, о которомъ она напоминаетъ. На другой же день многія изъ дѣтей нашли цикуту и принесли ее въ школу. Вотъ что учитель рассказалъ имъ: Въ Греціи нѣкогда жилъ мудрый Сократъ. Всѣ тѣ, которые знали его коротко, уважали его какъ самага добродѣтельнаго и умнѣйшаго человѣка; но у него были и враги. Они досадовали, что онъ говорилъ имъ правду, и завидовали, что народъ называлъ его мудрымъ Сократомъ. Поэтому они обвинили его предъ судомъ, будто бы онъ развращаетъ юношество, внушая ему безбожіе. Разумѣется, что это была клевета; но такъ какъ нашлись ложные свидѣтели, и судьи были люди несправедливые, то Сократа осудили на смерть. Не мечъ и не висѣлица должны были прекратить жизнь его, а кубокъ, полный настоя цикуты. Сократъ съ терпѣніемъ выслушалъ несправедливый приговоръ, и хотя онъ могъ бы спастись бѣгствомъ, но не согласился на это, повинувшись закону. Видя, что человѣкъ, который подносилъ ему кубокъ съ ядомъ, дрожалъ, онъ самъ ободрялъ его. Осушивъ кубокъ, онъ сталъ бесѣдовать съ учениками своими о безсмертіи души и о томъ, что они должны увидѣться на небесахъ. Наконецъ, почувствовавъ изнеможеніе отъ дѣйствія яда, онъ прилегъ и задремалъ какъ бы предъ обыкновеннымъ сномъ.

### \* 290. Грибы.

Однажды мать послала маленькую Катю въ лѣсъ за грибами, которые отецъ очень любилъ.

«Маменька», вскричала дѣвочка, возвратившись домой, «какихъ превосходныхъ грибовъ набрала я въ этотъ разъ! Посмотрите-ка», продолжала она и открыла корзинку: «всѣ они имѣютъ такой чудный алый цвѣтъ, и всѣ усѣяны какъ бы бисеромъ. Правда, въ лѣсу были и тѣ сѣрые, некрасивые грибы, которые ты принесла прошедшій разъ; но они показались мнѣ

такими невзрачными въ сравненіи съ этими, что я ихъ вовсе не брала.

«Ахъ, ты глупенькое, неразумное дитя!» сказала ей мать, посмотрѣвши на грибы: «эти красивые грибы—мухоморы; а бисеръ на нихъ—ядъ, и кто покушаетъ ихъ, тотъ непременно умретъ. А тѣ сѣрые, некрасивые грибы, которыхъ ты не брала, а оставила въ лѣсу, суть самые лучшіе, не смотря на то, что не хороши на видъ.»

«То же, милое дитя, нужно сказать и о многихъ другихъ вещахъ въ мірѣ. Въ немъ есть много скромныхъ добродѣтелей, которыя очень мало обращаютъ на себя вниманія, и есть также много блестящихъ пороковъ, которымъ удивляются глупцы.»

### Загадка.

Мальчикъ съ пальчикъ: бѣлъ балахонъ, шапка красенькая.

### 291. Бумага.

Въ самой глубокой древности не имѣли еще понятія о той бумагѣ, которую употребляемъ мы теперь, а писали на камняхъ, кирпичахъ и черепкахъ; египетскіе обелиски и барельефы Ниневіи представляютъ достопримѣчательные примѣры письменъ этого рода. Также писали на свинцѣ, на мѣди и на бронзѣ. Въ Римѣ употребляли эти матеріалы тогда, когда хотѣли передать на вѣки вѣчные потомкамъ какой нибудь славный подвигъ современниковъ или необыкновенныя событія. Въ царствованіе Веспасіана въ Римѣ, во время бывшего пожара, сгорѣло три тысячи бронзовыхъ досокъ, хранившихся въ Капитоліи и на которыхъ были начертаны законы и договоры.

Нерѣдко также употребляли въ дѣло дощечки, покрытыя воскомъ; на нихъ писали шиломъ или писаломъ (особеннаго рода инструментъ, употребляемый древними).

Но всѣ эти матеріалы не были такъ употребительны, какъ пергаментъ и папирусъ.

Пергаментъ приготовлялся въ Пергамѣ и получилъ оттого свое названіе; онъ выдѣлывался изъ всѣхъ возможныхъ кожъ, но овечьи шкуры предпочитались всѣмъ другимъ. Пергаментъ

изъ воловьей кожи получилъ особенное названіе веленовой бумаги. Онъ былъ трехъ цвѣтовъ: бѣлый, желтый и пурпуровый; на послѣднемъ писались только священныя книги. Египетская бумага (или папирусъ) состояла изъ двухъ длинныхъ, поперечныхъ деревянистыхъ полосъ, склеенныхъ вмѣстѣ; папирусъ добывался изъ середины тростника, покрывавшаго берега Нила. Никогда не употреблялось болѣе двухъ полосъ вмѣстѣ, Ширина самой большой полосы не превышала двухъ футовъ, длина же дѣлалась различная.

Греки первыя начали выдѣлывать бумагу изъ тряпокъ и изъ хлопчатой бумаги. Тотъ и другой родъ былъ употребляемъ и латинами.

Изобрѣтеніе книгопечатанія удвоило бумажную фабрикацію, которая въ концѣ прошедшаго столѣтія дошла до полного развитія.

Въ 1789 г. были изобрѣтены машины для дѣланія бумаги, которые замѣнили сотни человѣческихъ рукъ.

## 292. Здѣсь удобрено гипсомъ.

Венъяминъ Франклинь приносилъ пользу своимъ соотечественникамъ, сѣверо-американцамъ, не только какъ человѣкъ государственный, но старался служить имъ примѣромъ и какъ земледѣлецъ. Между прочимъ онъ для удобрения земли первый употребилъ гипсъ, и тѣмъ получилъ гораздо лучшей клеверъ, нежели сосѣди его. Теперь это средство удобрения извѣстно почти всякому крестьянину; но въ то время, когда жилъ Франклинь, т. е. въ началѣ 19-го столѣтія, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы гипсъ могъ имѣть какое либо вліяніе на улучшение клевера. Это сердило Франклина, и онъ сначала отказался было убѣждать упрямыхъ сосѣдей своихъ въ дѣйствительности этого средства: «пусть ихъ остаются при своемъ», думалъ онъ, «если не хотятъ мнѣ вѣрить.» Но потомъ онъ передумалъ и, когда наступила весна, выбралъ поле для клевера на самомъ виду для всѣхъ, у большой дороги; тутъ онъ, не сказавъ никому ни слова, послѣ посѣва засыпалъ одно мѣсто гипсомъ, но такъ, что преогромными буквами вышли слова: *здѣсь удобрено гипсомъ*. На этомъ мѣстѣ выросъ клеверъ гораздо темнѣе и гуще всего прочаго, оставленнаго съ намѣреніемъ безъ удобрения. Проходившіе не мо-

гли не замѣтить этихъ рѣзко выдававшихся полосъ и, вглядываясь пристально, скоро съ удивленіемъ прочли упомянутыя слова. Такое ясное доказательство должно было убѣдить всѣхъ въ пользу удобренія гипсомъ.

### 293. Жгучая вода.

Не трогай ни одной вещи, которая не принадлежитъ тебѣ; чужая вещь жжетъ совѣсть, а одному мальчику сожгла даже сердце. Мальчикъ этотъ бралъ, точно сорока, все, что нравилось ему, и тайно уносилъ, хотя и зналъ, что это преступление, которое можетъ довести до висѣлицы. Однажды онъ укралъ два негашёныхъ известковыхъ камня и спряталъ ихъ за пазуху. Въ это время съ нимъ встрѣтился одинъ изъ его товарищей, ѣхавшій верхомъ купать двухъ лошадей; воришка нашъ тотчасъ же вспрыгнулъ на другую лошадь и пустился съ нею въ воду. На довольно большомъ разстояніи отъ берега лошадь внезапно повернулась на бокъ, и мальчикъ упалъ вмѣстѣ съ нею; но такъ какъ онъ умѣлъ плавать, то и оправился очень скоро и поплылъ. Но вдругъ закричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ: «помогите, помогите, я горю!» Прохожіе, видя, что онъ плыветъ, подумали, что онъ насмѣхается надъ ними; вѣдь вода не жжется, говорили они. Мальчикъ дважды нырнулъ въ воду, потомъ столько же разъ вынырнулъ изъ нея, сперва головою, потомъ колѣнами, а наконецъ и весь, но уже мертвый. Негашёная известь, воспламенившаяся въ водѣ, сожгла ему кожу и внутренности.

### 294. Соляной источникъ.

Одинъ путешественникъ, томимый жаждою и зноемъ, пройдя пустыню, очень обрадовался, увидя наконецъ деревья на пути своемъ. Какъ прохладна показалась ему тѣнь ихъ! «Ахъ, если бы еще источникъ воды!» подумалъ онъ. Не успѣлъ онъ пожелать, какъ вдругъ межъ холмовъ зажурчалъ ручеёкъ. «О, благодатный, желанный напитокъ!» вскричалъ онъ и, бросившись на колѣна, зачерпнулъ рукою воды и началъ пить. Но едва хлебнулъ онъ, какъ въ ту же минуту и выплюнулъ ее. «О, проклятая вода! ты манила меня своею свѣжестью для

того только, чтобы жестоко обмануть меня. Пусть навсегда изсякнет твой родник!» — «Проклинай не источник», заговорил тайный голос: «а свою досаду; этот соляной ключь — благословеніе цѣлой страны.»

#### Загадка.

На водѣ родится, на огнѣ выростеть, съ матерью увидится, опять умереть.

#### 294. Магнитъ.

Учитель обѣщаль показать ученикамъ своимъ нѣчто весьма достойное примѣчанія. Онъ взялъ магнитъ и приложилъ къ нему желѣзный ключъ: ключъ присталъ къ магниту и держался на воздухѣ. Потомъ насыпаль онъ на гладкій столъ желѣзныхъ опилокъ и началъ подъ столомъ водить магнитомъ по доскѣ, на которой сверху лежали опилки: опилки прыгали и бѣгали по столу.

Дѣти удивлялись и просили учителя, чтобъ онъ разстолковаль имъ, какъ это дѣлается?

«Я не могу вамъ этого объяснить, отвѣчалъ учитель: а знаю только то, что оно натурально. Вы сами видите, что опилки двигаются; и это дѣйствіе повторится и у всякаго другого. Со временемъ увидите вы не мало такихъ же удивительныхъ дѣйствій, и не будете понимать, какъ они происходятъ, хотя они и натуральны.»

«Я могъ бы сказать вамъ больше, продолжалъ онъ, если бы вы спросили у меня о пользѣ магнита. Польза его очень велика. Онъ имѣеть такое свойство, что если натереть имъ стальную иглу, то она остріемъ всегда будетъ оборачиваться къ сѣверу. Нарочно дѣлають такіе иглы съ кончиками на подобіе стрѣлы, и натирають ихъ магнитомъ. Онѣ называются компасами, и какъ бы ихъ не оборачивали, стрѣлка всегда указываетъ на сѣверъ. Мореплаватели узнають по компасу на морѣ, въ которую сторону имъ надобно плыть, и такимъ образомъ отправляются въ дальнія страны, къ которымъ нѣтъ иного пути, какъ только по морю. Посредствомъ мореплаванія жители всего земного шара

познакомились другъ съ другомъ, и торгуютъ, то есть мѣняютъ тѣмъ, чего у однихъ много, а у другихъ недостаетъ; также посредствомъ мореплаванія люди научились лучше познавать величіе Божіе въ Его твореніи, нежели прежде, когда еще не могли переѣзжать въ чужія земли и видѣть тамъ новыя, удивительныя вещи, которыхъ нѣтъ въ ихъ отечествѣ. Но безъ компаса мореплаваніе было бы подвержено великимъ затрудненіямъ, да и совсѣмъ не возможно.—И такъ вы видите, какъ полезенъ этотъ металлъ, который называется магнитомъ.»

Дѣти радовались и благодарили Бога за то, что Онъ далъ твореніямъ Своимъ такія удивительныя свойства, а человекъ одарилъ разумомъ, дабы онъ узнавалъ пользу вещей. Они просили своего учителя, чтобъ онъ сообщалъ имъ болѣе такихъ пріятныхъ знаній.

Любознательные часто спрашиваютъ: «какъ это дѣлается? какъ это происходитъ? какая отъ этого польза, или къ чему это употребляется?» Такъ спрашиваютъ тѣ, которые хотятъ быть искусными и знающими.

## 6 295. Стекло.

Стекло, по словамъ латинскаго писателя Плинія, изобрѣтено финикійцами, народомъ, жившимъ нѣкогда въ Малой Азіи, на берегахъ Средиземнаго моря, и знаменитымъ въ древности своимъ богатствомъ, просвѣщеніемъ и обширною торговлею со всѣми извѣстными тогда странами.

Это случилось слѣдующимъ образомъ: Однажды финикійскіе купцы, торговавшіе селитрою, пристали къ пустому берегу и хотѣли изготовить себѣ обѣдъ; но, не найдя тамъ камней, которые бы можно было положить подъ котлы, они принесли изъ судовъ своихъ нѣсколько глыбъ селитры, поставили на нихъ свою посуду и развели подъ нею огонь.

По случаю на томъ самомъ мѣстѣ находился мелкій песокъ. Пока кушанье варилось, селитра силою огня расплавилась и, смѣшавшись съ пескомъ и золою, образовала стекло.

Это открытіе очень удивило финикійцевъ; но такъ какъ они были образованные, то не оставили его безъ вниманія, а извлекли изъ него большую пользу.

Выдѣлка стекла доведена нынѣ, особенно въ Англіи, до высшей степени совершенства.

Не говоря уже о зеркалахъ, окнахъ, хрустальной посудѣ, телескопахъ и множествѣ другихъ полезныхъ вещей, изъ стекла работаютъ съ удивительнымъ искусствомъ и неизмѣрною скоростью разныя игрушки; я самъ видѣлъ, какъ посредствомъ огня дѣлали изъ него въ нѣсколько минутъ разноцвѣтные пузырьки для духовъ, птичекъ, звѣрей, воиновъ въ полномъ вооруженіи и на коняхъ, корабли со всею снастями, стеклянные волосы тоньше человѣческихъ, подобные волокнамъ льна, и многія другія вещицы.

### 297. Изобрѣтеніе пороха.

Обыкновенно говорятъ о человѣкѣ недалежнаго ума: ему пороку не выдумать! Но человѣкъ, изобрѣвшій порохъ, хотя, можетъ быть, и былъ уменъ, но его умъ нисколько не послужилъ этому открытію.

Изобрѣтеніе пороха, какъ и многихъ другихъ открытій, надѣлавшихъ столько шума въ свѣтѣ, есть дѣло случая. Одинъ мало извѣстный монахъ, Бертольдъ Шварцъ, родившійся въ Фрибургѣ въ половинѣ XIV вѣка, однажды толча въ ступкѣ смѣсь угля, сѣры и селитры, уронилъ въ нее нечаянно искру, которая произвела ужасный взрывъ. Монахъ былъ очень любознательнъ и къ тому же искусный химикъ. Онъ изучалъ, испытывалъ, и въ короткое время уже могъ готовить дѣйствительный порохъ. По нѣкоторымъ историкамъ венеціанцы первые употребляли порохъ при одной изъ осадъ своихъ въ 1380 г. Съ этой минуты военное искусство преобразовалось. Рыцари исчезли, вмѣсто нихъ появились ядра. Въ Фрибургѣ построенъ недавно монументальный водоемъ, украшенный надписями и съ статуею Бертольда Шварца наверху. Можно воздвигнуть статую славы химика, но да будетъ намъ позволено сказать, что изобрѣтатель пороха не имѣетъ права стать на ряду съ благотворителями человѣчества.

## VI. МИРОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

### 298. Путешествія по міровому пространству.

Хотя здоровый человекъ ходитъ довольно скоро, но легкая, открытая птица летитъ въ десять разъ скорѣе; буря же вдвое скорѣе самага быстрого полета птицы, звукъ въ двадцать разъ быстрѣе бури, движеніе земли вокругъ солнца въ девяносто разъ быстрѣе звука, а движеніе свѣта быстрѣе всѣхъ. Чтобы пройти разстояніе отъ земли къ лунѣ, человеку нужно бы было по крайней мѣрѣ 29 лѣтъ, а свѣтъ пробѣгаетъ его въ  $1\frac{1}{4}$  секунды; отъ солнца же къ землѣ свѣтъ проходитъ въ 8 минутъ и 7 секундъ, тогда какъ пушечное ядро, движеніе котораго только въ половину медленнѣе звука, могло бы совершить этотъ путь только въ 25 лѣтъ. Однако же разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ земли столь огромно, что быстрому лучу свѣта, исходящему отъ солнца, нужно 7 лѣтъ, чтобъ достигнуть до ближайшей изъ этихъ звѣздъ. Сколько же времени пришлось бы путешествовать человеку, если бы отъ земли къ солнцу и отъ солнца до ближайшей неподвижной звѣзды былъ проложенъ путь? Паровозъ, который можетъ пройти по семи миль въ часъ, дошелъ бы до солнца не раньше какъ по прошествіи 350 лѣтъ.

### 299. Раздѣленіе дня.

Ты видишь, какъ появляется солнце, какъ оно исчезаетъ и движется по небу. Медленно оно выходитъ на востокъ, дугою поднимаясь къ верху, и потомъ, снова опускаясь по другую сторону, такъ же медленно заходитъ на западъ. Тутъ оно исчезаетъ и остается невидимымъ до тѣхъ поръ, пока снова не покажется на востокъ. Время восхода называется *утромъ*; время, когда солнце находится на высшей точкѣ, — *полуднемъ*; время захода — *вечеромъ*; а время, въ которое оно совершенно скрыто отъ взоровъ нашихъ, — *ночью*; середина же ночи именуется *полночью*. Восходу солнца предшествуетъ *разсвѣтъ* и *утренняя заря*, а послѣ заката солнца бываютъ *сумерки* и *вечерняя заря*. Промежутокъ времени отъ восхода до восхода, отъ



полудня до полудня, или отъ одного заката солнца до другого называется *сутками*. Двадцать четвертая часть сутокъ называется *часомъ*; такихъ часовъ считается двѣдцать отъ полудня до полуночи, и двѣнадцать отъ полуночи до полудня. Шестидесятая часть часа составляетъ *минуту*, а шестидесятая часть минуты — *секунду*. Семь дней составляютъ *недѣлю*, тридцать дней — *мѣсяцъ*, двѣнадцать мѣсяцевъ — *годъ*. Скоро проходитъ день, еще скорѣе минуты и секунды, быстро улетаютъ недѣли, мѣсяцы и годы. Пользуйся временемъ! Ты дашь однажды отчетъ въ употребленіи каждаго часа.

### Загадки.

1. Выходили 12 молодцевъ, выносили 52 сокола, выпускали на 365 лебедей.
2. Стоитъ дубъ; на дубу 12 гнѣздъ; на каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы; у каждой синицы по четырнадцати яицъ: семь бѣленькихъ, да семь черненькихъ.
3. Есть семь братьевъ, годами равные, именами разные.
4. Половина дуба сухая, половина дуба сырая, маковка золотая.

### 300. Долгіе и короткіе дни.

Легко понять, что когда солнце восходитъ рано и заходитъ поздно, дни должны быть долги, а въ противоположномъ случаѣ на оборотъ. Ранній восходъ и поздній закатъ солнца производятъ долгіе дни, а поздній восходъ и ранній закатъ — короткіе. Должайшій день и кратчайшая ночь бываютъ 21-го (9) Іюня, кратчайшій день и должайшая ночь — 21-го (9) Декабря; 21-го (9) Марта бываетъ *весеннее равноденствіе*, а 23-го (11) Сентября *осеннее равноденствіе*. Но день нѣкоторымъ образомъ господствуетъ надъ ночью, укорачивая ее посредствомъ *зари*, которая лѣтомъ бываетъ весьма продолжительна, такъ что вечерняя и утренняя зари почти сливаются воедино. Лѣтомъ бываютъ короткія ночи и долгіе дни, а зимой короткіе дни и долгія ночи; но ты поступай подобно зарѣ: укорачивай долгую ночь, пору *покою*, и употребляй выгодное время на *работу*, на дѣятельность дневную. Разность между долгою дня и ночи становится тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы отправляемся на сѣверъ. У *полярнаго круга* должайшій день продолжается 24 часа, а у *сѣвернаго полюса* даже шесть мѣсяцевъ; столько же времени продолжается и должайшая ночь. На югъ же отъ насъ разность эта уменьшается; на *экваторѣ* дни и

ночи почти всегда равны. Какъ тутъ, такъ и на высокихъ горахъ заря бываетъ весьма короткая; а у полюсовъ она продолжается цѣлые дни и даже мѣсяцы.

### \* 301. Солнце.

Андрей и Григорій, два мальчика, забрались на гору и, лёжа на травѣ, разсуждали о солнцѣ. Сынъ священника, молодой семинаристъ, подошёлъ къ нимъ и слушалъ ихъ разговоръ. «Нѣтъ, ужъ я не дамъ себя переспорить», сказалъ Андрей: «я знаю, что отсюда до солнца двадцать вѣрствъ.» — «Экъ, куда махнулъ!» сказалъ Григорій: «20 вѣрствъ, это слишкомъ много; не можетъ быть, чтобы солнце было такъ далеко отъ земли.» Семинаристъ улыбнулся. «А что вы думаете», сказалъ онъ, «какъ велико солнце?» Григорій не задумался: «да не много больше блина», отвѣчалъ онъ. Семинаристъ не могъ удержаться отъ смѣха. «А ты, Андрей, какъ думаешь?» — «Я думаю», вскричалъ Андрей, «что оно будетъ съ ворота наши.» Семинаристъ продолжалъ смѣяться. «Вы, ребяташки, имѣете весьма ложное понятіе о солнцѣ. Оно гораздо больше, нежели самый большой блинъ и гораздо больше самыхъ большихъ воротъ.» Дѣти смотрѣли на него съ удивленіемъ. — «Солнце», продолжалъ сынъ священника, «гораздо, гораздо больше нашей земли.» Андрей и Григорій покачали головой. «Ну, ужъ это шутка!» вскричали они. — «Нѣтъ, вовсе не шутка», возразилъ семинаристъ, «это совершенная правда, вы можете повѣрить мнѣ на слово.» — «Но отчего же», спросилъ Андрей, «солнце кажется такимъ маленькимъ?» — «Оттого, что оно очень далеко отъ насъ, что если бы пушечное ядро, которое летитъ очень быстро, летѣло отъ земли къ солнцу, то оно совершило бы путь свой и достигло бы солнца только черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ.» Андрей и Григорій раскрыли ротъ и въ изумленіи неподвижно смотрѣли на учёнаго товарища своего. «Каковъ же долженъ быть мѣсяцъ?» сказалъ Андрей. — «Отчего ты такъ думаешь?» спросилъ сынъ священника. — «Оттого, что онъ кажется гораздо больше.» — «Ты правъ, онъ кажется намъ больше; но въ самомъ дѣлѣ онъ гораздо меньше солнца. Онъ кажется намъ больше только потому, что онъ не такъ отдалёнъ отъ земли, какъ

солнце.» Тутъ семинаристъ началъ разсказывать дѣтямъ всё, что онъ зналъ занимательнаго о солнцѣ и о лунѣ.

### 302. Луна — образъ человѣческой жизни.

Мѣсяць тихо скользилъ по голубому небу, какъ легкая ладейка въ отблескѣ вечерней зари. Дѣти указывали на него отцу. «Какъ онъ красивъ, какъ нѣженъ!» говорилъ Миша: «онъ не всегда бываетъ такой.» — «Онъ недавно родился», отвѣчалъ отецъ: «теперь онъ будетъ все расти, и свѣтъ его съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, до тѣхъ поръ пока мы не увидимъ полный кругъ его. Иногда, быть можетъ, облака будутъ заслонять его, скрывая его отъ насъ. Черезъ нѣсколько времени онъ станетъ убывать и наконецъ исчезнетъ совсѣмъ, представляя собою полную картину человѣческой жизни.» — «Я не понимаю, что ты говоришь», сказалъ Одея. — «А я догадываюсь», сказалъ Миша, «что ты хочешь сказать этимъ. Человѣкъ также растетъ и старѣется, нѣсколько времени въ полномъ цвѣтѣ жизни красуется на землѣ и наконецъ исчезаетъ — его скрываетъ могила. — «А облака, которыя закрываютъ собою мѣсяць?» спросилъ отецъ. — «Этого ужъ я не умѣю объяснить.» — «Облака—это несчастія, которыя человѣкъ встрѣчаетъ на пути жизни; никто не наслаждается постояннымъ счастьемъ, у каждаго бываютъ тяжелые дни и скорби. Но въ жизни человѣка добродѣтельнаго и чистаго душою они проходятъ, не смущая спокойствія души его. Когда же онъ исчезаетъ изъ глазъ нашихъ, то онъ не погибаетъ, но сіяетъ въ другой странѣ свѣтлымъ, неизмѣннымъ вѣнцомъ безсмертія.

#### Загадка.

Когда я молодъ былъ, свѣтло свѣтилъ; подь старость сталъ, мёркнуть сталъ.

### \* 303. Солнце и мѣсяць.

Ночью въ колыбель младенца мѣсяць лучъ свой заронилъ. «Отчего такъ свѣтитъ мѣсяць?» робко онъ меня спросилъ.

— Въ день деньской устало солнце, и сказалъ ему Господь: «лягъ, засни, и за тобою всё задремлетъ, всё заснётъ». И взмолилось солнце брату: «другъ мой, мѣсяць золотой! ты зажги фонарь и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: всё развѣдай — и поутру приходи и дай мнѣ знать.» Солнце спить, а мѣсяць ходитъ, сторожить земли покой; завтра-жъ рано, рано къ солнцу постучится братъ меньшей. Стукъ-стукъ-стукъ — отворять двери: «солнце, встань! грачи летять, пѣтухи давно пропѣли и къ заутренѣ звонять!» Солнце встанетъ, солнце спроситъ: «что, голубчикъ братецъ мой? какъ тебя Господь Богъ носитъ? что ты блѣденъ, что съ тобой?» И начнётъ рассказъ свой мѣсяць, кто и какъ себя ведётъ: если ночь была спокойна, солнце весело взойдётъ; если нѣтъ, взойдётъ въ туманѣ, вѣтеръ дунетъ, дождь пойдётъ, въ садъ гулять не выйдетъ няня, и дитя не поведётъ.

### Загадка.

Двѣ сестры: одна свѣтлая, другая темная.

### 304. Умный червякъ.

Въ одномъ погребѣ висѣлъ большой круглый сыръ. Онъ былъ привѣшенъ къ потолку, для того чтобы предохранить его отъ мышей; но въ немъ прежде еще завелись черви, которые ползали по сыру и вдоль и поперекъ.

Одинъ изъ этихъ червяковъ былъ очень смышленъ. «Распрашивая другихъ, самъ становишься умнѣе», думалъ онъ, и потому постоянно спрашивалъ своихъ товарищей то о томъ, то о другомъ. Между прочимъ ему захотѣлось узнать, какой видъ имѣетъ сыръ, на которомъ онъ живетъ. Въ погребѣ было еще нѣсколько другихъ сыровъ, которые всё были круглы, какъ шаръ; но червяки, къ которымъ онъ обратился съ этимъ вопросомъ, думали, что обитаемый ими сыръ совершенно плоскій, такъ какъ, по ихъ мнѣнью, они могли это хорошо видѣть, особенно когда приподнимались немного. Однако-жъ нашъ умный червякъ почему-то сомнѣвался въ этомъ; ему хотѣлось узнать

это навѣрное. И вотъ онъ отправился въ путь: шель все прямо, прямо впередъ, и чрезъ нѣсколько дней—пришелъ опять къ тому мѣсту, откуда вышелъ. «Теперь я знаю!» сказалъ онъ: «сыръ нашъ круглъ,— на всемъ пути моемъ я не встрѣтилъ ни одного угла, ни одного края. Я отправился въ одну сторону, а возвратился съ другой, между тѣмъ какъ шель все прямо. Правда, кое-гдѣ мнѣ встрѣчались рытвины, которыя образованы нами же для добыванія пищи, или же насыпи раскрошеннаго сыра, сдѣланныя также нами, потому что нашимъ острымъ зубамъ ничто не въ состояніи противиться; но весь сыръ до того огромень, что самыя глубокія рытвины и самыя высокія насыпи ничто въ сравненіи съ цѣлымъ: они нисколько не измѣняютъ круглоты нашего жилища.»

Въ томъ же погребѣ висѣла лампа, которая по распоряженію хозяина дома постоянно горѣла. Ее брали съ мѣста тогда только, когда нужно было отыскать что нибудь въ другомъ концѣ погреба.

Какъ только умный червякъ разсказалъ другимъ о своемъ открытіи, одинъ изъ товарищей его также сталъ собираться въ путь. «Ты, можетъ быть, правъ, говорилъ онъ нашему знакомцу: но все-таки, чтобы вполне убѣдиться въ круглотѣ нашего жилища, нужно обойти его еще по другому направленію.» Но нашъ червячокъ, который постоянно размышлялъ и наблюдалъ, возразилъ ему: тебѣ вовсе не нужно предпринимать такое многотрудное путешествіе; я вижу теперь, что этотъ вопросъ можно рѣшить и здѣсь на мѣстѣ. Посмотри-ка на тѣнь нашего сыра на стѣнѣ: вѣдь она круглѣ! Я уже давно наблюдалъ эту тѣнь, и видѣлъ ее, когда свѣтъ былъ то съ той, то съ другой стороны: она постоянно оставалась круглою. Ты можешь въ этомъ убѣдиться, когда придетъ великанъ-дворникъ и будетъ переносить лампу съ мѣста на мѣсто. А если тѣнь нашего сыра круглѣ и остается круглою всегда, значитъ и самый сыръ долженъ быть круглѣ. Однажды дворникъ пришелъ сюда съ тарелкою въ рукахъ. Тѣнь отъ этой тарелки была то круглѣ, то продолговатѣ, то представлялась черточкою, смотря по тому, какъ онъ ее держалъ. Это оттого, что тарелка плоска. Но тѣнь нашего сыра оставалась все круглою, слѣдовательно она круглѣ, и круглѣ, какъ шаръ.

Сдѣланное открытіе заинтересовало и другихъ червячковъ. Они стали также наблюдать, и вскорѣ нашли еще новыя дока-

зательства тому, что жилище ихъ имѣеть видъ шара. Такъ, на примѣръ, они замѣтили, что веревка, на которой висѣлъ шаръ, удлинялась по мѣрѣ того, какъ они приближались къ ней; а когда они удалялись отъ нея, то она казалась все короче. Далѣе они замѣтили, что лампа освѣщала не весь сыръ, а только одну часть его; когда же дворникъ переносилъ ее то туда, то сюда, то одни червяки видѣли свѣтъ ея раньше, а другія позже. Изъ всего этого они заключили, что жилище ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, шарообразно.

### 305. Облака.

Какъ прекрасны облака по утру! Они походятъ на рубины, оправленные въ золото; жаворонокъ подымается къ нимъ и поетъ, будто при вратахъ неба.

Какъ пышны облака въ полдень, когда они висятъ такъ высоко и сияютъ бѣлизною въ лазуревомъ пространствѣ!

При закатѣ солнечномъ они опять прекрасны, и на далекомъ западѣ принимаютъ всякіе цвѣта и образы. Иногда они бываютъ похожи на башни и замки, на высокіе престолы и терема изъ топазовъ и золота.

Ночью, когда ихъ освѣщаетъ мѣсяць, они такъ ярки, бѣлы и чисты; и когда все успокоится и затихнетъ, они будто стадо спящихъ барашковъ.

Но что такое облака? Просто пары. Они быстро исчезаютъ, быстро измѣняются: то они темнѣютъ во время грозы, то надуваются въ бурю; но потомъ является радуга, и природа посреди потоковъ дождя улыбается.

Жизнь подобна облаку: также проходчива и переменчива; сегодня она свѣтла и пріятна, завтра темна и печальна; но снова солнце сіяетъ надъ нею, и она съ миромъ погружается въ вѣчный покой.

Что придаетъ облакамъ ихъ блескъ и красоту? Солнце, которое ихъ освѣщаетъ, золотитъ своими лучами и раскрашиваетъ своею улыбкой.

Что придаетъ жизни ея сіяніе? Благодать Того, Кто облакамъ велѣлъ дождемъ орошать землю и освѣжать всѣ растения и травы.

Онъ, Онъ даритъ утру жизни свѣтлую радость; Онъ въ

годы мужества поддерживает и укрѣпляет насъ; въ бурю и мракъ Онъ, какъ радуга, сіяетъ намъ своею улыбкой, и даже когда смерть готова опустить передъ нами завѣсу свою, Онъ освѣщаетъ намъ душу—свѣтомъ надежды.

### 306. Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка краса? Что рано такъ на небеса въ одеждѣ праздничной твоей, въ огнѣ блистающихъ кудрей, въ красѣ воздушно-голубой, умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ? Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ; не счесть накиданныхъ сноповъ. Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ, бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ; ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать; за то и утра не видать. А жнецъ съ восточною звѣздой всегда встаетъ передъ зарей. Работа рано по утру—досугъ и пѣсни въ вечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ; играютъ, свищутъ и поютъ; съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь; кричатъ другъ дружкѣ добрый день! И томно горлинки журчатъ; да чу! и къ завтрянѣ звонять.

Вездѣ молитва началась: «Небесный Царь, услыши насъ; Твое владычество приди, насъ въ искушенье не введи; на путь спасенія наставь и отъ лукаваго избавь.»

Зачѣмъ же звѣздочка краса всегда такъ рано въ небеса?... Звѣзда подружка тамъ горитъ. Пока родное солнце спитъ, спѣшать увидѣться онѣ въ уединенной вышинѣ.

Но что-жь, увидятся ли?... Нѣтъ, спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ. Ужь вотъ оно: востокъ зажгло, свой алый завѣсъ подняло, надѣло знойный свой уборъ и ярко смотритъ изъ-за горъ. А звѣздочка?... Ужь не блеститъ; печально блѣдная бѣжить, подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой! и скрылась въ безднѣ голубой. И солнце на небѣ одно, великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ въ своей спокойной красотѣ; за-тепился на церкви крестъ; и тонкій паръ встаетъ окрестъ; и взглянетъ лишь куда оно, тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ острить; и въ небѣ ласточка кружить; и дымъ клубится изъ печей; и будить мельницу ручей;

и тихо рдѣтъ темный боръ; и звучно въ немъ стучить топоръ.

*Жуковский.*

### 307. Разсвѣтъ.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина. Густой туманъ, какъ пелена съ посеребрёною каймой, клубится надъ Днѣпромъ рѣкой. И сквозь него высокій боръ, разсыпанный по скату горъ, безмолвно сморщится въ рѣкѣ, едва чернѣя вдаль; и изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ выходятъ стаи облаковъ, а изъ-за нихъ, огнемъ горя, выходитъ красная заря.

*Лермонтовъ.*

### 308. Утро.

\* 1.

Ужъ солнца первый лучъ чудесно озолотилъ востока край; уже проснулся день прелестный, — вставай, дитя моё, вставай!

Игриво жаворонокъ вѣтса съ весёлой пѣсенкой своей; чирканье повсюду раздаётся средь зеленѣющихъ вѣтвей. Уже при солнечномъ сяннѣ цвѣты, покрытые росой, какъ въ серебристомъ одѣяньи, блистаютъ новой красотой.

Прекрасно утра пробужденье! Минуть напрасно не теряй, молись въ сердечномъ умиленнѣ, — вставай, дитя моё, вставай!

2.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака. Бѣлый паръ по лугамъ разстилается. По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка отъ зари алый свѣтъ разливается. Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь, безлюдье вокругъ, чуть примѣтна тропинка росистая. Кустъ задвнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ съ листьевъ брызнетъ роса серебристая. Потянулъ вѣтерокъ, воду морщить, рабить. Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися. Далеко, далеко колокольчикъ звенить. Рыбаки въ шалашѣ пробудились, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ... а



востоку все горит, разгорается. Птички солнышка жаждут, птички пѣсни поютъ, и стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается. Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ, за морями ночлеги свой покинуло; на поля, на луга, на макушки ракичь золотыми потоками хлынуло. Ёдетъ пахарь съ сохой, ёдетъ — пѣсню поетъ, по плечу молодцу все тяжелое... Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ! Здравствуй, солнце да утро веселое!

*Никитинъ.*

### 309. Сумерки.

Полно тишиною все въ лѣсу, въ поляхъ; шепчутъ лишь порою струйки въ ручейкахъ. Чашечки закрылись миленькихъ цвѣтовъ, птички воротились подъ домашній кровъ. Какъ имъ тамъ привольно въ гнѣздышкахъ своихъ! Дерево спокойно, вѣтерокъ затихъ. Къ сладкому покою часъ для всѣхъ насталь; щедрою рукою Тотъ его послаль, чье благословенье множество щедротъ, жизнь всему, движенье и покой даетъ.

### 310. Вечеръ.

Солнце въ розовыхъ лучахъ, и вершины горъ зардѣлись; вновь брильянты на цвѣтахъ, волны пурпуромъ одѣлись. Межь колосьевъ и цвѣтовъ вѣтеръ тихо пролетаетъ и со скошенныхъ луговъ ароматомъ навѣваетъ. Наступаетъ время сна, умолкаетъ птичекъ пѣнье, всюду миръ и тишина, — какъ прекрасно все творенье!

2.

День догараетъ; усталое стадо до дому тихо идетъ; все утруженно, все отдыху радо: вечеръ уже настаетъ. Солнышко ниже; упала роса; воздухъ пахнулъ холоднѣй; только на западъ горять небеса... Чу! засвисталъ соловей. Тихо; и пѣснь одинокой пѣвицы, мнится, миръ слушаетъ весь; мнится, за тѣмъ же и звѣздочекъ лица въ землю глядятся съ небесъ. Вотъ по ла-

зури въ обычный дозоръ сторожемъ всходитъ луна, и надъ все-  
ленной ангеловъ хоръ носится съ пѣснью сна. \* 3.

Вечерь отрадный лёгъ на холмахъ, вѣтеръ прохладный дуетъ  
въ поляхъ. Дуетъ, лобзаеть травку, цвѣты, тихо качаетъ ро-  
зы кусты. Роза младая льётъ аромать, птички порхая въ рошѣ  
свистять. Всѣ веселятся, пляшутъ, поютъ, къ играмъ стремят-  
ся, къ шуткамъ зовутъ. Вечеромъ въ полѣ мило гулять; мило  
на волѣ, други, играть! Время терпѣнью, время трудамъ, вре-  
мя ученью, время гульбамъ. Играмъ часъ смѣло мы отдадимъ;  
книгамъ день цѣлый мы посвятимъ.

### 311. Наступленіе ночи.

Вотъ ужъ солнце за горами, вотъ усыпала звѣздами ночь  
спокойный сводъ небесъ; мраченъ долъ и мраченъ лёсъ. Вотъ  
и мѣсяцъ величавой сталъ надъ тихою дубравой; то изъ облака  
блеснетъ, то за облако зайдетъ; съ горъ простерты длинны тѣ-  
ни; и лёсовъ дремучихъ сѣни, и зеркало зыбкихъ водъ, и не-  
бесъ далекій сводъ въ свѣтлый сумракъ облеченны... Спать  
пригорки отдаленны, боръ заснулъ, долина спить... чу!... пол-  
ночный часъ звучить.

*Жуковский.*

### 312. Ночь.

1.

При сіяющихъ звѣздахъ—въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ — ти-  
хо-тихо въ небесахъ, тихо-тихо на землѣ. Волны моря не шу-  
мятъ, и не вѣетъ вѣтерокъ; на деревьяхъ птицы спятъ, спитъ  
и шумный городокъ. Но въ безмолвіи ночномъ непримѣтною  
тропой, въ городкѣ изъ дома въ домъ ходятъ ангелы толпой.  
Тутъ къ дитяти подойдутъ, свѣтлой радостью блестя,—и во снѣ  
смѣется тутъ непорочное дитя. Тамъ склонятся надъ больнымъ  
съ кроткой благостью любви и цѣлятъ крестомъ святымъ жаръ

зволнованной крови. А иному бѣдняку тихимъ вѣяніемъ крыль на работу, на тоску прибавляютъ свѣжихъ силъ. Тѣмъ во снѣ шепнуть совѣтъ—дѣло доброе начать; тѣхъ же учать и средь бѣдъ добрый подвигъ докончать. Отъ опасностей храня беззащитно спящій людъ, до сіяющаго дня ходять, ходять тамъ и тутъ. Въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ, при сіяющихъ звѣздахъ — тихо-тихо на землѣ, тихо-тихо въ небесахъ.

2.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ града облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ. Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ одна за другой, и мѣсяць надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой; извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули. Вокругъ тишина и безлюдье: и поле и берегъ уснули; лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шумятъ, да съ вѣтромъ волнистыя нивы Богъ знаетъ о чемъ говорятъ. На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрая сѣти; вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя дѣти играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной. Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ; надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ, и къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ, тростникъ молчаливо внимаешь таинственной музыкѣ волнъ.

*Никитинъ.*

313. Звѣзды.

Въ часъ полночный близъ потока ты взгляни на небеса: совершаются далѣко въ горнемъ мірѣ чудеса. Ночи вѣчныя лампы, невидимы въ блескѣ дня, стройно ходятъ тамъ громады негасимаго огня. Но впивайся въ нихъ очами, и увидишь, что вдали, за ближайшими звѣздами, тьмами звѣзды въ ночь ушли. Вновь взглядишь—и тьмы за тьмами утомятъ твой робкій взглядъ; всѣ звѣздами, всѣ огнями бездны синія горять.

*Хомяковъ.*

**Загадка.**

Разсыпался горохъ по сту дорогъ; никто его не собираетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица, ни бѣлая рыбаца.

**314. Солдатъ и падающая звѣзда.**

Кто не видалъ падающихъ звѣздъ; а между тѣмъ дѣйствительно ли звѣзды падаютъ? Нѣтъ; это кажущееся явленіе не что иное какъ пары, воспламеняющіеся въ земной атмосферѣ и потомъ снова угасающіе. Звѣзды же находятся отъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ милліоновъ миль, и каждая изъ нихъ безостановочно и неуклонно совершаетъ путь, разъ навсегда предначертанный ей всемогущимъ Творцомъ. Но есть люди, которые вѣрятъ, что звѣзды не только падаютъ, но что паденіе ихъ предвѣщаетъ всегда смерть какого нибудь великаго человѣка. Такое мнѣніе конечно ни на чемъ не основано; оно придумано людьми, которые ничему не учились, никогда не мыслятъ и судятъ только по первому впечатлѣнію, какое производитъ на нихъ всякое необыкновенное явленіе. Такъ точно судилъ и тотъ солдатъ, о которомъ я хочу вамъ рассказать. Онъ стоялъ ночью на часахъ. Отъ нечего дѣлать онъ сперва началъ высчитывать, сколько разъ онъ уже сидѣлъ подъ арестомъ, а потомъ для разнообразія сталъ разсматривать сосѣдніе дома и башни, освѣщенные послѣднею четвертью луны; а между прочимъ и обсерваторію, въ которой астрономы наблюдаютъ небесныя тѣла. Вдругъ одинъ изъ астрономовъ выставилъ телескопъ и направилъ его къ тому мѣсту на небѣ, гдѣ видѣлось наибольшее число звѣздъ. «Вотъ-те на!» подумалъ солдатъ: «ужъ не хочеть ли онъ стрѣлять въ звѣзды? вѣдь это кажись винтовка. Такъ и есть! Ну, посмотримъ.» И онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда астрономъ выстрѣлитъ. «Однако онъ что-то ужъ слишкомъ долго прицѣливается; должно быть не у нашего командира учился, а не то бы...» Солдатъ вдругъ невольно прервалъ свою рѣчь, увидѣвъ падающую звѣзду. «Попалъ! воскликнулъ онъ въ изумленіи: «ну, братъ, молодецъ! Рѣдко, да мѣтко! Прощай, звѣздочка; поминай, какъ звали! И когда это онъ успѣлъ выпалить? я даже выстрѣла не слышалъ. Должно быть это у нихъ особое такое оружіе, которое безъ пороху палить. Вотъ

подумаешь, право, какіе хитрые бываютъ люди на свѣтѣ: и  
впрямь звѣзды съ неба хватаютъ!»

### 315. Природа днемъ и ночью.

Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность, и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но низится къ западу солнце, гложнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвчее племя, разсѣлось по вѣткамъ, попрыгалось въ чашу, листву кустарную, и спить, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ среди общаго нестройнаго хора, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклевки самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздольѣ, и далеко несется по поемной луговинѣ его рѣзкій трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздались трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ льютъ ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа; но не криками сказывается теперь ея дѣятельность, — безмолвно, тайно творить она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на доли. Проснулись и сычъ и филинъ, ненавистники свѣта, и широко распустили райки своихъ глазъ, собираясь летѣть за заснувшей добычей. Вывела изъ логовища дѣтей волчица, и фосфорическимъ огнемъ зажглись ея глаза. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ, и фыркаетъ носомъ, жадно нюхая ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ залогъ живой добычи, не пахнетъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ на широкій цвѣтистый лугъ слетѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На побережьѣ широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ рассыпались зеленныя искры, засвѣтились Ивановы червячки. Въ дуплѣ старой липы слышится пискъ: проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, вспорхнула, летитъ неслышимымъ полетомъ, а за ней другая, третья.... всѣ понеслись, стелются, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки.

Загадки.

1. По утру въ сажень, въ полдень въ пядень, а въ вечеру чрезъ поле хватаетъ.
2. Ходить безъ ногъ, рукава безъ рукъ, уста безъ рѣчи.

316. Времена года.

Алексѣй. Отчего это, милый батюшка, лѣтомъ солнце грѣетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ зимою? Быть можетъ, лѣтомъ оно ближе къ намъ?

Отецъ. Совсе нѣтъ, сынъ мой! зимою солнце ближе къ намъ, чѣмъ лѣтомъ; но близость солнца въ этомъ отношеніи ничего не значить, а важно собственно его положеніе на небѣ. Посмотри на солнце въ полдень яснаго зимняго дня, и замѣть, какъ высоко стоитъ оно на тверди небесной; то же сдѣлай и въ полдень яснаго лѣтняго дня: и ты увидишь, что въ зимній день солнце стоитъ гораздо ниже, а въ лѣтній — гораздо выше надъ землею. — Чѣмъ выше надъ нами стоитъ солнце, тѣмъ отвѣснѣе падаютъ на нашу землю его лучи, и тѣмъ самымъ производятъ большую теплоту. Это ты можешь замѣчать каждый день; утромъ и вечеромъ солнечные лучи не содержатъ въ себѣ такой теплоты, какъ въ полдень, когда солнце занимаетъ самое высокое положеніе надъ нами и когда лучи его падаютъ на землю почти отвѣсно. Лѣтомъ же суточное обращеніе солнца гораздо больше, т. е. оно восходитъ гораздо выше, чѣмъ въ другія времена года, отчего лучи его и падаютъ на землю отвѣснѣе и даютъ больше тепла. Кромѣ того, лѣтомъ солнце появляется на небесномъ сводѣ гораздо раньше и оставляетъ его гораздо позже, — слѣдовательно свѣтитъ много часовъ сряду, а потому земля долѣе и сильнѣе нагрѣвается: отъ этого происходятъ долгіе и теплые лѣтніе дни. И такъ чѣмъ выше надъ нами стоитъ солнце, чѣмъ отвѣснѣе падаютъ на землю его лучи и чѣмъ продолжительнѣе оно сіяетъ, начиная отъ восхода и до заката, тѣмъ больше даетъ оно тепла.

Зимою суточное обращеніе солнца меньше. Оно стоитъ гораздо ниже на небѣ; отъ этого и лучи его падаютъ на землю не такъ отвѣсно, какъ лѣтомъ, а гораздо косѣе или наклоннѣе, и потому не могутъ сильно нагрѣвать землю. Сверхъ того, зи-

мою солнце и восходить гораздо позже, и закатывается гораздо раньше: въ это время оно только что начнетъ нагрѣвать въ какомъ либо мѣстѣ землю, какъ уже принуждено бываетъ оставить это мѣсто и идти далѣе. Отсюда — короткіе и холодные зимніе дни. И такъ: чѣмъ ближе къ намъ солнце, чѣмъ наклоннѣе падаютъ на землю лучи его и чѣмъ кратчайшее время сіяетъ оно отъ восхода и до заката, тѣмъ менѣе даетъ тепла.

Ты не можешь не замѣтить и того, что не вдругъ дѣлается совершенно холодно или жарко. Послѣ зимняго холода становится постепенно теплѣе и теплѣе, и наконецъ наступаютъ жаркіе лѣтніе дни; точно такъ же послѣ лѣтнихъ жаровъ дѣлается по немногу все холоднѣе и холоднѣе. Постепенный переходъ отъ холоднаго къ теплему или жаркому времени мы называемъ *весною*, а постепенный переходъ отъ лѣта къ зимѣ — называемъ *осенью*. Эти четыре періода времени: *весна, лѣто, осень* и *зима*, составляютъ цѣлый годъ, и потому называются *временами года*.

#### Загадка.

Въ саду царскомъ, на деревѣ райскомъ, съ боку малина, съ другого калина, съ третьяго вишня, а съ четвертаго нѣтъ ничего — одно забелье.

#### 317. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ, а воды ужъ весной шумятъ, бѣгутъ и будятъ сонный берегъ, бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ... Онѣ гласятъ во всѣ концы: «весна идетъ, весна идетъ, мы молодой весны гонцы; она насъ выслала впередъ!» Весна идетъ, весна идетъ, и тихихъ, теплыхъ майскихъ дней румяныхъ, свѣтлый хороводъ толпится весело за ней.

Θ. Тютчевъ.

#### 318. Начало весны.

Гонимы вешними лучами, съ окрестныхъ горъ уже снѣга сбѣжали мутными ручьями на потопленные луга.

Улыбкой ясною природа сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года; синѣя, блещутъ небеса; еще прозрачные лѣса какъ будто пу-хомъ зеленѣютъ. Пчела за данью полевой летитъ изъ кельи во-сковой; долины сохнутъ и пестрѣютъ; стада шумятъ, и соловей ужъ цѣль въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

## 319. Весна.

### 1.

Наступила весна; солнце согнало снѣгъ съ горъ и равнинъ, зазеленѣли верхушки поблеклой травы, распустились почки де-ревь и изъ нихъ выглянули молоденькіе листочки. Просну-лась пчелка отъ глубокаго сна, въ которомъ она пролежала цѣ-лую зиму; она протерла себѣ глаза и пошла будить своихъ по-другъ: онѣ отворили улей и стали смотрѣть, удалились ли вра-ги ихъ: ледь, снѣгъ и сѣверный вѣтеръ. Видя, что повсюду свѣтитъ и грѣетъ солнышко, они выползли изъ улья, оправили крылышки и начали летать. Прилетѣли они къ яблонѣ и спро-сили: «нѣтъ ли у тебя чего нибудь съѣстнаго для насъ, голод-ныхъ пчелокъ? Мы цѣлую зиму ничего не ѣли.» Яблоня отвѣ-чала: «нѣтъ, друзья мои, вы слишкомъ рано пришли ко мнѣ; цвѣты мои еще скрыты въ почкахъ, а кромѣ нихъ у меня ни-чего нѣтъ. Ступайте къ вишневому дереву.» Пчелки полетѣли къ вишневому дереву: «милая вишня, сказали онѣ, нѣтъ ли у тебя цвѣтовъ для насъ, голодныхъ пчелокъ?» Вишня отвѣчала: «приходите завтра, сегодня мои цвѣты еще не раскрылись; но лишь только они покажутся, то милости просимъ!»—Тогда пчел-ки полетѣли къ прекрасному тюльпану, который уже почти со-вершенно разцвѣлъ; но цвѣтъ его не имѣлъ ни запаха, ни сла-дости, и пчелки не нашли въ немъ вовсе меду. Печальныя и го-лодные, онѣ уже хотѣли возвратиться домой, какъ вдругъ замѣ-тили подъ кустомъ темногубой цвѣтокъ. Это была фіалка: она скромно поджидала гостей и радушно раскрыла имъ свою чашечку, исполненную благоуханія и сладости; пчелки насыти-лись и принесли домой первый медъ.



2.

Весна! выставляется первая рама! И въ комнату шумъ ворвался, и благовѣсть ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колеса. Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей: вонъ—даль голубая видна... И хочется въ поле, въ широкое поле, гдѣ шествуя сыплеть цвѣтами весна! Голубенькій чистый подснежникъ цвѣтокъ! А подлѣ сквозистый послѣдній снѣжокъ.... Послѣднія слезы о горѣ быломъ, и первыя грезы о счастьи иномъ....

*А. Майковъ.*

### 320. Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ переменъ, и звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяные оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдныя луга, упитанныя благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи.

*Карамзинъ.*

### \* 321. Весеннія пѣсенки.

1.

Ласточка примчалась изъ-за бѣла моря, съѣла и запѣла: какъ Февраль ни злился, какъ ты, Мартъ, ни хмурься, будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ—всё весною пахнетъ!

2.

Дождались мы свѣтлаго мая; цвѣты и деревья цвѣтутъ, и по небу синему, тая, румяныя тучки плывутъ.

Запѣли весѣлыя пташки въ играющей листьѣ лѣсовъ; и бѣ-  
дые скачутъ барашки на зелени мягкихъ луговъ.

3.

Травка зеленѣеть, солнышко блеститъ, ласточка съ весною  
въ сѣни къ намъ летитъ. Съ нею солнце дольше и весна ми-  
лѣй... Прощебечъ съ дороги намъ привѣтъ скорѣй! Дамъ тебѣ  
я зѣрень, а ты пѣсню спой: что изъ странъ далѣкихъ принесла  
съ собой.

4.

Я пройдуся по лѣсамъ; много птичекъ есть тамъ: всѣ пор-  
хаютъ, поютъ, гнѣзда теплыя вьютъ.

Побываю въ лѣсу; тамъ я пчелокъ найду: и шумятъ и жуж-  
жать, и работать спѣшать.

Я пройдуся по лугамъ; мотылѣчки есть тамъ: какъ красивы  
они въ эти свѣтлые дни!

5.

Весенній день, прекрасный день! какъ ясенъ неба сводъ! рас-  
кинулась деревьевъ сѣнь, свѣтлѣютъ токи водъ. Цвѣты пестрѣ-  
ютъ на лугахъ, лиловѣтъ сирень, и вѣетъ вѣтерокъ въ поляхъ  
въ весеній свѣтлый день. Пѣвцы пернатые, кружась, щебечутъ  
и свистятъ, и днѣмъ весеннимъ веселясь — съ куста на кустъ  
летять. Какъ солнце ярко въ небесахъ! какъ весело гулять! пу-  
шиста травка, и въ садахъ свободнѣе дышать! Хвала Творцу!  
мы дождались весеннихъ красныхъ дней. Рѣзвиться въ рощахъ  
собрались — и слышенъ смѣхъ дѣтей.

### 322. Весенняя гроза.

Чудна гроза въ началѣ Мая, когда весенній первый громъ,  
какъ бы рѣзвися и играя, грохочетъ въ небѣ голубомъ. Гремятъ  
раскаты молодые, вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ, пови-  
сли перлы дождевые и солнце нивы золотитъ; съ горы бѣжить

потокъ проворный, въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ, и гамъ лѣсной и шумъ нагорный—все вторить весело громамъ.

*Ө. Тютчевъ.*

**Загадка.**

Меня никто не видитъ, но за то всякій слышетъ; а вѣрною спутницу мою всякій можетъ видѣть, но никто не слышитъ.

**323. Передъ дождемъ.**

Заунывный вѣтеръ гонить стаю тучъ на край небесъ, ель надломленная стонетъ, глухо шепчетъ темный лѣсъ. На ручей рябой и пестрой, за листкомъ летитъ листокъ, и струей сухой и острой набѣгаетъ холодокъ. Полумракъ на все ложится; налетѣвъ со всѣхъ сторонъ, съ крикомъ въ воздухъ кружится стая галокъ и воронъ.

Надъ провзжей таратайкой спущенъ верхъ, передъ закрыть; и «пошѣль!» привставъ съ нагайкой, ямщику деньщикъ кричить....

*Н. Некрасовъ.*

**324. Буря.**

Клубятся въ полдень черны тучи по раскаленнымъ небесамъ, и вихрь несетъ песокъ горячій съ дороги пыльной по холмамъ; въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый лежитъ въ тѣни, остави нивы; пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ; боръ темный шепчетъ и дрожить; сожжѣнный листъ о стебель бьется; все при- таилось, все молчитъ: и вдругъ огонь по тучамъ вьется, грохо- четъ громъ, съ нимъ дождь и градъ въ поляхъ встревоженныхъ шумять...

Утихла буря; сводъ небесъ межъ дымныхъ тучъ уже синѣетъ, и ароматомъ дышетъ лѣсъ, и какъ свѣжо съ поляны вѣетъ! Цвѣты, омытые дождемъ, блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ, и солнце вечера спокойно бросаетъ ярко лучъ незнойный.

*И. Козловъ.*

325. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури! одна ты несешься по ясной лазури, одна ты наводишь унылую тѣнь, одна ты печалишь ликующій день. Ты небо недавно кругомъ облежала, и молнія грозно тебя обвивала, и ты издавала таинственный громъ и алчную землю поила дождемъ. Довольно, сокройся! пора миновалась, земля освѣжилась и буря промчалась, и вѣтеръ, лаская листочки древесъ, тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Пушкинъ.

\* 326. Эхо.

Маленькій Миша вовсе не зналъ, что значить эхо или отголосокъ. Однажды, гуляя въ большомъ саду, на дачѣ, онъ вздумалъ кричать: «о! о!» и въ ту же минуту онъ услышалъ, что изъ-за рощицы ему отвѣчали тѣми же самыми восклицаніями. Удивлённый Миша громко спросилъ: «кто ты? На это таинственный голосъ отвѣчалъ такъ же: кто ты? Мишѣ стало досадно, и онъ безъ церемоніи сказалъ: «видно ты какой нибудь дурачокъ!» — Дурачокъ! отвѣчалъ голосъ изъ рощицы. Тутъ Миша ужъ совсѣмъ разсердился и началъ браниться порядкомъ съ невидимкой. Эхо возвращало ему съ точностію всякую брань. Миша отправился отыскивать негоднаго мальчика; напрасно: никого не было.

Пробѣгавъ безъ успѣха до усталости по рощѣ и саду, Миша пошелъ къ маменькѣ и жаловался ей, что какой-то злой мальчикъ спрятался въ саду и бранить его. «Попался же ты, мой милый Миша! самъ на себя всё высказалъ», отвѣчала ему маменька: «знай, мой дружокъ, что ты слышалъ только то, что самъ говорилъ, какъ ты видишь въ свѣтлой водѣ твоё лицо, точно такъ же ты сейчасъ слышалъ твой голосъ въ рощѣ. Если бы ты закричалъ какое нибудь ласковое слово, то непременно и самъ услышалъ бы такое же. Такъ всегда бываетъ; и пословица говорить: какъ аукнется, такъ и откликнется.»

Загадка.

Живеть безъ тѣла, говорить безъ языка; никто его не видитъ, а всякій слышитъ.

### 327. Лѣтній вечерь.

Знать солнышко утомлено: за горы прячется оно, лучь погасаетъ за лучомъ и, алымъ тонкимъ облачкомъ задернувъ ликъ усталый свой, уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть; мы знаемъ, лѣтній дологъ путь. Вездѣ-жь работа: на горахъ, въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ; того согрѣй, тѣмъ свѣту дай и всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты и имъ расписывай листы; потомъ медвяною росой пчелу работницу напой, и чистыхъ капель межъ листовъ оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи, и молодую изъ земли былинку выведи на свѣтъ; пичужкамъ приготовь обѣдъ; тѣхъ пріюти между вѣтвей, а тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ, не позабудь горячій свѣтъ разсыпать на зеленый садъ, и золотистый виноградъ отъ зноя листьями прикрыть, и колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стада жестокъ, смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ; и тучку темную скопи, и травку влагой окропи, и яркой радугой съ небесъ сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подь острою косою трава ложится полосой, туда безоблачно сіяй и сѣно въ копна собирай, чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ, и съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено, что разгорѣлося оно, что отдыхаетъ на горахъ въ полупотухнувшихъ лучахъ, и намъ, сходя за небосклонъ, въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ; одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ за нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ... Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ, сейчасъ оно передъ тобой задернетъ алый завѣсъ свой.

И ночь ужъ на небо взошла, и тихо на небѣ зажгла гостепримные огни; и все замолкнуло въ тѣни, и по долинамъ, по горамъ все спитъ... пора ко сну и намъ.

*Жуковский.*

### 328. Лѣтняя жара.

Былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

«Ахъ зачѣмъ такъ нестерпимо жарко!» говорила Марія своей

матери, утирая потъ, постоянно появлявшійся у ней на лбу и пылавшихъ щекахъ: «я почти не могу болѣе дышать.»

«Зачѣмъ теперь такъ жарко, дитя мое», сказала мать: «на это я отвѣчу тебѣ лучше чрезъ нѣсколько недѣль, чѣмъ теперь. А теперь скажу только, что Тотъ, Кто попускаетъ быть такой жаръ, называется Богомъ, и что этотъ милосердый Отецъ не дѣлаеть ничего такого, что было бы худо для насъ.»

Марія замолчала, повѣривъ словамъ матери, отъ которой слышала всегда одну истину. Она приложила всѣ усилія къ тому, чтобы терпѣливо перенести лѣтнюю жару, которая продолжалась еще нѣсколько времени.

Но вотъ прошелъ Августъ, а съ нимъ и жара. Прохладная осенняя атмосфера и тихое сіяніе солнца каждый день вызывали Марію въ садъ.

Овощи и плоды уже созрѣли, а тутъ наступила и жатва.

Привлекательная красота яблоковъ, вишенъ и персиковъ приводила Марію въ удивленіе, а сладость ихъ превосходила для нея все; даже медъ казался ей не слаще ихъ.

«Ахъ, маменька, какіе чудные плоды даровалъ намъ Богъ!» вскричала Марія: «какъ благъ Онъ долженъ быть! какъ сильно любить Онъ насъ!»

«Да, дитя мое; но вспомни-ка, не сердилась ли ты недавно еще на Него за то, что Онъ хотѣлъ даровать тебѣ эти плоды? Знай же теперь, что та самая жара, которая едва не вывела тебя изъ терпѣнія, дала нашимъ плодамъ ихъ привлекательный цвѣтъ и прекрасный вкусъ.»

### \* 329. Солнечное сіяніе и дождь.

«Ахъ, если бы всегда сіяло солнце!» говорили дѣти въ одинъ пасмурный, бурный и дождливой день. Ихъ желаніе скоро исполнилось; въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не видно было ни одного облачка на небѣ. Но эта продолжительная засуха причинила много вреда полямъ и лугамъ. Въ саду поблекли цвѣты и травы; а лёнъ, который такъ много радуеть дѣвушкамъ, былъ почти не длиннѣе пальца.

«Видите ли теперь», сказала дѣтямъ мать, «что и дождь бываетъ такъ же необходимъ, какъ и солнечное сіяніе.»

**Загадка.**

Высокъ и тонокъ, въ травѣ не видать.

**330. Исторія дождевой капли.**

Красное солнышко стало звать водяную каплю, дочь глубокаго моря, погулять съ нимъ по воздушной синевѣ. Хотѣлось бы капелькѣ изъ глубины своей выглянуть на Божій свѣтъ, да море родимое не пускаетъ; вотъ и послало къ ней солнышко одинъ изъ свѣтлыхъ лучей своихъ: онъ взялъ ее, сдѣлалъ невидимкой и понесъ все выше и выше къ самому солнышку. Гуляетъ капелька съ краснымъ солнышкомъ по высокому поднебесью, далеко, далеко надъ горами, надъ морями; вдругъ устала капелька, не можетъ идти далѣе, силъ нѣтъ. И не одна она—много гулягъ, сестрицъ ея, убѣжало изъ родной пучины морской. Всѣ онѣ сидятъ въ сбромъ облачкѣ и плачутъ о томъ, что не могутъ идти далѣе за краснымъ солнышкомъ. Но благодѣтельное солнышко сжалилось надъ ними, послало имъ свѣжій вѣтерокъ: погналъ онъ заблудшихъ малютокъ, какъ стадо, домой. Какъ сошлись онѣ вмѣстѣ—и увидѣлись и узнали другъ друга, потому что перестали быть невидимками, сдѣлались опять водяными капельками. Обнялись онѣ дружно и покапали на землю; а люди говорятъ: «дождь идетъ.» Наша капелька упала на высокую гору, а съ нею и много сестрицъ подружекъ; эта гора далеко, далеко отъ моря—нужно имъ торопиться, чтобы поспѣть домой. Весело запрыгали онѣ по кочкамъ, по камушкамъ, по скаламъ. Но имъ нужно еще пробѣжать по мельничнымъ колесамъ; поворчали наши капельки—наконецъ всплыли. Да что въ томъ пользы? Онѣ думаютъ по гладкому пути со всеми удобствами путешествовать, а вотъ имъ положили на спину тяжелыя лодки, разсѣкаютъ волны ихъ шумящія пароходы—понесутъ ихъ бѣдняжекъ, пока не воротятся наконецъ отдохнуть на родину, въ объятія родимаго моря.

**331. Роса и шей.**

«Марѳа», спросилъ однажды маленькій Костя, «скажи пожалуйста, откуда берется роса?»

«Она падаетъ съ неба», отвѣчала няня.

Костя обратился къ отцу и спросилъ, точно ли роса падаетъ съ неба?

Отецъ улыбнулся. «Нѣтъ, другъ мой», сказалъ онъ: «это заблужденіе. Она появляется вотъ какимъ образомъ: изъ земли и растений выходятъ испаренія; ночью, когда бываетъ холоднѣе чѣмъ днемъ, эти испаренія сгущаются и превращаются въ капли, и онѣ-то называются росой. Что роса не съ неба падаетъ, въ этомъ ты можешь увѣриться собственнымъ опытомъ.»

Вечеромъ отецъ взялъ горшечекъ и отправился съ Костей въ садъ. «Вотъ видишь, Костя», сказалъ онъ, «эта трава теперь совершенно сухая; я накрою ее горшечкомъ. Если роса въ слѣдующую ночь падетъ съ неба, то она не въ состояніи будетъ пробиться сквозь горшечекъ, и потому небольшое мѣстечко подъ горшечкомъ должно остаться сухимъ. Если же мы завтра найдемъ подъ горшечкомъ росу, то это будетъ яснымъ доказательствомъ, что она не падаетъ съ неба.»

На слѣдующее утро отецъ и сынъ сняли горшечекъ, и подъ нимъ нашли росу.

Осенью роса нерѣдко замерзаетъ, и это называется *инеемъ*.

### **Загадка.**

Въ вечеру прилетаетъ, ночь на землѣ пребываетъ, а по утру на небо улетаетъ.

### **332. Примѣты осени.**

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ, работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ, и покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ, и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ. Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ: тамъ тянется, блестя на солнце, паутина; тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ кистями красными повиснула рябина; тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ, и курится оwinъ, и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ... И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко токъ отзывается подъ дружными цѣпями, и стая журавлей несется высоко, переключаясь порой подъ небесами.



333. Осень.

1.

Ласточки пропали, а вчера зарей все грачи летали, да какъ сътъ мелькали вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится, на дворѣ темно. Листъ сухой валит-ся, ночью вѣтеръ злится, да стучить въ окно.

Лучше-бъ снѣгъ да вьюгу встрѣтить грудью радъ! Словно какъ съ испугу, раскричавшись, къ югу журавли летать.

Выйдешь, по неволѣ тяжело—хоть плачь! Строишь: черезъ поле перекасти-поле прыгаетъ, какъ мячъ.

*Фетъ.*

2.

Кроетъ ужъ листъ золотой влажную землю въ лѣсу... Смѣло топчу я ногой вешнюю лѣса красу. Съ холоду щеки горять; люблю въ лѣсу мнѣ бѣжать, слышать, какъ сучья трещать, листья ногой загребать! Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ! Лѣсъ съ себя тайну совлекъ: сорванъ послѣдній орѣхъ, свянулъ послѣдній цвѣтокъ; мохъ не приподнять, не взрыть грудой кудрявыхъ груздей; около пня не виситъ пурпуръ брусничныхъ кистей; долго на листьяхъ лежитъ ночи морозъ, и сквозъ лѣсъ холодно какъ-то глядитъ ясность прозрачныхъ небесъ.

*А. Майковъ.*

334. Осень въ деревнѣ.

Солнце спряталось за тучи, вѣтеръ сильный, холодно; листья сыплются, и въ кучи вѣтромъ все ихъ намело. Рѣчка ходитъ такъ сердито, лѣсъ такъ жалобно шумитъ, небо тучами закрыто, небо дождикомъ грозить. Птички все прижались въ полѣ, рыбки спрятались на дно; всемъ и въ волѣ, какъ въ неволѣ—холодно, всемъ холодно!

335. Осенняя пѣсенка.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно, улетаютъ ясны дни! Стелется

туманъ ненастной ночи въ дремлющей тѣни; опустѣли злачны нивы; хладенъ ручеекъ игривый, лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ; сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Скоро, скоро холодъ зимній рощу, поле посѣтитъ; огонекъ въ лачужкѣ дымной скоро ярко заблеститъ.

*Пушкинъ.*

### 336. Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ; память онъ, цоломанъ и путь, хотъ пышно еще доцвѣтаетъ настурцій въ немъ огненный кустъ... Миѣ грустно! меня раздражаетъ и солнца осеняго блескъ, и листь, что съ березы спадаетъ, и позднихъ кузнечиковъ трескъ. Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу—пустое гнѣздо надъ огномъ; въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу; солома обвѣтрилась въ немъ....

А помню я, какъ хлопотали двѣ ласточки, строя его! какъ прутики глиной скрѣпляли, и пуху таскали въ него! Какъ веселье былъ трудъ ихъ, какъ ловоги! какъ любо имъ было, когда пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ выглядывать стали съ гнѣзда! И цѣлый-то день говоруньи, какъ дѣти, вели разговоръ... потомъ полетѣли, летуньи! я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ! И вотъ—ихъ гнѣздо одиноко! онѣ ужъ въ иной сторонѣ—далѣко, далѣко, далѣко.... О если бы крылья и мнѣ!

*А. Майковъ.*

### 337. Солнце, морозъ и вѣтеръ.

Шель мужикъ, а на встрѣчу ему солнце, морозъ и вѣтеръ. Мужикъ сталъ посреди дороги и поклонился имъ въ поясъ.

«Это онъ мнѣ кланяется», сказало солнце, «чтобы я его не жгло.»

«Нѣтъ не тебѣ, а мнѣ», сказалъ морозъ, потому что онъ меня болѣе боится.»

— Полноте вздоръ молоть! перебилъ обоихъ вѣтеръ: не вамъ мужикъ кланялся, а мнѣ.

И начали они между собой спориться и ссориться.

«А коли такъ», сказало наконецъ солнце, то спросимъ же самого мужика.

Догнали они мужика и спросили: «скажи, мужикъ, кому изъ насъ троихъ ты отдавалъ поклонъ?»

— Вѣтру, отвѣчалъ мужикъ.

— Ну что? вѣдь говорилъ я, что не вамъ, а мнѣ! сказалъ вѣтеръ.

«Такъ я-жь его какъ рака испеку!» сказало солнце: «будетъ онъ меня помнить.»

— Не испечешь! возразилъ вѣтеръ: какъ почну я вѣять и охлаждать его, такъ не испечешь!

«Ну такъ я его, бездѣльника, заморожу!» сказалъ морозъ.

— Полно, старина! перестану дуть, такъ безъ меня не заморозишь.

И побрелъ мужикъ своей дорогой, цѣль и невредимъ.

### 338. Зима.

#### 1.

Гдѣ сладкій шопоть моихъ лѣсовъ? потоковъ ропоть, цвѣты луговъ? Деревья голы; коверъ зимы покрылъ холмы, луга и доли. Подъ ледяной своей корой ручей нѣмѣеть; все цѣпнѣеть, лишь вѣтеръ злой бушуя воетъ и небо кроетъ сѣдою мглой.

*Баратынскій.*

#### 2.

Встаетъ заря во мглѣ холодной; на нивахъ шумъ работъ умолкъ; съ своей волчихою голодной выходитъ на дорогу волкъ; его почуя, конь дорожный храпитъ—и путникъ осторожный несется въ гору во весь духъ. На утренней зарѣ пастухъ не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва, и въ часъ полуденный въ кружокъ ихъ не зоветъ его рожокъ. Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей, трещитъ лучина передъ ней. И вотъ уже трещать морозы и серебрятся средь полей... Опрятнѣй моднаго паркета блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта; мальчишекъ радостный народъ коньками звучно рѣжетъ ледъ. На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый, задумавъ плыть по дону водъ,

ступаетъ бережно на ледъ, скользитъ и падаетъ; веселый мелькаетъ, вьется первый снѣгъ, звѣздами падая на брегъ.

3.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя, дохнулъ, завылъ, и вотъ сама идетъ волшебница зима.

Пришла, разсыпалась; клоками повисла на сукахъ дубовъ; легла волнистыми коврами среди полей, вокругъ холмовъ; берега съ недвижною рѣкою сравняла пухлой пеленою; блеснулъ морозъ. И рады мы проказамъ матушки зимы.

4.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь; его лошадка, снѣгъ почуя, плетется рысью какъ нибудъ; бразды пушистыя взрывая, летитъ кибитка удалая; ямщикъ сидитъ на облучкѣ въ тулупѣ, въ красномъ кушагѣ. Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ, въ салазки Жучку посадивъ, себя въ коня преобразивъ; шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ: ему и больно и смѣшно, а мать грозитъ ему въ окно...

*Пушкинъ.*

**Загадка.**

Чистъ и ясенъ какъ алмазь, дорогъ не бываетъ; онъ отъ матери рожденъ, самъ ее рождаетъ.

**\* 339. Морозъ.**

Ой-ой-ой, какъ морозъ всѣ окошки занёсъ! Опушилъ, опанулъ, будто бѣлымъ крыломъ, а мѣстами сверкнулъ серебристымъ цвѣткомъ. Вѣтви пальмъ, цѣлый лѣсъ, онъ на стѣкла нанесъ; честь искусству его! Здѣсь тепло; нужды нѣтъ. На дворъ каково? Тамъ онъ колетъ и жметъ. Покажись-ка туда?... Я пойду, не бѣда! Русскій любитъ морозъ, съ нимъ родился, растётъ и румянѣ розъ на морозѣ цвѣтётъ. Студено, холодно;

только любо оно! Свѣтло-алой струей дымъ изъ трубъ вверхъ летить; изъ подъ быстрыхъ саней снѣгъ хруститъ и крутитъ.

### 340. Русская зима.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи! на тебѣ горятъ алмазы, словно яркіе лучи. Ты живительной улыбкой, свѣжей прелестью лица пробуждаешь къ чувствамъ новымъ усыпленные сердца. Здравствуй, русская молодка, раскрывающая душа, бѣлоснѣжная лебѣдка, здравствуй, матушка зима!

Намъ не страшень снѣгъ суровый, съ снѣгомъ — батюшка морозъ, нашъ природный, нашъ дешевый пароходъ и паровозъ. Ты у насъ краса и слава, наша сила и казна, наша бодрая забава, молодецкая зима!

Пляшутъ бѣшенныя тройки, снѣгъ топоча у крыльца; вотъ взвились и полетѣли, что твой соколъ въ небесахъ. Красота ямской артели возжи ловко сжалъ въ рукахъ; въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ такъ и смотритъ молодцомъ, погоняетъ загадочныхъ свистомъ, ласковымъ словомъ.

*Вяземскій.*

### 341. Какъ орбузается снѣгъ.

«Скажи мнѣ, милый батюшка», спросилъ однажды маленький Вася, «какъ образуется снѣгъ?»

«Хорошо, я объясню тебѣ это», сказалъ отецъ. «Ты знаешь, что облака состоятъ изъ влажныхъ испареній; знаешь также, что эти испаренія, сгущаясь, обращаются въ капли и падаютъ на землю въ видѣ дождя; если эти дождевыя капли во время своего паденія замерзаютъ, въ такомъ случаѣ происходитъ градъ; все это ты уже знаешь. Но вотъ послушай дальше. Когда влажныя испаренія, стремясь соединиться въ капли, замерзаютъ прежде, чѣмъ успѣютъ сдѣлаться каплями, тогда образуются клочья, которые и называются снѣгомъ. Если погода бываетъ не очень холодна, то снѣжныя хлопья принимаютъ бѣольшую величину; если же холодъ бываетъ сильнѣе, то величина ихъ бываетъ гораздо меньше, и въ такомъ случаѣ

происходить такъ называемая изморозь, совершенно похожая на мелкій дождь.

### Загадки.

1. У насъ на молодую скатерть бѣла весь мѣръ застлала.

2. Я какъ песчинка малъ, а землю покрываю; я изъ воды, а съ воздуха летаю; какъ пухъ лежу я на поляхъ, какъ бриллиантъ блещу при солнечныхъ лучахъ.

3. Зимой грѣеть, весной тлѣеть, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.

### 342. Зимнее утро.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями. Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ. Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ, на дома, крытые ковромъ младаго снѣга, на зеркало рѣки, застынувшей у берега, свѣтила дневнаго кровавое ядро. Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ серебро; иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ, унижена кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ. Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ, картиной новою увеселять свой взоръ; люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою деревня весело встрѣчается съ зимою. Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки, свистятъ и искрятся визгливые коньки; на лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ; тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ сухого хвороста худую сѣть чинить, и сладостно ему вспомнить прежній бытъ, взирая на стекло окованной пучины — про зори утренни и крики лебедины, про бури ярыя и волнь мятежныя взрывъ, и свой хранительный подъ ивами заливъ, и про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи, когда лишь мѣсяца задумчивыя очи проглянуть, озлатятъ пучины спящей гладь, и свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать.

*А. Майковъ.*

### 343. Зимняя ночь.

Ночь морозная настала, небо чисто, какъ стекло; мгла вечер-

няя пропала, и на улицахъ свѣтло! Мѣсяць свѣтитъ надо мною, кровли зданій серебрить; на нихъ бѣлой пеленою зимній снѣгъ вокругъ лежитъ. Все спокойно: только бѣгомъ мимо сани пролетать и полозьями по снѣгу звучно, шумно проскрыпять, да у церкви—не далеко—дремлетъ сторожъ въ тишинѣ и, проснувшись, бьетъ жестоко въ листъ желѣзный на стѣнѣ... Пусто, тихо; ужь пропали огоньки во всѣхъ окнахъ; люди бѣдные устали и покоются въ домахъ.

#### 344. Великодушный незнакомецъ.

Однажды была чрезвычайно холодная зима. Снѣгу навалило болѣе двухъ аршинъ; по льду ѣздили съ тяжелыми обозами. Но передъ наступленіемъ весны сдѣлалась оттепель, снѣгъ началъ быстро таять; пошелъ дождь, сдѣлалось сильное и внезапное наводненіе; мосты были снесены. Нѣсколько стоявшихъ при рѣкѣ домовъ были въ большой опасности; люди, жившіе по берегу рѣки, оставляли свои дома, убѣгая отъ бѣды. Но одно семейство не могло спастись; приливъ воды внезапно распространился по всей окрестности, а ихъ жилище было построено у моста. Ледяныя глыбы одна за другой неслись на окруженную водою избу и грозили ее разрушить. Бѣдное семейство въ этомъ ужасномъ положеніи жалостно просило о помощи чрезъ окошко. На берегу стояло множество народу; всѣ сожалѣли, всѣ кричали, многіе плакали, но никто не рѣшался идти на помощь погибавшему семейству. Наконецъ изъ толпы народа выходитъ на берегъ незнакомый чековѣкъ, садится въ ближайшую рыбацью лодку и счастливо доѣзжаетъ до избы; но такъ какъ лодка была очень мала, то онъ посадилъ въ нее только двухъ человѣкъ. Онъ возвращался три раза къ избѣ и такимъ образомъ спасъ все семейство. Но едва онъ высадилъ на берегъ послѣднихъ двухъ человѣкъ, какъ огромная льдина ударила объ избу, и она съ ужаснымъ трескомъ обрушилась. Между тѣмъ какъ глаза всѣхъ жителей были обращены на разрушавшуюся избу, незнакомый спаситель скрылся въ толпѣ. Спасенное семейство до того было поражено испугомъ, что не могло спросить даже объ имени своего спасителя, и когда прочіе люди осмотрѣлись, то уже не замѣтили его нигдѣ.

### 315. Снигирь и мальчикъ.

1.

Скоро, слишкомъ скоро проходитъ лѣто! вмѣсто теплыхъ, ясныхъ дней наступаютъ скучные туманы осени, отъ которыхъ вянуть цвѣты, желтѣютъ и грустно валятся съ деревьевъ листья. А вѣдь отъ осеннихъ тумановъ не далеко и до снѣга: вотъ, пушистыми хлопьями налетѣвъ на землю, то сверкаетъ онъ на ней въ алмазныхъ переливахъ при солнечномъ свѣтѣ, то вьюгою волнуется, крутясь и клубясь надъ запустѣлыми полями.

У кого есть теплая одежда, кто живетъ въ хорошо натопленныхъ комнатахъ, тому зимою такъ же весело, какъ и лѣтомъ; но бѣдняки съ немалымъ трудомъ отстаиваютъ свою жизнь отъ свирѣпой зимы.

Тяжела зимняя стужа и для маленькихъ птичекъ. Бѣдняжки рѣдко, только случайно, находятъ себѣ пищу зимою, и продрогшія, голодныя, онѣ жалобно чиликаютъ, отыскивая зернушки, иногда валяющіяся по близости отъ человѣческихъ жилищъ. Продуваемые вѣтромъ, красногрудые снигири переминаются и переступаютъ съ ноги на ногу у самыхъ дверей и оконъ, высматривая поживы. У кого доброе сердце, тотъ не отгонитъ бѣдную птичку, не испугаетъ ее крикомъ, не подставитъ ей силка. Она вѣдь никому не дѣлаетъ вреда; а что она озябла и проголодалась, въ томъ, разумѣется, не ея вина. Только злые мальчики любятъ мучить беззащитныхъ птичекъ.

2.

Въ одно декабрьское утро подлетѣлъ къ окошку Пети измученный холодомъ и голодомъ снигирь. У всякаго сердце заболѣло бы отъ жалости при видѣ несчастной птички, какъ будто просившей хриплымъ чиликаньемъ: «позвольте мнѣ погрѣться у вашего окошка. Дайте и покушать; мнѣ вѣдь не много нужно: я буду сыта вашими объѣдами, хлѣбными крошками.»

Что же? Повѣрите ли вы? Петя не только не сжалился надъ снигиремъ, но еще воспользовался его слабостью, поймалъ его и началъ забавляться имъ, какъ кошка, которая играетъ съ пойманною мышью, прежде нежели съѣстъ ее! Жалостно смотрѣла на мучителя птичка; тяжело дыша, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ



страха, напрасно старалась она высвободиться изъ рукъ его; наконецъ выбилась изъ силъ и умерла.

Черезъ нѣсколько дней потомъ Петя, отлучившійся изъ дома безъ спроса, сбился съ дороги въ лѣсу, который росъ недалеко отъ дома его родителей. Онъ хотѣлъ уже воротиться назадъ, потому что начиналъ чувствовать холодъ въ ногахъ и ознобъ по всему тѣлу, но не тутъ-то было: не имѣя навыка ходить въ лѣсу, Петя удалялся отъ дома, вмѣсто того чтобы къ нему приближаться. Съ ужасомъ оглядывался онъ по сторонамъ: вездѣ деревья, одно другого мрачнѣе, вездѣ, и направо и налево, и впереди и назадъ, глушь безлюдная, безвыходная. Что тутъ дѣлать? Заплакалъ, зарыдалъ Петя. Къ счастью слезы и крикъ его слышалъ крестьянинъ, случайно проходившій по близости. Онъ ласково взялъ мальчика за руку, спросилъ о причинѣ слезъ и, прикрывъ его, озябшаго, собственнымъ тулупомъ, привелъ обратно домой.

Что, если бы крестьянинъ поступилъ при встрѣчѣ въ лѣсу съ Петею такъ, какъ Петя недавно поступилъ съ снигиремъ?

### 346. Пословицы и поговорки, относящіяся къ явленіямъ природы.

Солнце сіяетъ на злыя и благія. Хорошъ и лунный свѣтъ, какъ солнца на небѣ нѣтъ. Рано солнце всходитъ, то ужъ быть дождю. Небо съ овчинку покажется. Чистое небо не боится ни молніи, ни грому. Послѣ ненастья и вѣдро будетъ. Послѣ дождика въ Четвергъ. Не величка капля, а камень долбитъ. Безъ росы трава не выростетъ. Кто вѣтромъ служитъ, тому дымомъ платятъ. Не спи до зари, зоря деньгу даетъ. Утро вечера мудренѣе. Чей день завтра, а нашъ нынѣ. Не суйся Пятница прежде Четверга. Не гляди Сентяремъ, гляди розсыпью. Одна ласточка весны не дѣлаетъ. Лѣто собираетъ, а зима поѣдаетъ. Осень говоритъ: я поля хлѣбомъ уряжу, а весна говоритъ: еще я погляжу. Зимѣ да лѣту союзу нѣту.



## VII. ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВѢКА КЪ БОГУ.

### 347. Добрый отецъ.

Одинъ добрый отецъ по важнымъ дѣламъ жилъ въ главномъ городѣ страны, а мать съ дѣтьми жила вдали отъ него—въ маленькой деревушкѣ. Однажды онъ послалъ имъ большой тюкъ, наполненный дорогими вещами, и при немъ письмо, въ которомъ писалъ: «Милыя дѣти! будьте скромны и добры, и вы скоро ко мнѣ прѣдете. Радуйтесь: въ домѣ, который я приготовилъ для васъ, есть много и гораздо лучшихъ подарковъ для васъ.»

Услыхавъ это, дѣти пришли въ большой восторгъ и сказали: какъ добръ нашъ отецъ, и сколько радостей онъ доставляетъ намъ! Да, мы хорошо поступаемъ, когда такъ искренно любимъ его, хотя и не видимъ и даже не помнимъ его. Доставимъ же и мы съ своей стороны ему радость: будемъ исполнять все, что написано въ письмѣ его. И какъ велика будетъ наша радость, когда вдругъ увидимъ нашего добраго отца.

Тогда мать сказала: «милыя дѣти! какъ вашъ отецъ поступаетъ съ вами, такъ точно Отецъ небесный поступаетъ со всѣми людьми.

Конечно, мы люди, въ настоящее время не можемъ видѣть всеблагаго Господа Бога. Но онъ подаетъ намъ дары всякаго рода: солнце, луну и звѣзды, цвѣты и плоды, которые ясно показываютъ Его любовь къ намъ.

Священное Писаніе есть тоже письмо Господа къ намъ, въ которомъ Онъ открываетъ намъ Свою волю и обѣщаетъ небо. О, тамъ еще лучшіе дары и еще большія радости ожидаютъ насъ!

Станемъ же любить Бога, исполнять Его волю и радоваться при мыслѣ о небѣ.»

### \* 348. Богъ не оставляетъ сиротъ.

Вечеръ былъ, сверкали звѣзды, на дворѣ морозъ трещалъ;

шёлъ по улицѣ малютка: посинѣлъ и весь дрожалъ. «Боже!» говорилъ малютка, «я прозябъ и ѣсть хочу; кто-жъ согрѣеть и накормить, Боже добрый, сироту?»

Шла дорогой той старушка—услыхала сироту, приютила и согрѣла и поѣсть дала ему, положила спать въ постельку. «Какъ тепло!» промолвилъ онъ; заперъ глазки, улыбнулся и заснулъ... Спокойный сонъ! Богъ и птичку въ полѣ кормить и кропить росой цвѣтокъ, безпріютнаго сиротку также не оставитъ Богъ!

### 349. Вѣрность.

Одинъ языческій царь приказалъ привести къ себѣ христіанскаго епископа и требовалъ отъ него, чтобы онъ отрекся отъ своей вѣры и принесъ жертву идоламъ. Но епископъ со всею кротостію отвѣчалъ: «государь! этого я не могу сдѣлать.»

«Какъ!» сказалъ тогда разгнѣванный царь, «развѣ ты не знаешь, что жизнь твоя находится въ моей власти, и я могу предать тебя смерти? Одно мановеніе—и тебя не будетъ.»

«Это я знаю», отвѣчалъ епископъ: «но позволь мнѣ, государь, предложить тебѣ одно сравненіе и одинъ вопросъ на рѣшеніе. Представь себѣ, что одинъ изъ вѣрнѣйшихъ служителей твоихъ попался въ руки враговъ твоихъ, и они всячески старались побудить его къ невѣрности противъ тебя и измѣнѣ. Но какъ вѣрный слуга твой оставался неизмѣннымъ и непоколебимымъ въ своей вѣрности, то враги взяли его, сняли съ него всю одежду, и нагаго прогнали отъ себя съ посмѣяніемъ. Скажи, государь, когда онъ придетъ къ тебѣ, не дашь-ли ты ему лучшія изъ одеждъ своихъ, и не вознаградишь ли его за посмѣяніе и поруганіе честію и славою?»

«Конечно такъ», отвѣчалъ царь: «но къ чему же это, и гдѣ бы такое случилось?»

Тогда благочестивый епископъ сказалъ: «государь! ты можешь снять съ меня эту земную одежду; но Господь мой облечетъ меня въ новую, лучшую... Могу ли же я такъ много дорожить этою, чтобы отдать за нее вѣрность мою?»

Тогда царь сказалъ: «иди; я дарю тебѣ жизнь».

его, и все племя Товии ходило по пути правому, въ жизни непорочной.

353. Сонъ и смерть.

Братски обнявшись, шествовали по землѣ ангель сна и ангель смерти. Наступилъ вечеръ. Они расположились на одномъ холмѣ, не далеко отъ жилищъ человѣческихъ. Вокругъ царствовала глубокая тишина.

Молча сидѣли оба благодѣтельные геніи человѣчества въ дружескихъ объятіяхъ, и вотъ настала ночь. Тогда ангель сна всталъ и тихонько посыпалъ невидимыя зернушки сна. Вечерніе вѣтерки понесли ихъ къ мирнымъ жилищамъ утружденныхъ поселянъ. Сладкій сонъ объялъ всѣхъ жителей—отъ старца съ посохомъ въ рукѣ до малютки въ колыбели. Большой забывалъ свою болѣзнь, печальный—свои скорби, бѣднякъ—свои заботы. У всѣхъ сомкнулись глаза.

Совершивши свое дѣло, благодѣтельный ангель сна опять сѣлъ подлѣ своего степеннаго друга. «Когда взойдетъ утрення заря, сказалъ онъ съ веселою невинностію, тогда люди будутъ благословлять меня какъ друга и благодѣтеля своего. О, какая радость дѣлать добро тайно! Какъ счастливы мы, невидимые посланники всеблагаго Существа! какъ прекрасно скромное наше званіе!»

Такъ говорилъ дружественный ангель сна.—Съ тихою грустію смотрѣлъ на него ангель смерти, и слезы выкатились изъ глазъ его. «Ахъ, сказалъ онъ, зачѣмъ не могу и я, подобно тебѣ, наслаждаться радостною благодарностію! Меня называютъ на землѣ врагомъ и губителемъ радостей.»

«О, братъ мой! сказалъ ему ангель сна, но развѣ добродѣтельные не назовутъ и тебя своимъ другомъ и благодѣтелемъ при своемъ пробужденіи, и не будутъ благословлять тебя отъ всей души? Не братья ли мы и не посланники ли одного Отца?»

Такъ говорилъ ангель сна, и взоръ ангела смерти прояснился, и крѣпче обнялись братья геніи.

### 354. Церковь.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза?—Церковь!

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; колокольную ты еще версты за двѣ завидѣлъ. Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ домовъ: ни на одинъ домъ она не похожа и больше всѣхъ домовъ. Ни въ одинъ домъ не пойдутъ міряне со всего села, а въ церкви мѣсто для всѣхъ есть: и старому и малому, и богатому и бѣдному, и здоровому и больному. Всѣ равно предстоятъ предъ Господомъ.

Въ церкви тебя крестили.

Въ церковь тебя принесутъ, когда отдашь душу Богу.

Близко церкви тебя похоронятъ.

Словомъ, что бы важнаго въ твоей жизни ни случилось, во всемъ тебѣ помогаетъ церковь.

И не тебѣ одному; посмотри, вокругъ церкви лежатъ отцы твои, дѣды и прадеды. Всѣ они въ церкви крестились, женились, приносили крестить своихъ дѣтей; всѣ они тамъ молились, гдѣ ты молишься.

Стало быть, церковь не то, что всякій другой домъ. Въ иной домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ. Но въ церковь Божию всѣ входятъ: и знакомые и незнакомые, и родня и не родня, и дружки и недружки; и часто враги, предстоя въ одно время предъ престоломъ Божиимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ обидахъ.

### 355. Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустынноику надлежало сказать что либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «братіе, давайте плакать!»—и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братіе, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его прав-

дѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронуть онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? — На Голгоѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя*. И у сего гроба мѣсто не разглогольствію, а покаянію и слезамъ. Братья! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать!

*Иннокентій.*

### 356. Монастырь.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ, у роци на горѣ высокой обитель иноковъ стоитъ; вокругъ нея стѣна съ зубцами, четыре башни по угламъ и по срединѣ Божій храмъ съ позолочеными главами; рядъ келій, темный переходъ, часовня у воротъ съ чудотворящею иконой, и подлѣ ключъ воды студеной журчитъ цѣлительной струей подъ тѣнью липы вѣковой.

*И. Козловъ.*

### 357. Истинное благочестіе.

Отецъ Николай, священникъ небольшого села, накопляя въ продолженіе долгаго времени, со всею возможною бережливостію, остатки отъ своихъ доходовъ, собралъ наконецъ сто рублей. Онъ ихъ назначилъ для покупки въ свою церковь хорошаго новаго напрестольнаго ковчега, въ замѣнъ стараго, посеребренаго, который весь уже почернѣлъ и въ которомъ, ему казалось, не прилично было хранить святыя дары. Онъ отправился въ путь, пѣшкомъ, съ деньгами въ кожаномъ кошелькѣ, въ ближайшій городъ, гдѣ находилась лавка съ серебряными вещами. И вотъ онъ пришелъ и, проходя по улицамъ, ищетъ глазами желаемаго магазина. Между тѣмъ шумъ въ одномъ дворѣ привлекъ его вниманіе. Черезъ отворенныя ворота онъ увидѣлъ полицейскаго чиновника, который, стоя на столѣ, продавалъ съ молотка окружающей его толпѣ: сковороды, кочергу, ухватъ, разную посуду и другія вещи какаго-то бѣдняка.

Бѣднякъ стоялъ въ углу двора и, со слезами на глазахъ,

смотрѣлъ, какъ переходили въ чужія руки необходимыя вещи, столь долго служившія ему; и безъ которыхъ онъ съ своей семьей оставался въ совершенной нищетѣ. — Отецъ Николай подошелъ къ нему и ласковымъ голосомъ, который такъ къ лицу служителямъ Божиимъ, спросилъ, зачѣмъ онъ продаетъ свое хозяйство.

— Это не я продаю, отвѣчалъ бѣднякъ, а продаетъ полиція по жалобѣ хозяина дома. Вотъ ужъ два года, какъ я все болѣю и не могу зарабатывать, сколько мнѣ нужно; я задолжалъ за квартиру, и мои вещи продаются въ уплату долга. Богъ знаетъ, въ состояніи ли я буду...

Священникъ не далъ ему кончить. Онъ обратился къ полицейскому: — какую сумму долженъ этотъ человѣкъ?

— Сто пять рублей, тридцать пять копѣекъ!

Священникъ вынулъ изъ кармана кожаный кошелекъ, въ которомъ было сто рублей, прибавилъ къ нимъ пять рублей тридцать пять копѣекъ изъ денегъ, взятыхъ имъ на дорогу, и заплатилъ долгъ.

Бѣднякъ собралъ свое хозяйство и со слезами благодарилъ священника. Отецъ Николай, какъ пришлось, не ѣвши и безъ ковчега, воротился домой. Онъ разсказалъ своимъ прихожанамъ приключеніе и прибавилъ: «Я буду по прежнему хранить святыя дары въ старомъ, истертомъ ковчегѣ. Богу, Который по любви къ намъ родился въ ясляхъ, угоднѣе будетъ наша помощь бѣдной семьѣ, нежели серебряный ковчегъ для Его тѣла и крови.»

### 358. Пословицы религіозныя.

Безъ Бога ни до порога; а съ Богомъ хоть за море. Гдѣ любовь, тутъ и Богъ. Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Не по нашему хотѣнью, а по Божьему изволенью. Тотъ не унываетъ, кто на Бога уповаетъ. На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Коли самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ. Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится. Дастъ Богъ утро и день, дастъ и пищу. Кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ. Убогимъ Богъ убѣжище. Береженаго и Богъ бережетъ. Совѣсть добрая есть гласъ Божій. Блаженнѣе даяти, нежели взимати. Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ. Послѣ смерти нѣтъ покаянія. Вольному воля, а спасенному рай.

### 359. Притчи Иисуса Христа.

(Еванг. отъ Маттея, гл. 13.)

- а Бѣишеди же въ дѣна тѣтъ изъ дѣмб, Іисъ сѣла оу мѣра.
- б И собралѣа к' Немъ множество народѣа, тѣкъ что Онъ кошелѣа и сѣла; а всѣа народѣа стоалѣа на берѣгу.
- г И повѣалѣа ѿхъ многѣу притчѣаи, говорѣа: вотѣ, бѣишелѣа сѣлатѣа сѣлатѣа.
- д И когда Онъ сѣла, инѣе оупало при дорѣгу: и налетѣли птици и поклевали тѣ.
- е Инѣе оупало на мѣста каменистѣа, гдѣ не многѣу бѣло землѣа, и тотчасѣа взошлѣо, потомѣа что землѣа бѣла не глѣбока.
- з Когдѣа же взошлѣо солнце, погорѣло, и, такѣа какѣа не имѣло корнѣа, засѣхло.
- э Инѣе оупало въ тѣрнѣе, и вѣросло тѣрнѣе, и заглѣшило ѣго.
- и Инѣе оупало на добрѣу землѣу, и принеслѣо плѣдѣа: однѣо ко сто кратѣа, а дрѣгоѣ в' шѣстѣдѣсѣтѣа, инѣе же в' тѣрдѣцѣа.
- ю Ктѣо имѣтѣа оушы слѣшатѣа, да слѣшитѣа.
- ї И прѣстѣпѣвѣа, оученики сказѣали ѣмъ: дѣа чѣгѣу притчѣаи говорѣиша ѿмѣа;
- аі Онъ сказѣалѣа ѿмѣа в' ѡвѣтѣа: дѣа тогѣу, что вѣмѣа данѣо знѣтѣа тѣайны цѣрствѣа нѣснагѣу, а ѿмѣа не данѣо.
- бі Ибо ктѣо имѣтѣа, томѣа данѣо вѣдетѣа и прѣзмнѣжитѣа: а ктѣо не имѣтѣа, оу тогѣу ѡнѣметѣа и тѣо, чтѣо имѣтѣа.
- гі Потомѣа говорѣю ѿмѣа притчѣаи, что ѣни вѣда не вѣдатѣа, и слѣиша не слѣшатѣа, и не развѣмѣютѣа.
- ді И свѣивѣетѣа надѣа нѣми прѣрѣчѣство Исѣи, котѣорѣе говорѣтѣа: слѣхѣомѣа оуслѣишите, и не оуразвѣмѣете: и очѣаи смѣотрѣтѣа вѣдете, и не оувѣдите.
- еі Ибо ѡгрѣвѣло сѣрдѣце лѣдѣи сѣхѣа, и оушѣаи с' трѣдѣомѣа слѣшатѣа, и ѣчи своѣи сомкнѣли, да не оузратѣа очѣаи и не оуслѣшатѣа оушѣаи, и не оуразвѣмѣютѣа сѣрдѣцемѣа, и да не ѡвратѣлтѣа, чтѣобѣа ѿ исцѣлѣилѣа ѿхѣа.
- зі Вѣаши же блажѣнны ѣчи, что вѣдатѣа, и оуши вѣаши, что слѣишатѣа.



- 31 Ибо истинно говорю вамъ, что многіе прѣроки и праведники желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышатъ, что вы слышите, и не слышали.
- й1 Бы же вслѣдшайте значеніе притчи ѡ сѣателѣ.
- ю1 Ко всѣкомъ, слышающемъ слово ѡ црствіи и не разумѣющемъ, приходитъ лѣкавый и похищаетъ посѣанное в' сердце его: когдъ когдъ ѡзначаетъ посѣанное при дорогѣ.
- к1 А посѣанное на каменистыхъ мѣстахъ ѡзначаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ с' радостію принимаетъ его.
- ка Но не имѣетъ в' себѣ корня и непостояненъ: когдъ настѣнетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазнѣетъ.
- кв А посѣанное в' терніи ѡзначаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и ѡблациеніе когѣтства заглѣшаетъ слово, и онъ бываетъ безплодно.
- кг Посѣанное же на доброй землѣ ѡзначаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодороденъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной в' шестидесятъ, а иной в' тридцатъ.
- кд Другю притчу предложилъ Онъ имъ, говоря: црство нѣсное подобно члвкъ, поставшемъ доброе сѣмя на полѣ своемъ.
- ке Когдѣ же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣалъ междѣ пшеницею плевелы, и оушелъ.
- кз Когдѣ возшла зѣлена и показался плодъ, тогда явились и плевелы.
- к4 Пришедши же рабы домовладыки, сказали емъ: господинъ! не доброе ли сѣмя сѣалъ ты на полѣ своемъ; откуда же на немъ плевелы;
- ки Онъ же сказалъ имъ: врагъ члвкъ сдѣлалъ это. А рабы сказали емъ: хочеша ли, мы поидемъ, соверемъ ихъ;
- кю Но Онъ сказалъ: нѣтъ: какъ бы, собирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ с' ними пшеницы.
- л Оставайте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы, и во время жатвы ѿ скажѣ жнецамъ: соверите прежде плевелы, и свяжите ихъ, а пшеницу оуберите в' житницу мою.
- ла Пнью притчу предложилъ Онъ имъ, говоря: црство нѣсное по-

дѣбно зернѣ горчичномѣ, котороѣ члѣвѣкъ взалъ и посеалъ на полѣ своемѣ.

Котороѣ, хотя мѣнаше всѣхъ сѣменѣ, но когда въростѣтъ, бѣваѣтъ болѣше всѣхъ злаковѣ и станѣвится дѣревома, такѣ что прилетѣютѣ птицы нѣсныя и оукрѣваѣются вѣ вѣтѣвахъ егѣу.

Индю прѣтчѣ сказалъ Онѣ имѣ: црѣство нѣсноѣ подобно закѣвѣскѣ, которѣю жѣнщина, взлѣвъ, положила вѣ три мѣры мѣки, доколѣ не вскѣсло всѣ.

Всѣ сѣе Иисѣ говорилъ прѣтчѣми, и безѣ прѣтчи не говорилъ имѣ.

Да свѣдетѣся речѣнное чрезѣ прѣрока, которѣй говоритѣ: Ѡбѣрѣтъ вѣ прѣтчахъ оустѣ мой, и зрѣкъ сокровѣнное Ѡ создѣнѣя мѣра.

### 360. Книги бытѣя глава 1.

Въ началѣ сотворѣ Бгѣ нѣо и зѣмлю.

Зѣмля же бѣ невидима, и неострѣбена: и тма верхѣ бѣзды: и Дхѣ Бжѣи ношѣшеса верхѣ воды.

И речѣ Бгѣ: да бѣдетѣ свѣтъ: и бѣистѣ свѣтъ.

И видѣ Бгѣ свѣтъ, и кѣ доврѣ: и разлѣчи Бгѣ междѣ свѣтомѣ, и междѣ тмоу.

И наречѣ Бгѣ свѣтъ дѣна, а тмѣ наречѣ ноцѣ, и бѣистѣ вѣчерѣ, и бѣистѣ оутро, дѣна едѣнѣ.

И речѣ Бгѣ: да бѣдетѣ твѣрда посредѣ воды: и да бѣдетѣ разлѣчающѣ посредѣ воды и воды: и бѣистѣ такѣ.

И сотворѣ Бгѣ твѣрда: и разлѣчи Бгѣ междѣ водоу, иже бѣ подѣ твѣрдѣю, и междѣ водоу, иже бѣ надѣ твѣрдѣю.

И наречѣ Бгѣ твѣрда, нѣо: и видѣ Бгѣ, и кѣ доврѣ. и бѣистѣ вѣчерѣ, и бѣистѣ оутро, дѣна вторѣй.

И речѣ Бгѣ: да соврѣтѣся вода, иже подѣ нѣсѣма, вѣ соврѣнѣе едѣно, и да иѣвитѣся сѣша: и бѣистѣ такѣ: и соврѣса вода, иже подѣ нѣсѣма, вѣ соврѣнѣя своѣ, и иѣвисѣ сѣша.

И наречѣ Бгѣ сѣшѣ, зѣмлю: и соврѣнѣя вѣдѣ наречѣ морѣ: и видѣ Бгѣ, и кѣ доврѣ.

И речѣ Бгѣ: да прорастѣтъ зѣмля вѣилѣе травноѣ, сѣющѣе сѣма

по родѣ и по подобію, и древо плодовитое творѣщее плодъ, емѣ же сѣма егѡ в' немъ по родѣ на землѣ: и выста такъ.

ѡи И изнесе земля выліе травное, стѣющее сѣма по родѣ и по подобію, и древо плодовитое творѣщее плодъ, емѣ же сѣма егѡ въ немъ по родѣ на землѣ: и видѣ Бгъ, ѡкв доврѡ.

ѡг И выста оутро, дѣна третій.

ѡд И рече Бгъ: да вѣдѣтъ свѣтила на твѣрди нѣснѣй, ѡсвѣщати землю, и разлѣчати междѣ днѣмъ, и междѣ нѡщію: и да вѣдѣтъ в' знаменіа, и во времена, и во дни, и в' лѣта.

ѡе И да вѣдѣтъ в' просвѣщеніе на твѣрди нѣснѣй, ѡкв свѣтити по землѣ: и выста такъ.

ѡз И сотвори Бгъ два свѣтила великаа: свѣтило великое в' начала днѣ, и свѣтило меншее в' начала нѡщи, и звѣзды.

ѡи И положи ѡ Бгъ на твѣрди нѣснѣй, ѡкв свѣтити на землю,

ѡи И владѣти днѣмъ и нѡщію, и разлѣчати междѣ свѣтомъ и междѣ тмѡю: и видѣ Бгъ, ѡкв доврѡ.

ѡк И выста вечеръ, и выста оутро, дѣна четвѣртый.

ѡк И рече Бгъ: да изведѣтъ воды гады дѡшъ живѡихъ, и птицы летѡущыа по землѣ по твѣрди нѣснѣй: и выста такъ.

ѡка И сотвори Бгъ киты великіа, и всѡкъ дѡшъ живѡтныхъ гадѡвъ, ѡже изведѡша воды по родѡмъ ихъ, и всѡкъ птицѣ пернатѣ по родѣ: и видѣ Бгъ, ѡкв дшвѣра.

ѡкв И благослови ѡ Бгъ, глѡ: раститеса, и множитеса, и напоуните воды, ѡже в' морѡхъ: и птицы да оумножатса на землѣ.

ѡкд И выста вечеръ, и выста оутро, дѣна пятый.

ѡкд И рече Бгъ: да изведѣтъ земля дѡшъ живѣ по родѣ, четвѣронѡгаа и гады и звѣри землѣ по родѣ: и выста такъ.

ѡке И сотвори Бгъ звѣри землѣ по родѣ, и скоты по родѣ ихъ, и всѡ гады землѣ по родѣ ихъ, и видѣ Бгъ, ѡкв дшвѣра.

ѡкз И рече Бгъ: сотворимъ члвѣка по ѡбразѣ нашѣмъ и по подобію: и да ѡвладѣетъ рѣвами морскими, и птицами нѣсными, (и звѣрми) и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимса по землѣ.

ѡкз И сотвори Бгъ члвѣка, по ѡбразѣ Бжію сотвори егѡ: мѡжа и женѣ сотвори ихъ.

ѡки И благослови ихъ Бгъ, глѡ: раститеса и множитеса, и напоунитса

- те зѣмлю, и гдѣствуйте ѿ нея, и овладайте рѣками морскими (и звѣрми), и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по землѣ.
- кѡ. И рече Бгъ: се дахъ вамъ всаку траву сѣменную сѣющую сѣмя, еже естъ верху землѣ всеа: и всако древо, еже имать в' себѣ плодъ сѣмене сѣменнаго, вамъ вѣдетъ в' снѣдъ.
- л. И всѣмъ звѣремъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всакомъ гадѣ пресмыкающемуся по землѣ, иже имать в' себѣ дѣшю животу, и всаку траву зеленую в' снѣдъ: и быста такъ.
- ла. И видѣ Бгъ вса, елика сотвори: и се дшера зѣлу. и быста кечерь, и быста оутро' дѣна шестый.

### 361. Книги бытія глава лз.

- а. Вселиса же Іаквкз в' землѣ, идѣже ѡвита Іслакз, оцъ егѡ, в землѣ Ханаани.
- б. Ои же роди Іаквбли: Іусифъ же баше седминадесати лѣтъ, пасый ѡвцы оца своего с' вратію своею, юнз сый, с' снми Баллы, и с' снми Зѣлфы, женз оца своего. нанесѡша же на Іусифа слъ клеветѣ ко Ісраилю оцѣ своему.
- г. Іаквкз же люבלаше Іусифа паче всѣхъ снѡвз своихъ, ꙗкв снз в з старости емъ быста: и сотвори емъ ризѣ пѣстрѣ.
- д. Видѣвше же братіа егѡ, ꙗкв лювита егѡ оцъ паче всѣхъ снѡвз своихъ, возненавидѣша егѡ, и не можахъ глаголати к' немъ ничтоже мирно.
- е. Видѣвз же Іусифъ сонз, повѣда и братіи своей.
- с. И рече имъ: послѣшайте сна сегѡ, егѡже видѣхъ.
- з. Минѣхъ вѣсз вѣжѣщихъ снопаи средѣ поля: и коста мой снопа, и ста прѣмъ: ваши же снопаи ѡбратившеса поклонішаса моему снопу.
- и. Рѣша же емъ братіа егѡ: еда црствѡла црствовать вѣдѣши над' нами, или гдѣствѡла гдѣствовать вѣдѣши над' нами; и приложиша ещѣ ненавидѣти егѡ снѡвз ради егѡ, и ради словесз егѡ.
- ю. Видѣ же сонз дрѡгй, и повѣда егѡ оцѣ своему, и братіи своей,

- и рече: се видѣхъ дрѣвїи сонъ: аки бы солнце и луна, и единонадесѣтъ звѣздъ поклоняхуся мнѣ.
- И запрети емъ оца егѣ, и рече емъ: что сонъ сей, ебоже еси видѣлъ; еда пришедше прїидемъ азъ и мати твою, и братїа твою поклонїтиса тебѣ до земли;
- Позавидѣша же емъ братїа егѣ: оца же егѣ сохрани слово сїе.
- Идоша же братїа егѣ пастїи овцы оца своего в Егѣптъ.
- И рече Израїля ко Іусифу: еда братїа твою не пасутъ в Егѣптъ; гради, да послю тѣ к' нимъ. рече же емъ: се азъ.
- Рече же емъ Израїля: шедъ, виждь, аще здравствуютъ братїа твою, и овцы; и повѣжда ми. и посла егѣ шюдоли Хеврїони: и прїиде в Егѣптъ.
- И ѡверте егѣ члвкъ заблудяща на поли: вопроши же егѣ члвкъ, глагола: чего ищеша.
- Онъ же рече: братїи моею ищю: повѣжда ми, гдѣ пасутъ.
- Рече же емъ члвкъ: Идоша шюды: слышахъ во ихъ глаголющихъ: поїдемъ в Доѡїмъ. и иде Іусифъ в слѣдъ братїи своего, и ѡверте ѡ в Доѡїмѣ.
- Преддзрѣша же егѣ издалече, прежде приближенїа егѣ к' нимъ: и злѣ оумыслиша оувїти егѣ.
- Рече же кїждо к' братю своему: се сновидѣцъ оный идетъ.
- Нынѣ оубо прїидите, оувїемъ егѣ, и ввержимъ егѣ во едины шюды: и речемъ: свѣра люта снаде егѣ: и оуврїемъ, что вѣдутъ снїа егѣ.
- Слышавъ же Рѡвїмъ, шю егѣ из' рѣкъ ихъ, и рече: не оувїемъ егѣ на дѣши.
- Рече же имъ Рѡвїмъ: не проїйте крове: вверзите егѣ во едины шюды: иже в' пѣстыни, рѣки же не возложите на него: (тѣшася во) ꙗкѡ да изыметъ егѣ шю рѣкъ ихъ, и шдѣста егѣ оцѣ своему.
- Блїста же егда прїиде Іусифъ к' братїи своей, сохлѣкоша со Іусифа рїзѣ пѣстрыю, ꙗже на немъ.
- И поемше егѣ, ввергоша в' рѣкъ: рѣкъ же тѣцѣ, воды не имаше.
- И сѣдоша ꙗсти хлѣвъ: и воззрѣше очїма, видѣша: и се пѣт-

- ниці Ісманатане йдѣхъ ѿ Галаада, и велелюды ихъ полны юв-  
міама, и \*) ритины и стѣкти: йдѣхъ же везущіе во Егѹпетъ.
- кз Рече же Іуда к' братїи своей: каа полаза, аще оувїемъ врата  
нашого, и скрїемъ кровѣ егѹ:
- кз Градїте продадїмъ егѹ Ісманатанцмъ сїмъ: рѹцѣ же нашн  
да не вѣдѣтъ на немъ, іакѹ братъ нашъ, и плѣтъ наша еста.  
послѣшаша же братїа егѹ.
- ки И мимодѣша члѣвѣцы Мадїаметїи кѹпцї: и извлекѣша и воз-  
ведѣша Іўсїфа нз' рока, и продѣша Іўсїфа Ісманатанцмъ на  
дкѣдесѣтъ златнїцъ: и поведѣша Іўсїфа ко Егѹпетъ.
- кѹ Возвратїса же Рѹвїмъ к' ровѣ, и не оузрѣ Іўсїфа к' ровѣ: и  
растерзѣ рїзы своѣ,
- л И прїиде к' братїи своей, и рече: Отрочица нѣста, аъ же камѹ  
йдѣ ктомѣ:
- ла Взѣмше же рїзѣ Іўсїфовѣ, заклѣша козлище ѿ кѹзъ, и по-  
мѣзаша рїзѣ кровїю.
- лв И послѣша рїзѣ пѣстрѣю, и принесѣша ко Ѣѹскѣ своєѹ, и рекѣ-  
ша: сїю шврѣтѣхома: познавай, аще рїза сїна твоегѹ еста,  
или нї:
- лг И позна-ю, и рече: рїза сїна моего еста: свѣра лїтѣ снѣде егѹ:  
свѣра кохїтїи Іўсїфа.
- лд И растерзѣ Іакѹвъ рїзы своѣ, и возложи врѣтице на чресла своѣ,  
и плакашеса сїа своєгѹ днї мнѹгї.
- ле Оврашасѣ же вси сїнове егѹ и дщєри, и прїидѣша оутѣшитїи  
егѹ: и не хотѣше оутѣшитїса, глабѣла: іакѹ снїдѣ к' снѣ мое-  
мѣ сѣтѣа ко адѣ, и плакаса ѿ немъ Ѣѹа егѹ.
- лз Мадїане же продѣша Іўсїфа ко Егѹпетъ Пентефрїю євнѣхѣ  
Фараїновѣ, архїмагірѣ.

**362. Книги бытія глава ма.**

- а Бїастѣ же по двоѹ лѣтѣ днїѹ, Фараїнъ видѣ сонъ: мнѣшеса  
столатї при рѣцѣ.
- б И се іакѹ нз' рѣкї исухождѣхъ сѣдма краєѣ довраї видѣма, и из-  
враннї тѣлесї, и пасѣхѣса по вреєѣ.
- \*) Тѣкъ мастїтїѹ из' дрѣва текѣщїѹ.

гннѣ Дрѣвѣа же седма краѣвъ изыдоша по сіхъ из' рѣки, слаѣ видомъ и тѣлесѣ хѣды, и паслѣхса с' краѣвами по врегѣ рѣчнѣомъ.

двѣ И пождоша седма краѣва слаѣа и хѣдыа тѣлесѣа седма краѣва добрыхъ видомъ, и избранныхъ тѣлесѣа. (и сѣа невѣдимы бѣша, ꙗкѣ внидоша в' чресла ихъ.) востѣа же Фараѣнъ.

евѣ И видѣ сонъ втораѣй: и се седма клѣси исхождахѣ из' стѣбѣаѣа единагѣо избранны и добры.

зѣ Дрѣвѣи же седма клѣси тѣнцыи, истончѣни вѣтромъ, израстахѣ по нихъ.

зѣ И пожроша седма клѣси тѣнцыи и истончѣни вѣтромъ, седма клѣсѣкѣ избранныхъ и полныхъ. востѣа же Фараѣнъ, и бѣше сонъ.

иѣ Бѣста же заѣтра, и возмѣтѣса дѣша егѣо: и послѣва, созва всѣа сказѣтели егѣпетскѣа, и всѣа мѣдрыа егѣо: и повѣда имъ Фараѣнъ сонъ своѣй и не бѣше свѣзѣаѣа тогѣо Фараѣнѣ.

ѣ И речѣ старѣѣшина вѣнарскѣа к' Фараѣнѣ, глагола: грѣхъ моѣй воспоминаю днѣса.

гннѣ Фараѣнъ разгнѣбѣса на равѣа своѣа, и ввѣрже насѣа в' темницѣа, в' домѣ архѣмагѣра, менѣ и старѣѣшинѣа житѣарска.

дѣ И видѣхѣомъ сонъ: ова единаа нѣци азъ и онъ, кѣждѣо своѣй сонъ видѣхѣомъ.

бѣ Бѣше же тамъ с' нами иноша, ѣтрокѣ еврѣинъ архѣмагѣровѣа: и повѣдахѣомъ емѣ, и разсѣди намъ.

гѣ Бѣста же, ꙗкѣже сказа намъ, такѣ и слѣчѣса, мнѣ паки бѣти во своѣмъ старѣѣшинствѣа, а онѣомъ повѣшенѣ.

дѣ Послѣва же Фараѣнъ, призва Іѣсѣфа: и изведѣоша егѣо из' твердыни, и ѣстригѣоша егѣо, и измѣниша рѣзы емѣ: и прѣидѣ к' Фараѣнѣ.

еѣ Речѣ же Фараѣнъ Іѣсѣфѣа: сонъ видѣхъ, и сказаѣа егѣо нѣста: азъ же слышахъ ѣ тебѣа глаголющихъ, ꙗкѣ слышавъ снаѣ, разсѣждаѣеши тѣа.

зѣ Ѣвѣщаѣвъ же Іѣсѣфѣа Фараѣнѣ, речѣ: без' Бѣа не Ѣвѣщаѣетѣса спасѣнѣа Фараѣнѣ.

зѣ Речѣ же Фараѣнъ Іѣсѣфѣа, глагола: во снаѣ моѣмъ мнѣхса стоаѣти на врегѣ рѣчнѣмъ:

- иМОД И ѿки из' рѣки исходахъ седма кравы дшвраи видомъ, и избранны  
тѣлесы, и пасахъса по врегъ.
- юИ И се дрѣга седма кравъ исхождахъ в' слѣдъ ихъ из' рѣки, слы  
ишИ недовраи видомъ, и худы тѣлесы, ѿковыхъ не видѣ таковыхъ  
во всей земли Егѹпетскѣй хѹждашихъ.
- кѢИ И из' доша седна кравы слыа и худыа седма кравъ первыхъ  
дѡврыхъ и избранныхъ.
- каТО И внидоша во оутрѣвы ихъ: и не ѡвишаса, ѿкѡ внидоша во  
оутрѣвы ихъ и ѡвлича ихъ слы быша, ѿкѡ и испѣрва: востава  
же, (паки) оуспухъ.
- кѢИ И видѣхъ паки во снѣ моѣмъ, и ѿки седма класы исхождахъ  
из' единачу стѣкляа полны и довраи.
- кѢИ Дрѣзи же седма класы тонции и вѣтромъ истончѣни истинцахъ  
в' слѣдъ ихъ.
- кѢИ И пожрѡша седма класы тонции и вѣтромъ истончѣни седма  
класы дѡврыхъ и полныхъ. рѣхъ оубѡ сказаѣтелемъ, и не  
выста повѣдаамъ мнѣ тогѡ.
- кѢИ И рече Іѡсифъ Фараѡнѡ: сонъ Фараѡнѡвъ единъ ѣста: ѣлика  
Бѣгъ творитъ, показа Фараѡнѡ.
- кѢИ Седма кравы дшвраи, седма лѣтъ сѡтъ: и седма класы дѡврин,  
седма лѣтъ сѡтъ, сонъ Фараѡнѡвъ единъ ѣста.
- кѢИ И седма кравы худыа ѿже изидѡша по снѣхъ, седма лѣтъ сѡтъ,  
и седма класы тонции, и истончѣни вѣтромъ, седма лѣтъ сѡтъ:  
вѡдѡтъ седма лѣтъ глада.
- кѢИ Слово же ѣже рѣхъ Фараѡнѡ, ѣлика Бѣгъ творитъ, показа Фа-  
раѡнѡ.
- кѢИ Се седма лѣтъ приходитъ, обилности многа во всей земли Егѹ-  
петскѣй.
- лѢИ Придѡтъ же седма лѣтъ глада по снѣхъ: и завѡдѡтъ сытшести  
вѡдѡщыи во всемъ Егѹптѣ, и погвѣитъ гладъ землю:
- ла И не познатса обиліе на земли ѡ глада вѡдѡщамъ по снѣхъ:  
силена во вѡдетъ слыа.
- лѢИ Повториса же сонъ Фараѡнѡ дважды, ѿкѡ истинно вѡлетъ  
слово ѣже ѡ Бѣга: и оускоритъ Бѣгъ сотворити ѡно.
- лѢИ Нынѣ оубѡ оусмотри члѣвѣка мѡдра и смѣслена, и постави егѡ  
над' землю Егѹпетскомъ:



лѣ И да сотворитъ Фараѳнъ, и поставитъ мѣстоначальники по  
земли: и да собираютъ пѣтвѣю частя ѿ всѣхъ послѣвъ земли  
Египетскїа седми лѣтъ обильныхъ:

лѣ И да совершатъ всѣхъ пицѣ седми лѣтъ градѣщихъ добрыхъ  
сїхъ: и да совертса пшеница подъ рѣкѣ Фараѳну: пица бо  
градѣхъ да хранитса.

лѣ И вѣдетъ пица соваюдена земли на седма лѣтъ гладныхъ,  
ѣже имѣтъ бѣти в' земли Египетстѣй, да не потребитса земля  
в' гладѣ:

лѣ Оугодно же бѣста слово прѣд' Фараѳномъ и предъ всѣми рабѣи егѳ.

лѣ И рече Фараѳнъ всѣмъ рабѣмъ своимъ: еда ѡвращемя члвѣка  
сицебаго, ѣже иматъ Дѣа Бжїа в' себѣ.

лѣ Рече же Фараѳнъ Іѳсифъ: понѣже показѣ Бгъ тебѣ всѣ сїа,  
нѣста члвѣка мѣдрѣйша и смѣсленнѣйша паче тебѣ.

лѣ Таѣ вѣдеша в' домѣ моѣмъ, и оустѣ твоихъ да послѣшантъ  
всѣ люде мои: развѣ престоломъ азъ болѣе тебѣ вѣдѣ.

лѣ Рече же Фараѳнъ Іѳсифъ: се поставляю тѣ днѣса надъ всею зем-  
лею Египетскою.

лѣ И снемъ Фараѳнъ перстена с' рѣки своеѣ, возложи егѳ на рѣкѣ  
Іѳсифовѣ: и ѡвлече егѳ в' ризѣ червленѣ, и возложи гривнѣ злѣ-  
тѣ на бѣю егѳ:

лѣ И всадѣ егѳ на колесницѣ своѣ вторѣю, и проповѣда предъ нимъ  
проповѣдникъ: и постави егѳ надъ всею землею Египетскою.

лѣ Рече же Фараѳнъ Іѳсифъ: азъ Фараѳнъ: безъ тебѣ не воздви-  
нетъ рѣки своеѣ никтоже во всей земли Египетстѣй.

лѣ И нарече Фараѳнъ има Іѳсифъ, ѡнѳомѳанихъ: и даде емѣ  
Асенѣфъ, дщѣра Петефрїа жреца Нлїополскагѳ, емѣ в' женѣ.

лѣ Іѳсифъ же вѣше лѣтъ тридесати, егда предста Фараѳнѣ, црїю  
Египетскомѣ, избѣде же Іѳсифъ ѿ лица Фараѳна, и прѣйде  
всю землю Египетскѣю.

лѣ И сотвори земля в' седми лѣтѣхъ обильнѣ жатѣ.

лѣ И собра всѣхъ пицѣ седми лѣтъ, в' ниже вѣше обильности  
в' земли Египетстѣй: и положи пицѣ во градѣхъ: пици пола  
града свцихъ окрестѣ егѳ положи в' нема.

лѣ И собра Іѳсифъ пшеницѣ ѣкѣ песѣкѣ морскїи многѣ стѣ,  
дондеже не можѣхъ исчестї: безъ числа во вѣше.

иѣ Иўсифъ же въста два сына, прежде пришествіа седми лѣтъ  
гладныхъ, ихже роди емъ Асенѣю, дщера Петефріа жреца Нлі-  
ополска.

иѣ Нарече же Иўсифъ има первогнцъ, Манассіа, (глагола): ꙗкѡ за-  
вѣсти мнѣ сотвори Бгъ всѣ волѣзни моѣ, и всѣ, ꙗже оца  
моегѡ.

иѣ Има же второмъ нарече Ёфраїмъ, (глагола): ꙗкѡ возрастѣ ма  
Бгъ в' землі смиренїа моегѡ:

иѣ Минѡша же седма лѣтъ обилныхъ, ꙗже вѣшла в' землі Егѣ-  
петстѣй.

иѣ И начаша седма лѣтъ гладныхъ приходити, ꙗкоже рече Иўсифъ:  
и вѣста гладъ по всей землі: ко всей же землі Егѣпетстѣй (не)  
вѣшла хлѣба.

иѣ И взалакѣ всѣ землі Егѣпетскаа: возопи же народа к' Фараѡнѡ  
хлѣвѣхъ. рече же Фараѡнъ всѣмъ Егѣптанѡмъ: идите ко  
Иўсифѡ, и еже речетъ вамъ, сотворите.

иѣ И гладъ вѣше на лицѣ всѣхъ землі. ѡвѣрзе же Иўсифъ всѣ жит-  
ницы, и продааше всѣмъ Егѣптанѡмъ.

иѣ И всѣ странѣ приходяхѡ ко Егѣпетъ, кѡповати ко Иўсифѡ:  
ѡбдержаше бо гладъ всю зѣмлю.

### 363. Книги бытія глава мѣ.

ѣ Бидѣвъ же Іаковъ, ꙗкѡ кѡплѣ ѣтъ (пшеницы) во Егѣптѣ,  
рече снѡмъ своимъ: почитѡ не радитѣ.

ѣ Оѣ слышахъ, ꙗкѡ ѣтъ пшеница во Егѣптѣ: идите тамъ, и  
кѡпитѣ намъ малѡ пици, да мѣви вѣдемъ и не оумремъ.

ѣ Идоша же вратѣа Иўсифовы десѣтъ, кѡпити пшеницы во Егѣ-  
петъ.

ѣ Беніамїна же, врата Иўсифова, не ѡпѣсти ѣ вратїею егѡ, рече  
ко: да не когда слѣчитѣа (на пѣти) емъ слѡ.

ѣ Прїидоша же снѡве Ісраїлевы кѡпити ѣ приходѣцими: вѣше бо  
гладъ в' землі Ханаанстѣй:

ѣ Иўсифъ же вѣше кнѣзь землі: сей продааше всѣмъ людемъ зем-

- ли (тоа). пришедше же братїа Іўсифовы, поклонїшася емѣ ли-  
цѣмъ до земли.
- Ѹ Бидѣвъ же Іўсифъ братїю свою, позна: и ѸчѸждашеса ѿхъ, и  
глаголаше ѿмъ жестоко. и рече ѿмъ: ѸкѸдѸ прїидете; Ѹни же  
рѣша: Ѹ земли Ханаанскїа, кѸпити пїщи.
- ѿ Позна же Іўсифъ братїю свою: Ѹни же не познаша егѸ.
- Ѡ И поманѸ Іўсифъ снаи своа, ѿже видѣ Ѹнъ: и рече ѿмъ: согла-  
дѸтан есте, согладати пѸтїей страны (сеа) прїидете.
- Ѳ Ѹни же рѣша: ни, гдїне, рави твой прїидохома кѸпити пїщи.
- Ѵ Все есмѸ сїнове динагѸ ечѣвѣка: мирници есмѸ, не сѸта рави  
твой согладѸтан.
- Ѷ Рече же ѿмъ: ни, но пѸти земли (сеа) прїидете согладати.
- Ѻ Ѹни же рѣша: дванадесѸта есмѸ братїа, рави твой в' земли Ха-  
наани: и се мѣншїй (Ѹ насъ) со Ѹцѣмъ нашимъ днѣса: а дрѸгѸ  
нѣста.
- Ѽ Рече же ѿмъ Іўсифъ: сїе есте, еже рекохъ вамъ, глагола: ѿкѸ  
согладѸтан есте.
- ѻ Въ семъ ѿвїтѣса: такѸ ми здравїа Фараўна, не изїдете ѸсїдѸ,  
Ѹще братъ вашъ мѣншїй не прїидетъ сѣмъ.
- Ѽ Послите Ѹ себѣ єдинаго, и возмите врата вашего: вѸ же держї-  
ми вѸдите, дондеже ѿвѣ вѸдѸтъ словеса ваша, Ѹще ѿстинствѸете  
или ни: Ѹще же ни, такѸ ми здравїа Фараўна, воїстинѸ согла-  
дѸтан есте.
- ѿ И даде Ѹ под' стражѸ, на три дни.
- ѿ Рече же ѿмъ в' дѣнѸ третїй: сїе сотворїте, и живи вѸдете: БѸа во  
Ѹза воҸса.
- Ѡ Ѹще мирници есте, братъ вашъ да оѸдержїтса єдинъ под' стра-  
жею: сѸми же ѿдите, и Ѹвезите кѸплѣнѸ пшеницѸ вашѸ:
- к И врата вашего мѣншаго приведите ко' мнѣ, и вѣрна вѸдѸтъ сло-  
веса ваша: Ѹще же ни, оѸмрете: и сотворїша такѸ.
- ка И рече кїждо к' братѸ своемѸ: єи, во грѣсѣхъ во есмѸ врата  
ради нашегѸ, ѿкѸ презрѣхома скорѣнїе дѸши егѸ, єгда молѸ-  
шеса намъ, и не послѸшахома егѸ: и сегѸ ради прїиде на нѸ  
скорѣнїе сїе.
- кв Ѹвѣщавъ же РѸвїмъ, рече ѿмъ: не рѣхъ ли вамъ, глагола: не

прешвидите дѣтица; и не послушасте мене: и се кровь егѡ възискъется.

ѿг Ти же не вѣдѣша, ꙗкѡ разумѣетъ Іўсифъ: толмача во между ѿми вѣше.

къ Обративса же ѿ нихъ, проплакаса Іўсифъ: и пакѣ прѣиде къ нимъ, и рече ѿмъ: и под ѿмѣна ѿ нихъ, и сказа егѡ предъ ними.

къ Повелѣ же Іўсифъ напоити сосѣды ѿхъ пшеницы, и возвратити сребро ѿхъ комѡждо во вѣтише свое, и дати ѿмъ вѣшино на пѣта: и вѣста ѿмъ таку.

къ И возложивше пшеницу на ослы свои, Фидоша ѿтѡдъ.

### 364. Іова гл. ѿѡ — ѿ.

Нли тѣ ѡвложилъ еси конѣ силоу, и швелѣлъ же ли еси вѣи егѡ въ стѣхъ; ѡвложилъ же ли еси егѡ всеорѡжѣемъ, слава же персей егѡ дерзостѣю; Копытомъ копаа на поли играетъ, и исходитъ на поле съ крѣпостѣю: Стѣтаа стрѣлы посмѣваветса, и не ѡвратитса ѿ желѣза. Надъ нимъ играетъ лѣкъ и мечъ, и гнѣвомъ потребитъ зѣмлю, и не ѿматъ вѣры ѿти, дондеже вострѣбитъ трѣва. Трѣвѣ же вострѣвившей глаголетъ: вѣгоже: издалѣча же ѡвонѣетъ рѣтъ, со скаканіемъ и ржаніемъ. И твоѣю ли хитростѣю стоитъ ѿстрѣвъ, распростѣръ крилъ недвижима зра на ѡгъ; Твоимъ же ли повелѣніемъ возноситеа орѣлъ; неасытъ же на гнѣздѣ своемъ сѣдѣ вселѣетса на версѣ камене и въ сокровѣнѣ; Таму же сѣи ѿцетъ вѣшна, издалѣча очи егѡ навлюдаютъ.

Извлечѣши ли смѣа оудицею, или ѡвложиши оуздѣ ѡ ноздрѣхъ егѡ. Или вѣвѣжѣши коле въ ноздри егѡ; шиломъ же провертѣши ли оуетнѣ егѡ; возглаголетъ же ли ти съ молѣніемъ, (или) съ прошѣніемъ крѡткъ; сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою; поймѣши же ли егѡ рава вѣчна; понграѣши же ли съ нимъ, ꙗкоже со птицею, или свѣжѣши егѡ ꙗкѡ вѣвѣа дѣтишѣ; всѣ тлѣвающаа совѣрѣшесѣ, не подѣмѣтъ кожи единыѣ ѡшивѣ егѡ, и коравѣи рѣварей главѣ егѡ.

**365. Псаломъ дѣ.**

Гдѣи, кто ѡвѣстѣетъ в' жилищи твоѣмъ; или кто вселится во сѣдѣю гóръ твою; ходѣи непорóченъ, и дѣлаѣи правдѣ, глаголаѣи истинѣ в' сѣрдцѣ своѣмъ. Иже не оуласти ѡзыкомъ своѣмъ, и не сотвори искренемъ своѣмъ сла, и поношенїа не прїатъ на ближнїа своа: оуничженъ еста пред' нимъ лѣквѣнѣи, воцѣи ажеса Гдѣа славитъ: кленыйса искреннемъ своѣмъ, и не ѡметѣи са: сребра своегѡ не даде в' лихвѣ, и мзды на неповинныхъ не прїатъ, творѣи сїа не подвижитса во вѣкъ.

**366. Псаломъ ии.**

Нѣса повѣдаютъ славу Бжїю, творенїе же рѣкѣ егѡ возвѣщѣетъ твѣрда. Дѣна днѣ ѡрыгаѣтъ глѣ, и ноща нощи возвѣщѣетъ развѣмъ. Не сѣтъ рѣчи, ниже словеса, иже не слышатса гласи ихъ. Во всю зѣмлю изыде вѣщанїе ихъ, и в' концы вселенныа глаголы ихъ. в' солнцѣ положи селенїе свое: и той гѣкѣ женихъ исходѣи ѡ чертога своегѡ, возрадѣетса гѣкѣ исполнѣи тещи пѣтъ: ѡ краа нѣсе исходѣ егѡ, и срѣтенїе егѡ до краа нѣсе: и нѣста иже оукрѣетса теплотѣ егѡ. Законъ Гдѣнъ непорóченъ, ѡвращѣаѣи дѣшы: свидѣтелство Гдѣне вѣрно, оумдрѣающее младенцы, ѡправданїа Гдѣна права, всеелѣщаа сѣрдце: заповѣда Гдѣна свѣтла, просвѣщающаа очи. Страхъ Гдѣнъ чїстъ, прекаивѣаѣи в' вѣкъ вѣка: судѣи Гдѣни истинны, ѡправданїа вкѣпѣ: вожделѣнны пѣче злата и камене чѣстна многа, и слаждаша пѣче меда и сѣта. Ико рава твоѣ хранитъ ѡ: внегда сохрани ти ѡ воздаанїе много. Грѣхопадѣнїа кто развѣмѣтъ: ѡ тайныхъ моихъ ѡчисти ма, и ѡ чѣждихъ пощади раба твоегѡ: аще не ѡвладѣютъ мною, тогда непорóченъ вѣдѣ, и ѡчищѣса ѡ грѣха велика. И вѣдѣтъ во благоволенїе словеса оустъ моихъ, и побченїе сѣца моего пред' тобою кѣиъ, Гдѣи помощниче мой и извавителью мой.

**367. Притчи Соломоновы.**

ИЗЪ ВТОРОЙ ГЛАВЫ.

- а Снѣ, ѿще пріймѣ глагола моего заповѣди, скрѣиши к' себѣ,  
 б Послѣшлетъ премѣдрости твоѣ оухомъ, и приложѣши сердце твоѣ  
 к' разумѣ: приложѣши же ѣ в' наказаніе сынѣ.  
 г ѿще во премѣдрости призовѣши, и разумѣ даши глагола твоѣ, чѣв-  
 ство же взѣиши великимъ глаголомъ:  
 д И ѿще взѣиши еѣ ѿкъ сребра, и ѿкоже сокровища испытѣиши ю:  
 е Тогда оуразумѣиши страхъ Гдѣна, и познаніе Бжѣе ѡвращѣиши:  
 з ѿкъ Гдѣ даѣтъ премѣдрости и ѡ лица егѡ познаніе и разумѣ:  
 з И сокровиществоѣтъ исправляющимъ спасеніе, защищаѣтъ же  
 шестѣе ихъ.  
 и Ѣже сохранити пѣти ѡ правданій, и пѣта благоговѣиствующихъ  
 егѡ сохранитъ.  
 ѡ Тогда оуразумѣиши правдѣ и сѣдѣ, и исправиши всѣ стезѣи благѣ.  
 і ѿще во прійдетъ премѣдрости в' твою мѣсла, чѣвство же твоѣи  
 дѣши доврѣ бѣти возмнитса,  
 аі Советѣ добра сохранитъ тѣ, помышленіе же преподобное со-  
 блюдетъ тѣ:  
 бі Да извѣститъ тѣ ѡ пѣти слѣговъ, и ѡ мѣжа глаголюща ничтоже  
 вѣрно.  
 гі ѡ оставившии пѣти правды, ѣже ходити в' пѣтѣхъ тмѣ!  
 ді ѡ веселѣииса ѡ слѣхъ, и радѣииса ѡ развращеніи слѣмъ!  
 еі Нхже стезѣи стрѣпотни, и крѣва теченіа ихъ, ѣже далѣче тѣ со-  
 творити ѡ пѣти правды,  
 зі И чѣжда ѡ праведнаго разума, снѣ да тѣ не постигнетъ советѣ  
 слѣи,  
 зі ѡставляющій оученіе юности, и заветѣ Бжѣственнаго забѣвшій.  
 иі Постаки во при смѣрти домѣ своѣ, и при дѣѣ с' земными дѣланіа  
 своа:  
 ѡі Бси ходѣи по немѣ не возвратѣтса, ниже постигнѣтъ стѣза  
 правыхъ, ни во достигнѣтъ лѣтъ жизни.  
 к ѿще во вѣша ходили в' стезѣи благѣ, ѡбръли оубѡ вѣша стезѣи  
 правы гладки, вѣзи вѣдѣтъ жители на землѣ, несловивѣи же  
 ѡстанѣтъ на ней:

ка Пякъ правіи вселѣтса на землѣ, и преподобніи ѡстанѡтсѣ на ней:  
кв Пѡтїе нечестивыхъ ѡ землѣ погївнѡтсѣ, превезаконніи же и зрї-  
нѡтсѣ ѡ ней.

изъ третьей главы.

гї Блаженъ члвкъ, иже ѡврѣте премѡдростъ, и смѣртенъ, иже оувѣ-  
дѣ разѡмъ.

дї Лѡчше во сію кѡповати, нежели злата и сребра сокровища,

еї Честнѣйша же еста каменїи многоцѣнныхъ: не сопротивлѣетса  
ей ничтѡже лѡкаво. благознѣтна еста всѣмъ приближающимся  
ей, всѣко же честное недостоїно еѣ еста.

ѕї Долготѣ во житїа и лѣта жїзни в' десницѣ еѣ, в' шѡицѣ же еѣ  
когатество и слава: ѡ оустѣ еѣ исхѡдитсѣ правда, законъ же и  
мїлоста на азїцѣ нѡситсѣ.

зї Пѡтїе еѣ пѡтїе добри, и всѣ стезї еѣ мїрны:

иї Древо жīvотѣ еста всѣмъ держащимсѣ еѣ, и воскланѣющимсѣ  
на нѡ, ꙗкѡ на Гдѣ, твердѣ.

юї Бгъ премѡдростїю ѡсновѣ зѣмлю, оугѡтѡба же небеса разѡмомъ:

к Бгъ члвкъ егѡ бѣздно разверзѡшасѣ, ѡблацы же источїша рѡсѡ.

ка Оне, да не премїнеши, соблюди же мой совѣтъ и мыслѣ:

кв Да живѣ вѡдетсѣ дѡша твоѡ, и благодѣта вѡдетсѣ на твоѡи вѣи:  
(вѡдетсѣ же и сцѣленїе плѡтемъ твоїмъ, и оуврачеванїе костѣмъ  
твоїмъ).

кг Да ходиши надѣлсѣ в' мїрѣ во всѣхъ пѡтѣхъ твоїхъ, ногѣ же  
твоѡ не пѡткнетсѣ.

кд ꙗще во сѣдѣши, безвоѡзненъ вѡдѣши, ꙗще же поспїши, сладѡ-  
стнѡ поспїши:

ке И не оубѡишисѣ стрѣха нашѣдшагѡ, ниже оустремленїѣ нече-  
стивыхъ находѣшагѡ:

кс Гдѣ во вѡдетсѣ на всѣхъ пѡтѣхъ твоїхъ, и оутвердїтсѣ ногѣ  
твоѡ, да не поползнѣшисѣ.

кз Не ѡрецїсѣ благотворїти трѣвѡнїемъ, егдѣ ѡмѣта рѣка твоѡ  
помогѣти.

ки Не рцї: ѡшѣдъ возвратїсѣ, и заѡтра дамъ, сїанъ ти сѡщѣ бла-  
готворїти: не вѣсн во чтѡ породїтсѣ находѣщїй денъ.

кю Несоплетѣи на дрѡга твоегѡ зла, пришѣлсѣ сѡща и оупѡвѣцѣна на тѣ:

- а Не враждай на члвѣка твое, да не что на те содѣетъ злое.  
ба Не стажи злаихъ мужей поношенїа, ни возревней пѣтемъ ихъ.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ.

- а Послушайте дѣти наказанїа бѣга, и внемлите разумѣти помышленїе.  
б Даръ во благій дарю вамъ: моего закона не оставляйте.  
г Онъ во бѣхъ и азъ оубо послушливый, и любимый предъ лицемъ матере:  
д Иже глаголаша и оучиша мѧ: да оутверждается наше слово въ твоёмъ сердцѣ: храни заповѣди: не забывай.  
е Стажи премудрость, стажи разумъ: не забуди, ниже презри реченїа моихъ оустъ, ниже оуклонисѧ ѿ глаголъ оустъ моихъ.  
ѕ Не остави еѧ, и иметса тебе: возжелѣи еѧ, и соблюдетъ теѧ.  
ѣ Начало премудрости: стажати премудрость, и во всемъ стажанїи твоёмъ стажи разумъ.  
й Огради ю, и вознесетъ теѧ: почити ю, да теѧ шѣиметъ:  
ѡ Да дастъ гласъ твой въ нѣцѣхъ благодѣтеи, въ нѣцѣхъ же сладости защититъ теѧ.  
ї Слыши снѣ, и прїими мои словеса, и оумножатса лета живота твоего, да ти вѣдѣтъ мнози пѣти житїа.  
їа Пѣтемъ во премудрости оучѣ теѧ, наставаю же тебе на теченїа права.  
їб Аще во ходиши, не запнѣтса стопѧ твоѧ: аще ли течѣши, не оутрѣдишиса,  
їв Имѣса моего наказанїа, не остави: но сохрани е себе въ жизнь твою.  
їд На пѣти нечестивыхъ не иди, ниже возревней пѣтемъ законопрестѣпныхъ.  
їе На немже аще мѣстѣ бѣла совербитъ, не иди тамъ: оуклонисѧ же ѿ нихъ, и измѣни.  
їѕ Не оуснѣтъ во, аще сла не сотворитъ: шѣиметса сонъ ѿ нихъ, и не спѣтъ.  
їѣ Ти во питаются лицемъ нечестїа, виномъ же законопрестѣпнымъ оупиваются:



иі Пѣтіе же праведныхъ подобенъ свѣту свѣтагса: предхѳдатъ и просвѣщаютъ, дѳндеже исправитса денъ.

юі Пѣтіе же нечестивыхъ темни: не вѣдатъ, какѳ претыкаютса.

кѳ Оне, моймъ глаголшмъ внимай, к' моймъ же словесемъ прилагай оухо твоѳ.

ка Да не ускѳдѣютъ ти источницы твои, храни ѳ въ сѣрдцѣ твоѳмъ:

кѳ Животъ во свѣтѣ всемъ швѣтающимъ ѳ, и всей плѳти йхъ исцѣленіе.

кѳ Бсацѣмъ храненіемъ блюди твоѳ сѣрдце: ѳ сѳхъ во исхѳдища живота.

ка Омнѳ ѳ себѣ стрѳптва оустѳ, и швѣдливы оустнѣ далече ѳ тебе ѳрини.

кѳ Очи твои правѳ да зрѳтъ, и вѣжди твои да помавѳютъ праведнѳ.

кѳ Права теченіѳ твои твоими ногѳми; и пѣти твоѳ исправляй:

кѳ Не оуклониса ни на десно, ни на шѳе, ѳврати же ногѣ твоѳ ѳ пѣти зла.

ки Пѣти во деснѳа вѣста Гѳа, разбраценѳ же свѣтѣ, йже ѳшѳю;

кѳ Той же права сотвори гѳ теченіѳ твоѳ, и хожденіѳ твоѳ, к' мирѣ поспѣшитъ.

**ПОСЛѢ**

изъ десятой главы.

а Онъ премѳдръ беселитъ оцѳ: снъ же безѳменъ печѳла мѳтери.

б Не пользѳютъ сокрѳвища беззакѳнныхъ, правда же избавитъ ѳ смѣрти.

г Не оувѣетъ глѳдомъ Гѳа дѳшѣ праведнѳю, животъ же нечестивыхъ низвратитъ.

д Ницѣта мѳжа смираетъ: рѳцѣ же мѳжественныхъ ѳвогѳщѳютса.

е Онъ наказанъ премѳдръ вѳдетъ, безѳмный же слѳгѳю оупотребитса: спасетса ѳ знѳа снъ разѳмный, вѣротлѳненъ же вывѳетъ на жѳтѣ снъ беззакѳнный.

ѕ Благословеніе Гѳне на главѣ праведнагѳ: оустѳ же нечестивыхъ покраетъ плачѣ безвѳременный.

з Пѳматѳ праведныхъ съ похвалѳми: йма же нечестивыхъ оугасѳетъ.

юі Омногѳсловѳа не извѣжиши грѣхѳ: шадѳй же оустнѣ, разѳменъ вѳдеши.

- кк Среверд разжженное ѡзыка праведнагѡ: сердце же нечестивагѡ исчезнетъ.
- кка Оустнѣ праведныхъ вѣдаютъ высюкаа: безвмнїи же в' скѡдости скончаваются.
- ккб Благословенїе Гдѣна на главѣ праведнагѡ, сїе ѡвогацїаетъ, и не йматъ приложїтиса емѡ печала в' сердце.
- ккг Смѣхомъ безвмнїи творитъ слаа: премѡдроста же мѡжеви раждаетъ развмъ.
- ккд Бѡ погїбели нечестивый ѡвноситса: желанїе же праведнагѡ прїятно.
- кке Преходящей вѡри, нечестивый исчезаетъ: праведный же оуклонївса спасаетса во вѣки.
- ккс Йакоже грѡздїе зеленое вредъ звѣумъ, и дїимъ очїма: такѡ законопрестѡпленїе творящымъ ѣ,
- ккз Страхъ Гдѣна прилагаетъ дни: лѣта же нечестивыхъ оумалатса.

ИЗЪ ГЛАВЫ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ.

- ккн Не вѡди свидѣтеля лживъ на твоегѡ гражданина, ниже пространїйса твоїма оустнама.
- ккю Не рцы: имже ѡбразомъ сотвори ми, сотворю емѡ, и ѡмщѡ емѡ, ймиже мѡ превїдѣ.
- л Йакоже нїва мѡжъ безвмнїи, и йаку виноградъ члѣткъ скѡдовмнїи:
- ла Аще ѡставиши егѡ, ѡпѡстѣетъ, и травѡю порастетъ кѣса, и вѡдетъ ѡставленъ, ѡграды же каменныя егѡ раскопаятса.
- лб Последнї азъ покѡахса: воззрѣхъ йзвратї наказанїе.
- лг Малѡ дремлѡ, малѡ же сплѡ, и малѡ ѡбѣмлѡ рѡкама перси.
- лд Аще же сїе твориши, прїдетъ предїдѡщи нищета твѡа, и скѡдоста твѡа йаку блѡга течѣцъ.

**368. Премудрости Иисуса сына Сирахова, гл. ѣ.**

- а Чѡдо, аще прїстѡпаѣши раѡтати Гдѣви Бгѡ, оугѡтѡви дѡшѡ твѡю во йскѡшенїе:
- б Оуправї сердце твое, и потерпї, и не скоръ вѡди во вѣрема наведенїа:
- г Прилѣписа емѡ, и не ѡстѡпї, да возрастетѣши на послѣдокъ твѡй.

- а́ Все е́лико а́ще нанесено́ ти вѣдетъ, прѣимй, и во измѣненїи смиренїа твоегѡ долготерпїи:
- б́ Иако во огнь и́схвѣщаетсѧ злато, и члѣвцы прїятни к' печи́и смиренїа.
- в́ Вѣрѡй е́мъ, и застѣпитъ тѧ, и оупра́ви пѹти твоѧ, и оупова́й нана́.
- ѓ Боа́щїисѧ Гдѧ, пождїте мїлости е́гѡ, и не оу́клонїтесѧ, да не падѣте:
- д́ Боа́щїисѧ Гдѧ, вѣрѡйте е́мъ, и не йма́те ѿпáсти мзда́ кáша:
- е́ Боа́щїисѧ Гдѧ, надѣйтесѧ на клягáа, и на веселїе вѣка и мїлости.
- ж́ Воззрїте на дрѣвнїа роды, и вїдите: кто вѣрѡва Гдѣви, и постыдѣсѧ; или кто превы́ста к' стра́стѣ е́гѡ, и ѡста́висѧ; или кто при́зкѧ е́гѡ, и презрѣ́ й;
- з́ Зане́ щедръ и мїлостивъ Гдѧ, и ѡста́вляетъ грѣхї, и спаса́етъ во вре́ма скорби́.
- и́ Го́ре сердца́мъ страшли́вымъ и рѣ́камъ ѡсла́вленнымъ, и грѣшникѡ́ ходя́щѡ на двѣ́ стезїи́:
- ќ Го́ре се́рдцѡ ѡсла́вленѡ, ꙗ́ко не вѣрѡветъ: сегѡ́ ради покровѣно́ не вѣдетъ.
- л́ Го́ре вамъ погвѣдшымъ терпѣнїе́: и что́ сотворїте́, е́гда посѣтїтъ́ Гдѧ;
- м́ Боа́щїисѧ Гдѧ не сѡмнѣва́ютсѧ ѡ глаго́лѣхъ е́гѡ, и лю́башїи е́гѡ сохрãнãтъ пѹти́ е́гѡ:
- н́ Боа́щїисѧ Гдѧ поїщѡтъ благоволенїа́ е́гѡ, и лю́башїи е́гѡ и́сполнятсѧ за́кона:
- о́ Боа́щїисѧ Гдѧ оугото́ватъ сердца́ своѧ, и пред' нимъ смира́тъ дѡшы́ своѧ, (глаго́люще):
- п́ Да впаде́мъ к' рѣ́цѣ́ Гдѣни, а не к' рѣ́цѣ́ члѣвѣчески́: ꙗ́ко во вели́чество е́гѡ, та́ко и мїлостѧ е́гѡ.

глава 5.

- а́ И вмѣстѡ дрѡга не вѣди вра́га, йма́ во лѡ́каво стѡдъ и поноше́нїе наслѣдитъ: си́це грѣшникъ доказѡченъ.
- б́ Не возно́си себѣ́ совѣ́томъ дѡшї́ твоѡ́, да не расхище́на вѣдетъ а́ки ю́нецъ дѡшã́ твоѡ́:
- ѓ Ли́сткїе́ твоѡ́ поже́и, и пло́ды твоѡ́ погвѣиши, и ѡста́виши себѣ́ ꙗ́ко дре́во сѡхо́.

- Ѧ Душа лѣкава погубитѣ стажавшаго ю, и порадованіе врагѹмъ сотворитѣ єгѡ.  
 Ѣ Гортана сладокъ оумножитѣ дрѹги своѹ, и жѹзыкъ довроглаго-ливъ оумножитѣ двѣри кестѣды.  
 5 Мирствѹющіи съ тобою да вѣдѹтъ мнози: совѣтницы же твои єдинъ ѿ тысащъ.  
 3 Аще стажеши дрѹга, во искѹшеніи стажи єгѡ, и не скорѹ оувѣриси ємѣ:  
 и Ѣста во дрѹга во крѣма своє, и не превѣдетѣ во крѣма скорѣи твоєѹ.  
 ю И єста дрѹга премѣнайся во врага, и скарѣ поношеніа твоєгѹ ѿкрѣетѣ.  
 7 И єста дрѹга ѡвцѣникъ трапѣзамъ и не превѣдетѣ во крѣма скорѣи твоєѹ.  
 Ѧи И во благѹхъ твоѹхъ вѣдетѣ ѿкоже ты, и на равѣ твоѹ дѣрзнѣтѣ.  
 6и Аще смиренъ вѣдѣши, вѣдетѣ на тѣ, и ѿ лица твоєгѹ скрѣетѣся.  
 ги Ѣ врагѹвъ твоѹхъ ѿлѹчиси, и ѿ дрѹгѹвъ твоѹхъ внимаѣ.  
 7и Дрѹга вѣренъ, кроѹвъ крѣпокъ: ѡврѣтѣй же єгѡ ѡврѣте сокрѡбице.  
 8и Дрѹгъ вѣрнѹ нѣсть измѣны, и нѣсть мѣрила добротѣ єгѹ.  
 9и Дрѹга вѣренъ, врачеваніе житію, и воцѣиѣса Гдѹ ѡврѣцѹтѣ єгѡ.  
 3и Болющійса Гдѹ оуправлетѣ дрѹжеѹ свою, ѿкоже во самѣ, такѹ и искренній єгѹ.

ГЛАВА Ѧи

- Ѧ Премѣдрость смирѣннагѹ вознесѣтѣ главѹ єгѹ, и посреде келѣмѹжъ посадѣтѣ єгѡ.  
 6 Не похвали члѣѣка въ красотѣ єгѹ, и не вѣди ти мѣрзокъ члѣѣкѹ видѣнїемѣ своѹмѣ.  
 7 Мала єста в' пернатѹхъ пчела, и начатокъ сладостей плодѹ єѹ.  
 Ѧ Во ѡдѣаніи рѣзъ не похвалиѣса, и в' день славы не превозносѣса: ѿкѹ дивна дѣла Гдѹа, и тайна дѣла єгѹ пред' члѣѣки.  
 6 Мнози мѹчители стѣдоша на земли, нечѣемый же оуказѣса вѣнцѣмѣ.  
 5 Мнози силнїи оукорѣни вѣша стѣлѹ, и славнїи предани вѣша в' рѹки инѣхъ.  
 3 Первѣе неже испѣтѣеши не порицѣй, оуразѹмѣй прѣжде, и тогда запрецѣй.

и Прѣжде неже оуслѣшиши, не ѡбѣщай, и не класайся в' средѣхъ бестѣды.

ѡ Вѣщи, ꙗже ти нѣста на потребѣхъ, не тяжиса, и на сѣдѣхъ грѣшниковъ не сѣдай.

ѣ Чѣдо, дѣланїа твоѣа да не вѣдѣтѣ ѡ мнозѣхъ: ꙗще оумножиши, не вѣдѣши неповиненѣа, и ꙗще се гониши, не постигнеши, и не оутечеши вѣжащѣа.

ѡ Бѣста труждайся и потѣса и тѣса, и толикѡ паче лишаетса.

ѡ Бѣста слава и трѣбѣаи застѣплѣнїа, лишайся силы, и нищетѡю изобилѣетѣа.

и Очи Гдѣни призрѣста емѣхъ в' класѣахъ, и воздвиже и ѡ смиренїа егѡ, и вознесе главо егѡ, и дивншася ѡ немѣхъ мнози.

и Благѡа и слава, живѡтѣа и смѣртѣа, нищетѣа и когатѣство, ѡ Гдѣа сѣтѣа.

ГЛАВА ѡи.

ѡ Чѣдо, над' мертвецѣмѣа источи слѣзы, и ꙗкоже слѣзѣахъ страждущїа начнїи плача: и ꙗкоже достѡитѣа емѣхъ, соскѣтай тѣло егѡ, и не презри погрѣшенїа егѡ.

и Горѣкѣа сотвори плача, и рыданїе тепло, и сотвори сѣтованїе, ꙗкоже емѣхъ достѡитѣа, денѣа единѣа и два хлѣнїа ради, и оутѣшиса печѣали ради:

и ѡ печѣали во смѣртѣахъ бываѣтѣа, и печѣаль сердѣчнаа слѣчетѣа крѣпѡстѣа.

и Бѣа нанесенїи прѣкыкаѣтѣа и печѣаль, и житїе ницагѡ в' сѣрдцы.

и Не дажде в' печѣаль сѣрдца твоегѡ, ѡстави и поманѣвѣа послѣднѣа.

и Не забѣди, нѣста во возвращенїа, и емѣхъ полазы не сотвориши, и себѣ ѡслабѣши.

и Помани сѣдѣа егѡ, ꙗкѡ сице и твоѣи: мнѣ вчѣра, а тебѣ днесѣа.

и Бѣа покой мертвецѣа оупокѡй памѣтѣа егѡ, и оутѣшиса ѡ немѣхъ во исхѡдѣ дѣа егѡ.

ГЛАВА ѡа.

ѡ Смѣртѣа, колы горѣкѣа твоѣа бѣста памѣтѣа члѣвѣкѡхъ мирнѡхъ во имѣнїихъ своїихъ живущѣхъ,

ѡ Мѣжеки не пекѣшася и благополѣчнѣа во всѣхъ, и ещѣе возмогающѣа прїѣти пищѣа.

Г О смерте, добра сзда твоей еста члвкъ тревъищемъ, и оумалю-  
щса крѣпостію,  
Д Въ послѣдней старости сѣищемъ, и пекѹщса ѿ вѣхъ, и невѣр-  
ствѹищъ, и погвѣишъ терпѣніе.  
Е Не койса сзда смерти: помани первая твоя и послѣдняя, сей во  
сзда ѿ Гда всакой плоти:  
З И почто ѿмѣишиса благоволеніа Бѣшнаго; аще десята, аще  
стѣ, аще тысяща лѣтъ,  
З Нѣста во адѣ ѿбличеніа живота.

### 369. Пророка Іеремія гл. ѿс ст. г—кѣ.

Возмите оружіе и щиты, и идите на враня, ѿсѣдлайте кони, и  
всѣдайте всадники, и станите въ шлемѣхъ вашихъ, оуставите ку-  
пца, и ѿблецайтесь въ враня ваща. Что оубо видѣхъ ихъ страшнѣ-  
выхъ, и хреветы ѿвращающихъ; крѣпцыи ихъ избиты, повѣгоша ско-  
рѣю, и не ѿзрѣшася вспагъ, ѿвсѣдъ страхъ, глетъ Гда. Не оутечетъ  
лѣгкій, ниже возможетъ ѿбавитиса крѣпкій на полноци: близъ  
рѣкѣ ѿвфрата повѣждѣни сѣтъ, и падѣша. Кто еста той, иже ѿкѣ  
рѣкѣ восходитъ, и ѿкѣ рѣкѣ воздвѣжитъ волны егѣ; воды егѣпта  
ѿки рѣкѣ възйдѣтъ. и ѿки рѣкѣ восколеблютса воды егѣ, и рече: въз-  
дѣ, и покраю зѣмлю, и погвѣлю градъ, и живѣщыя въ немъ. Возса-  
дите на кони, и оустройте колесницы, иzydите силнии мѣринетіи, и  
Лѣвѣане вошрѣженнии щитами, и Лѣдане възидите налацающе лѣкъ.  
Дѣна сей Гда Бѣга Вседержителя, дѣна ѿмѣеніа, да ѿмститъ вра-  
гѣма своимъ: и пожретъ ѿ меча Гда, и насѣтитса, и оупѣтса  
крѣвию ихъ, ѿкѣ жѣртѣ Гда Вседержителю къ земай полноцинѣй,  
близъ рѣкѣ ѿвфрата. Возиди къ Галаадъ, и возми ритѣнѣ дѣво дщи  
егѣпетска: всѣ оумножила еси врачеваніа твоя, и цѣлѣвы нѣста  
тебѣ. Оуслѣшаша ѿзыцы гласъ, и плачь твоей наполни зѣмлю: ѿкѣ  
силный срѣтса съ сильнымъ, и ѿва кѣпѣ ѿнемогѣста, и падѣста.

### 370. Пророка Даніила гл. 5.

А И вѣстѣ оубоодно предъ црѣмъ, и постави въ црѣствѣ князѣй сто  
и двадесата, еже вѣти имъ во всѣмъ црѣствѣ егѣ,  
Б Надъ ними же три чиновники, ѿ нихже вѣ Даніила едина, дакъ  
ѿдавали имъ князи слово, ѿкѣ да црѣю не стѣжѣютъ.

- г И въ Данїїла над' ними, ꙗкѡ дѡхъ вѣше призовѣленъ в' немъ,  
и цѣра постави егѡ над' всѣмъ црствомъ своимъ.
- д Чинѡвницы же и князи ѡскачѡхъ винѡи ѡвкрѣсти на Данїїла: и всѣкѡи  
винѡи и совлѣзна и грѣхѡ не ѡвкрѣтоша на него, ꙗкѡ крѣнѣнъ вѣше.
- е И рѣша чинѡвницы: не ѡвращемъ на Данїїла винѡи, ꙗще не  
кѡ законѣхъ Бѣга егѡ.
- ж Тогда чинѡвницы и князи предѣташа црѣю, и рѣша емѡ: Дарїе  
црѣю, ко вѣки живѡи.
- з Обѣщаша вси ѡже к' царствѣ твоѣмъ воеводѡи и князи, ѡпаты  
и ѡвладѡющїи странѡми, еже ѡустѡавити ѡустѡавъ црскїи, и ѡукрѣ-  
пити предѣла, ꙗкѡ ꙗще кто попрѡситъ прошенїѡ ѡи всѣкагѡ  
кога и члвѣка, до дней тридесѡти разѣкѣ точїю ѡи тебѣ, црѣю, да  
ввѣрженъ вѣдетъ к' ровъ лѣвскїи.
- и Нѡнѣ ѡуко, црѣю, ѡустѡави предѣла, и положи писанїе, ꙗкѡ да  
не ѡзмѣнитса заповѣда Мидска и Пересска, (да никтѡже престѡ-  
питъ еѡ).
- ѡ Тогда цѣра Дарїи повелѣ вписати заповѣда.
- ї Данїїла же егда ѡувѣдѣ, ꙗкѡ заповѣда вчинїса, вниде к' домъ  
своѡи: двѣрцы же ѡвѣрзѡты емѡ кѡ горницѣ егѡ противѣ Иерусѡ-  
лїма, к' три же времена дне вѣше прекланѡа кѡлѣна своѡ, молѡса  
и ѡповѣдалса пред' Бѣгомъ своимъ, ꙗкоже кѣ творѡи прѣжде.
- ѡи Тогда мѡжи ѡнїи навлѡдоша, и ѡвкрѣтоша Данїїла просѡща и  
молѡщасѡ Бѣгѡ своемѡ.
- ѡи И пришѣдше рѣша пред' црѣмъ: црѣю, не вчинїла ли еси ты пре-  
дѣла, ꙗкѡ да всѣкѡ члвѣкѡ, ѡже ꙗще попрѡситъ ѡу всѣкагѡ вѣга  
и члвѣка прошенїѡ, до тридесѡти дней, но точїю ѡу тебѣ, црѣю,  
да ввѣржетса к' ровъ лѣвскѡ; и рече цѣра: ѡистинно слѡво, и заповѣ-  
дѡ Мидска и Пересска не мимоидетъ.
- ѡи Тогда ѡвѣщѡщѡ пред' црѣмъ и глаголаша: Данїїла, ѡже ѡи снѡ кѡ  
плѣна Ивдѣйска, не покѡрїса заповѣди твоѣи, (и нераѣ) ѡи пре-  
дѣла, егѡже вчинїла еси, к' три ко времена дне прѡситъ ѡу Бѣга  
своегѡ прошенїи своихъ.
- ѡи Тогда цѣра, ꙗкѡ слышѡкъ слѡво сїе, стѣлѡ ѡпечѡлїса ѡи немъ,  
и ѡи Данїїла прѡшесѡ еже ѡзѡвїти егѡ, и кѣ даже до вѣчера  
прѡса еже ѡзѡвїти егѡ.

- ѣі Тогда мъжи Онїи глаголаша црѣю: вѣжда црѣю, ꙗкѡ Мидѡмъ и Персѡмъ не лѣтъ еста премѣнїти всакагѡ предѣла и оустѡва, егѡже црѣ оустѡвїтъ,
- ѣіа Тогда црѣ рече, и приведѡша Данїїла, и ввергѡша егѡ в' рѡкъ лѣвскѡ. и рече црѣ Данїїлѡ: Бгѣ твоѣ, емѡже ты слѡжиши прїснѡ, той ѡзбавїтъ тѣ.
- ѣіа И принесѡша камєнѡ едїнѡ, и возложїша на оустїе рѡа, и запѣчатѡ црѣ перстнемъ своїмъ, и перстнемъ велмѡужѡ своїхъ, да не ѡзмѣнїтсѡ дѣланїе ѡ Данїїлѣ.
- ѣіа И ѡидѣ црѣ в' дѡмѡ свой, и лѡже вез' вѣчєри, и ꙗди не внесѡша к' немѡ: и сонѡ ѡстѡпї ѡ негѡ. и заключї Бгѡ оустѡ лѡвѡмъ, и не стѡжїша Данїїлѡ.
- ѣіа Тогда црѣ востѡвѡ заутра на свѣтѣ, и со тцѡнїемъ прїїде ко рѡ лѣвскѡ.
- кѣ И егѡдѡ привлїжїса ко рѡ, возопї глагѡмъ крѣпкїмъ: Данїїле, рабѣ Бгѡ вѡшнагѡ, Бгѣ твоѣ, емѡже ты слѡжиши прїснѡ, возмѡже ли ѡзбавїти тѡ ѡз' оустѡ лѡвѡвїхъ;
- кѣа И рече Данїїлѡ црѣкї: црѣю, во вѣкї живї.
- кѣв Бгѡ мой послѡ Аггѡа своегѡ, и затворї оустѡ лѡвѡвѡ, и не вєрдїша мєнѣ, ꙗкѡ ѡвєрѣтсѡ предѡ нїмъ правѡа молѡ, и предѡ то-вѡю, црѣю, согрѣшенїѡ не сотворїхъ,
- кѣг Тогда црѣ велмїи возвеселїса ѡ немъ, и рече Данїїла известїи из' рѡа, и ѡзведѣнъ вѡстѡ Данїїлѡ из' рѡа, \*) и всакагѡ тлѣнїѡ не ѡвєрѣтсѡ на немъ, ꙗкѡ вѣрова в' Бгѡ своегѡ,
- кѣд И рече црѣ, и приведѡша мъжї ѡклеветѡвѡшїѡ Данїїла, и в' рѡкъ лѣвскѡ ввергѡша ѡ, и снї ѡхъ, и женѡ ѡхъ: и не доидѡша днѡ рѡа, дѡже сошдѡлѡша ѡмъ лѡвѡ, и всѡ кѡстї ѡхъ ѡстончїша.
- кѣе Тогда Дарїї црѣ написѡ всѣмъ лѡдемъ, племєнѡмъ, ꙗзыкѡмъ, живѡщїмъ во всѣй землї: мїрѡ вѡмъ да оумнѡжїтсѡ.
- кѣс ѡ лицѡ моегѡ заповѣдѡса заповѣдѡ сїѡ во всѣй землї црѣтѡвѡа моегѡ, да вѡдѡтѡ трепѣщѡще и вѡщѣсѡ ѡ лицѡ Бгѡ Данїїлѡвѡ, ꙗкѡ той еста Бгѡ живїѡ и прєвѡкѡлї во вѣкї, и црѣтѡ егѡ не разсыплѣтсѡ, и вѡдѣтѡ егѡ до концѡ.
- кѣз Подѣмлетѡ и ѡзбавлѣтѡ, и творїтѡ знѡменїѡ и чѡдѣсѡ на нѣбєсї и на землї, ѡже ѡзбавї Данїїла ѡ оустѡ лѡвѡвїхъ.

\*) И ни едїнагѡ вєрдѡ.



ки Данїила же оуправлѣше в' црѣствѣ Дарїевѣ, ѿ в' црѣствѣ Кѹра Персанина.

**371. Еванг. Мате. гл. аї ст. в—аї.**

в Іѡаннѣ же слышавѣ ко оузилицѣ дѣла Хр҃това, посла два ѡ оученикѣ своиѣхѣ.

г Рече емѣ: ты ли еси градый, ѿли иногѡ чѣемѣ;

д Н ѡвѣщавѣ Іисѣ рече ѿмѣ: шедше возвестите Іѡаннови, ѿже слышите ѿ видите:

е Олѣпїи прозираютѣ, ѿ хромїи ходатѣ, прокаженнїи ѡчищѣютѣся, ѿ глѡсїи слышатѣ: мертвїи востаютѣ, ѿ нищїи влговѣствѣютѣ:

з Н влженѣ еста, ѿже аще не совлазнитѣся ѡ мнѣ.

з Тѣмѣ же исходащымѣ, начатѣ Іисѣ народѡмѣ глѣти ѡ Іѡаннѣ: чесѡ ѿзыдѡсте в' пѣстѣниѡ видѣти; трѡста ли вѣтромѣ колѣвлемѣ;

и По чесѡ ѿзыдѡсте видѣти; члѣвѣка ли в' мѣгкѣ рїзѣ ѡвлечѣнна; сѣ, ѿже мѣгкая носѣщїи, вѣ домѣхѣ цр҃кихѣ сѣта.

ю По чесѡ ѿзыдѡсте видѣти; пррѡка ли; еѿ глѡ вѣмѣ, ѿ лишше пррѡка.

ї Оѿи ко еста, ѡ немѣже еста писано: сѣ азѣ посылаю Аггѣла моего пред' лицѣмѣ твоимѣ, ѿже оуготѡвитѣ пѣта твоеѿ предѣ товоѡ.

аї Амїна глаголю вѣмѣ, не воста вѣ рожденныхѣ женѣми болїи Іѡанна кр҃титѣла: мнїѣ же ко цр҃твїи нѣнѣмѣ, колїи егѡ еста.

**372. Еванг. Луки гл. в ст. ке—лв.**

ке Бѣ члѣвѣкѣ ко Іерлїмѣ, емѣже ѿма Оѿмеѡнѣ: ѿ члѣвѣкѣ сѣѿ праведенѣ ѿ влгочестївѣ, чѣм оутѣхи Іїлевы: и Дх҃ вѣ сѣтѣ в' немѣ.

кс Н вѣ емѣ ѡвѣщѣанно Дх҃омѣ стѣмѣ, не видѣти смѣрти, прѣжде дѣже не видитѣ Хр҃та Гд҃на.

кз Н прїиде Дх҃омѣ в' цѣрковѣ: ѿ егда введѡста родитѣла Отрочѣ Іисѣ, сотворити ѿма по ѡвѣчѣю законномѣ ѡ немѣ,

ки Н той прїемѣ егѡ на рѣкѣ своѣю, ѿ влгословїи Бг҃а, ѿ рече:

кю Нѣнѣ ѡпѣщѣѣши раба твоегѡ, Влко, по глаголѣ твоемѣ, с' миромѣ.

л Жкѡ видѣстѣ Очи мой спасѣнїе твое,

ла Еже еси оуготѡвалѣ пред' лицѣмѣ всѣхѣ людѣѿ:

кв Овѣтѣ ко ѡкровѣнїе пѣзѣкѡмѣ, ѿ слѣвѣ людѣѿ твоихѣ Іїна.

## VIII. РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО.

### 378. О землѣ и находящихся на ней государствахъ, особенно русскомъ.

Ты живешь въ селѣ; а въ томъ селѣ и избы и церковь Божія, и при селѣ пашни и луга и всякія угодыя. Ты знаешь, что не одно твое село на Русь, а есть и другія села; а кромѣ селъ есть еще и города, уѣздные, губерніскіе и столицы. Все же вмѣстѣ называется Русскимъ царствомъ. Но надобно знать, что какъ не велико Русское государство, а за нимъ есть еще и другія, большія и малыя царства, въ которыхъ также есть и пашни, и угодыя, и селы, и города. Всѣ царства вмѣстѣ составляютъ то, что называется *землею*.

А земля и все, что есть на землѣ, и все небо съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами называется *міромъ*.

Земля, на которой мы живемъ, хотя и кажется плоскою, но въ самомъ дѣлѣ она есть огромнѣйшій шаръ. Были люди, которые объѣзжали землю кругомъ, т. е. поѣхали съ одного мѣста все прямо, не поворачивая ни направо, ни налево, и пріѣхали опять на то же мѣсто. А всего пути ихъ было 37,590 верстъ. Объѣхать же нельзя было бы, если бы земля не была кругла, словно яблоко или шаръ.

Земной шаръ состоитъ изъ твердой земли. Эта земля съ начала была покрыта вся водою, но теперь третья часть земной поверхности стала сушею, а двѣ трети земли все еще покрыты водою, т. е. великимъ океаномъ и морями.

Твердую землю раздѣляютъ на пять частей свѣта; онѣ называются такъ: *Европа, Азія, Африка, Америка и Океанія*.

За 350 лѣтъ знали у насъ только Европу, Азію и Африку. Потому эти три части свѣта называются старымъ свѣтомъ. Америка и Океанія называются новымъ свѣтомъ.

Среди трехъ частей стараго свѣта стоитъ море Средиземное; на сѣверъ или на полночь отъ него Европа, гдѣ и мы живемъ; на востокъ Азія, на полдень Африка, а на западъ Великій западный океанъ, за которымъ Америка сама по себѣ на другой сторонѣ земного шара. Пониже Азіи, на Южномъ океанѣ, лежитъ Океанія.

Больше всѣхъ частей свѣта Азія и Америка; Африка почти третью частью меньше Азіи, а Европа вдвое меньше Азіи и одинаковой величины съ Океаніей.

Въ этихъ пяти частяхъ свѣта многое множество различныхъ государствъ и народовъ, говорящихъ разными языками. Но не въ примѣръ больше всѣхъ наше отечество.

Русское государство занимаетъ слишкомъ восьмую часть всей земли: почти половину Европы, больше третьей части Азіи и часть Америки. У Россіи въ Европѣ: 2.430.000, въ Азіи 125.930.000, въ Америкѣ 1.127.000, а всего 130.487.000 квадратныхъ верстъ.

Границы у Русскаго царства на сѣверъ или на полночь—Сѣверный океанъ или Ледовитое море, отъ котораго отдѣляется особое Бѣлое море, гдѣ стоитъ Соловецкій монастырь, славный угодниками Божиими.

Восточную границу Россіи составляетъ Восточный океанъ или Тихое море, за которымъ лежатъ владѣнія Россіи въ Америкѣ, откуда привозятъ дорогіе бобровые мѣха.

На полуденной или южной границѣ лежитъ Китайское государство, откуда идетъ къ намъ чай; поближе къ намъ лежитъ съ начала Туркистанъ, гдѣ живутъ Бухарцы и Хивинцы, которые привозятъ къ намъ халаты. Еще поближе лежатъ Каспійское море и Персія или Персидское государство, у котораго мы завоевали Армянскую область съ высокою горою Араратомъ.

Рядомъ съ Персією, на нашей границѣ, лежитъ Турція и Черное море, большая половина котораго принадлежитъ намъ. Черезъ Черное море ѣздить въ Царьградъ, а тамъ и въ Иерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Отъ Чернаго моря отдѣляется внутрь государства море Азовское, на берегу котораго стоитъ городъ Таганрогъ, откуда идетъ много пшеницы за море.

На западной границѣ у насъ лежитъ Австрія и Пруссія, гдѣ живетъ народъ все больше нѣмецкій.

На западъ же лежитъ у насъ Балтійское море и по ту сторону его—Шведское королевство.

Въ отечествѣ нашемъ земля больше все плоская: но есть и горы. Подальше отъ Петербурга на сѣверъ есть горы, которыя называются Финляндскими, потому что проходятъ по великому княжеству Финляндіи. Онѣ всѣ больше изъ твердаго камня — гранита, изъ котораго сдѣланъ памятникъ императору Александру Благословенному въ Петербургѣ и нижняя часть памятника въ Москвѣ Минину и Пожарскому. Въ Финляндскихъ горахъ есть однако и мраморъ, изъ котораго построены въ Петербургѣ Исакиевскій соборъ. Между Финляндскими горами много большихъ озеръ, въ которыхъ ловится много рыбы.

На сѣверъ же Россіи, между Петербургомъ и Москвою, лежатъ

горы Валдайскія; онѣ хотѣ и не высоки, однако изъ нихъ вытекаетъ много рѣкъ, и самыхъ большихъ: Волга, Днѣпръ и Западная Двина.

На самомъ полуденномъ концѣ Русскаго государства, на берегу Чернаго моря, лежатъ Крымскія горы; онѣ называются также Таврическими горами; по ту и сю сторону ихъ растетъ много винограда, но лучшей по ту сторону, къ морю, потому что тамъ теплѣе.

Отъ Таврическихъ горъ какъ пойдешь на востокъ и переѣдешь Черное море, такъ и упрѣшься въ Кавказскія горы. Онѣ очень высоки, и потому въ самые сильные жары снѣгъ не таетъ на ихъ верхушкахъ.

Кавказскія горы идутъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго; а отъ Каспійскаго моря прямо на сѣверъ до самаго Сѣвернаго океана идутъ горы Уральскія. Онѣ гораздо ниже Кавказскихъ горъ; но въ нихъ много желѣза, мѣди, серебра и золота; и потому на Уральскихъ горахъ устроено много разныхъ рудопромышленныхъ заводовъ.

За Уральскими горами лежитъ Азіятская Россія или Сибирь, которую завоевалъ казакъ Ермакъ Тимофеевъ въ 1581 году послѣ Рождества Христова, стало быть за 280 лѣтъ до насъ.

Въ Сибири, на полуденной сторонѣ, есть также высокія горы, покрытыя снѣгомъ; онѣ называются Алтайскими и богаты золотомъ и серебромъ. Изъ Алтайскихъ горъ вытекаетъ много рѣкъ, которыя всѣ текутъ по Сибири, отъ полудня на полночь, въ Ледовитое море. Самая большая Сибирская рѣка—Лена; она течетъ безъ малаго 4.000 верстъ. Потомъ поближе сюда сперва течетъ рѣка Енисей, на которой стоятъ города Енисейскъ и Красноярскъ; затѣмъ рѣка Обь, а еще поближе рѣка Иртышъ, которая впадаетъ въ Обь. На Иртышѣ стоятъ города Омскъ и Тобольскъ; въ этой рѣкѣ утонулъ Ермакъ Тимофеевъ, завоеватель Сибири.

Въ Европейской Россіи рѣкъ и рѣчекъ много множество: изъ нихъ такихъ, по которымъ плаваютъ суда съ товаромъ и сплавливаютъ лѣсъ да дрова, считается до 200.

Но самая главная и большая рѣка есть Волга. Всего она течетъ безъ мала 3.500 верстъ и впадаетъ въ Каспійское море.

На ней стоятъ губернскіе города: Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Самара и Астрахань, которая стоитъ почти на концѣ Волги, недалеко отъ Каспійскаго моря, и торгуетъ красною рыбою и персидскими товарами.

На Волгѣ, кромѣ губернскихъ городовъ, стоятъ многіе уѣздные города, и всѣ торговые. Изъ нихъ самый богатый есть Рыбинскъ, торгующій на многіе милліоны рублей хлѣбомъ.

Въ Волгу втекаетъ много судоходныхъ рѣкъ; но самыя главныя двѣ: справа Ока, слѣва Кама. На рѣкѣ Оки стоятъ губернскіе города: Орелъ, Калуга, Рязань и Нижній Новгородъ; въ Нижнемъ течетъ

также и Волга и бываетъ славная ярмарка, на которую привозятъ товаровъ со всѣхъ концовъ Русскаго царства на 50 миллионъ рублей серебромъ. Рѣка Кама течетъ отъ Уральскихъ горъ, и пониже Казани впадаетъ въ Волгу; на Камѣ стоитъ одинъ только губернской городъ—Пермь. По Камѣ идетъ много желѣза и мѣди въ Нижній на ярмарку.

Изъ Уральскихъ же горъ идетъ рѣка Уралъ и впадаетъ въ Каспійское море. На Уралѣ стоитъ городъ Оренбургъ, а на низу живутъ уральскіе казаки; дальше же за Уралъ рѣку, на востокъ, живутъ киргизы: народъ кочевой, домовъ у нихъ нѣтъ; они зимою и лѣтомъ живутъ въ юртахъ изъ войлока.

Почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ выходитъ Ока изъ Орловской губерніи, въ Тульской начинается рѣка Донъ и течетъ на полдень въ Азовское море, которое само течетъ въ Черное море. Близъ Дона стоитъ губернской городъ Воронежъ, а ниже начинается Земля Войска Донскаго. Донцы живутъ по обѣимъ сторонамъ Дона; у нихъ главный городъ Новочеркасскъ.

Днѣпръ начинается неподалеку отъ Волги и течетъ въ Черное море. Самый главный городъ на Днѣпрѣ есть Кіевъ, съ пещерами и мощами Св. Утодниковъ. Пovyше Кіева, на Днѣпрѣ, стоятъ губернской города Могилевъ и Смоленскъ, который въ 1812 году разорили французы. Пониже Кіева, на Днѣпрѣ же, стоитъ губернской городъ Екатеринославъ, построенный въ честь императрицы Екатерины II. За Екатеринославомъ начинаются на Днѣпрѣ каменные пороги, которые мѣшаютъ баркамъ и плотамъ ходить внизъ; плаваютъ же по нимъ безопасно только весною въ половодье. На концѣ Днѣпра, почти у самаго Чернаго моря, стоитъ городъ Херсонъ, построенный императрицею Екатериною II; изъ Херсона водою ходятъ въ городъ Одессу, который стоитъ самъ по себѣ на берегу Чернаго моря. Въ Одессѣ нѣтъ никакой рѣки, а городъ большой, торговый; пріѣзжаетъ много всякаго иностраннаго народа, все больше моремъ. Между Херсономъ и Одессою стоитъ городъ Николаевъ, гдѣ строятся военные корабли. Въ Николаевѣ идетъ рѣка Бугъ. Бугъ чѣмъ выше отъ города, тѣмъ мельче, и судового хода по немъ почти не бываетъ.

Подальше отъ Одессы въ Черное же море впадаетъ рѣка Днѣстръ, которая къ намъ идетъ изъ Австріи.

Мы все говорили о рѣкахъ, которыя текутъ больше на полдень; а еще есть много, которыя текутъ и на полночь — либо въ Балтійское море, либо въ Бѣлое и Ледовитое.

Въ Балтійское море течетъ рѣка Висла, на которой стоитъ городъ Варшава; по близости течетъ рѣка Нѣманъ, на которой губернской города Гродно и Ковно.

Самая большая рѣка, которая впадаетъ въ Балтійское море, есть

рѣка Западная Двина; она начинается неподалеку отъ Волги, изъ Валдайскихъ горъ, и течетъ мимо губернскихъ городовъ Витебска и Риги. Рига городъ большой и торговый; ведетъ торгъ больше съ нѣмцами лѣсомъ, хлѣбомъ, пенькою и льномъ.

Въ Балтійское же море впадаетъ рѣка Нева, на которой, какъ извѣстно, стоитъ городъ Петербургъ, столица Русскаго царства.

Рѣка Нева не длинна, всего 60 верстъ, но широка и глубока, и воды въ ней всегда много, оттого что она течетъ изъ большого Ладожскаго озера.

Въ Ладожское озеро впадаетъ много рѣкъ; но самыя большія двѣ: Волховъ, идущій изъ озера Ильменя, и Свирь, которая идетъ изъ озера Онеги. Онежское озеро и Ильмень также большія озера, но меньше Ладожскаго.

Почти у самаго Ильменя озера, на рѣкѣ Волховѣ, стоитъ городъ Новгородъ.

На Онежскомъ озерѣ стоитъ городъ Петрозаводскъ, гдѣ императоръ Петръ I своими руками ковалъ желѣзо, и гдѣ теперь льютъ пушки. — Изъ Новгорода и Петрозаводска можно проѣхать прямо водою чрезъ Ладожское озеро въ Неву, и потомъ въ Петербургъ.

Ладожское озеро очень бурливо; оттого Петръ Великій и велѣлъ вокругъ него, отъ Невы до Волхова, вырыть каналъ, который идетъ на 109 верстъ и называется Ладожскимъ.

Самая главная рѣка, текущая въ Бѣлое море, есть Сѣверная Двина; на ней стоитъ городъ Холмогоры, гдѣ славный холмогорскій скотъ, и городъ Архангельскъ, куда на корабляхъ пріѣзжаетъ за хлѣбомъ и лѣсомъ разный иностранный народъ, а больше англичане.

### 374. Печорскій край.

Печорскій край заключается между Ледовитымъ океаномъ, Уральскими горами, Камой и Вычегдой. Это огромное пространство, заключающее въ себѣ самыя разнообразныя богатства, пространство мало населенное и мало извѣстное, обратило на себя въ послѣднее время особенное вниманіе. Намъ поражаютъ здѣсь прежде всего непроходимыя лѣса, которые истребляются пожарами, рубятся жителями безъ всякой бережливости, нерѣдко только для удобнѣйшаго сбора кедровыхъ шишекъ, — и которыхъ все еще чрезмѣрно много! Лѣса эти наполнены всякаго рода звѣрями и птицами. Большая часть дорогихъ мѣховъ, въ которые мы кутаемся, привозятся оттуда. Дичь, цѣнящаяся у насъ иногда очень дорого, водится тамъ и ловится въ огромномъ количествѣ. Также много здѣсь рыбы въ озерахъ и рѣкахъ; прекрасныя семги, вкусныя сига достаются почти даромъ. Въ

океанѣ огромными стадами разгуливаютъ тюлени, моржи, а часто встрѣчаются и киты.

Сѣверная часть этого края состоитъ изъ необозримыхъ тундръ, по которымъ пасутся многочисленныя стада оленей и кочуютъ полудикіе самоѣды. Бѣдная жизнь этихъ людей въ ихъ жалкихъ чумахъ, ихъ нравы, обычаи, религія, ихъ занятія представляютъ не менѣе особенностей и интереса. Жители Печорскаго края состоятъ изъ русскихъ, зырянъ и самоѣдовъ. Главныя занятія ихъ состоятъ въ звѣроловствѣ, рыболовствѣ и оленеводствѣ. Дремучіе лѣса сдѣлали ихъ отличными охотниками, рѣка и море—хорошими рыбопромышленниками и отважными мореходами, а огромныя тундры, своимъ мохомъ доставляющія оленямъ круглый годъ прекрасный кормъ, — опытными оленеводцами.

Пустынная страна эта, въ которой часто на разстояніи 300 верстъ не попадается ни одной деревушки, лишена путей сообщенія и правильно устроенныхъ дорогъ; только по рѣкамъ сообщаются жители на лодкахъ и небольшихъ суденышкахъ. Путешествіе по этой странѣ представляетъ бездну затрудненій: надобно пробиваться своими средствами, пѣшкомъ, верхомъ, на лодкѣ, гдѣ какъ удобнѣе. Самый удобный путь—водный, и тотъ сопряженъ со многими неудобствами: по верховьямъ рѣчекъ разбросаны часто огромныя камни, образующіе пороги, грозящіе заплеснуть или разбить лодку.

Въ южной части края жители бѣдны, питаются по большей части толченой осиновой корой съ молокомъ или рыбой, если она есть. Огромное количество бѣлокъ, которыхъ они настрѣливаютъ, не доставляетъ имъ достаточнаго дохода, потому что продается, за неимѣніемъ дорогъ, по очень дешевой цѣнѣ, а хлѣбъ по той же причинѣ очень дорогъ.

Зима здѣсь долгая; настоящее лѣто продолжается мѣсяца 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, въ теченіе которыхъ солнце почти не скрывается за горизонтомъ.

### 375. Кола.

Кола—самый сѣверный городъ въ европейской Россіи. Онъ лежитъ въ Архангельской губерніи, въ пятидесяти верстахъ отъ Сѣвернаго океана, при слияніи рѣкъ Колы и Туломы.

Климатъ Колы по мѣстоположенію еще довольно умѣренный. Зима наступаетъ въ началѣ Октября и продолжается до половины Апрѣля. Въ продолженіе всей зимы сѣверныя сіянія составляютъ здѣсь обыкновенное явленіе. Въ концѣ Апрѣля рѣки Кола и Тулома вскрываются ото льда. Въ этихъ рѣкахъ по два раза въ сутки бываетъ приливъ и отливъ съ моря. Во время прилива вода дѣлается почти

негодною для употребленія, а по отливѣ принимаетъ прежній вкусъ. Съ начала Іюня и до половины Августа продолжается лѣто и называется межоннымъ временемъ, какъ короткій промежутокъ между весною и осенью. Въ Колѣ солнце не восходитъ на горизонтъ съ половины Ноября по исходъ Декабря, и тогда только около полудня показывается заря на небѣ, а ночи озаряются яркою луною и сѣвернымъ сіяніемъ; лѣтомъ же солнце не скрывается за горизонтъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Почва земли здѣсь каменистая, и жители не сѣютъ хлѣба, который не успѣлъ бы созрѣть по краткости лѣта. Сѣнокосныхъ луговъ здѣсь тоже почти нѣтъ. Для коровъ и лошадей закупаютъ кормъ въ другихъ мѣстахъ, и держатъ ихъ въ весьма маломъ количествѣ. Такъ въ 1855 году въ Колѣ было 5 лошадей, 32 головы рогатаго скота и 40 овецъ. Главное занятіе Колянъ—рыбная ловля въ рѣкахъ. Впрочемъ они участвуютъ съ жителями окрестныхъ странъ и въ дальнихъ морскихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ. Жителей въ Колѣ считается 432 человекъ.

### 376. Кивачъ.

Два года тому назадъ, проѣзжая Олонецкую губернію, я посѣтилъ знаменитый водопадъ Кивачъ. Онъ находится въ 68 верстахъ отъ города Петрозаводска. Дорога отъ этого города къ водопаду прелестна: множество деревень, густые лѣса и обширные луга—ежеминутно встрѣчаются. Въ 40 верстахъ отъ Петрозаводска находится Кончезерскій чугуноплавильный заводъ, построенный императоромъ Петромъ Великимъ въ 1707 году; отличный чугунъ, выплавляемый здѣсь, доставляется въ С. Петербургъ для издѣлій Александровскаго завода. Отсюда проѣзжая далѣе 9 верстъ, немного въ сторонѣ отъ большой дороги, встрѣчаются вамъ такъ называемыя дворцовыя минеральныя воды. Въ царствованіе императора Петра Великаго и императрицы Екаторины II воды эти славились цѣлительными своими свойствами: изъ многихъ губерній пріѣзжали больные и здѣсь лечились, а нынѣ, съ открытіемъ кавказскихъ и другихъ минеральныхъ водъ, ихъ весьма рѣдко посѣщаютъ. Противъ самыхъ минеральныхъ водъ стоятъ развалины четырехъ небольшихъ деревянныхъ дворцовъ, построенныхъ императоромъ Петромъ Великимъ: этотъ монархъ очень часто жилъ здѣсь со всемъ дворомъ своимъ и принималъ иностранныхъ посланниковъ. Здѣсь же находится небольшая деревянная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла.

Одинъ изъ здѣшнихъ жителей показывалъ мнѣ посаженныя здѣсь императоромъ Петромъ Великимъ двѣ березы — одну, названную въ



честь этого монарха—Петровскою, а другую въ честь имени супруги его—Екатериинскою. Великій примѣръ для подданныхъ! Императоръ Петръ I, не смотря на свое величіе, трудился какъ простой работникъ. Онъ показалъ этимъ, что трудъ дѣлаетъ честь не только простому гражданину, но даже и великому государю. Далѣе, въ верстѣ отъ минеральныхъ водъ, стоитъ прекрасная, живописная деревенька Воронова; отсюда до Кивача надо плыть водою, потому что дорога сухимъ путемъ до водопада весною затруднительна и опасна. Въ небольшой, но спокойной лодочкѣ я и еще одинъ военный офицеръ поплыли къ Кивачу. Рѣка Суна, по которой мы плыли, живописно изгибаясь по пустыннымъ, но красивымъ берегамъ Карелии, съ шумомъ разбѣгается у деревни Моховой, находящейся въ двухъ верстахъ отъ Кивача, и потомъ заключенная между двумя горами, бросается съ трескомъ и визгомъ въ огромную, наполненную большими камнями лощину, и образуетъ собою картину ужасную, великолѣпную, — это Кивачъ! Шумъ водопада столь силенъ, что вы не можете разслушать ни одного слова, хотя бы вамъ кричали со всею силою на ухо.

Бросьте по теченію какое угодно огромное бревно — вода разломаетъ его въ мелкіе щепы и выброситъ на берегъ верстахъ въ двухъ ниже водопада. Рассказываютъ, что во время отдаленной древности Литовцы вели войну съ Россіею; шайка первыхъ напала на одну русскую деревню близъ Кивача и, захвативъ нѣсколько мужиковъ въ плѣнъ, поплыла съ ними по Суяѣ. Крестьяне, зная опасность приближенія своего къ Кивачу, въ трехъ верстахъ отъ водопада бросились въ рѣку и выплыли на берегъ. Литовцы же, ничего не зная, продолжали плыть, и, достигши Кивача, всѣ погибли въ шумящихъ волнахъ его.

Окрестности Кивача прелестны: по обѣимъ сторонамъ его стоятъ большіе лѣса, наполненные всякаго рода звѣрями и птицами. Медвѣди, волки, лисицы и зайцы водятся здѣсь во множествѣ; изъ птицъ же куропатки, рябчики, тетери и глухари летаютъ стадами. Русскіе промышленники покупаютъ ихъ битыхъ тысячами и привозятъ къ намъ въ Петербургъ. Крестьяне Олонецкой губерніи—народъ трудолюбивый и честный. Мнѣ случалось видѣть ихъ житье-бытье. Не смотря на бѣдность и неплодородіе земли, большая часть изъ нихъ живутъ порядочно, войдите въ хижину ихъ—во всемъ видны чистота и опрятность; всякая вещь лежитъ на своемъ мѣстѣ; хозяева не валяются, какъ лѣнницы, праздно на полатахъ, а всегда что нибудь работаютъ; даже дѣти ихъ имѣютъ всегда какое нибудь занятіе: плетутъ лапти, щеплютъ лучину, бьютъ масло и проч. За то они хотя не богаты, но живутъ безъ нужды.

### 377. Эльтонское озеро.

Эльтонское озеро находится на луговой сторонѣ Волги, въ Астраханской губерніи, Царевскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ видъ нѣсколько продолговатый, въ длину 20, въ ширину 16 верстѣ. Въ озеро впадаетъ восемь небольшихъ рѣчекъ, но изъ него не выходитъ ни одного источника. Въ жаркое лѣто эти рѣчки пересыхаютъ, или имѣютъ слабое теченіе; зимою же, при самыхъ жестокихъ морозахъ, не замерзаютъ. Вода въ нихъ теплая, на вкусъ соленая, горьковатая.

При озерѣ находится нѣсколько казенныхъ зданій: православная церковь, дома для священника, смотрителя, магазины для складовъ соли и проч.

Дно Эльтонскаго озера покрыто солью въ такомъ изобиліи, что ея можно снабжать весь міръ; но ее берутъ только по мѣрѣ надобности, на небольшомъ пространствѣ. Вода озера заключаетъ въ себѣ чрезмѣрное множество соляныхъ частицъ, съ примѣсю щелочныхъ веществъ, и называется рапою или тузлукомъ. Она отличается такою ослѣпительною бѣлизною, что при солнечномъ сіяніи на нее нельзя смотрѣть безъ боли для глазъ, особенно же слабыхъ. Рапою покрыта большая часть озера, а все прочее имѣетъ отвердѣлую толщу соли, которой дна доселѣ не могли достать. Если вѣрить рассказамъ, то раскапывали будто бы на 30 сажень, и чѣмъ глубже копали, тѣмъ соль оказывалась чище и столь крѣпкою, что желѣзные ломы отскакивали.

Глубина рапы на озерѣ различная: весною въ аршинъ, среди же лѣта, когда озеро испаряется отъ жаровъ, доходитъ до четверти аршина. По этой жидкости плаваютъ работники на досчаникахъ и гребутъ изъ-подъ рапы особыми лопатами соль, которую складываютъ на свои продолговатыя лодки. Соль, которую они берутъ, есть самая чистая: она образуется ежегодно отъ осадка рапы.

Добытую изъ озера соль рабочіе привозятъ къ берегу и складываютъ въ продолговатыя скирды, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока достаточно просохнетъ, а потомъ уже складывается въ запасныя магазины. Въ Эльтонскомъ озерѣ ежегодно добывается до 1.000.000 пудовъ отличной соли.

Такъ какъ всякая соль образуется кристалльными слоями, то можно готовить изъ нея разныя вещи. Сдѣланную какую нибудь вещь изъ дерева, напримѣръ крестъ, чашу, или тому подобное, кладутъ въ рапу и оставляютъ тамъ на двѣ или на три недѣли: положенная такимъ образомъ вещь окристалливывается, а самое вещество превращается въ соль. Окристаллизованныя вещи портятся только въ сырую погоду.

Почва около Эльтонскаго озера солонцоватая и глинистая; послѣд-

ная очень вязкая и весьма удобная къ выдѣлыванію кирпича. Въ окрестностяхъ растетъ весьма густая трава, которая по мѣрѣ углубленія въ степь, дѣлается лучшею, каковою появляется не ближе двадцати-верстного разстоянія.

### 378. Чудское озеро.

Прекрасно озеро Чудское,  
Когда надъ нимъ свѣтило дня  
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,  
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:  
Его красой озарена,  
Цвѣтами радуги играя,  
Лежитъ равнина водяная,  
Необозрима и пышна;  
Прохлада утренняя вѣтъ,  
Едва колышутся лѣса,  
Какъ блѣстки золота свѣтлѣтъ  
Ихъ переливная роса;  
У пробудившагося берега  
Стоять, готовые для бѣга,  
И тихо плещутъ паруса;  
На лодку мрежи собирая,  
Рыбакъ зоветъ и поетъ,  
И пѣсня русская, живая,  
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,  
Когда блистательнымъ столбомъ  
Свѣтило искрится ночное  
Въ его кристалль голубомъ:  
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,  
Вдоль искривленныхъ береговъ,  
Чернѣютъ образы лѣсовъ,  
И кое-гдѣ огонь пловучій  
Горитъ на челнахъ рыбаковъ; —  
Безмолвна синяя пучина,  
Въ дубравахъ мракъ и тишина,  
Небесъ далекая равнина  
Сіянья мирнаго полна;  
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ  
Подъземля съти изъ воды,  
Рыбакъ живетъ веселымъ словомъ

Своихъ товарищей труды;  
Или путемъ дугообразнымъ  
Съ небесныхъ падая высотъ,  
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,  
Огнемъ разсыплется алмазнымъ  
И въ отдаленнѣ пропадетъ.

Н. Языковъ.

### 379. Финляндія.

Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна черѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитныя, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ, или разлитіемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ въ горахъ, съ шумомъ и пѣною извергаются въ озера, которыя посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ воды. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда и, по древнему преданію скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю — изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась какъ отъ сна!... Видишь ли, какъ она пѣнится? Слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сія мрачныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную мифологію скандинавовъ, которымъ божество являлось всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ, или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предприимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ верстахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы, завыванія волка, ищущаго добычи, паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ источника, образован-

наго снѣгомъ, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро преодолагаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ него пустыня и безмолвіе!—Посмотрите далѣе: огонь небесный, или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища; все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какіе народы въ древности населяли землю сію? Гдѣ признаки ихъ бытія? Гдѣ слѣды ихъ? Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера? Но существовали народы сіи—угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ странъ счастливейшихъ: они населяли сіи пещеры, питались млекою звѣрей и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ и пролагали путь по морямъ гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, и новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и жизнь и смерть, не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса—и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ.—Но сіи пустыни, сіи вертепы, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣгахъ повторяли голосъ скальда. И здѣсь поэзія разсыпала цвѣты свои, она смягчила нравы, укротила звѣрство и утѣшила страждущее человечество своими волшебными пѣнями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій.

*Батюшковъ.*

### 380. Вазуза и Волга.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, силь-

нѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили, спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло: «давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе и почету достойнѣе.» Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прамѣе и ближе, и потекла.—Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу, да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское.—А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будить Волгу отъ зимняго сна.

### 381. Сожъ и Днѣпръ.

Быль, жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій—Сожъ, младшій Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дома, когда мать обманомъ заставила старика отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина благословилъ его: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету до моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путями, непроходимыми, темными лѣсами, и если обгонишь брата—то онъ послужитъ тебѣ.» Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ бокъ. А Сожъ уговорилъ ворона летѣть прямо къ Днѣпру, и только что обгонитъ его хоть на шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, рассчитывая выскочить на верхъ по крику ворона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ напалъ на ворона; воронъ закаркалъ прежде, нежели опередилъ рѣку Днѣпръ. Сожъ выскочилъ изъ-подъ земли и—со всего размаху впалъ въ Днѣпръ.

### 382. Самарскія стени.

Самара лежитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга круто заворачиваетъ вправо, гдѣ ея теченіе принимаетъ направленіе отъ востока къ западу. Пройдя въ этомъ направленіи около 110 верстѣ, Волга поворачиваетъ возлѣ Сызрани прямо на югъ и течетъ дальше къ Хвалынску, Вольску и Саратову.

На этомъ пространствѣ нагорный берегъ Волги богатъ деревьями, построенными во многихъ мѣстахъ не дальше какъ на сто сажень отъ рѣки, часто на сватѣ горы, иногда на вершинахъ тамошнихъ живописныхъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Жегулевскихъ.

Лѣвый берегъ—луговой или низменный, съ перваго взгляда кажется совершенно пустыннымъ: на немъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одной деревушки, ни одного дома ближе десяти верстѣ отъ Волги; потому что во время половодья Волга покрываетъ всѣ низменные мѣста вплоть до стени. Эта полоса, отъ пяти и до десяти верстѣ и болѣе въ ширину и много сотенъ верстѣ въ длину, покрыта необыкновенно сочными поемными лугами. Трава по поясъ взрослому человѣку, густая, мягкая; идешь по ней—ноги путаются, а ляжешь отдохнуть—сердце радуется. А кругомъ свистъ, гулъ и трескотня безчисленныхъ насѣкомыхъ: тамъ посвистываетъ перепелка, здѣсь трещитъ коростель; вотъ онъ подходитъ ближе, ближе, вотъ ужъ затрещалъ у васъ надъ самымъ ухомъ и вдругъ, увидя васъ, притихъ, и только слышно, какъ онъ, убѣгая въ испугѣ, шелеститъ мягкой травой.

Но поемные луга не вездѣ сплошные. Во многихъ мѣстахъ есть углубленія, въ которыхъ остается вода, и тутъ образуются длинныя озера, поросшія непроходимо частымъ ивовымъ кустарникомъ. Во многихъ мѣстахъ Волга пускаетъ отъ себя длинный рукавъ въ сторону; обыкновенно эти воложки или маленькія волги довольно мелки; многіе протоки можно переѣзжать въ бродъ, другіе гораздо глубже, и надо хорошо знать мѣстность, чтобы, переѣзжая, не утопить въ воложкѣ лошадей. Вездѣ берега покрыты очень частыми кустами, сажени въ полторы или двѣ вышиною, и очень рѣдко попадаются между ними тамъ одна, а тамъ двѣ, три старыя узловатыя ивы. Въ немногихъ мѣстахъ есть длинныя возвышенія, покрытыя лѣсомъ, называемыя *ривами*. Воздухъ надъ поемными лугами или займищами оживленъ безчисленнымъ множествомъ чаекъ и маргышекъ, которыя иногда цѣлыми стадами вьются надъ воложками и озерами, отнимаютъ одна отъ другой пойманную рыбу, кричатъ, стремглавъ падаютъ одна за другою въ воду, вслѣдъ за упавшею добычей; потомъ опять поднимаются, крутятся въ воздухѣ тѣснымъ клубомъ и вдругъ, когда которой нибудь удастся наконецъ проглотить рыбку, всѣ спокойно разлетаются въ разныя стороны. Только одна которая нибудь, можетъ быть, самая обиженная, изрѣдка покрикиваетъ сердито и жалобно.

На воложкахъ и озерахъ водится множество дикихъ утокъ, которыя тамъ вовсе не дикі. Охотникъ спокойно подходитъ къ нимъ на полвыстрѣла, даетъ имъ отплыть и, когда онѣ удобно расположатся, стрѣляетъ въ самую гущу стада. Мѣстами изъ кустарника быстро взлетаетъ огромный сѣбно-бѣлый пелеганъ; а тамъ, на ужасающей высотѣ, распластавъ крылья, величественно плаваетъ въ воздухъ беркутъ, бѣлоголовый орелъ.

Тамъ, гдѣ кончаются поймы, куда ужъ не заходитъ вода Волги въ весенній разливъ, начинаются степи—еще богаче, еще великолѣпнѣе займищъ. Въ степи воздухъ несравненно суше, и трава хоть не такая густая и сочная, какъ на поемныхъ лугахъ, за то цвѣтовъ тамъ гораздо больше. Волга въ иной годъ долго не сходитъ; такъ покамѣстъ поймы еще мокнутъ подъ водой, степь давно ужъ расцвѣла; тамъ утки выжидаютъ еще, чтобы изъ воды выглянули *сырты* и *тривы*, а тутъ перепелки выводятъ птенцовъ и немолчнымъ крикомъ своимъ день и ночь наполняютъ воздухъ. Никакіе драгоценные ароматы въ многоцѣнныхъ скляночкахъ не сравнятся съ благоуханіемъ нашихъ степей, и всякая человѣческая музыка уступитъ въ звучности и разнообразіи чудному вечернему ихъ говору.

Много разъ мнѣ случалось странствовать по степи. Вези меня, ящикъ, только не по большой пыльной дорогѣ, а по заросшей травой тропѣ, дальше, дальше все въ степь! Кони мчатся все вихремъ, дорога глаже всякаго шоссе, степь раскрывается въ обѣ стороны шире и шире, и охватываетъ меня своими мощными объятіями. Вотъ снѣгурка, прехорошенькая птичка, бѣгаетъ по дорогѣ и суетливо что-то подбираетъ; вотъ лошади почти наѣхали на нее; она быстро вспорхнула и перенеслась шаговъ на сто впередъ и торопится подбирать свой кормъ на дорогѣ, а тамъ опять изъ-подъ ногъ лошадей вспархиваетъ и летитъ дальше. Вотъ въ двухъ шагахъ отъ дороги сидитъ пиголица съ тоненькимъ прелестнымъ хохолкомъ и вѣжливо даетъ проѣхать тройкѣ. Вотъ пронеслись дружною семьей и въ одинъ мигъ обогнали быстрыхъ лошадей горлицы. Вотъ поднимается изъ травы, распутивъ свой красивый хвостъ, дикій голубь или вяхирь; а тамъ надъ стадомъ овецъ носится и перелетаетъ стая скворцовъ въ нѣсколько сотъ; а перепелки, никогда не показываясь изъ травы, на каждомъ шагу встрѣчаютъ и провожаютъ проѣзжаго своимъ свистомъ. Быстро мчится *тарантасъ*; а проѣзжій, спокойно покачиваясь на его длинныхъ дрогахъ, едва успѣваетъ слѣдить глазами за мелькающимъ ковылемъ, за кустами дикой вишни, за голубыми и малиновыми цвѣточками.

Но вотъ въ сторонѣ, на небольшомъ *сырту* или на возвышеніи, множество мельницъ; подъѣзжаемъ ближе—село. Дома большіе, крѣпкіе. Земля здѣсь добрая, хорошо родитъ пшеницу и щедро вознагра-



даеть трудъ пахаря. Каждый крестьянинъ держитъ лошадей десять, иной и двадцать; есть такіе, у которыхъ и по сорока и по пятидесяти лошадей.

Но вотъ деревня промелькнула, и провзжій опять погружается въ безграничную степь. И, кажется, что тутъ хорошаго? Ни деревца нигдѣ, ни кустика, все равнина, да равнина, и конца ей не видно; но въ этой безконечности, при быстрой и продолжительной ѣздѣ, и есть что-то обаятельное, чарующее, отъ чего голова кружится.

### 383. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ

Стою надъ снѣгами у края стремнины;

Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,

Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.

Отсель я вижу потоковъ рожденье

И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,

Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады,

Подъ ними утесовъ нагія громады;

Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;

А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,

Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,

И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,

И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,

Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,

И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,

Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,

Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,

И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной.

И лижетъ утесы голодной волной...

Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:

Тѣсятъ его грозно нѣмыя громады.

*Пушкинъ.*

### 384. Грузія.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника.

Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спустились въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я расстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

*Пушкинъ.*

### 385. Каспійское море.

Взгляните на востокъ: тамъ вдали, въ глубинѣ, между синью неба и дали, видите ли вы, какъ ясиѣтъ полоса оживленнаго серебра? Это Каспійское море. Но кто скажетъ, гдѣ граница горъ съ моремъ, гдѣ кончаются горы и начинается море? Вотъ оно, — эта гармонія, слышимая одной душѣ, сливающая въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное и небесное. Вотъ радуга прекраснаго, возникающая какъ листъ между міромъ и Богомъ.

Любуюсь вновь и вновь... Прекрасно! До того прекрасно, что невольныя слезы навертываются на глазахъ. Солнце вровень со мною, словно горящій корабль, плыветъ въ яхонтовомъ океанѣ воздуха, прыщетъ, пышитъ лучами, льетъ позолоту свѣта, наводитъ чернъ тѣней на далекіе волнистые хребты. Изъ-за нихъ кой-гдѣ пробивается молодая зелень полей, а по ней узорно вьются ручьи и рѣчки, и вся эта картина улыбается вамъ изъ мрачныхъ рамъ ущелья, жива, ярка, блестяща, какъ вешній сонъ юности, недоступна и далека, какъ потерянный край Эдема. Лучами и кругами расходятся отъ меня горы, возникаютъ выглядываютъ другъ изъ-за друга то иззубренныя дождями, то пробитыя на вылетъ трещинами, индѣ чернѣя дремучимъ лѣсомъ, тамъ красуясь полосами снѣговъ, или разсыпаясь въ холмы, которые какъ эмиры въ зеленыхъ чалмахъ сидятъ подъ тѣнію палатъ падишаха міра.

### 386. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,  
Ты вмѣстил въ свои концы

И пасады и деревни,  
И палаты и дворцы!

Опоясанъ лентой пашень,  
Весь пестрѣешь ты въ садахъ;  
Сколько храмовъ, сколько башенъ  
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою  
Ты, какъ харгя, развить;  
И надъ малою рѣкою  
Сталъ великъ и знаменитъ!

На твоихъ церквахъ старинныхъ  
Вырастаютъ деревья;  
Глазъ не схватить улицъ длинныхъ...  
Это матушка Москва.

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку  
Холмъ Кремля—богатыря?  
Кто собьетъ златую шапку  
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколъ подниметъ?  
Кто царь-пушку повернетъ?  
Шляпы кто, гордецъ не сниметъ  
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...

Ты не гнула крѣпкой выи  
Въ бѣдовой своей судьбѣ,  
Развѣ пасынки Россіи  
Не поклонятся тебѣ!

Ты, какъ мученикъ, горѣла  
Бѣлокаменная!  
И рѣка въ тебѣ кипѣла  
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала  
Полоненною,  
И изъ пепла ты возстала  
Неизмѣнною!...

Продвѣтай же славой вѣчной,  
Городъ храмовъ и палатъ?  
Градъ срединный, градъ сердечный,  
Коренной Россіи градъ!

Ө. Глинка.

### 387. Нижній-Новгородъ.

Городъ весь называется базаромъ. Узкая полоса домовъ вдоль берега Оки и Волги—нижній базаръ, а на горѣ—верхній. «Гдѣ вы остановились?» спросить васъ кто нибудь. И если вы хотите, чтобы васъ поняли, не говорите, что остановились возлѣ почтамта, возлѣ гимназіи, возлѣ собора, — просто на верхнемъ базарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Нижній Новгородъ, знаменитѣйшая ярмарка въ Европѣ, такъ и кипитъ торговою дѣятельностью. Еще далеко до начала ярмарки на той сторонѣ почти что ни проходу, ни проѣзду нѣтъ: строятся дома, балаганы, шалаши и шалашики для торговли и товаровъ. Стукотня топоровъ, визгъ пилъ, крики рабочихъ, говоръ какъ будто такъ, безъ цѣли толпящагося народа; все это съ перваго раза удивитъ проѣзжаго, который мирно, безъ шума проѣхалъ отъ Москвы.

Я былъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ половинѣ Іюня. Мостъ черезъ Оку еще не былъ готовъ, такъ приходилось переѣзжать рѣку на паромѣ. Съ той стороны только что причалилъ къ плоту паромъ, тяжело нагруженный телѣгами, людьми, лошадьми и разными товарами; а толпа татаръ, босикомъ, въ длинныхъ, пониже колѣна, сѣрыхъ рубашкахъ, безъ пояса и въ сѣрыхъ шляпахъ, выгружаетъ все это на берегъ. Работаютъ они необыкновенно усердно, живо, и все толкуютъ что-то по своему и кричатъ во все горло.

На нижнемъ базарѣ народъ толпится во всю ширину и во всю длину улицы. Это большею частію бурлаки, которые ищутъ работы, или сговариваются, какъ бы уѣхать на низъ. На низовыхъ пристаняхъ довольно легко бываетъ найти работу, такъ бурлаки и сговариваются иногда человекъ по тридцати, по сорока и по пятидесяти, покупаютъ какую нибудь старую большую лодку и пускаются внизъ по Волгѣ.

Нижній базаръ — главное мѣсто всякой торговли, сдѣлокъ, подрядовъ, найма, уговоровъ; а какъ только повернешь на гору, — улицы почти пусты. Подъемъ на гору чрезвычайно крутъ, такъ что прямо подниматься невозможно; устроены двѣ довольно отлогія дороги по косогору, и обѣ онѣ почти сходятся наверху, на верхнемъ базарѣ: одна оканчивается возлѣ стѣнъ Кремля, а другая проходитъ черезъ самый Кремль. Домовъ на скатъ почти вовсе нѣтъ, да и быть имъ

трудно, потому что негдѣ устроить двора, да и дождевая вода, когда бѣжитъ по крутизнѣ, того и гляди, подмоетъ домъ.

Всякій разъ, какъ поднимаешься въ Кремль, ужасно устаешь; за то отсюда не налюбуйешься на Волгу и на волжскій равнины. Въ устьѣ Оки толпятся всякія суда: расшивы съ однимъ большимъ парусомъ тяжело тинутся по Волгѣ; тамъ, близъ противоположнаго берега, чернѣетъ точка: это расшива, ставшая на мель; а тамъ, среди волнъ, мелькаетъ что-то... щепка это, или лодка? Волга такъ широка, что лодка кажется едва замѣтною щепкой.

На луговой сторонѣ Волги, близъ берега, чернѣетъ какъ будто полѣнница; но вотъ между дровами три шпиля; неужели это церкви?— Да, и то, что кажется дровами — огромнѣйшее село Боръ съ тремя церквями. Нѣсколько лѣвѣ Бора большой островъ, покрытый, какъ видно, кустарникомъ; съ одной стороны онъ прилегаетъ къ Волгѣ, а съ другой его обтекаетъ рукавъ Волги — Воложка. На немъ нѣтъ никакого жилья, потому что онъ весь покрывается водою въ половодье.

Ближе къ этому берегу лодокъ и судовъ всякаго рода гораздо больше; здѣсь же стоятъ на якорѣ и два, три парохода различныхъ компаній. Эти пароходы возятъ пассажировъ и товары вверхъ до Рыбинска и внизъ до Астрахани. Пассажиры помѣщаются на самомъ пароходѣ, а товары въ большихъ плоскодонныхъ баржахъ или баржахъ, которыя прицѣпляются къ пароходу длиннымъ канатомъ.

Въ Кремлѣ, неподалеку отъ собора, на большой площади, противъ казармъ, стоитъ памятникъ одному изъ самыхъ знаменитыхъ людей нашего отечества, Козьмѣ Минину, спасителю Россіи въ страшныя времена безначалія.

### 388. Кіевъ.

Высоко передо мною  
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;  
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою  
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,  
Русской славы колыбель!  
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,  
Руси чистая купель!

Громко пѣсни раздалися,  
Въ небѣ стихъ вечерній звонъ:  
«Вы откуда собралися,  
Богомольцы, на поклонъ?»

«Я оттуда, гдѣ струится  
Тихій Донъ, краса полей.»

— «Я оттуда, гдѣ клубится  
Безпредѣльный Енисей!»

— «Край мой—теплый берегъ Эвксина!»

— «Край мой—берегъ тѣхъ дальнихъ странъ,  
Гдѣ одна сплошная льдина  
Оковала океанъ.»

— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,  
Въечень блескъ его сѣговъ;  
Тамъ страна моя родная!»

— «Мнѣ отчизна старый Псковъ.»

— «Я отъ Ладоги холодной,—

«Я отъ синихъ волнъ Невы.»

— «Я отъ Камы многоводной.»

«Я отъ матушки Москвы.»

Слава, Двѣпръ — сѣдыя волны!

Слава, Кіевъ — чудный градъ!

Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный

Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,

Въ древню ночь и мракъ глубокъ,

Надъ тобой блеснулъ, Россія,

Солнца вѣчнаго востогъ!

Хомяковъ.

### 389. Первые русскіе князья: Рюрикъ, Олегъ, Игорь.

Вотъ откуда пошла русская земля. Варяги, пришельцы изъ-за моря, наложили дань на новгородскихъ славянъ, кривичей и на соседнихъ имъ финновъ: чудь, мерю. Славяне скоро изгнали варяговъ и стали управлять сами собою, жить по своей волѣ; только не было въ нихъ правды: родъ всталъ на родъ, началась усобица, пошли они другъ на друга войною. Наконецъ, не зная, какъ устроить порядокъ, сказали они: «Поищемъ себѣ князя: пусть онъ владѣетъ нами и судить по правдѣ.» Какъ порѣшили, такъ и сдѣлали: послали за море къ одному племени варяговъ, которое называлось *Русью*. Этой Руси

они сказали: «Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; подите княжить и владѣть нами.» Цѣлое племя Русь собралась въ походъ, подъ управленіемъ трехъ братьевъ съ ихъ родами: старшій, Рюрикъ, сѣлъ въ Новгородъ; другой, Синеусъ — на Бѣлоозерѣ, а третій Труворъ — въ Изборскѣ. Отъ нихъ-то и прозвалась *Русская* земля, а прежде новгородцы назывались славянами. Это случилось въ 862 году по Рождествѣ Христовѣ. Два года спустя, Синеусъ и Труворъ умерли; Рюрикъ сталъ одинъ владѣть землею; онъ роздалъ своимъ людямъ города: кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро. Два брата, не изъ рода Рюрикова, Аскольдъ и Диръ, выпросили у него, чтобъ идти съ своимъ родомъ къ Царюграду. Они поѣхали по Днѣпру, увидѣли на горѣ городокъ и спросили: «чей это городъ?» Жители отвѣчали: «Было у насъ три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ: они вотъ и построили этотъ городъ, да умерли, а мы теперь платимъ дань козарамъ.» Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, созвали къ себѣ множество варяговъ и стали управлять полянами. Такъ скоро надъ всеми славянами, жившими въ Россіи, приняли власть варяги Руси.

### 390. Олегъ.

(879 — 912 г.).

Когда умеръ Рюрикъ, то сынъ его, Игорь, былъ еще очень малъ и княжить сталъ Олегъ, родственникъ Рюрика. Олегъ собралъ большое войско и пошелъ съ нимъ на Смоленскъ. Взявъ Смоленскъ и Любечъ, онъ спустился по Днѣпру къ городамъ кіевскимъ. Тутъ скрылъ онъ одинъ отрядъ въ лодкахъ, а прочее войско оставилъ позади, и послалъ въ Кіевъ сказать Асколду и Диру: «мы гости, идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря, посѣтите насъ, своихъ одноземцевъ.» Кіевскіе князья вышли. Тогда воины выскочили изъ лодокъ, и Олегъ молвилъ Асколду, и Диру: «Вы не князья и не княжескаго роду, а я одного роду съ княземъ.» Между тѣмъ принесли маленькаго Игоря: «А вотъ и сынъ Рюрика», добавилъ онъ. Аскольда и Диру убили и погребли на горѣ; Олегъ же сѣлъ княжить въ Кіевѣ, сказавъ: «Будь этотъ городъ матерью городовъ русскихихъ.» Повоевавъ древлянъ, сѣверянъ и другія славянскія племена, платившія дань Казарамъ, Олегъ, съ большимъ войскомъ, на коняхъ и корабляхъ пошелъ къ Царюграду: однихъ судовъ было у него до 2000. Греки затворились въ городѣ и заперли гавань. Олегъ вытаскилъ суда на берегъ и сталъ воевать около города: множество грековъ было избито, палаты разорены, церкви сожжены; изъ плѣнни-

ковъ однихъ рубили на мѣстѣ, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Греки устрашились и выслали пословъ съ такою рѣчью: «Не губи города; бери дань, какую хочешь.» Они вынесли также брашна и вина, но Олегъ не принялъ, потому что греки подмѣшали туда отравы. Наконецъ утвержденъ миръ, очень выгодный для русскихъ. Греческій царь, давая клятву, цѣловалъ крестъ, а русскіе клялись по своему закону оружіемъ, и богомъ своимъ Перуномъ, и Волосомъ, скотыимъ богомъ. Олегъ вернулся въ Кіевъ и привезъ съ собою золото, дорогія твари, овощи, вино и много всякаго богатства. Люди прозвали его Вѣщимъ (чародѣемъ).

### 391. Ольга.

(Съ 945 до 957 года.)

Ольга, родомъ изъ Пскова, жена Игоря, осталась послѣ его смерти съ маленькимъ сыномъ, Святославомъ. Древляне, убивъ ея мужа, сказали: «Вотъ, русскій князь убитъ; пусть его жена выходитъ за нашего князя Мала, а что сдѣлать со Святославомъ, мы послѣ придумаемъ», — и послали они къ Ольгѣ въ лодкахъ лучшихъ мужей, числомъ 20. Ольга ласково встрѣтила посланныхъ: «Пришли добрые гости?» — «Пришли, княгиня», отвѣчали древляне — «Ну, скажите, зачѣмъ же вы пришли?» Древляне начали говорить: «Насъ послала древлянская земля съ такою рѣчью: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ, какъ волкъ, расхищалъ и грабилъ; а наши князья добры всегда были, какъ добрые пастухи, для своей земли: выходилъ за-мужъ за нашего князя Мала.» Ольга отвѣчала: «Мнѣ любо это слышать... какъ быть? Ужъ не воскрешу мужа! но я хочу завтра почтить васъ предъ своими людьми: теперь идите-ка въ лодки и разлягтесь тамъ съ важностію; утромъ, какъ пошлю за вами, вы и скажите: не ѣдемъ на коняхъ, и пѣшкомъ не поидемъ, а несите насъ въ лодкахъ, — и понесутъ васъ въ лодкахъ»; и отпустила ихъ въ лодки. Между тѣмъ она велѣла выкопать глубокую яму, внѣ города, на дворѣ теремномъ. На другой день, сидя въ теремѣ, Ольга послала за гостями. Посланные стали звать ихъ на великую честь. «Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на повозкахъ», сказали они: «несите насъ въ лодкахъ.» Кіевляне отвѣчали: «Намъ воли своей нѣтъ: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ идти за вашего князя», — и понесли ихъ. Они же сидѣли съ великою важностію; какъ принесли ихъ на дворъ, такъ и бросили въ яму вмѣстѣ съ лодкою. Ольга же наклонилась и спросила: «Что? хороша вамъ честь?» — «Пуще намъ Игоревой смерти», отвѣчали они. Тутъ ихъ и засыпали живыми. Ольга тогда по-



сылаетъ къ древлянамъ: «Просите, какъ слѣдуетъ; пришлите всѣхъ, кто познатиѣ. Я должна идти къ вамъ съ великимъ почетомъ: иначе не пустятъ меня кievскіе люди.» Древляне исполнили ея волю. Для прибывшихъ гостей, по старому обычаю, приготовили баню: тамъ ихъ заперли и сожгли. Послѣ этого Ольга сама отправилась къ древлянамъ, пославъ напередъ сказать: «Пристройте многіе меды на томъ мѣстѣ, гдѣ убили моего мужа; я хочу въ послѣдній разъ справиться по немъ тризну. Съ малою дружиною пришла она на могилу мужа и горько надъ нею плакала: она велѣла людямъ насыпать большой могильный холмъ и начать тризну. Древляне съли пить съ нею, а отроки ея имъ прислуживали. «Гдѣ же наша дружина, что послали за тобою?» спросили древляне.» Идутъ велѣдъ за мной съ дружиною моего мужа», отвѣчала Ольга. Когда они всѣ порядкомъ упились, то Ольга удалась, а своимъ людямъ велѣла перебить ихъ. Вернувшись въ Кіевъ, она собрала большое войско и вмѣстѣ со Святославомъ двинулась на древлянъ. Святославъ былъ тогда еще ребенокъ. Кіевляне встрѣтились съ древлянами, и его посадили на коня. Онъ первый бросилъ копьё; но копьё перелетѣло черезъ уши коня и упало ему въ ноги. «Князь уже началъ, сказали воеводы, — дружина! за княземъ!» Древляне были разбиты и затворились въ своихъ городахъ; Кіевляне скоро взяли ихъ главный городъ Искоростень и сожгли его.

Побѣдивъ древлянъ, Ольга ѣздила по всей землѣ, и вездѣ установила оброки и дани. Въ 955 году поѣхала она въ Царьградъ и здѣсь крещена была патріархомъ. Сказывали, будто царь греческій тогда хотѣлъ на ней жениться; но она прежде попросила его быть крестнымъ отцомъ, а потомъ, когда онъ напомнилъ о свадьбѣ, сказала: вѣдь я твоя крестная дочь: ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона.» — «Переклюкала (перехитрила) ты меня, Ольга» воскликнулъ царь и отпустилъ ее съ дарами. Сынъ Ольги, Святославъ, тогда уже выросъ, и мать часто уговаривала его креститься; но онъ отвѣчалъ: «Какъ я одинъ перемѣню вѣру? дружина будетъ надо мной смѣяться!» Тогда въ Кіевѣ никому не мѣшали креститься, но трунили надъ христіанами. Съ Ольгою появилось на Руси христіанство еще только, какъ денница передъ солнцемъ, или какъ заря передъ свѣтомъ.

### 392. Пѣснь Баяна.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!

Несносенъ отдыхъ Святославу:

Онъ жаждетъ битвы роковой.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!

Несносенъ отдыхъ Святославу.

Цимнискій! крѣпокъ ли твой щитъ?  
Не тонки-ль кованыя латы?  
Нашъ князь убійственно разитъ.  
Цимнискій! крѣпокъ ли твой щитъ?  
Не тонки-ль кованыя латы!  
Дружинѣ борзыхъ дай коней;  
Не то—мечи ее нагонять,  
И не ускачетъ отъ мечей.  
Дружины борзыхъ дай коней;  
Не то—мечи ее нагонять.  
Ты рать обширную привелъ;  
Не много насъ, но мы славяне:  
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ.  
Ты рать обширную привелъ;  
Не много насъ, но мы славяне.  
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!  
Поля, откройтесь для побѣды!  
Проснися, ужасъ боевой!  
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!  
Поля, откройтесь для побѣды!

*Н. Языковъ.*

### 393. Владиміръ Великій. (980—1015 г.)

Хотя Владиміръ воспитывался у бабки своей Ольги, но тѣмъ не менѣе остался язычникомъ: Ольга очевидно не могла имѣть на него такого вліянія, какое имѣли всѣ прочія окружавшія его лица, преданныя идолопоклонству. Въ началѣ княженія своего онъ даже выказалъ себя самымъ ревностнымъ защитникомъ вѣры отцовъ своихъ, поставилъ новые кумиры на холму за теремнымъ дворомъ, и позволялъ преслѣдовать первыхъ русскихъ христіанъ. Вотъ что объ этомъ разсказываетъ древній лѣтописецъ нашъ, Несторъ: Ходилъ Владиміръ на ляховъ и занялъ города ихъ: Перемышль, Червень и другіе, которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ и вятичей и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда князь пришелъ къ Кіеву и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: «бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ; на кого па-

детъ, того и зарѣжемъ богамъ». Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою: на этого-то молодого варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому варягу и сказали ему: «палъ жребій на твоего сына; богамъ угодно взять его къ себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву». Варягъ отвѣчалъ: «у васъ не боги, а дерево, нынче есть, а завтра сгниетъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. А Богъ одинъ, которому служатъ греки и кланяются, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами сдѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ!» Посланные рассказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: «дай сына своего богамъ!» Онъ отвѣчалъ: «если они боги, то пусть пошлютъ какого нибудь одного бога взять моего сына; а вы о чемъ хлопочете?» Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ варягамъ, подѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ.

Но не долго было торжество язычниковъ: событія, подобныя упомянутому, не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на лучшихъ людей Руси и въ особенности на Владиміра. Будучи отъ природы добръ и милосердъ, онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ кровавымъ жертвоприношеніямъ, и слыша, съ какою твердостью христіане переносили мученіе и даже смерть за свою вѣру, съ какою увѣренностію отвергали идолопоклонство, невольно долженъ былъ усомниться въ святости боговъ своихъ; мысль, что они дѣйствительно только дерево, безъ всякой жизни и власти, стала сильно беспокоить его; онъ началъ вспоминать поученія, слышанныя имъ въ дѣтствѣ отъ бабки, и понялъ наконецъ, подобно ей, что есть истинный, единый Богъ, который сотворилъ все. Рѣшаясь отречься отъ язычества, онъ однако долго не зналъ, какую принять вѣру, какая изъ другихъ вѣръ лучшая. Поэтому онъ велѣлъ призвать къ себѣ проповѣдниковъ разныхъ вѣроисповѣданій: магометанскаго, еврейскаго, римско-католическаго и греческаго, и сталъ спрашивать ихъ; всѣ убѣждали Владиміра принять новую вѣру, восхваляя свою и поришая вѣру другихъ. Но великій князь былъ остороженъ. Онъ не вѣрилъ на слово и, тронутый наиболѣе рассказами грековъ объ ихъ законѣ, отправилъ пословъ русскихъ въ чужія земли, съ тѣмъ, чтобы увидѣвъ всѣ вѣры и всѣ богослуженія, по возвращеніи своемъ они сказали ему, точно ли вѣра греческая такъ хороша, какъ объ ней рассказываютъ. Послы русскіе

исполнили въ точности приказаніе великаго князя и, возвратившись, не могли нахвалиться благочестіемъ грековъ и святымъ служеніемъ въ церквахъ ихъ. «Вкусивъ сладкаго», говорили они, «не захочешь горькаго.» Услышавъ такой отзывъ, Владиміръ рѣшился принять христіанскую вѣру отъ грековъ.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной своей столицѣ, потому что уже со временъ Ольги въ Кіевѣ была греческая церковь; но онъ хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствиіи, или хотѣлъ, такъ сказать, завоевать христіанскую вѣру. Собравъ многочисленное войско, онъ пошелъ на Корсунь, городъ греческій; корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь»; но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель корсунскій, именемъ Анастасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду». Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогшіе отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василию и Константину съ такими словами: «Вотъ я взялъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню». Оба царя, услышавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: «не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, а вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.» Владиміръ отвѣчалъ посламъ: скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе.» Цари, услышавъ это, обрадовались и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу могли уговорить идти: она сѣла на каравль, простилась съ родными, и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался съ Анною.

**394. Крещеніе Руси.**  
Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило прі-

уготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для него послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься, — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кievскихъ христіанами: тогда Владиміръ въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно имя Твое!...» Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Карамзинъ.

### 395. Ярославъ Первый.

Въ 1019 году на престолѣ кievскомъ воспарился *Ярославъ*. Онъ не менѣе отца своего Владиміра Святого способствовалъ ко благу и счастію Руси. День и ночь занимался чтеніемъ греческихъ священныхъ книгъ, приказывая ихъ списывать и переводить на русскій языкъ, строилъ великолѣпные храмы Божіи, украшалъ ихъ драгоценными камнями, поставлялъ священниковъ, назначалъ имъ жалованье, заводилъ школы для духовныхъ, и свѣтъ истинной вѣры вскорѣ озарилъ самыя отдаленныя мѣста земли русской. Но не одною ревностію къ вѣрѣ былъ славенъ Ярославъ, онъ столько же заботился и о другихъ нуждахъ народа. Онъ первый увидѣлъ необходимость написать для русскихъ законы, которые могли бы удерживать ихъ отъ несправедливыхъ поступковъ; и эти законы, составленные Ярославомъ, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ *Русской Правды*.

Такимъ образомъ Ярославъ со славой княжилъ тридцать девять лѣтъ. При концѣ жизни онъ раздѣлилъ государство на удѣлы между сыновьями и внуками, убѣждая ихъ быть дружными между собой и почитать старшаго брата, бывшаго княземъ кievскимъ. «Милыя дѣти мои», говорилъ умирающій Ярославъ стоящимъ передъ нимъ сыновьямъ и внукамъ, «скоро уже меня не станетъ, потому прошу васъ исполнить мою послѣднюю просьбу. Я оставляю вамъ въ управленіе всю землю русскую, нашу отчизну, которую самъ Богъ повелѣваетъ намъ хранить болѣе самихъ себя. Чтобы не обидѣть никого изъ васъ, я каждому дарю нѣсколько городовъ, составляющихъ его *область* или *удѣлъ*, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы меньшіе братья повиновались старшему брату. Въ старшемъ братѣ, великомъ князѣ кievскомъ, вы должны видѣть второго отца и государя. Помните, дѣти мои, что отъ братскаго согласія будетъ зависѣть не только ваше собственное счастье, но и благоденствіе всего государства. При согласіи вы всегда можете оборонять землю русскую отъ враговъ иноземныхъ, а покорность младшихъ братьевъ старшему будетъ способствовать цѣлости и единству государства. Если вы будете исполнять мое завѣщаніе, то Богъ благословитъ васъ, и земля русская насладится счастьемъ. Если же нѣтъ, если между вами возникнутъ распри и несогласія, какія напримѣръ нѣкогда произвелъ недостойный братъ мой Святополкъ, то вы видѣли, какъ Богъ наказалъ жестоко дядю вашего: то же будетъ и съ вами, и земля русская много претерпитъ горя. И такъ помните мои послѣднія просьбы, исполняйте мое завѣщаніе, и благословеніе отцовское не отыметъ отъ васъ.» Произнеся эти слова, Ярославъ скончался, а на престолъ кievскій восшелъ старшій сынъ его, *Изяславъ*. Прочіе же сыновья получили въ управленіе свое разные удѣлы.

### 396. Пророки и волшебники.

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ, и всѣ земли перевернутся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человекъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля, — основаннаго, думаю, великимъ княземъ Ярославомъ — ходили по Волгѣ, и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла и скрываютъ въ самихъ себѣ хлѣбъ, медъ и рыбу. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ,

женъ; а мнимые волхвы, будто бы надръзывая имъ плеча и высыная изъ своего рукава жито, кричали: «видите, что лежало у нихъ за кожей!» Сии злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ и дошли наконецъ до Бѣлозера, гдѣ вельможа Янъ, сынъ Вышатины, собиралъ дань для князя Святослава. онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и, доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что дьяволъ сотворилъ тѣло человѣка, гниющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣрують въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. «Но знаете ли вы собственную вашу участь? сказалъ Янъ. «Ты представишь насъ Святославу», говорили кудесники: «а если умертвишь, то будешь несчастливъ». Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи финны и чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи тосканцы. Несторъ рассказываетъ, что новгородцы ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ черными крылатыми духами. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новгородѣ вѣру христіанскую, бранилъ епископа и хотѣлъ идти пѣшкомъ чрезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный епископъ облачился въ святительскія ризы, сталъ на площади и, держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ князь Глѣбъ и дружина его приложились къ св. кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ къ мнимому чародѣю и спросилъ: видитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? Волшебникъ отвѣтствовалъ: «я сдѣлаю великія чудеса». «Нѣтъ!» сказалъ смѣлый князь—и топоромъ разсѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

*Карамзинъ.*

### 397. Владиміръ Мономахъ.

(1113—1125)

Владиміръ Всеволодовичъ, внукъ Ярослава I, во всякомъ возрастѣ умѣлъ заслуживать любовь всѣхъ окружающихъ его. Въ дѣтствѣ своемъ онъ былъ послушный сынъ; въ молодости—смѣлый изъ князей на полѣ битвы, привѣтливый дома, почтительный къ родителямъ, которые въ знакъ особенной любви своей къ нему столько же, какъ и за хаб-

рость назвали его *Мономахомъ*, т. е. единоборцемъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ добрымъ государемъ въ наслѣдственномъ владѣніи, умнымъ совѣтникомъ великаго князя, благодѣтелемъ бѣдныхъ, побѣдителемъ враговъ отечества.

Слава его еще болѣе увеличилась въ послѣдніе годы княженія Святополка: онъ уговорилъ въ это время всѣхъ князей идти на жестокихъ половцевъ, раззорявшихъ русскую землю. Владиміръ говорилъ такъ увлекательно о счастіи избавить отъ опасности жизнь и имѣніе своихъ соотечественниковъ, о славѣ—умереть за родину, что всѣ князья забыли на время ссоры свои и съ благороднымъ усердіемъ собрали войновъ во всѣхъ княжествахъ. Согласіе ихъ подавало имъ надежду побѣдить, и эта надежда точно исполнилась: они побѣдили половцевъ совершенно и заключили съ ними самый выгодный миръ. Всею славою этой побѣды, всѣми выгодами этого мира—Россія была обязана Мономаху. Народъ зналъ это, и при всякомъ случаѣ старался показать благодарность и особенную любовь свою къ Владиміру. Эта любовь была наконецъ такъ велика, что, когда великій князь Святополкъ умеръ, то жители кіевскіе объявили, что не хотятъ слышать ни о какомъ другомъ государѣ, кромѣ общаго любимца всѣхъ русскихъ—знаменитаго Мономаха. Сначала онъ отказывался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олеги* Черниговскій и братья его—дѣти старшаго Владимірова дяди, Святослава; но потомъ, вида, что въ Кіевѣ происходятъ ужасные безпорядки отъ безначалія, согласился на желаніе кіевлянъ, тѣмъ болѣе что и самъ *Олеги*, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ, и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ.

Мономахъ во все время двѣнадцатилѣтняго княженія своего продолжалъ отличаться храбростію. Не смотря на старость свою, онъ усмирилъ еще разъ половцевъ и два новыхъ народа, появившихся на Руси: *торковъ* и *берендѣевъ*. Съ его времени эти грубые народы уже не были такъ страшны русскимъ. Многіе изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на берегахъ Днѣпра. Ихъ называли предки наши *черными клобуками*; это названіе произошло отъ того, что они носили черныя шапки.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чужими и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами: онъ старался улучшать законы, строилъ церкви и общественные дома, обводилъ каменными стѣнами старые города, закладывалъ новые. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Зальскимъ*, для отличія его отъ другого Владиміра, бывшаго на Волыни.



### 398. Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ.

Дѣти мои, или кто другой, прочитавши эту грамотку, не смѣйтесь, а примите ее въ сердце. Если кому она не понравится, то пусть лучше скажутъ: собираясь въ далекій путь, да на саянхъ (т. е. при смерти), говорилъ онъ нелѣпицу. Прежде всего будьте вѣрны своему слову. Разъ встрѣтили меня послы братьевъ на Волгѣ: «Присоединись къ намъ, говорили братья, выгонимъ Ростиславичей (Володаря Василько) и займемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ.» — «Гнѣвайтесь, пожалуй, отвѣчалъ я, не могу идти съ вами: я цѣловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ.» Послѣ этого въ горести раскрылъ я псалтырь, и мнѣ вышло мѣсто: «Что печалишься, душа моя? Что слушаешься? и проч.» Дѣти, ради Бога, не лѣнитесь, не тяжка заповѣдь Божія: слезы и милостыня — вотъ все: что спасетъ васъ. Ни одиночество, ни монашество, ни голодъ, что другіе добрые люди терпятъ, для этого не нужны.

Самое главное: не забывайте убогихъ, но сколько можете, по силѣ, кормите; и сироту и вдовицу оправдайте сами, не давая сильнымъ обидѣть человѣка.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти: не погубите никакой души христіанской.

Болѣе всего, не имѣйте гордости въ своемъ сердцѣ и умѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что намъ дано, не наше, а поручено намъ на мало дней, и въ землѣ не хороните сокопищъ: то великій грѣхъ.

Въ дому своемъ не лѣнитесь: надо всѣмъ надзирайте сами, не полагайтесь на тиуновъ и на отроковъ, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войну вышедъ, не лѣнитесь: не надѣйтесь на воеводъ; не предавайтесь ни ѣдѣ, ни питью, ни сну; сторожей сами разставляйте, и ночью, все устроивъ, лягте также при войскѣ, а встаньте рано; не снимайте оружія, не разглядѣвъ хорошенько, есть ли нѣтъ опасность: отъ безпечности человѣкъ легко погибаетъ.

Когда путешествуете по своимъ землямъ, не позволяйте своимъ отрокамъ (дружинѣ) наносить обиды ни въ селахъ, ни въ деревняхъ, чтобъ не стали васъ проклинять. Гдѣ остановитесь, напоите и накормите бѣднаго; а болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ онъ простой человѣкъ или знатный, или посолъ; если не можете одарить его, то хоть напоите и накормите; гости мимоходомъ разнесутъ по всѣмъ землямъ молву о человѣкѣ, какъ о добромъ или какъ о зломъ.

Больного посѣтите; мертвыхъ провожайте: мы и сами смертны;

не пропустите ни одного человѣка безъ привѣта, всякому скажите доброе слово. Жену свою любите, но не дайте ей власти надъ собою.

Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ; за это намъ почетъ отъ другихъ земель. Лѣность—мать всякаго порока. Съ нею человѣкъ забудетъ и то, что умѣетъ, а чего не умѣетъ, тому не учиться; но если служите добру-то, то не будьте лѣнны ни на какое доброе дѣло.

Чтобъ не застало васъ солнце на постели. Воздавъ утреннюю хвалу Богу, садитесь думать съ дружиною, или подавать судъ людямъ, потомъ поѣзжайте на ловъ—въ полдень спать: спанье ужъ Богомъ присуждено полудню; тогда почиваютъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ.

А вотъ расскажу вамъ о моихъ трудахъ и ловахъ. Изъ Чернигова въ Кіевъ посѣввалъ я къ отцу до вечерни; а всѣхъ моихъ походовъ было 83 большихъ, а другихъ меньшихъ и не припомню. Двадцать разъ безъ одного заключилъ я съ половецкими князьями миръ, при отцѣ и безъ отца, и давалъ имъ много отъ себя скота и платьевъ; пустилъ же изъ оковъ болѣе 100 ихъ лучшихъ князей, да избилъ около 200. А вотъ какъ трудился я на охотѣ. Съ отцомъ ловилъ я туровъ и всякихъ звѣрей: по сту уганивалъ въ лѣто. По 10 и 20 дигихъ коней вязалъ я своими руками; два тура метали меня на рогахъ, вмѣстѣ съ конемъ, олень бодалъ; одинъ лось топталъ ногами, другой бодалъ, кабанъ сорвалъ у меня мечъ съ боку, медвѣдь прокусилъ у кольна попону, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на кольни и коня повалилъ со мною,—а Богъ все сохранилъ меня цѣлымъ. Много разъ падалъ я съ коня, два раза разбилъ себѣ голову, повреждалъ и руки и ноги, не жалѣлъ своей жизни, не щадилъ головы своей. Что бы нужно дѣлать моему отроку, то дѣлалъ я самъ; на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимній холодъ, не давалъ я себѣ покоя; не надѣлся ни на посадниковъ, ни на бирючей, самъ дѣлалъ все, что нужно, наблюдалъ за порядкомъ въ дому; и о ловчихъ, и о конюхахъ, и о соколахъ, и о истребахъ самъ заботился. Тагъ и худого смерда, и убогой вдовицы не далъ я въ обиду сильнымъ; и за церковною службою самъ смотрѣлъ. Не осудите, дѣти мои, или если прочтеть кто другой: я не думаю хвастать, а только благодарю Бога, что Онъ сохранялъ меня столько лѣтъ и создалъ меня не лѣннымъ, а способнымъ на всякое человѣческое дѣло.

### 399. Владиміръ на Клязьмѣ.

Городъ Владиміръ расположенъ на лѣвой, гористой сторонѣ рѣки Клязьмы. Владиміръ Мономахъ плѣнился мѣстоположеніемъ и основалъ здѣсь городъ, назвавъ его Владиміромъ Залѣскимъ. Впослѣд-

ствіи, при Андрѣ Боголюбскомъ, городъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, но съ усиленіемъ Московскаго княжества онъ сталъ упадать. Соборная церковь Богоматери была предметомъ удивленія русскихъ и иностранцевъ по великолѣпію и богатству. Во время взятія Владиміра татарами (1238), семейство великаго князя съ многими боярами и жителями заперлось въ этой церкви, въ надеждѣ спасенія; но татары не пощадили святыни, зажгли церковь, и всѣ находившіеся въ ней, исключая немногихъ, сдѣлались жертвою племени. Съ того времени Владиміръ навсегда утратилъ свое великолѣпіе.

Видъ изъ городского садика, возлѣ церкви, очень хорошъ: внизу быстрая Клязьма и на ней пловучій мостъ, расположенные по горѣ огороды, разбросанные кой-гдѣ домишки и вдали луговая сторона, которая покрывается водою въ весеннее время. Городъ вообще не великъ, и въ немъ одна только порядочная улица; церковей до пятнадцати, жителей около семи тысячъ душъ. Помѣщики здѣсь не живутъ, а пріѣзжаютъ только временно, по своимъ дѣламъ. Богатыхъ купцовъ совсѣмъ нѣтъ. Губернію вообще можно назвать промышленною, а не земледѣльческою: почва земли большею частію песчаная. По садоводству владимірскія вишни считаются лучшими.

#### 400. Начало Москвы.

Къ сожалѣнію лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ; ибо не могли предвидѣть, что городокъ, бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской, будетъ со временемъ главою обширнѣйшей монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ. Они рассказываютъ, что сей князь пріѣхалъ на берегъ Москвы рѣки, въ село зажиточнаго боярина Кучки, Степана Ивановича, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и, плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ, а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владиміръ, женилъ на прелестной дочери казеннаго боярина. «Москва есть третій Римъ» — говорятъ сіи повѣствователи — «и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: Москва также на крови основана и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ.» Она долгое время именовалась Кучковымъ.

*Карамзинъ.*

#### 401. Нашествіе Татаръ.

Въ началѣ XII вѣка Россію постигло большое несчастіе. Туча

варваровъ изъ глубины Азіи прошла по русской землѣ, искоренила цѣлыя поколѣнія, разрушила до основанія города и села, и когда стихла, Россія наполнена была одними развалинами. Виною нашего злосчастія былъ дикій татаринъ Темучинъ.

Этотъ Темучинъ болѣе всѣхъ другихъ хановъ прославился завоеваніями и побѣдами: онъ покорилъ не только многія сосѣдственныя орды татарскія, монгольскія и киргизскія, но даже былъ и въ Китаѣ и сжегъ главный городъ китайцевъ, Пекинъ. Подданные Темучина почитали его человѣкомъ необыкновеннымъ, посланнымъ къ нимъ отъ Бога для прославленія ихъ царства. Эта мысль еще болѣе утвердилась въ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ явился къ нимъ какой-то мнимый пророкъ или колдунъ, и объявилъ всему народу и войску татарскому, что Богъ отдастъ Темучину всю землю и повелѣваетъ ему называться впередъ Чингисханомъ или великимъ ханомъ. Послѣ такого объявленія Темучинъ уже не встрѣчалъ болѣе непріятелей между татарскими народами: всѣ они почитали за грѣхъ противиться повелѣнію Божию. Не находя болѣе противниковъ въ Азіи и все еще желая увеличивать свою славу, Чингисханъ пошелъ въ 1223 году къ странамъ западнымъ, и тѣмъ рѣшилъ судьбу Россіи.

Недалеко отъ береговъ Каспійскаго моря полководцы Чингисхана встрѣтили половцевъ, разбили ихъ, и гнали за ними до самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные половцы убѣжали въ кievскую область, и въ числѣ ихъ былъ ханъ Котянъ, тесть Мстислава Храбраго. Этотъ ханъ встревожилъ всю Россію своими рассказами о страшныхъ татарахъ, умолялъ князей идти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то татары придутъ и въ русскую землю такъ же, какъ пришли въ половецкую.

Князья русскіе, всегда любившіе войну и славу, не со страхомъ, но съ жадностію слушали рассказы стараго Котяна: имъ хотѣлось летѣть на встрѣчу новыхъ, еще не виданныхъ враговъ; и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Черниговскій и Мстиславъ Киевскій со многими молодыми князьями, не согласившись со старшими, безразсудно пошли искать татаръ.

На Днѣпрѣ смѣльчаки встрѣтили пословъ татарскихъ. Они еще не начинали ссоры, а напротивъ того приглашали князей русскихъ бить вмѣстѣ съ ними половцевъ, которыхъ татары называли своими рабами и конюхами. Но князья думали, что мирныя предложенія татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой князь вольнскій, Даниилъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Храбрымъ, первые бросились на показавшійся вдали отрядъ непріятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со всѣмъ войскомъ за Днѣпръ, и девять дней шли до рѣки *Калки*. Здѣсь-то, на берегахъ

этой несчастной для русских рѣки, начались бѣдствія Россіи! здѣсь-то 31 Мая 1224 года русскіе потерпѣли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимаго Данила Волынскаго! Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны, полученной въ грудь, и продолжалъ бить татаръ. Все прекрасное войско русское исчезло: шесть князей и семьдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Галицкимъ и Даниломъ Волынскимъ.

### 402. Александръ Невскій.

Александръ Невскій, княжившій въ Новгородѣ, прославился своими побѣдами надъ шведами, надъ нѣмцами (ливонцами), надъ Литвою. Рассказываютъ, что одинъ знатный рыцарь нарочно приходилъ отъ нѣмцевъ въ Новгородъ, чтобы его видѣть, и потомъ увѣрялъ: «Прошелъ я много странъ и народовъ, но еще не встрѣчалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя.» Въ 1240 году шведы, по наученію римскаго папы, собрали большое войско, наполнили имъ много кораблей и, подъ начальствомъ Биргера, пришли въ Неву, къ устью Ижоры. Они думали поплѣнить и Ладогу, и Новгородъ. Александръ выступилъ изъ Новгорода съ небольшою дружиною, быстро напалъ на враговъ, избилъ ихъ множество и на лицо самого Биргера «возложилъ печать» острымъ копьемъ своимъ. Въ Александровомъ полку крѣпко мужествовали съ княземъ шестеро удалцевъ. Одинъ изъ нихъ — Гаврило, гонясь за Биргеромъ, наскочилъ на самый корабль по доскѣ, служившей для входа; но шведы взбѣжали прежде него, обернулись и опрокинули его съ конемъ въ воду. Онъ однако вышелъ изъ бѣды невредимымъ, снова наѣхалъ на полкъ шведскій и бился въ самой срединѣ неприятелей. Другой, новгородецъ Сбыславъ, долго однимъ топоромъ рубился съ врагами и многихъ положилъ на мѣсть, такъ что все дивились его силѣ и храбрости. Третій, ловчій князя, напалъ на шведовъ съ мечомъ и заслужилъ похвалу отъ самого князя за мужество. Четвертый, новгородецъ Миша, ударилъ пѣший со своею дружиною и погубилъ три корабля шведскихъ. Пятый, Сава, изъ молодыхъ слугъ князя, наѣхалъ на великій, золотоверхій шатеръ Биргера, и подрубилъ у него столбъ: войско Александра увидѣло паденіе шатра и радостно вскрикнуло. Шестой, княжескій слуга, Ратмиръ, бился пѣший: его со всехъ сторонъ окружили, и онъ палъ, весь израненный. Шведы три полныхъ корабля наклали труновъ лучшихъ людей своихъ и потопили въ морь, а для прочихъ ископали яму и безъ числа ихъ туда побросали. За эту ве-

ликую побѣду Александръ и прозванъ Невскимъ. Преданіе рассказываетъ, что еще передъ битвою одинъ старѣйшина земли Ижерской, который держалъ морскую стражу и не спалъ всю ночь, выглядывая непріятеля, вдругъ на восходѣ солнца услышалъ страшный шумъ на морѣ, и видитъ онъ: ѣдетъ на веслахъ судно, а по срединѣ его стоятъ въ красныхъ одеждахъ Св. Борисъ и Глѣбъ; гребцы же сидятъ, точно одѣтые мглюю—и сказалъ Борисъ: «Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему Александру.» Послѣ того ливонскіе нѣмцы повоевали всю страну до Пскова; Александръ пошелъ со своими новгородцами и противъ нихъ. Дѣло было въ началѣ Апрѣля; онъ сталъ съ полкомъ на Чудскомъ озерѣ. Нѣмцы первые на него ударили; но Александръ, послѣ кровавой сѣчи, одолѣлъ ихъ и гналъ семь верстъ по льду; тутъ погибло до 400 нѣмцевъ, а 50 взято въ плѣнъ; чуди же, сражавшейся вмѣстѣ съ ливонцами, безъ числа перебито. Это сѣча такъ и прозвана: «Ледянымъ побоищемъ.» Въ тотъ же годъ нѣмцы прислали съ поклономъ: «Отъ городовъ, которые мы заняли мечомъ, отступаемся; пустите забранныхъ вами плѣнниковъ, а мы пустимъ вашихъ.»

Послѣ смерти отца своего Ярослава, Александръ занялъ престолъ владимірскій. Только угождая татарамъ, онъ могъ удержать власть за собою, и четыре раза ѣздилъ въ орду съ поклономъ, отвозя ханамъ много серебра и золота; онъ принудилъ и свободныхъ новгородцевъ платить дань татарамъ. Этимъ онъ старался спасти Русь отъ новаго разоренія. Онъ умеръ въ 1263 году.

### 403. Іоаннъ Даниловичъ Калита.

Въ 1328 году сдѣлался великимъ княземъ Александръ II Михайловичъ; но судьба назначила ему жребій отца его и брата, замученныхъ въ ордѣ по приказанію хана Узбека. Ханскій посоль Шевкаль прибылъ въ Тверь съ многочисленною толпою татаръ; и векоръ разнеслась молва, будто онъ намѣренъ обратить россиянь въ магометанскую вѣру. Слухъ сей былъ несправедливъ; но великій князь допустилъ убить Шевкала съ его толпою.

Узбекъ, раздраженный такимъ поступкомъ, призвалъ къ себѣ Іоанна Калиту, и давъ ему 50,000 войска и пятерыхъ предводителей, велѣлъ идти воевать Тверскую область. Іоаннъ не смѣлъ послушаться. Векоръ взяты были города: Тверь, Торжокъ, Кашинъ, а другіе обращены въ груды развалинь, и множество плѣнныхъ отведено въ плѣнъ. Въ награду за то ханъ прислалъ Іоанну грамоту на великое княжество. Любя свой удѣльный городъ Москву, онъ

не переселился во Владиміръ, но основалъ столицу великаго княжства въ Москвѣ.

Вскорѣ по полученіи великаго княжства Іоаннъ ѣздилъ въ орду благодарить Узбека, и представилъ ему своихъ дѣтей какъ будущихъ усердныхъ слугъ. Онъ возвратился оттуда съ повелѣніемъ непременно представить къ нему князя Александра, бѣжавшаго изъ Твери сперва въ Новгородъ, а потомъ во Псковъ. Іоаннъ съ многочисленнымъ войскомъ отправился подъ Псковъ. Ни разоренія окрестностей Пскова, ни угрозы не имѣли никакого дѣйствія, ибо Псковитяне рѣшились защищать несчастнаго князя до послѣдней возможности. Александръ, жалѣя пролитія крови, оставилъ Псковъ и удалился въ Литву. Пробывъ около полутора года у Гедимина, онъ опять возвратился во Псковъ, и 10 лѣтъ управлялъ имъ; но при всемъ томъ, не могли забыть своей родины, рѣшился ѣхать въ орду. Предавъ себя милости хана, онъ получилъ отъ него прощеніе и возвратился въ прежній свой удѣлъ Тверь.

Такая перемѣна обстоятельствъ Іоанну не понравилась, и онъ рѣшился во что бы ни стало погубить Александра. Пользуясь довѣренностію хана, онъ отправился въ орду и оклеветалъ Александра, котораго призвали въ орду и вмѣстѣ съ сыномъ его Феодоромъ лишили жизни.

Калита, по свидѣтельству лѣтописцевъ, былъ государь добрый, набожный, щедрый для бѣдныхъ и другъ духовенства. Онъ носилъ при себѣ мѣшокъ съ деньгами и одѣлялъ ими неимущихъ, отчего и прозванъ Калитою. Но поступки его съ несчастнымъ княземъ Александромъ II Михайловичемъ и лишнее рабство предъ ханомъ, властотюбіе и зависть много уменьшаютъ достоинство добрыхъ его качествъ.

#### 404. Сраженіе на берегахъ р. Вожи, 11 Августа 1378 года.

Господствовавшій въ ордѣ Мамай не равнодушно смотрѣлъ на увеличивающееся могущество великаго князя Дмитрія Іоанновича IV. Отлагая до времени явное на него нападеніе, онъ послалъ подвластнаго ему князя Бегича съ сильнымъ войскомъ разорять Россію; но Дмитрій, узнавшій заблаговременно о замыслахъ татаръ, успѣлъ собрать значительную армію.

Непріятели встрѣтились на берегахъ рѣки Вожи. Бегичъ началъ битву; переправясь чрезъ рѣку, онъ съ крикомъ ударился всею массою своего войска на русскихъ; но увидѣвши, что они крѣпко стоятъ, велѣлъ своимъ ѣхать малою рысью, пуская стрѣлы. Дмитрій стоялъ въ срединѣ своего ополченія, поручивъ одно крыло кня-

зо Данилу Пронскому, а другое воеводу Тимофею. По данному знаку все русские устремились на татарь. Две армии слились в одну массу и вступили в рукопашный бой. Трескъ оружія, яростный крикъ сражающихся, вопль и стоны раненныхъ и умирающихъ, ржаніе и топотъ лошадей, все это заглушало голоса начальниковъ, ободрившихъ своихъ воиновъ. Татары, подобно бурному океану, стремились поглотить своихъ противниковъ, русскіе, уподобляясь гранитному утесу, съ свойственною имъ храбростію отражали напоръ стенихъ варваровъ. Тщетно Бегичъ со всею неустрашимостію стараясь прорвать центръ русскихъ, тщетно монголы, следуя примѣру своего храбраго полководца, вбросались съ яростію на русскихъ: непоколебимая твердость нашихъ воиновъ разстроила неприятеля и взяла верхъ надъ татарами. Враги обратили тылъ и въ безпорядкѣ побѣжали за рѣчку. Побѣдители рубили, кололи и топтали татарь въ Вождѣ цѣлыми сотнями; нѣсколько знаменитыхъ мурзъ находилсь въ числѣ убитыхъ.

Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасли остатки Мамаевыхъ полковъ. На другой день не видно уже было ни одного неприятеля: только шатры, вибитки и тельги со всякимъ товаромъ были разбросаны по степи.

Эта побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною русскими надъ татарами съ 1224 года. За нею послѣдовала вторая, блистательная побѣда на Куликовскомъ полѣ.

Рѣка Вожа протекаетъ въ Рязанской губерніи въ уѣздѣ около 35 верстѣ, принимаетъ въ себя рѣчку Мечу. Ни въ двадцати верстахъ выше Рязани впадаетъ въ Оку.

#### 405. Битва Куликовская.

Это было 8-го Сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско русское дошло до поля Куликова, которое простиралось болѣе нежели на 10 верстѣ. Здѣсь русскіе увидѣли неприятелей. Татарь было болѣе, нежели русскихъ. Дмитрій, не смотря на просьбы князей и боярѣ, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ. Мѣсто его было въ рядахъ простыхъ воиновъ. Три часа продолжалась страшная битва; кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить, кто останется побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе тѣснили татарь, въ другомъ татары — русскихъ. Однако жъ уже большія или княжескія знамена спасены были отъ рукъ Мамаю; уже нѣкоторые изъ полковъ московскихъ хотѣли было бѣжать, какъ вдругъ князь Владиміръ Ан-



древичъ, начальникъ засаднаго полка, выступилъ изъ роши, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на татаръ. Это смѣлое движеніе князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и измученные непріатели не могли уже противиться свѣжему войску, и всѣ побѣжали! Мамай, увидѣвъ это бѣгство, вскричалъ съ тоскою отчаянія: «великъ Богъ христіанскій!» и также побѣжалъ за своими войнами. Русскіе гнали ихъ до рѣки Мечи, убивали и топили безъ счета, и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями.

Радость и счастье побѣдителей были неописанны. Перваго героя этого знаменитаго въ русской исторіи дня, великаго князя Дмитрія Іоанновича, назвали Донскимъ, второго, князя Владимира Андреевича, — Храбрымъ. Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ князьями и боярами обѣзжали поле Куликово; много было убито русскихъ, но въ четверо болѣе татаръ; всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, было до 200,000 тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря—Александръ Пересвѣтъ и Ослябя. Великій князь плакалъ надъ всѣми ими, и въ знакъ благодарности къ храбымъ защитникамъ отечества приказалъ вѣчно праздновать память ихъ въ Дмитріевскую Субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами Октября.

Такъ счастливому Дмитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ сильнаго непріателя! Извѣстіе о побѣдѣ его восхитило не только жителей Москвы и областей великаго княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донскаго, какъ на ангела-хранителя; вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ; всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастье Россіи уже навсегда возобновились, что татары послѣ Куликовской битвы никогда уже не осмѣлятся идти на русскихъ!...

### 406. Іоаннъ III.

(1505 — 1533)

Вступленіе на престолъ московскій Іоанна III, сына Василія Темнаго, послужило къ окончательному возрожденію монархіи русской. Іоаннъ былъ остороженъ, дѣтеленъ, справедливъ, обдумывалъ каждый свой поступокъ, и всѣ дѣйствія свои устремлялъ ко благу Россіи. III

Іоаннъ Васильевичъ глубоко постигалъ, что Россія никогда не можетъ быть счастлива, пока въ ней существуетъ разновластіе, и

что ей повтому необходимо имѣть единого правителя, которому бы все покорялось. Съ другой стороны онъ сознавалъ необходимость освобождения земли русской отъ господства татаръ. Поощряемый убѣждениями духовенства, Іоаннъ III наконецъ со славою совершилъ и то, и другое. Сперва онъ смирилъ всѣхъ непокорныхъ князей, удѣлы ихъ присоединилъ къ княжеству московскому, уничтожилъ вольность Новгородъ и провозгласилъ себя *царемъ и самодержцемъ всея Россіи*.

Тогда, собравъ сильное войско, отправилъ пословъ объявить татарскому хану, что отнынѣ Россія есть государство независимое, что болѣе она не платитъ дани и что царь русскій не признаетъ надъ собою постыдной власти хана. Тщетно татарскій ханъ Ахматъ думалъ смирить русскаго царя и, предводительствуя огромными полчищами, вторгнулся въ Россію. Но увидѣвъ обширность русскаго воинства и убѣдившись въ единодушій князей, онъ немедленно опять вышелъ, и вскорѣ послѣ того татарскія царства стали приходиться въ разрушеніе.

Такъ совершилось то, о чемъ думалъ Александръ Невскій, къ чему стремились Іоаннъ Калита, Дмитрій Донской. Такъ уничтожилось гибельное разновластіе князей, и земля русская освободилась отъ татарскаго владычества. Россіи открылось обширное поприще славы; но еще много трудовъ и тяжкихъ испытаній должна была она претерпѣть, чтобы достигъ того величія, которымъ пользуется въ наше время.

#### 407. Іоаннъ Грозный.

По кончинѣ Василія объявленъ царемъ трехлѣтній сынъ его Іоаннъ IV Васильевичъ подъ опекою матери своей, великой княгини Елены, изъ рода Глинскихъ.

Пять лѣтъ управляла Елена государствомъ благоразумно и твердо, при содѣйствіи боярина Оболенскаго: преждевременная смерть ея была истиннымъ несчастіемъ и для Іоанна, и для Россіи. Боярская дума вступила въ управленіе дѣлами; но честолюбивые и своекорыстные бояре не думали о благѣ государства, не заботились о защитѣ его отъ враговъ вѣшнихъ, а только враждовали между собою за почетъ и мѣста (мѣстничество), губили другъ друга, грабили народъ и совершенно не радѣли о воспитаніи юнаго государя. Самыя жестокія смуты произведены были князьями Шуйскими и Глинскими. Такъ прошло десять лѣтъ. Только кратковременное управленіе боярина Бѣльскаго, который на берегахъ Оки отразилъ

набѣгъ Крымскаго хана, представляетъ зрѣлище нѣсколько утѣшительное.

Между тѣмъ Іоаннъ безъ руководителя, предоставленный самому себѣ, окруженный разгульною и развратною молодежью, предавался неумѣренно забавамъ, занимался травлею звѣрей, черствѣлъ душою и не обращалъ никакого вниманія на дѣла государственныя. Въ 1547 году Іоаннъ, достигшій 17-тилѣтняго возраста, вѣнчался на царство и вступилъ въ бракъ съ прекрасною и добродѣтельною *Анастасіею*, дочерью боярина Романа Захарыина. Вскорѣ неожиданное происшествіе произвело въ царѣ дивную перемену. Въ Москвѣ вепыхнулъ страшный пожаръ и истребилъ почти всю столицу. Когда Іоаннъ со слезами смотрѣлъ на необъятное пепелище, гдѣ волновался народъ, доведенный до отчаянія, предсталъ предъ царя іерей *Сильвестръ* и такъ подѣйствовалъ на него своими увѣщаніями, что безпечный дотолѣ Іоаннъ далъ клятву предъ народомъ, на площади, посвятить жизнь свою благу подданныхъ и быть царемъ правосуднымъ. Съ этой поры онъ избралъ себѣ въ совѣтники мудраго старца Сильвестра и молодого окольниковача Адашева, человѣка украшеннаго рѣдкимъ умомъ и добродѣтелями.

По указаніямъ Сильвестра и Адашева Іоаннъ занялся утверженіемъ порядка внутри государства, разстроенаго во времена разбоярщины. Онъ исправилъ и дополнилъ *Судебникъ* Іоанна III, наблюдалъ за правосудіемъ и благочиніемъ, учредилъ стрѣльцовъ, первое постоянное войско въ Россіи, построилъ на границахъ крѣпости, ввелъ книгопечатаніе, приглашалъ изъ западной Европы ученыхъ и художниковъ, и вступилъ въ торговыя и дружественныя сношенія съ Англіей, гдѣ царствовала тогда королева Елисавета.

Въ то же время Іоаннъ торжествовалъ и надъ виѣшними врагами. Въ 1552 году, предводительствуя сильнымъ войскомъ, онъ взялъ приступомъ Казань и навсегда присоединилъ ее къ Россіи, а потомъ покорилъ и Астраханское царство, держалъ въ страхѣ крымскихъ татаръ и успѣлъ было привлечь къ себѣ въ подданство донскихъ казаковъ.

Когда сила татаръ рушилась, въ степяхъ южной Руси появились толпы удалцовъ, которые не признавали надъ собою ни чьей власти, жили грабительствомъ, нападая и на татаръ, и на турокъ, и на Польшу, и на Россію. Эти шайки извѣстны были подъ именемъ *казакъ*. Мало по малу они соединились въ большое общество и поселились одни на Днѣпрѣ около пороговъ и назвались *запорожскими*, а другіе близъ устья Дона и назвались *донскими*. Послѣдніе, подав-

шись Россіи, составили для нея оплотъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ.

Еъ несчастію блистательные успѣхи въ продолженіе 13-ти лѣтъ сдѣлали Иоанна гордымъ и самонадѣяннымъ, а споры бояръ о назначеніи наслѣдника при самомъ одрѣ царя, когда онъ лежалъ въ тяжкой болѣзни, поселили въ душѣ его подозрительность и истребили вѣру въ добродѣтель человѣческую. Сильвестръ и Адашевъ впади въ немилость и были удалены отъ двора. Первый постригся въ монахи, потомъ былъ перевезенъ въ Соловецкій монастырь и отданъ подъ строгій надзоръ; другой, посланный къ войску въ Ливонію, заключенъ въ тюрьму въ Дерптѣ, и умеръ тамъ отъ горести. Поводомъ къ обвиненію этихъ великихъ людей была смерть царицы Анастасіи. Такъ Иоаннъ и Россія лишились вдругъ трехъ главныхъ дѣятелей, удерживавшихъ царя на пути добродѣтели и охранявшихъ счастье отечества.

Иоаннъ совершенно измѣнился, окружилъ себя недостойными любимцами и явился такимъ же, какимъ былъ до московскаго пожара. Начались казни и преслѣдованія мнимыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ, гибли цѣлыя семейства, опустошались цѣлые города. Мучимый подозрительностію, Иоаннъ неожиданно оставилъ Москву, поселился въ слободѣ Александровской (нынѣ городъ Александровъ, во Владимірской губерніи) и учредилъ для своей безопасности *опричнину*, т. е. отделилъ себѣ нѣсколько городовъ въ свое собственное владѣніе и учредилъ избранную стражу—опричниковъ; вся же остальная Россія получила названіе *земщины*, и страдала отъ неумолимой строгости царя и отъ своеволія опричниковъ, которые не подлежали никакому суду. Но и всѣ необычайныя мѣры къ охраненію личной безопасности не могли успокоить тревожной души Иоанна: онъ собирался даже бѣжать въ Англію, и велъ объ этомъ переговоры съ королевой Елисаветою.

Въѣшнія дѣла также приняли несчастный оборотъ. Еще при Сильвестрѣ и Адашевѣ Иоаннъ задумалъ покорить Ливонію. Войска русскія неоднократно одерживали надъ рыцарями побѣды, брали города и до того ослабили орденъ, что вождь его или гермейстеръ Готгардъ *Кетлеръ* уступилъ Ливонію (1561) преемнику Сигизмунда, польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду II Августу, а самъ получилъ отъ него герцогство Курляндію въ зависимости отъ Польши. Тогда Иоаннъ повелъ войну съ Сигизмундомъ Августомъ, и въ началѣ одерживалъ верхъ; но когда царь пересталъ заботиться о благѣ и устройствѣ государетва, когда Литва соединилась съ Польшею въ одну *рѣчь посполитую* (республику) подъ властію избирательнаго короля, и когда на польскій престолъ былъ избранъ мужественный сед-

миградскій князь Стефанъ *Баторій*, — дѣла приняли другой оборотъ. Баторій отнялъ Ливонію у Іоанна, и побѣдами своими привелъ его въ такой страхъ, что онъ униженно просилъ мира и отказался навсегда отъ притязаній на эту страну. Пользуясь тогдашнимъ несчастнымъ положеніемъ Россіи, король шведскій отнялъ Иванъ-городъ и Копорье, а крымскій ханъ произвелъ неожиданное вторженіе и сжогъ Москву.

Только одно счастливое событіе нѣсколько озарило послѣдніе мрачныя годы царствованія Іоанна, прозваннаго отъ народа *Грознымъ*. Атаманъ Донскихъ казаковъ *Ермакъ Тимофеевъ*, при содѣйствіи именитыхъ людей Строгановыхъ, владѣвшихъ соловаренными заводами на Вычегдѣ, перешелъ за Уральскія горы, разбилъ тамъ хана Кучума, овладѣлъ его столицею Искеръ на рѣкѣ Тоболи, и тѣмъ положилъ основаніе завоеванію Сибири.

Послѣ 50-тилѣтняго царствованія Іоаннъ умеръ. Царство поручилъ онъ сыну своему Феодору, назначивъ ему нѣсколькихъ совѣтниковъ; а другому сыну, Димитрію, далъ въ удѣлъ городъ Угличъ, гдѣ и жилъ онъ съ матерью своею Марією Феодоровною изъ рода Нагихъ.

#### 408. Народная пѣсня про покореніе Казани.

Вы, молодые ребята, послушайте,

Что мы стары старики будемъ свазывать

Про грознаго царя Ивана Васильевича,

Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань городъ ходилъ,

Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ.

За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,

А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

А татаре по городу похаживаютъ

И всяко грубіанство оказываютъ;

Они грозному царю насмѣхаются:

А и не быть нашей Казани за бѣлымъ за царемъ.

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался,

Что подрывъ такъ долго медлится:

Приказалъ онъ за то пушкарей казнить.

Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.

Какъ все тутъ пушкари призадумались,

А одинъ пушкарь поотважился:

Прикажи, государь-царь, слово выговорить:

Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить:

Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи,

И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ.

Какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку,  
Всѣ татаре тутъ братцы устрашился,  
Они бѣлому царю покорилися.

#### 409. Новгородъ.

О Новгородъ, Новгородъ! ты ли это? Да гдѣ же твои концы, гдѣ граждане, гдѣ дворъ Ярослава, гдѣ вѣче? Мнѣ сказала кто-то: «дворъ Ярослава вонъ тамъ на площади, на рынкѣ, гдѣ написано: *постоялый дворъ*, идите туда». Богъ съ нимъ! подумалъ я, и пошелъ въ Кремль, въ церковь св. Софїи. Это древнѣйшій изъ храмовъ новгородскихъ, драгоценный памятникъ временъ Ярослава. Вызолоченный куполь его окруженъ четырьмя главами, крытыми бѣлымъ желѣзомъ. Образа большею частію старинные; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Спасителя, присланный греческимъ царемъ князю Владиміру, курсунской Богоматери, св. Софїи и св. апостоловъ Петра и Павла — богато украшенные; своды также исписаны образами. Въ храмѣ покоятся мощи князя Владиміра Ярославича, умершаго въ 1051 году, матери его Анны, Θεодора, брата Александра Невского, и другихъ. Огромное мѣдное паникадило, присланное сюда царемъ Борисомъ Годуновымъ, виситъ на пяти чугунныхъ цѣпяхъ, — въ немъ вѣсу до 500 пудъ. Въ соборной сокровищницѣ очень много драгоценныхъ вещей, напр. рукописное евангеліе XV вѣка, одежды св. угодниковъ, изъ коихъ драгоценнѣйшая — патріарха Никона, вышитая жемчугомъ; серебряные и золотые сосуды, чаши, блюда, митры, наконецъ долбня, сдѣланная по образцу долбни царя Іоанна Грознаго. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту послѣднюю вещь. Описывать ее нечего: просто окрашенная дубинка; подлинникъ ея былъ, кажется, желѣзный: онъ служилъ Іоанну для обузданія непослушныхъ. Страшно вспомнить прошедшее; при одной мысли объ Іоаннѣ волосъ становится дыбомъ. Провидѣніе спасло новгородцевъ отъ варваровъ монголовъ, но въ замѣнъ того послало имъ грознаго Іоанна. Шесть недѣль тѣшилъ онъ казнію; ежедневно бросали въ Волховъ отъ 500 до 1000 человекъ: вода краснѣла кровію, и рѣка долго не могла пронести труповъ въ Ладожское озеро. Но за что же такая кара постигла Новгородъ? За мнимую измѣну архіепископа и сообщниковъ его! Той же участи подверглись почти всѣ города и селенія, лежація отъ Москвы до Новгорода.

Черезъ Волховъ построенъ отличный мостъ на десяти каменныхъ основахъ (быкахъ). Городской садъ въ большомъ безпорядкѣ; однако же мѣстоположеніе его весьма хорошо, на полдень, и потому весьма удобно для разведенія разныхъ деревьевъ и кустарниковъ.

Въ Новгородѣ, кромѣ служащихъ, почти нѣтъ живущихъ помѣ-

щиковъ; богатые изъ нихъ переселяются въ Петербургъ. Въ четырехъ верстахъ отъ города лежитъ Юрьевъ монастырь, который славится внутреннимъ устройствомъ своимъ и великолѣпиемъ.

#### 410. Борисъ Годуновъ.

Царица Ирина Феодоровна приняла присягу; но черезъ девять дней послѣ похоронъ Феодора сложила съ себя царскій санъ, вступила инокинею въ монастырь и предоставила патріарху, боярамъ и воеводамъ избрать царя. Престоль предложили Борису Феодоровичу, какъ брату царицы и бывшему правителю государства. Борисъ долго отказывался, и только по настоятельнымъ убъжденіямъ патріарха, бояръ и народа согласился принять вѣнецъ царскій. Онъ началъ править съ прежней мудростію, упрочивалъ безопасность государства, распространялъ завоеванія въ западной Сибири и строилъ тамъ города, открылъ кораблямъ всѣхъ народовъ свободный доступъ въ русскія гавани, покровительствовалъ наукамъ и вызвалъ изъ Европы многихъ ученыхъ. Но слишкомъ недолго Борисъ наслаждался своимъ величіемъ. Скоро смутилось сердце царя, а потомъ настало смутное время и для всего царства. Борисъ убѣдился, что смерть царевича Дмитрія удаляла отъ него сердца народа, считавшаго все его заботы и благодѣянія только лицемѣріемъ. Боязнь овладѣла душою Бориса; онъ сдѣлался подозрительнымъ, сталъ слушать доносчиковъ, и по извѣтамъ ихъ неумолимо преслѣдовалъ обвиненныхъ, а особенно бояръ, любимыхъ народомъ. Жертвами его ненависти между прочимъ сдѣлались и родственники добродѣтельной царицы Анастасіи съ ихъ семействами. Изъ этого рода остались въ живыхъ только Феодоръ Никитичъ Романовъ, постриженный въ монахи подъ именемъ Филарета, — супруга его Ксенія, также постриженная подъ именемъ старицы Марѣы, и шестилѣтній сынъ ихъ *Михаилъ*. Поэтому не удивительно, что ужасный небывалый голодъ, постигшій Россію въ 1601 году, а за нимъ моръ, приписаны народомъ грѣхамъ и преступленіямъ виновника смерти Дмитрія. Между тѣмъ какъ Борисъ истощался въ усиліяхъ отвратить ужасныя народныя бѣдствія, до него дошла роковая молва, что царевичъ Дмитрій — живъ.

#### 411. Самозванецъ.

Появился въ Литвѣ человекъ, ложно выдававшій себя за Дмитрія, будто бы спасеннаго въ Угличѣ отъ злобы Годунова. То былъ Григорій Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова монастыря. Польскій король

Сигизмундъ III призналъ его за истиннаго царевича и позволилъ ему набирать войско для возвращенія престола. Съ дружинами безпокойной польской шляхты и съ запорожскими казаками самозванецъ выступилъ въ Россію, гдѣ многіе считали его дѣйствительно царевичемъ Димитріемъ. Однако войско царское нанесло ему рѣшительное пораженіе близъ Сѣвска, и самозванецъ уже готовился бѣжать въ Польшу, какъ вѣсть о скоростижной смерти Бориса измѣнила положеніе дѣлъ. Эта вѣсть сильно потрясла умы въ народѣ и была принята какъ знаменіе божескаго правосудія. Хотя Москва и присягнула сыну Борису, Феодору, умному, прекрасному юношѣ; но войско и предводитель его Басмановъ предались самозванцу, а вслѣдъ за тѣмъ и въ Москвѣ произошло волненіе: юнаго царя взяли подъ стражу и вскорѣ потомъ умертвили. Самозванецъ былъ признанъ въ столицѣ законнымъ государемъ, и вся Россія послѣдовала этому примѣру.

Лжедимитрій торжественно вступилъ въ Москву при радостныхъ кликахъ народа. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе, онъ вызвалъ въ Москву мать царевича Димитрія и принялъ ее съ синовнею нѣжностію; возвратилъ изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ Борисомъ; знаменитаго инока Филарета возвелъ въ санъ митрополита Ростовскаго, а бывшей супругѣ его Марѣ съ сыномъ ея назначилъ для жительства Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ. Однакожъ легкомысліе самозванца, его безиравственность, презрѣніе русскихъ обычаевъ и уставовъ православнои церкви, приверженность къ католицизму, предпочтеніе поляковъ и нѣмцевъ природнымъ русскимъ, скоро открыли глаза обманутому народу. Бракъ самозванца съ полькою Мариною, дочерью сендомирскаго воеводы Мнишека, не принявшею православія, утвердилъ общее убѣжденіе, что растрига-царь намѣревался подчинить Россію папѣ введеніемъ латинской вѣрѣ. На пагубу еретика составилъ въ Москвѣ заговоръ и распространился по другимъ городамъ. Велѣ начали собирать войско и готовиться къ сверженію похитителя съ престола. Посреди пировъ, окруженный поляками, дерзко оскорблявшими русскихъ на каждомъ шагу, Лжедимитрій не думалъ объ отвращеніи опасности. Не прошло и года со дня вступленія его въ Москву, какъ произошло общее противъ него возстаніе. Самозванецъ лишился жизни, а Марина съ отцомъ были спасены. На другой день боярская дума, по требованію народа, объявила царемъ князя Василія Іоанновича Шуйскаго, бывшаго душою заговора и главнымъ виновникомъ гибели самозванца.

#### 412. Палицынъ.

Подобно генію-хранителю дѣйствовалъ всюду Авраамій Палицынъ. Въ 1609 году открылся въ Москвѣ величайшій недостатокъ въ сѣст-



нихъ припасахъ, доведивши жителей до крайности; тогда Палицынъ позволилъ имъ брать хлѣбъ изъ магазиновъ, принадлежавшихъ Троицкому монастырю; чрезъ что спокойствіе возстановилось и народъ оживился.

Въ 1610 году Авраамій и Діонисій явились величайшими поборниками вѣры и свободы отечества. Польскій гетманъ Жолкевскій, видя невозможность покорить Москву войною, принялъ личину доброжелательства и вызвался охранять столицу отъ самозванцевъ. Простодушные русскіе повѣрили и позволили занять Жолкевскому Москву, а войско свое послали въ Новгородъ для защищенія отъ шведовъ. Овладевъ Москвою, Жолкевскій принялся грабить казну и частныя имущества, и злодѣйствовать самовластно. Узнавъ это, Авраамій и Діонисій поклялись спасти Россію. Во все города писали они призывныя грамоты, собирали ратныхъ людей изъ крестьянъ и монастырскихъ слугъ, надъ коими ввѣривъ начальство князю Трубецкому, пошли и сами въ рядахъ ихъ какъ простые воины; ободряли унывавшихъ, снабжали съѣтными припасами и вновь разсылали повсюду призыванія, заклиная именемъ Бога всехъ идти на брань. Однажды казаки, неудовольствованные жалованьемъ, взбунтовались; Авраамій, не имѣвшій денегъ, предложилъ имъ свои ризы и церковную утварь; тронутые казаки ничего не взяли и поклялись умереть или взять Москву. Послѣ трехдневной упорной битвы побѣда увѣнчала наконецъ успѣхомъ стараній вѣрныхъ сыновъ церкви и отечества; ила поляки въ унижительномъ бѣгствѣ искали себѣ спасенія.

### 413. Мининъ.

Мининъ спокойно доживалъ дни свои въ Нижнемъ Новгородѣ, занимаясь торговлею, которая, будучи добросовѣстна, отнюдь не унижительно никому; почему и семейство его пользовалось хорошимъ расположеніемъ жителей. Сказываютъ, что однажды, проходя по улицѣ, Мининъ былъ привлеченъ большимъ стеченіемъ народа къ одному дому и подошелъ узнать причину. Читали воззваніе Авраамія Палицына. Въсть о плачевномъ состояніи Москвы, о тиранствахъ поляковъ и мысль объ угрожаемомъ рабствѣ, сильно поразила Козьму. Толпа разбѣгается; а онъ, какъ вкопанный, стоялъ на улицѣ и чуть внятнѣмъ голосомъ шепталъ: святая вѣра поругана! церкви осквернены! младенцы избиты! Все дѣлается безнаказанно, и гдѣ же? внутри Россіи! Боже праведный, неужели Ты отвратилъ лицо Свое отъ насъ и допустилъ намъ пережить безчестіе отчизны!

Вечерній звонъ колоколовъ наконецъ прервалъ печальныя думы Минина и напомнилъ о семействѣ, давно ожидавшемъ его къ обѣду.

Въ тотъ же день увѣдомилъ Мининъ всѣхъ друзей и знакомыхъ своихъ, чтобы по весьма необходимой нуждѣ пришли къ нему.

Съ растерзаннымъ сердцемъ, блѣднымъ лицомъ и слезами на глазахъ, онъ встрѣтилъ своихъ гостей.— «Что съ тобою, Козьма?» спрашивали пришедшіе; не больны ли дѣти?» — Нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — «Не понесъ ли убытковъ?» — «Ахъ нѣтъ! мое несчатіе есть общее наше несчатіе, ни съ чѣмъ въ мірѣ несравненное! Вѣра и отечество наше погибаютъ; но мы можемъ спасти ихъ. Не пощадимъ жизни и имущества для избавленія Москвы; продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей своихъ и выкупимъ изъ бѣды отечество. Богъ благословитъ наше предпріятіе!» Успокоившись, Мининъ пересказалъ гостямъ содержаніе посланія Палицына, и присутствовавшіе нижегородцы, увлеченные сердечнымъ краснорѣчіемъ Минина, воскликнули: «умремъ за Русь святую!»

Такъ созрѣло великое дѣло избавленія Россіи.

#### 414. Князь Пожарскій.

19-ое число Марта 1611 года означено въ лѣтописяхъ нашихъ кровавою чертою. Нельзя безъ содроганія вообразить объ этомъ ужасномъ днѣ убійствъ, совершившихся въ Москвѣ. Кровь священниковъ, старцевъ, женъ и младенцевъ лилась ручьями. Крики, стоны умирающихъ, звукъ оружія и буйныя восклицанія поляковъ оглашали воздухъ; храмы, дома пылали, солнце скрылось, и багровое зарево освѣщало городъ! Ярость враговъ дошла до высочайшей степени! Не многіе изъ бояръ успѣли спастись отъ смерти; иные вынесены на рукахъ изувѣченные.

Покрытый ранами, на смертномъ одрѣ лежалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; лучъ лампы освѣщаль его комнату, и изрѣдка тяжелый вздохъ страдальца нарушалъ глубокую тишину. Вдругъ послышался шумъ у дверей; внезапно къ постелѣ умирающаго подбѣжалъ человекъ въ одеждѣ крестьянина.— «Князь!» вскричалъ пришлецъ, смѣло схвативъ руку его,— князь! Россія гибнетъ отъ супостатовъ: иди на избавленіе ея!» Потомъ упалъ на колѣни и, прерываемый рыданіями, продолжалъ: «товарищи мои, подвизаемые вѣрою, стеклись сюда и велѣли мнѣ звать тебя, князь, съ собою на брань за вѣру и отечество; будь нашимъ вождемъ, самъ Богъ повелѣваетъ тебѣ.» — Князь, оживленный будто бы свыше, не чувствуя болѣзни, приподнялся, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и сказалъ: «да будетъ воля Его святая, иду съ вами!»

Пожарскій принялъ начальство надъ ополченіемъ. Ничто не могло остановить героя. Гибельно врагамъ, утѣшительно россиянамъ было

его шестіе. Увѣнчанный священнымъ именемъ избавителя отечества, онъ доказалъ позднѣйшему потомству, что великая душа его чужда была честолюбія, и что всѣ помышленія его стремились къ истинному благу отчизны, когда, Богомъ вдохновенный, онъ завѣщалъ русскимъ отраду и счастье съ владычествомъ августѣйшаго дома Романовыхъ.

#### 415. Подвигъ Ивана Сусаннина.

Когда поляки, шатавшіеся цѣлыми толпами около Москвы, узнали объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, тогда они рѣшились извѣсть новооставленнаго русскаго царя, который жилъ еще въ костромской своей деревнѣ. Отправившись для совершенія злодѣйскаго умысла, они раздѣлились на нѣсколько шаекъ, и одна изъ нихъ сбилась съ дороги: это было зимою, въ сильную мятель. Имъ встрѣтился крестьянинъ дворцоваго села Домнина, Иванъ Сусанинъ, котораго поляки остановили и спрашивали о мѣстопробываніи Михаила Ѳеодоровича. Онъ вызвался къ нимъ въ проводники, и поляки обѣщали наградить его пригоршнями золота. Сусанинъ заводитъ ихъ по дорогѣ къ себѣ въ деревню, угощаетъ ихъ, поитъ, а между тѣмъ тайно посылаетъ своего сына предупредить царя о близкой опасности. Злодѣи, поужинавъ, отогрѣвшись и немного соснувъ, съ полуночи собрались въ дорогу, предводимые Сусанинымъ, который, своротя по проселочной дорогѣ, по сугробамъ и цѣликомъ завелъ ихъ въ непроходимый лѣсъ. Выбившіеся изъ силъ, поляки стали подозрѣвать проводника, и, махая надъ старческою его головою саблями, вскричали: «ты обманулъ насъ!» — Не я, спокойно отвѣчалъ имъ Сусанинъ: не я, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдамъ вамъ жизнь и здоровье царя-государя. Богъ подкрѣпилъ меня: царь Михаилъ спасенъ! Поляки въ бѣшенствѣ изрубили его въ мелкія части, и сами померли отъ стужи и голода.

#### 416. Пословицы историческія.

Кто противъ Бога и великаго Новагорода? — Языкъ до Кіева доведетъ. Москва царство, а деревня рай. Астрахань осетрамп, а Сибирь соболями. Нужда изъ Сызрани пѣшкомъ въ Москву шла. Хозяинъ въ дому, что ханъ въ Крыму. Незванный гость хуже татарина. Никто столько Руси бѣдъ не надѣлалъ, какъ ханъ крымскій, да папа римскій.

Радимичи волчьяго хвоста бѣгаютъ. Чужое взять, свое потерять. Въ одинъ день по двѣ радости не живетъ. Душа на Великой, а сердце на Волховѣ. Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ срединѣ бѣда.

Къ кому Богородица, а къ намъ Литва, Москва людна и хлѣбна. Не великъ городокъ, да семь воеводъ. Не тяга сынъ боярскій.

#### 417. Ученіе Петра Великаго.

Никита Моисеевичъ Зотовъ, изъ почетнаго званія дьяковъ, былъ учителемъ Петра Великаго.

Каждое утро уроки начинались съ русской грамоты и съ обученія закону Божію. Послѣ обѣда Зотовъ говорилъ Петру о дѣлахъ славныхъ государей.

Стѣны комнаты, въ которой обучался Петръ, Зотовъ велѣлъ покрыть листами, на которыхъ представлена была вся російская исторія въ лицахъ и расписана красками. Тамъ видѣвъ былъ Святославъ, окруженный въ битвѣ врагами, но взывающій къ воинамъ: «Ляжемъ здѣсь! мертвымъ не бываетъ стыда!» Тамъ представленъ Владиміръ, свергающій идола Перуна въ рѣку и пирующій съ богатырями; тамъ князь Александръ, пораившій шведскаго короля у береговъ Невы. Въ другихъ покояхъ выставлены были рисунки, представляющіе знаменитые европейскіе города: древнюю Вѣну, огромный Парижъ, торговый Амстердамъ, виды великолѣпныхъ зданій и проч. Зотовъ водилъ Петра по комнатамъ и объяснялъ ему всѣ сіи предметы.

Царевичъ не только со вниманіемъ слушалъ своего учителя, но самъ обо всемъ подробно спрашивалъ, любопытствуя все узнать и желая всему научиться, такъ что утомлялъ своего учителя, который не успѣвалъ отвѣчать на всѣ его вопросы.

Бояре почитали такіе труды неприличными достоинству царскому; патриархъ и царица согласились съ ними, думая что Петръ изнуряетъ силы свои.

Однажды, по просьбѣ бояръ и царицы, патриархъ сталъ увѣщавать юнаго царя. Упражненія твои полезны, говорилъ онъ ему, а здоровье твое всего дороже. И мы, твои богомольцы, просимъ тебя не ослаблять твоего здоровья трудами безмѣрными.

— Святій Владыко, молвилъ Петръ, видно кто нибудь излишнее говорилъ тебѣ о трудахъ моихъ.

Патриархъ сказалъ, что онъ самъ о томъ знаетъ, и много разъ отъ бояръ о томъ слышалъ.

— Видно бояре худо знаютъ, отвѣчалъ Петръ, какъ другіе цари европейскіе воспитываютъ дѣтей своихъ въ непрерывныхъ трудахъ. Наука безъ труда не бываетъ. Я тружусь по охотѣ, и это меня укрѣпляетъ; притомъ же, прибавилъ Петръ вздохнувъ, много времени проходить у меня и въ пустыхъ забавахъ, отъ которыхъ однако никто меня не отводитъ.

#### 418. Жизнь Петра Великаго въ Сардамѣ.

Донинѣ жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и преданіе народное повторяетъ множество рассказовъ объ его Сардамскомъ житѣ-бытѣ. Такъ, напримѣръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искусствомъ между всѣми плотниками и мастерами, и получилъ за это званіе баса или мастера, какъ онъ работалъ на пильной мельницѣ, въ маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Мельница-крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ доску, донинѣ называется *царскою*. Посѣтители домика удивляются искусству въ сдѣланныхъ царемъ корабельныхъ моделяхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стряпалъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою; смиренно скинулъ онъ башмаки и, изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ посѣтилъ мать бывшаго въ Россіи мастера Юзіаса, запросто завтракалъ съ нею и обѣдалъ у жены другого мастера Ренсена. «Почему знаешь ты моего мужа?» спросила его жена Арриена Метъе, отъ котораго царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи.—«Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у Московскаго царя», отвѣчалъ Петръ. «Но кто же ты самъ?» спросила его любопытная Голландка. «Я плотникъ», отвѣчалъ царь.—Идя однажды по улицѣ, царь толкнулъ какого-то мальчишку, не давшаго ему дороги. Шалунъ разсердился и бросилъ въ лицо царю гнилое яблоко. Царь утерся и сказалъ: «виновать! я все думаю, что я еще въ Москвѣ!» Купивши у одного Сардамца ботъ, по приглашенію продавца царь долженъ былъ распить съ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ купилъ себѣ, кромѣ бота, яхту, самъ отдѣлалъ на ней мачту, прогуливался съ нею по морю, плавалъ нѣсколько разъ въ Амстердамъ и однажды, пустившись въ шлюпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шлюпку. Бывшіе при царѣ успѣли схватить его. «Мнѣ надобно было окреститься въ Нѣмецкомъ морѣ!» сказалъ Петръ смѣясь.

#### 419. Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ.

Армія наша (въ 1700 году) осаждала уже Нарву; успѣхъ казался несомнѣннымъ, какъ неожиданная измѣна нашего военачальника герцога де-ла-Кроа, дала дѣлу иной оборотъ. Самого царя не было; голодъ, ненастная погода ослабили бодрость солдатъ новобранцевъ, и положеніе нашихъ войскъ требовало отступленія. Карлъ XII, согла-

сившись съ предложеніемъ Долгорукова на свободный пропускъ всей арміи, обязался въ томъ честнымъ словомъ и, въ доказательство вѣрности, пожалъ руку у Долгорукова. Однако же герой Фридрихсгама запятналъ честь свою постыднымъ поступкомъ: позволивъ большей части лучшихъ нашихъ войскъ переправиться чрезъ Серру, онъ бросился на оставшіеся полки, обезоружилъ ихъ и объявилъ военнопленными. Вмѣстѣ съ Долгоруковымъ непріатели схватили и прочихъ генераловъ, и всѣхъ отправили въ Стокгольмъ. 10 лѣтъ провелъ здѣсь Яковъ Федоровичъ, посвящая все это время изученію шведскаго правовѣдѣнія и полезныхъ наукъ.

Недостатокъ въ продовольствіи хлѣбомъ, оказавшійся въ 1711 году въ Стокгольмѣ, принудилъ шведское правительство перевести часть нашихъ пленныхъ въ Готенбургъ. Плыва моремъ и пользуясь немногочисленностію отряда, Долгоруковъ вознамѣрился овладѣть фрегатомъ и возвратиться въ отечество. Уговоривъ товарищей, онъ предложилъ исполнить предпріятіе въ Субботу, въ часъ вечерней службы, когда запоютъ: «Держайте, людѣ Божіи.» Въ одно мгновеніе Шведы были окружены, иные связаны и заключены подъ палубу, иные брошены въ море; а шкиперъ, устрашенный угрозами князя, направилъ путь къ Ревельской гавани, и скоро фрегатъ возвѣстилъ о своемъ прибытіи пушечными выстрѣлами.

Съ распростертыми объятіями принялъ царь своего вѣрноподданнаго и, цѣлуя, хвалилъ его храбрость и умъ. Долгоруковъ не могъ говорить отъ радости, увидѣвши Петра, — онъ плакалъ. Царь и окружавшіе его также плакали. Скоро князь назначенъ былъ сенаторомъ, съ завѣдываніемъ сверхъ того комиссаріатомъ. Съ сего времени начинается рядъ его дѣяній, пріятныхъ монарху, полезныхъ отечеству.

## 420. Кто онъ?

На берегу Невы великой,

По тропинкѣ лѣсной

Ѣхалъ всадникъ. Вдругъ все дико:

Ель, сосна да мохъ съдой.

Передъ нимъ рыбацья хата;

Подъ сосной, у синихъ волнъ,

Старый рыбарь бородатый

Колотилъ дырявый челнь.

Всадникъ молвилъ: «дѣдъ, здорово!

«Богъ на помощь! Какъ живешь?

«Много-ль ловишь ты, и лова

«Гдѣ добычу продаешь?»

Отвѣчалъ старикъ сердито:

«Рыбы мало ли въ рѣкѣ?»

«Только нѣтъ иного сбыта,

«Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.

«Да теперъ мнѣ что въ ловитвѣ?»

«Вишь какая здѣсь возня!

«Вы дрались, а бомбой въ битвѣ

«Челнѣ прошибло у меня.

Всадникъ прочь съ коня; безмолвно

Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,

Мигомъ сбилъ борты у челна,

Руль привѣсилъ за кормой.

«Ну, старинушка, готово!

«Смѣло въ воду челнѣ содвинь,

«И на счастье Петрово,

«Сѣти на морѣ закинь!

Онъ исчезъ. Старикъ строптивый

Думалъ молча: «Что за диво?»

«Свиду смотритъ онъ царемъ,

«А гораздъ такъ топоромъ!

*Ан. Майковъ.*

## 421. Утреннія занятія Петра Великаго.

Петръ Великій ложился спать въ 10 часовъ вечера, и вставалъ  
лѣтомъ и зимою въ три часа утра. Вставши, онъ часъ  
комнатъ, читая Санктпетербургскія газеты, или пересматривалъ  
копisci переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Ни  
не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣна самимъ  
Въ 4 или въ 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофею, выпивъ  
совой водки, отиравался, съ тростью въ одной рукѣ и  
книжкой въ другой, смотрѣть производившіяся работы.

Однажды онъ назначилъ Бранденбургскому посланнику  
ду приемную аудіенцію въ 4 часа утра. Посланникъ, не полагая, что  
государь встанетъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во

дворецъ въ пять; но онъ не засталъ Петра, который уже работалъ на марсѣ военного корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не выдавъ царя, принужденъ былъ отправиться въ Адмиралтейство. Когда Петру доложили о прѣздѣ посланника, онъ сказалъ: пусть безпokoится придти сюда, если не умѣлъ застать меня во дворцѣ. Посланникъ принужденъ былъ по вантамъ взбираться на гrotъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и выслушалъ обыкновенныя привѣтствія.

## 422. Полтава.

Полтава знаменита побѣдою, одержанною близъ нея Петромъ I надъ Карломъ XII, 27 Юня 1709 года. Въ старину она была обведена землянымъ валомъ съ пятью воротами; но въ настоящее время отъ нея прежнихъ укрѣпленій не осталось и слѣдовъ.

Въ числѣ Полтавскихъ достопримѣчательностей, напоминающихъ славную побѣду Петра, обращаетъ между прочимъ на себя вниманіе деревянная, низенькая церковь Спаса. Она стоитъ на площадкѣ, недалеко отъ мѣста, на которомъ въ старину находились Куриловскія ворота. Церковь эта достопамятна тѣмъ, что здѣсь, по преданію, жители Полтавы, осажденные Шведами и терзаемые голодомъ, молились и клялись не сдаваться; а послѣ побѣды Петръ Великій здѣсь принесъ первое молебствіе, поселившись вблизи, въ домъ одного Полтавскаго обывателя.

Чтобы предохранить церковь Спаса отъ разрушенія, надъ нею устроена каменная одежда; внутри же церкви, для поддержанія стѣнъ возведены четыре каменные столба.

Домикъ, въ которомъ Петръ I отдыхалъ послѣ Полтавскаго сраженія, давно уже не существуетъ; но всякій въ городѣ уважаетъ теперь мѣсто близъ церкви Спаса, гдѣ онъ стоялъ. На этомъ мѣстѣ возвыгнутъ въ 1847 году бронзовый памятникъ, представляющій четырехугольный, массивный столбъ, на гранитномъ основаніи. Сверху столба шлемъ, лавры, щитъ и мечъ. На сторонѣ, обращенной къ церкви Спаса, надпись:

Здѣсь Петръ I покоился

послѣ трудовъ своихъ

27 Юня 1709 г.

Благоговѣй!

Мѣсто свято есть!

Кромѣ памятника подлѣ церкви Спаса, въ Полтавѣ есть также другой монументъ, напоминающій побѣду Русскихъ надъ Шведами.



Онъ находится на главной площади города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по преданію побѣдитель Карла XII былъ впервые встрѣченъ жителями Полтавы. Памятникъ этотъ состоитъ изъ чугунной колонны на гранитномъ пьедесталѣ; сверху колонны орелъ съ распростертыми крыльями, обращенными къ другому памятнику въ честь Петра I-го—къ Полтавскому Петровскому кадетскому корпусу. На пьедесталѣ памятника находится надпись: Іюня 27 дня, 1809 года.

Въ шести верстахъ отъ Полтавы, близъ дороги на Диканьку и Зеньковъ, находится такъ называемая Шведская могила, гдѣ погребены русскіе воины, павшіе въ Полтавскомъ бою. Убитые шведы были похоронены въ особыхъ ямахъ, которыхъ нѣтъ нынѣ уже возможности отыскать. Эта исполинская могила имѣетъ въ окружности при подошвѣ около 52 сажень, на верхней площадкѣ 4 сажени и въ отвѣсѣ 5 сажень. Отъ посѣщающихъ могилу вершина ея и бока раздѣлены на крестъ четырьмя тропинками; дожди размыли эти тропинки, и могилы кажется составленною изъ двухъ насыпей. Похоронивъ убитыхъ воиновъ 28 Іюня 1709 года, Петръ I собственноручно водрузилъ надъ могильнымъ холмомъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27-го дня.» Лѣтъ тридцать тому назадъ, на мѣсто этого стараго за ветхостію снятаго креста поставленъ новый съ надписью, слова которой взяты изъ рѣчи Петра Великаго къ войнамъ, на кануи битвы: «А о Петръ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога; только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея.» На другой сторонѣ креста находится надпись, въ которой означено, что подъ могилою погребены: 1 бригадиръ, 2 полковника, 1 полковникъ, 3 майора, 45 оберъ-офицеровъ, 1293 капрала и рядо всего—1345 человекъ. Ежегодно у подножія холма со времени I-го совершается въ день 27-го Іюня торжественная панихида.

Близъ Шведской могилы воздвигнула въ новѣйшее время во имя преподобнаго Сампсонія, четверугольная, очень простекутуры; а съ другой стороны могилы выстроены два дома для лидовъ-сторожей.

Поле, на которомъ происходило Полтавское сраженіе, видно могилы какъ на ладони.

### 423. Гонецъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ  
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?  
Чей это конь неутомимый  
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,  
Казакъ не хочетъ отдохнуть  
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,  
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,  
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;  
Не спотыкаясь конь ретивой  
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,  
Булатъ—потѣха молодца,  
Ретивый конь—потѣха тоже;  
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставитъ радъ  
Коня, червонцы и булатъ;  
Но выдастъ шапку только съ бою,  
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?  
Зачѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,  
Доносъ на гетмана злодѣя  
Царю Петру отъ Кочубея.

*Пушкинъ.*

#### 424. Русскія рѣки.

Волга.

Ширныхъ губерній пьютъ мою воду; поэты  
И поютъ громкія пѣсни свои.

Днѣпръ.

О волнамъ моимъ свирѣпой грозой въ Византію,  
Въ легкихъ неслися ладьяхъ витязи сѣверныхъ странъ,  
Возвратившись съ набѣга въ Кіевъ престольный съ добычей,  
Славили падшихъ друзей, тризну справляя по нихъ.

Ураль и Донъ.

Мы плодородье даемъ сторонѣ, не обильной водою;  
Въ пѣсняхъ лихихъ казаковъ наши гремятъ имена,

Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою,  
Ужь мы пойдёмъ ломить стѣною,  
Ужь постоимъ мы головою  
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ  
Что толку въ такой бездѣлкѣ  
Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:  
«Пора добраться до картечи!»  
И вотъ на поле грозной свѣчи  
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у ласета,  
И слышно было до разсвѣта,  
Какъ ликовалъ Французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:  
Кто киверъ чистилъ весь избитый,  
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито  
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,  
Все шумно вдругъ зашевелилось,  
Сверкнулъ за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рожденъ был  
Слуга царю, отецъ солдатамъ..  
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,  
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:  
Ребята! не Москва-ль за нами?  
Умремъ-те жъ подъ Москвой,

Какъ наши братья умирали!»  
—И умереть мы обѣщали.  
И клятву вѣрности сдержали  
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій  
Французы двинулись, какъ тучи,  
И все на нашъ редутъ.

Уданы съ пестрыми значками,  
Драгуны съ конскими хвостами,  
Всѣ промелькнули передъ нами,  
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!  
Носилась знамена, какъ тѣни,  
Въ дыму огонь блестяль.

Звучалъ булатъ, картечь визжала,  
Рука бойцовъ колоть устала  
И ядрамъ пролетать мѣшала  
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,  
Что значитъ русскій бой удалий,  
Нашъ рукопашный бой.

Земля тряслась, — какъ наши груди;  
Смѣшались въ кучу кони, люди,  
И залпы тысячу орудій  
Слились въ протяжный вой.

Вотъ смерклось; были всѣ готовы  
Заутра бой затѣять новый  
И до конца стоять....

Вотъ затрещали барабаны —  
И отступили бусурманы  
Тогда считать мы стали раны  
Товарищей считать.

Да были люди, въ наше время,  
Могучее, лихое племя,  
Богатыри — не вы.

Плохая имъ досталась доля:  
Не многіе вернулись съ поля  
Когда-бъ на то не Божья воля  
Не отдали бъ Москвы.

Лермонтовъ.

## 428. Домикъ Петра Великаго.

Петербургу поражаетъ своимъ великолѣпиемъ всякаго путешественника. Широкия, чистыя улицы правильно развѣзаютъ его по всѣмъ направленіямъ. Храмы, дворцы и монументы невольно останавливаютъ вниманіе каждаго. Но лучшее украшеніе Петербурга составляетъ конечно Нева, на берегахъ которой онъ расположенъ. Кто не любилъ этою прекрасною рѣкою въ ясную, лунную ночь?... Освѣщенная мѣсяцемъ, какъ горделиво обмываетъ она гранитный берегъ, занятый рядомъ прекрасныхъ строеній!

Если бы мы не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній, свидѣтельствующихъ о времени построенія Петербурга, то трудно было бы повѣрить, что за полтораста лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь столица наша, были лишь обширные лѣса и болота.

Правый берегъ Невы не богатъ зданіями; но между ними есть одинъ домикъ простой, незатѣйливой архитектуры, который неоцѣнимъ для каждаго, любящаго свое отечество.

Въ этомъ домикъ жилъ при первоначальномъ устройствѣ Петербурга блаженной и вѣчной славы достойный памяти императоръ Петръ I-й. Домикъ этотъ или дворецъ очень не великъ. По продольному фасаду онъ имѣетъ 5 сажень и  $1\frac{3}{4}$  аршина, по поперечному 2 сажени и  $1\frac{1}{2}$  аршина, а вышина подъ крышу—1 сажень и 8 вершковъ. Въ немъ только три комнаты и сѣни. Наружныя стѣны окрашены масляною краскою подъ видъ кирпича.

Какимъ неизъяснимымъ чувствомъ наполняется душа при посѣщеніи этого скромнаго жилища великаго императора. Благоговѣйный трепетъ невольно овладѣваетъ сердцемъ, и какъ высоко и свято это чувство!...

Первая комната, на лѣво изъ сѣней, обращена нынѣ въ часовню. Въ переднемъ углу находится рѣзная кіота, сдѣланная изъ липъ Лѣтняго сада временъ императора Петра I-го. Въ этой кіотѣ хранится нерукотворенный образъ Спасителя, сопутствовавшій всюду императору. Богатый вѣнецъ, усыпанный сорока осмью драгоценными камнями, украшаетъ его.

Направо изъ сѣней находится довольно обширная комната, служившая кабинетомъ императору. Въ ней два широкіе окна. Одно изъ нихъ — къ сторонѣ лѣтняго сада, а другое обращено къ крѣпости; каждое окно состоитъ изъ нѣсколькихъ рамъ, въ которыя вставлены небольшія стекла въ жестяныхъ оправкахъ.

Въ этой комнатѣ находятся два стола, покрытые стекломъ, въ которыхъ хранятся разныя приношенія; но изъ числа всѣхъ этихъ вещей обращаютъ на себя особенное вниманіе два костяныя ожерелья,

выточенные превосходнымъ образомъ самимъ императоромъ. Далѣе вдоль стѣнъ разставлены кресла и стулья, сдѣланные изъ липъ Лѣтняго сада. У окна, обращеннаго къ крѣпости, помѣщается простое кресло и подножная скамейка работы Петра Великаго.

Весь домикъ окруженъ галлереею, въ которой хранится четырехъ-весельная верейка съ веслами и рулемъ. Изъ описанія отечественныхъ достопамятностей можно полагать, что эта верейка работы самого императора, на которой онъ объѣзжалъ берега Невы и осматривалъ производившіяся тогда работы въ Петербургѣ.

Длина этой верейки по борту тридцать пять четвертей, каждое весло въ двадцать четвертей. Ветхій парусъ, принадлежащій къ этой верейкѣ, хранится въ кабинетѣ императора.

Прошло болѣе полутора ста лѣтъ, какъ существуетъ этотъ домикъ. Широко раскинулся съ тѣхъ поръ Петербургъ, и со всѣхъ сторонъ окружилъ его своими обширными зданіями. Маленькій дворецъ, сохраняя скромное названіе домика Петра Великаго, переживаетъ еще много столѣтій, и внушитъ внукамъ нашимъ то же святое чувство благоговѣнія, съ какимъ каждый изъ насъ посѣщаетъ его нынѣ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЯ БУКВЫ.

Я	а	азъ	А	а	Уу	у	укъ	У	у
Б	б	буки	Б	б	Ф	ф	фертъ	Ф	ф
В	в	вѣди	В	в	Х	х	хѣръ	Х	х
Г	г	глаголь	Г	г	Ѣ	ѣ	отъ	от	
Д	д	добро	Д	д	Ц	ц	ца	Ц	ц
Е	е	естъ	Е	е	Ч	ч	червь	Ч	ч
Ж	ж	живѣте	Ж	ж	Ш	ш	ша	Ш	ш
З	з	зѣло	З	з	Щ	щ	ша	Щ	щ
И	и	иже	И	и	Ъ	ъ	ерь	Ъ	ъ
І	і	і	І	і	Ы	ы	еры	Ы	ы
К	к	како	К	к	Ь	ь	ерь	Ь	ь
Л	л	люди	Л	л	Ѣ	ѣ	ятъ	Ѣ	ѣ
М	м	мысльте	М	м	Ю	ю	ю	Ю	ю
Н	н	нашъ	Н	н	Ѡ	ѡ	о	О	о
О	о	онъ	О	о	ИѦ	Ѧ	я	Я	я
П	п	покой	П	п	Ѣ	ѣ	кѣ	Кѣ	кѣ
Р	р	риы	Р	р	Ѧ	ѧ	пѣ	Пѣ	пѣ
С	с	слово	С	с	Ѧ	ѧ	ѣта	Ѧ	ѧ
Т	т	тврдо	Т	т	Ѧ	ѧ	ижица	Ѧ	ѧ

УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ СЛОВСОКРАЩЕНІЯ.

А҃г҃л҃ѣ Ангелѣ

а҃г҃л҃скіи а҃нгелскіи

а҃п҃л҃ѣ апостола

а҃п҃л҃скіи апостольскіи

бл҃г҃ѣ блага

бл҃ж҃енѣ блаженѣ

бл҃госл҃овенѣ благословенѣ

бл҃гѣ благодать

бл҃гобл҃гѣи бл҃гоблагодѣи

бл҃гѣ бога

бл҃гѣи богои

бл҃ж҃ѣ бл҃ж҃ѣ

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

бл҃ж҃ѣи бл҃ж҃ѣи

д҃хѣ д҃хѣ

д҃ховнии д҃ховнии

д҃ша д҃ша

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи

д҃ѣи

д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи

д҃ѣи д҃ѣи



мрѣ мѣдрѣ  
 мрость мѣдрость  
 мчнкѣ мѣченикѣ  
 мцѣ мѣсѣца  
 нсѣ насѣ  
 ншѣ нашѣ  
 нко неко  
 нбныи небесныи  
 некѣ небесѣхѣ  
 не, нла недѣла  
 ннѣ нынѣ  
 оцѣ отецѣ  
 оче отче  
 очь отецѣ  
 очестко отечестко  
 пренѣ прабеденѣ  
 пртеча прѣтеча  
 премрость премѣдрость  
 еподокенѣ  
 прескѣтѣ  
 олѣ  
 пррокѣ пророкѣ  
 ржтко рождѣстко

срце сердце  
 слака слака  
 смртѣ смѣртѣ  
 слнце солнце  
 сре среда  
 стрѣть страсть  
 трѣтѣ трѣскѣтѣ  
 трѣтое трѣскѣтое  
 Трѣца трѣнца  
 трѣченѣ трѣиченѣ  
 оучнкѣ оученикѣ  
 оучнческѣ оученическѣ  
 оучтѣль оучитѣль  
 Хѣ, Хртосѣ Хрѣстосѣ  
 Хртокѣ Хрѣстокѣ  
 Хртѣанинѣ Хрѣстѣанинѣ  
 црѣ царѣ  
 црица царица  
 цртко царство  
 цркѣи царскѣи  
 црковѣ цѣрковѣ  
 чѣть чѣсть  
 чѣтныи чѣстныи  
 члкѣ чѣлокѣекѣ  
 члкѣи чѣлокѣческѣи  
 чѣтѣ чистѣ  
 шчѣтити шчѣстити.

УТИТЕЛА

БИБЛИОТЕКА  
 Изд. Комм. Ин-та  
 Просвѣщенія

ЦИФРЫ.

1	К	20
2	КА	21
3	Л	30
4	М	40
5	Н	50
6	Ъ	60
7	О	70
8	П	80
9	Ч	90
10	Р	100
11	Г	200
12	Т	300
13	У	400
14	Ф	500
15	Х	600
16	Ψ	700
17	W	800
18	Ц	900
19	А	1000